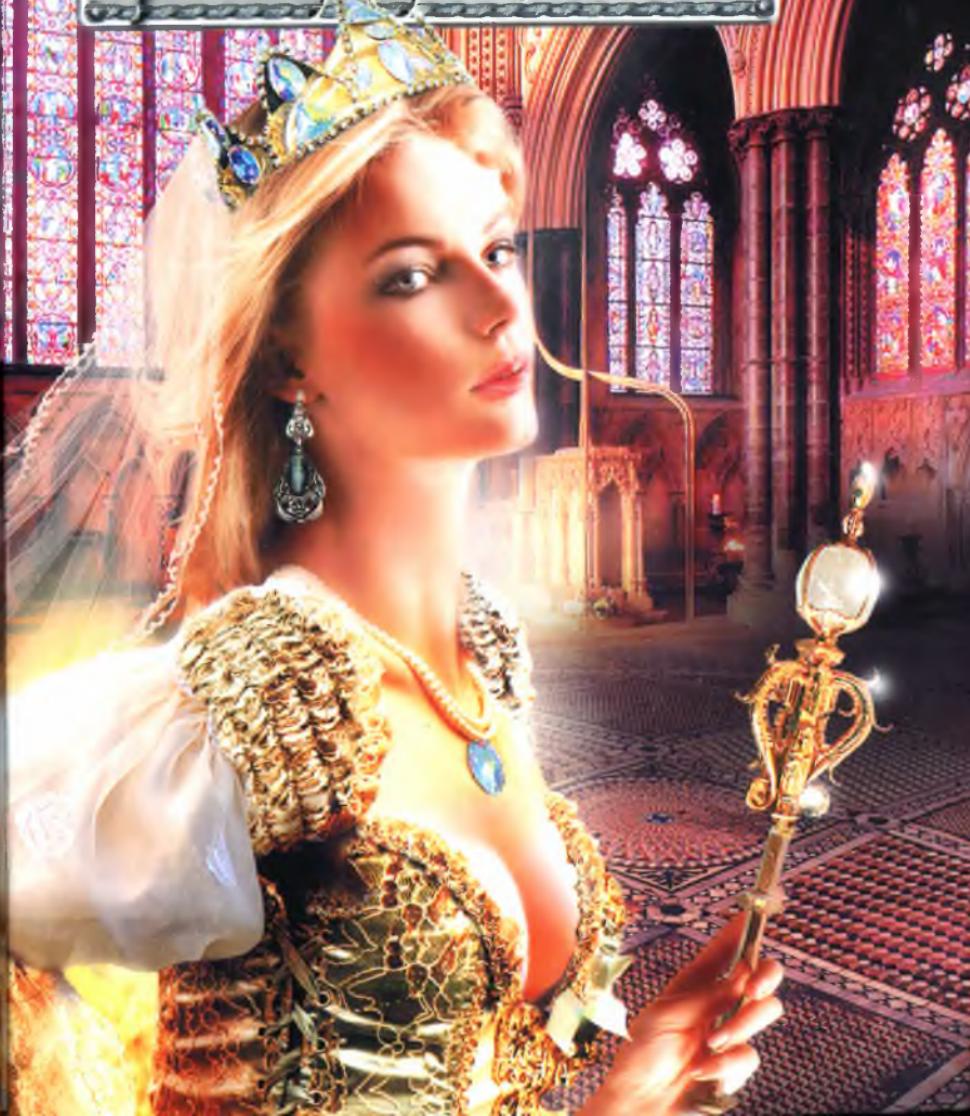

Гай Юлий Орловский

ФИЧ @ ДЛУ

Длинные Руки —
эриирини

**Баллады
о Ричарде
Длинные Руки**

Ригард Длинные Руки
Ригард Длинные Руки — воин Господа
Ригард Длинные Руки — наадин Господа
Ригард Длинные Руки — сензор
Ригард де Амальфи
Ригард Длинные Руки — властелин трех замков
Ригард Длинные Руки — виконт
Ригард Длинные Руки — барон
Ригард Длинные Руки — ярл
Ригард Длинные Руки — граф
Ригард Длинные Руки — бургграф
Ригард Длинные Руки — ландлорд
Ригард Длинные Руки — пфальцграф
Ригард Длинные Руки — оверлорд
Ригард Длинные Руки — коннетабль
Ригард Длинные Руки — маркиз
Ригард Длинные Руки — гроссграф
Ригард Длинные Руки — лорд-протектор
Ригард Длинные Руки — майордом
Ригард Длинные Руки — маркграф
Ригард Длинные Руки — шаумграф
Ригард Длинные Руки — фрейзграф
Ригард Длинные Руки — вильдграф
Ригард Длинные Руки — рауграф
Ригард Длинные Руки — конунг
Ригард Длинные Руки — герцог
Ригард Длинные Руки — эрцгерцог
Ригард Длинные Руки — фюрист
Ригард Длинные Руки — курфюрст
Ригард Длинные Руки — гроссфюрст
Ригард Длинные Руки — ландесфюрст
Ригард Длинные Руки — граф
Ригард Длинные Руки — князь
Ригард Длинные Руки — эрцфюрст
Ригард Длинные Руки — рейхсфюрст
Ригард Длинные Руки — принц
Ригард Длинные Руки — принц-консорт
Ригард Длинные Руки — вице-принц

Ригард Длинные Руки — Эрицирини

Баллады
о Ричарде Длинные Руки

Гай Юлий Орловский

ФицУолдс
Длинные Руки —
Эрикрик

ЭКСМО
Москва

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
О-66

Оформление серии *A. Старикова*

Серия основана в 2004 году

Орловский Г. Ю.

О-66 Ричард Длинные Руки — эрцпринц : фантастический роман / Гай Юлий Орловский. — М. : Эксмо, 2012. — 416 с. — (Баллады о Ричарде Длинные Руки).

ISBN 978-5-699-60682-5

Большому кораблю и плавать незачем, но... приходится. Сэр Ричард днем — паладин, а ночью — тайный маг, ведет на север ударную армию крестоносцев, воспламененных идеей спасения мира.

По пути выжигаются гнезда нечисти, нежити, истребляются враждебные культуры и даже ереси. Впрочем, само христианство, как известно, началось с малой секты еретиков.

Может быть, и сейчас... гм...

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-60682-5

© Орловский Г.Ю., 2012
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2012

Богу приличествует свобода, а не необходимость. Я предпочитаю, чтобы Он Сам захотел сотворить зло, нежели чтобы не мог сотворить.

*Тертуллиан (ок. 160 — после 220),
христианский богослов*

Часть первая

Глава 1

Трожно и тягуче ударили в набат, с колоколен первыми увидели приближающиеся войска противника. На стенах зашевелился народ, появились лорды, их издали отличишь по пышным султанам на гребнях шлемов и роскошным плащам, хотя в такой летний день они без надобности на улицах города. Хродульф держится со мной рядом, чтобы создать у остальных впечатление, что он здесь первый после принца.

— Это будет, — сказал он довольно, — третий отбитый приступ!

— Еще не отбили, — предостерег я.

— Отобъем, — заявил он. — Каждый думает, что Бог на его стороне, но мы-то знаем!

— Только на Бога и уповаem, — пробормотал Леофриг. — Там прет такая тьма... Нас просто сметут, как муравьиную кучу.

— Отчаяние, — сказал я, — часто выигрывало сражения. Но, что делать, война будет повторяться и повторяться... Пока вопрос, начинать ее или нет, будет решаться не теми, кто умирает на полях битв.

Они смотрели на меня с выражением недоумения на честных лицах, только епископ Геллерий кивнул довольно, словно я могу думать и говорить только о церкви, постоянно выступающей за полное запрещение войн.

Хенгест пробормотал в сомнении:

— Может быть... выехать навстречу?

— Рассмотрели их хорошо?

— Норберт сообщил, — сказал он, — идет отряд из двенадцати тысяч легкой конницы. Набраны как вспомогательные войска. Всякий сброд, чернь. По большей части разбойники, которых Мунтвиг погнулся принять в войско.

— Хорошо, — сказал я, — но только следите, чтобы не появился противник посеръезнее.

Хенгест довольно улыбнулся всем лошадиным лицом.

— Если что, крикните со стен. Слишком далеко удаляться не буду.

Тroe лордов и даже епископ посмотрели вслед с неудовольствием. Хенгест за последние дни завоевал славы и уважения воинов больше, чем все остальные, что задевает остальных соперников на трон Варт Генца, а епископ все еще надеется, что Господь возьмет вот и прекратит смертоубийство. Иногда даже взрослые и мудрые люди бывают удивительно наивны.

Я коротко взглянул со стены во двор, как Хенгест выстраивает дружины, повернулся к лагерю противника. Они сделали уже три попытки штурма, но все слишком слабые, словно это не сам штурм, а прощупывание слабых мест. Хотя в начале ситуация была опасная, но епископ Геллерий в сопровождении местных священников обошел все стены и везде поставил защиту против нечисти и магии, и теперь всякий исчезник виден издали.

В окрестных селах конники Мунтвига начали забирать у крестьян оставшийся скот. Плохой знак, явно армия Мунтвига уже близко, это для нее начинают собирать отовсюду на прокорм. Впрочем, Норберт успел туда вовремя, мунтвиговцев побил всех, только двух захватил для допроса, скот вернул крестьянам и велел уводить их в лес, а то в городе уже нет места.

Пленники показали, что они для боев не обучены, у них вон и седла простые, и кони неподкованные. Им велели только разведать впереди и доносить, а когда основная армия приблизится, изымать у населения скот и гнать навстречу.

— Ваше высочество, — сказал Хродульф почти тельно, — вы останетесь в городе?

Я подумал, покачал головой.

— Знаете, дорогой друг, я имею обыкновение отлучаться незаметно даже для своих... Но в военное время это может оказаться плохую услугу.

— Ваше высочество?

Я понизил голос:

— Если вдруг пронесется слух, что принц Ричард покинул город, сами понимаете...

Он горестно вздохнул.

— Да, всегда найдется трус, что завопит: «Принц сбежал!», «Нас предали!».

— Я буду вблизи города, — пообещал я. — Меня могут видеть со стен, это воодушевит народ и прочую общественность больше. Да и сам я больше люблю нападать, чем защищаться.

Прошлой ночью Норберт ходил в поиск, а утром доложил, что противник совсем близко, передовые части всего в трех милях, а в милях семи-восьми от них движется основная масса армии

Я обошел город, как внизу по площадям, так и по стене, проверил, кто как готов, распорядился еще раз,

кому где стоять насмерть, а кому можно отойти, заманивая, чем можно защищаться, кроме мечей и присутствия духа, а если где сосед начнет слабеть, чтобы тут же помогли ему удержать позицию.

Горожане выказывают отваги больше, чем местные войска, чем их изрядно стыдят, с другой стороны — у них здесь жены и дети, и каждый мужчина предпочтет погибнуть с мечом в руке на пороге дома, чем позволит войти врагу и на его глазах схватить жену на поругание.

Внизу со скрипом распахнулись створки, первым из городских врат выехал Хенгест Еафор, огромный и могучий, весь в железе, широкий в плечах, как надстройка поверх городских ворот, за ним его отборные рыцари, с которыми он сроднился в боях.

От войска мунтвиговцев начали отделяться по одному всадники, выехали на середину между войсками.

Хродульф вскрикнул изумленно:

— Неужели вызывают на поединки?

— Нахалы? — спросил я.

— Еще какие! — вскрикнул он. — Уж я сейчас покажу богохульникам...

— Нет, — сказал я резко. — Я же стою?

Он огрызнулся сердито:

— Вам по рангу можно только с самим Мунтвигом, а для меня там почти каждый как раз вровень, даже мериться не нужно!

— Все равно, — отрезал я. — Военачальники должны военачальничать, а не!.. Я же вот?

Он засопел и отвернулся, вперив взгляд в передний ряд мунтвиговцев. Двенадцать тысяч всякого сброва, как доложил Норберт, однако командовать им поручено благородным рыцарям и наверняка умелым военачальникам.

То ли они чём-то провинились, потому посланы руководить сбродом, либо это знак особого доверия,

как признание, что только они могут обуздать эти дикие и не знающие дисциплины стаи и создать из них могучее боеспособное войско.

Сейчас именно они выехали вперед и остановились на середине между своим войском и дружиной Хенгеста у самых ворот.

Из дружины Хенгеста выдвинулись первыми два рыцаря, что справа и слева от него, затем выехал вперед он сам, спокойный и нарочито медлительный, а дальше начали выезжать герои, отличившиеся в предыдущих боях.

Сердце мое стучало и просилось в схватку, но я еще раз напомнил себе, что я, как демократ и либерал, должен трястись за свою шкуру, я вообще-то и трясусь все время, пока не захватит это дурацкое «...упоение в бою и бездны мрачной на краю», после которого долго приходишь в себя и френдируешь... френдируешь, нет, фрейдничашь насчет того, каковы же у нас инстинкты и павловские рефлексы, как легко они подталкивают в нужную сторону мой великолепный разум, прямо блистательный и гегелевски чистый, и заставляют альфасамцовить с ревом и налитыми кровью глазами.

Ближайший к воротам мунтвиговец прокричал звучно:

— Да будет воля Господа!.. Да развалю я этого нечестивца надвое, как нечисть, что рассеивается от Божьего света!

Рыцарь из дружины Хенгеста крикнул зло:

— Сам ты говно на палочке!.. И конь у тебя... и сам ты... Будешь у меня харей землю рыть, дурак неотесанный.

— С нами Бог! — воскликнул мунтвиговец патетически и, опустив забрало, пустил коня в красивый галоп.

— Бог с нами, — крикнул рыцарь Хенгеста, — а с вами дьявол рогатый, морда ты свиная...

Они сшиблись с мощным грохотом. Копья разлетелись вдребезги, кони заржали и поднялись на дыбы, колотя друг друга копытами и пытаясь укусить.

Мунтвиговец потерял стремя, но в их войске это, видимо, поражением не считается, молниеносно выхватил меч, наш рыцарь едва успел подставить под удар щит.

Прогремело так, словно десяток молотобойцев влупили по листам железа. Посреди щита образовалась вмятина, я затаил дыхание, зная, какой болью отзывался удар. И рыцарь в самом деле заставил коня попятиться, противник обрадованно наносил удар за ударом, хенгестовец принимал все так же на щит, но теперь в момент удара поворачивал, чтобы меч скользил, наконец пришел в себя и сам нанес два сильных удара, после чего схватка выравнялась.

Я поглядывал то на них, то на прочих, где уже сошлись один на один несколько человек. Быстрее всех справился сам Хенгест, чему я не удивился, помня о его чудовищной мози, а он тут же подал коня вперед и помахал топором, вызывая нового поединщика.

Выехали сразу несколько, с трудом решили, кому первому, рвались все, но бой и со вторым противником завершился так же быстро: после первых двух ударов Хенгест нанес сокрушительный удар по шлему противника. Тот просел, словно жестяное ведро под ударом бревна. Рыцарь молча рухнул на землю, и было видно, что уже не поднимется.

На Хенгеста с яростным криком бросился третий. Хенгест подставил под его меч щит, а сам ударил навстречу топором и почти перерубил посредине шлем. Кровь брызнула алыми фонтанами, рыцарь упал на конскую гриву, а Хенгест повернулся к мунтвиговцам и сделал приглашающий жест.

Я сжимал кулаки, желая победы Хенгесту уже не только потому, что он наш, но еще и как набирающий силу противовес Хродолофу, самому богатому, знатному и влиятельному магнату в Варт Генце.

Четвертый поединщик выехал осторожнее, некоторое время они обменивались ударами, всякий раз принимая их на щиты, но распаленный успехами Хенгест жаждал быстрой победы в надежде, что будут еще, он начал теснить противника, дважды ухитрился ударить щитом, а когда противник неосторожно сам опустил щит, потому что Хенгест сделал вид, что прицелился в бедро, грозный топор обрушился на шлем.

После этого череда побед Хенгеста прервалась, никто не захотел выходить на бой с таким чудовищным бойцом, все выискивали соперников послабее хотя бы с виду.

Схватка кипела все яростнее, уже вся верхушка хенгестовской дружины в бою, а из ворот начали появляться герои из отрядов Меревальда и Леофрига.

Они сходились с муントиговцами поодиночке, но иногда к победителю новый поединщик бросался в тот же миг, как только тот сбивал противника с ног, и бой продолжался и продолжался. Когда в конце концов в их лагере прозвучала труба, призывающая вернуться, это уже было признанием поражения. Все видели, что из двадцати четырех съехавшихся в единоборстве наши потеряли троих, а у муントиговцев с коней были сбиты двадцать два, а потом еще потерпели поражение восемнадцать человек, что становились на место побежденных.

Последний из покидавших поле повернулся и прокричал во весь голос:

— Хотя на этот раз дьявол вам и помог, но с Богом помощью мы одолеем вас, силы Тьмы!

Хенгест, что покидал поле последним, проревел почти добродушно:

— Иди-иди, мальчик. Только штанишки смени.

Солнце как нарочно задержалось над краем земли, чтобы полюбоваться на великолепное зрелище красочной схватки, но и оно в конце концов с неохотой ушло за края темной, как уголь, земли. Отряды разошлись, на поле выбежали оруженосцы и слуги, быстро унесли раненых, а также трупы, полностью убиравая напоминание о суровых мужских забавах.

На стенах города зажглись факелы, я все так же смотрел с ворот и чувствовал, как сердце сжимается от тревоги и предчувствия беды. Грозное зарево поднимается впереди, справа и слева. Горят деревни и малые города, горят жарко, дождей не было давно, оранжевые языки огня вздымаются высоко в темное небо, а клубов дыма не видно в черноте, само небо от пожаров стало неприятно розовым.

На стены высыпало множество горожан, лица у всех скорбные, у многих в силах родные и друзья, другие сами совсем недавно бежали оттуда, оставив дома и нажитое добро.

Я тоже смотрел на север с возрастающей тревогой. Там разгорается зловещее зарево, при виде которого сердце начинает биться чаще, но кровьстынет в жилах. Одно дело утренняя заря, нежно-алая, или даже вечерняя, когда небо картично и величественно багровеет, но сейчас это больше похоже на пролитую кровь, еще горячую, что поднимается по небосклону.

И этой крови все больше, уже целое море катится в нашу сторону.

— Всё, — сказал я властно, с лордами можно говорить только так, — насмотрелись. Через час все лорды ко мне, подумаем, что делать завтра.

— О том, что будет завтра, — обронил Меревальд, — видно со стены уже сегодня.

— Завтрашний день, — напомнил я, — ученик сегодняшнего. Всего хорошего, лорды!

Глава 2

Через час они собирались у меня, пришел и сэр Аварин Вопрошающий, хозяин здешней крепости, с сыном, бароном Тедриком, крепким и быстрым в движениях юношей. Он показался мне излишне напряженным, словно старательно сдерживает проявления метеоризма, но лицо человека достойного, сдержанного, держится и выглядит человеком воспитанным.

Если не удастся удержать город, то придется отступить в их просторный и прекрасно защищенный замок, потому они здесь по праву, как единственные местные рыцари среди городского люда.

Последним явился епископ Геллерий, с порога размашисто перекрестил нас, это чтоб не подходили поодиночке за благословением.

— Умрете или убьете, — сказал он, — будете в раю. Господь сказал: наша жизнь не страдание и не наслаждение, а дело, которое мы обязаны делать и честно довести его до конца.

В животе у Хенгеста бурчит и квакает с такой мощью, словно сто тысяч недовольных лягушек требуют у Господа даже не дождя, а хлябей небесных, жадательно на сорок дней и ночей, словно они уже расселись на Аракате.

— А поесть нам дадут? — осведомился он. — А то я не успел.

Лорд Леофриг сказал с неудовольствием:

— Мы еще не разобрались, что такое мудрое сказал Господь Бог, а вы уже хотите есть!

— Хороший ужин, — возразил Хенгест уверенно, — убеждает в нашей правоте!

— Мы отбили три штурма, — сказал Хродульф, — неужели Мунтвиг предпримет четвертый?

Я буркнул:

— Если три ошибки не принесли результата, нужно пробовать четвертую.

Он вскинул брови, пытаясь понять, что я сказал, но моя мудрость не всем доступна, к тому же Меревальд заговорил о возможных приступах и прервал его попытки понять высшую астральность.

Расстелив карту, я повел пальцем от места, где расположен наш Баббенбург, и до узкой долины, что тянется до самого Варт Генца и даже заходит в него на десяток миль.

— Мне кажется, — сказал я, — у них слишком велик соблазн впереди, чтобы надолго задерживаться здесь. Как мыслите?

Хенгест поморщился, что тут мыслить, воевать надо, зато Меревальд сразу же сказал с важностью:

— Вы правы, ваше высочество.

— Вы так думаете, — спросил я, — или просто хотите похлопать по плечу?

Он не уловил сарказма, ответил серьезно:

— Если увязнут тут с осадой, в Варт Генце могут успеть собрать войска и укрепить оборону замков и крепостей. Там остался Торстейнт, у него самое большое войско, и если бы он был благородного звания, а не просто разбогатевшим лавочником...

— Постойте, — сказал я, — я слышал, Торстейнт вообще-то закаленный воин. Он с дружиной совершил набеги на Скарлянды и Гиксию...

Все верховные лорды поморщились, вместо Меревальда с достоинством ответил Хродульф:

— Правда и то, что он разбогатевший лавочник, и то, что у него самая закаленная в боях дружина во всем королевстве. Так что он может собрать людей еще больше и остановить этого оверлорда на границах Варт Генца.

Меревальд сказал с поклоном:

— А для того чтобы захватить Варт Генц, понадобится больше, чем одна армия оверлорда Гайгера. Но мне кажется, что теперь он будет бросать войска на штурм, пока не ворвется в город. Во всяком случае, завтра все увидим.

— Пока не наступит завтра, — сказал Хродульф со вздохом, — не поймешь, как хорошо было сегодня. А если бросят на приступ всю армию?

— От этого сброва отобъемся, — уверенно прорычал Хенгест. — А вот когда подойдут тяжелые части...

— Устоим, — пообещал я.

Сэр Фаард Котингем, городской глава и одновременно глава местного ополчения, возразил:

— Против всей армии? Это невозможно!

Я поправил:

— Это почти невозможно.

Он посмотрел с недоверчивым недоумением, для простых людей разница между этими понятиями не видно, но почти все великие победы достаются тому, кто умеет видеть ничтожный шанс и воспользоваться им.

Лорды сгрудились у карты, рассматривали ее некоторое время, но, когда я положил поверх карту города, интерес к штабной работе повысился, только лорд Леофриг начал подремывать с раскрытым ртом, но иногда проглатывал муху, все-таки польза для нашего общества.

— А вот здесь, — сказал Хенгест со злым наслаждением, — если они войдут... мы их, сволочей, и на-

кроем, искромсаем так, что не останется куска крупнее, чем их ослиные уши...

Епископ тяжело вздохнул и сказал с укором:

— Зачем же так кровожадно? Господь, вообще, сказал: возлюбите врагов своих...

— Кто возлюбит врагов своих, — сказал я твердо и ясно, — тот предатель родины!

Он сконфузился и сказал торопливо:

— Да, конечно, но Господь сказал в ином смысле, духовном, нам непостижимом пока. Это же Господь, неисповедимы его дела, мысли, слова и замыслы.

Сэр Котингем приблизился ко мне и спросил:

— Ваше высочество, но если Баббенбург падет?

— У меня столько хлопот, — ответил я замученно, — что, если город падет, я смогу начать огорчаться не раньше чем через две недели. Но, как говорит наш досточтимый епископ Геллерий, не наше дело указывать Богу, как ему следует управлять этим миром!

— Ваше высочество?

— Город не падет, — ответил я уверенно. — Скорее всего.

Они рассматривали карту города, соприкасаясь головами, епископ сказал со вздохом:

— Если хотим наслаждаться миром, приходится сражаться.

— А победа зависит только от нашей доблести, — ответил я. — Так что, отец Геллерий, победа будет за нами, мы победим!

И хотя я сам не понял глубинной связи, но это прозвучало так, что доблестнее нас не было и не будет, что для нас весьма, и все повеселели, мужчинам нужно меньше, чем женщинам, но все же нужно.

Аварин Вопрошающий и его сын все смелее принимали участие в обсуждении вариантов защиты города, особенно в тех, когда мунтвиговцы все-таки ворвутся

в город, где и в каких местах можно организовать оборону, а когда вся эта чернь тут же ринется грабить богатые дома, выйти и ударить в спину, растоптать, вернуться к городской стене и заделать брешь...

Разошлись за полночь, но на рассвете я уже снова поднялся на верх стены, что над городскими вратами.

Казалось, это от пожаров небо начинает светлеть, утренняя заря слилась с заревом, наконец из самого пылающего ада поднялось солнце и, будто опасаясь обжечься, торопливо покарабкалось по выгнутой тверди небосвода.

На стене уже народ, словно всю ночь там провели, подходят все новые, а многие из тех, кто помоложе, взобрались на крыши высоких домов и колоколен.

Я слышал, как общий стон пронесся поверху:

— Идут!.. Идут... Идут, проклятые...

На горизонте показалась темная масса и захватила там всю землю от края и до края. Почудилось, сама ночь опустилась на землю и движется в направлении города, подминая своей тяжестью остальной мир. Потом стали различимы крохотные фигурки всадников, так плотно спрессованных в единую массу, словно с севера двигается в поисках добычи миллионноголовая колония гигантских муравьев, перед которыми все бежит в ужасе, а что не успевает спастись, от тех остаются только дочиста обглоданные кости.

Я наблюдал с надвратной башни, сюда доносится и тяжелый рокот, в котором можно различить топот копыт, и людские голоса, ржание, скрип телег, бряцанье металла и еще разные звуки, происхождения которых не определить, но и они наполняют душу первобытным ужасом.

Напрягая зрение, я рассмотрел на тяжелых подводах прибывающего обоза разборные части катапульт, подвижные балки из самого твердого дерева, а это

значит, еще десятки повозок отданы под зубчатые колеса из лучшей стали, а также множество рычагов, блоков, тросов и тросиков, которые предстоит собрать на массивных станинах уже на виду противника на стенах города.

Оставили их под надежной защитой, а когда прибыли мастера, тут же начали собирать как сами катапульты, так и громоздкие требушеты. Вроде бы удалось рассмотреть еще и великанские дуги гастрафаретов, но я не был уверен, что это именно они.

Вдали на холмах выросли цветные шатры, к ним подогнали повозки и перетащили довольно громоздкую мебель, а намного позже прибыли и сами военачальники с пышной свитой.

Зигфрид негромко напомнил, что здесь, на этой надвратной башне, скоро станет опасно. Над воротами еще и широкий каменный навес для лучников, тут же запас тяжелых камней, что обрушится на головы тех, кто начнет ломать ворота, потому нападающие сюда в первую очередь обрушат град стрел.

— Стрелы нас пугают меньше всего, — ответил я. — Ты небось рад, что я не лезу в схватки?

— Сердце поет, — признался он.

— А моя репутация воина?

— Вы ее уже утвердили, — заверил он. — Теперь попытайтесь утвердиться как полководец.

В лагере противника оживление, оттуда выехала группа военачальников, все с виду знатные рыцари. Вперед помчался всадник на легком коне и помахал белым флагом.

Ко мне поднялись верховные лорды Варт Генца. Хродульф сразу встрепенулся:

— Переговоры? Что они предложат?

— Выгодный контракт на закупку шерсти, — сказал Леофриг язвительно.

— Потребуют сдачи, — обронил Меревальд.

— Дадим! — сказал Хенгест браво. — Догоним и еще дадим!

Я молча повернулся и пошел вниз. У ворот несколько знатных горожан города вроде бы готовы выйти для переговоров, но я покачал головой.

— Когда говорит армия, музы молчат. Зайчик!

Мне бегом подвели арбогастра, я вскочил в седло. Ворота заскрипели, приоткрывая для меня выход. Я обернулся к Бобику.

— А ты, морда, жди!.. Я скоро.

Он вздохнул и сел толстой задницей на землю, в глазах такой укор, что я поспешил отвернуться, а Зайчик торопливо протиснулся наружу, и ворота тут же прикрыли.

Всадники остановились сразу за лагерем, лишь обозначив присутствие, а в сторону городских ворот шагом продолжал путь красивый саврасый конь с одиноким рыцарем в полных доспехах, но с обнаженной головой.

Арбогаст порывался понести вскачь, я придержал сперва, потом остановил на расстоянии двух полетов стрелы от городских стен. Всадник приближается все так же неспешно, суетливость в подобных делах недопустима, я видел, как он всматривается в меня с той же интенсивностью, как и я в него.

Ничего особенного, типичное лицо военачальника, их сразу отличаешь от остальных по выражению лица, возраст уже за средний, что нехорошо для нас, такие бывали в разных переделках, много видели и многое могут просчитать наперед.

Я ждал молча, он остановил коня в трех шагах и вскинул руку в приветствии.

— Командующий второй армией оверлорд Гайгер, — представился он, — выказывая уважение вашим попыткам отстоять город, явился лично, чтобы напомнить нехитрую истину.

— Вы остановитесь, — спросил я, — чтобы захватить город?

— Вы против? — осведомился он учтиво.

— Нет, — заверил я, — если это доставит вам удовольствие... Но почему бы вам не двинуться следом за командующим первой армией, благороднейшим графом Чарльзом Делстэйджем, что повел свои войска в глубь Бриттии и в направлении королевства Варт Генц?

— Граф Чарльз Делстэйдж, — проговорил он и посмотрел на меня странно, — в самом деле один из благороднейших лордов нашего святого воинства. Настолько чист и благороден, что и такие погрязшие в грехах люди, как я заметил в изумлении, смогли увидеть его благородство. Однако...

— Слушаю вас, оверлорд, — сказал я учтиво.

— Мы намерены взять этот город, — сообщил он, — как и другие города по дороге.

— Простите... почему?

Он ответил любезно:

— У всех, как вы понимаете, свои задачи. У графа Делстэйджа — пройти вперед как можно дальше, а у меня... гм... в общем, как вы должны понять, такой огромной армии, как у меня, сопротивляться бесполезно.

— История свободы, — напомнил я еще учтивее, — это история сопротивления.

— Вы навлечете на город великие несчастья, — сказал он предостерегающе.

— Несчастье, — ответил я ровно, — побеждается только сопротивлением.

Он внимательнее всмотрелся в мое лицо.

— Вы представляете городские власти или же... вы передовые части войск Ричарда?

— Это неважно, — ответил я небрежно. — Город устоит.

Он покачал головой.

— Сомневаюсь. Вы должны знать, что послушание гарантирует жизнь.

— Послушание, — согласился я, — и сопротивление — две добродетели гражданина. Послушание дает порядок, а сопротивление — свободу.

Он поморщился.

— Какая свобода у погрязших в грехе? Лишь свобода плоти, а мы несем свободу духа. Сдайте город, погибнет меньше людей.

— Но все-таки погибнут? — спросил я. — Почему? Ваши дикие орды будут убивать и насиловать?

Он поднял руку и торжественно перекрестился.

— Мы несем мир и Слово Божье погрязшим в грехе народам. Мы очищаем души, а кто упорствует Господу и поклоняется дьяволу, тот окончит дни на костре!

— Хороший вариант, — пробормотал я, — значит, вы рыцари Добра и Света, а мы — Зло и Тьма?.. Вы воины Господа, а мы — слуги дьявола?

Он повел плечами, но взгляд оставался ясным и твердым.

— Если и не прямые слуги, то еретики — точно. А Господь сказал, что таким он принес не мир, а меч! Мы призваны истребить ереси и возвеличить Слово Божье, а также дать надежду и защиту тем, кто даже в вашем распутном и развращенном мире остался верен Господу и его заповедям.

— Значит, — уточнил я, — если сдадим город, заполыхают костры?

— Ни один достойный человек не пострадает, — заверил он. — А если и пострадает по ошибке, его невинная душа попадет в рай!.. Зато ведьм, колдунов, развратников, мужеложцев и скотолюбцев ждет костер!

— Хорошая программа, — одобрил я несколько ошарашенно, — вообще-то мы никак не ожидали, что у вас она... такая радикальная. Честно говоря, вообще не ожидали, что у вас она вообще есть, если не считать базовые принципы демократии убивать и грабить. Скажу правду, до этой минуты и я полагал, что армия Мунтвига — лишь огромная шайка грабителей.

Он нахмурился, но проговорил с великим достоинством:

— Скоро и ваши королевства воспрянут под рукой святой церкви... после очищения их огнем веры и благочестия.

— Мне нужно будет сообщить эти новые данные совету города, — сказал я.

Он нахмурился сильнее, сказал резко:

— Хорошо. Я даю вам этот день. День, но не сутки! До наступления темноты вы должны дать ответ. До этого времени я воздержусь от приступа, потому что в боях первыми гибнут самые достойные, в то время как человеческая гниль спрячется в подвалах.

— Достойные слова! — воскликнул я.

Он коротко наклонил голову.

— До новой встречи!

Я коротко вздохнул, когда он повернулся коня и поехал к ожидающим его всадникам. В разговоре я старался не выражать сильнейшего изумления, а теперь еще прибавилась и штормовая тревога.

Меня ждали с нетерпением, все лорды уже внизу, там же епископ и несколько знатных горожан. Хродульф спросил первым еще издали:

— Что он сказал?

Я соскочил на землю, арбогастра тут же увели, Бобик посмотрел на меня с укором и побежал за ним.

— Ожидаемое, — ответил я невесело. — Предложил сдать город. Но не это важно.

— Ваше высочество? — спросил Хродульф.

— Вы будете смеяться, — сказал я, — а то и ржать, как кони лорда Хенгеста... но они считают себя силами Добра и Света, что несут Слово Божье в наш развращенный мир Юга.

Леофриг пробурчал в недоумении:

— Юга?.. А мы при чем?

Меревальд, что соображает быстрее всех, сказал ехидно:

— А ты и есть Юг. Самый настоящий! Для королевств Аганда, Сизия, Меция...

— Дурость, — сказал Леофриг.

Меревальд повернулся ко мне, темные как маслины глаза сумрачно блеснули.

— Ваше высочество, если я правильно понял, Мунтвиг идет не просто пограбить и позавоевывать, а вроде борца за идею?

— Увы.

— Это плохо, — сказал он серьезно.

Я сказал тяжело:

— Хуже не бывает. Будет не война, а кровавая бойня, как всегда, когда сталкиваются идеиные люди.

Епископ смотрел на меня невесело, но что-то в его взоре таилось. Я взял его под локоть и медленно повел от ворот в сторону центра города.

— Святой отец, — поинтересовался я кротко, — выходит, войско Мунтвига не из язычников, как мы полагали?

Он взглянул на меня искоса, из груди вырвался тяжелый вздох.

— Сэр Ричард, в некоторых случаях язычники предпочтительнее заблудших христиан.

— Святой отец?

— Они христиане, — ответил он нехотя. — Но они называют себя апостольской церковью. А в ней главой является король! Разве такое возможно?.. В нашей церкви глава — Иисус. Мы не подчинены ни королям, ни императорам, никаким другим земным правителям, облеченный властью!

Я пробормотал озадаченно:

— Это круто, святой отец, если в одном кулаке военная власть, административная, судебная и церковная... Такой человек может сделать все, что возжелает!

Он перекрестил меня и сказал важно:

— Сим победиши, сын мой!

— Чем? — спросил я в лоб.

Он чуть смутился, слова его были риторическими, красивые и освященные временем, там все такие округлые, потому запнулся, сказал с затруднением:

— Ну... твоим умением сражаться и побеждать... А также этой, как ее... ага, верой в Господа и справедливостью нашего дела.

— Ну да, — согласился я, — хотя Господь все-таки обычно на стороне больших армий и воинского мастерства.

— Сын мой, — сказал он с укором и вместе с тем предостерегающе.

— Не надо, ваше преосвященство, — ответил я почти тем же тоном, — я догадываюсь, где Иисус провел те двадцать лет, о которых хорошо известно Ватикану, но о которых так старательно молчат.

Он сделал вид, что не услышал, проговорил с зарождающимся праведным гневом:

— Если они христиане, то почему Ватикан давно не получает от них десятины? Это значит, дерзост-

но отвернулись от церкви. Ватикан посыпал к ним прелатов, но над ними поглумились, а затем изгнали!

— Недопустимо, — поддакнул я — Ни один человек не должен подвергаться глумлению...

— Тем более, — сказал он с нахимом, — служитель Господа!.. Я понимаю тебя, сын мой, ты хочешь полной справедливости, как и сказано в Священной Книге, но справедливость нужно восстанавливать постепенно. Сперва защитить от глумления священников, потом высших лордов, затем простых людей благородного сословия, а потом уже и чернь, ибо для Господа нашего нет ни королей, ни простолюдинов, а все его дети...

Я порывался было возразить, но когда он закончил, кивнул и сказал со вздохом:

— Да, святой отец, я хочу все и сразу! Господь не смотрит, кто барон, а кто землепашец, но разве мы выполняем не волю Господа Нашего?

— Его, — согласился он, — но Его волю лучше всего понимает наша святая Церковь, ибо Иисус сам основал ее и назначил святого Петра первым ее епископом и римским папой. Кому, как не Петру, лучше знать стремления и чаяния нашего Господа?

— Со времен Петра прошло много времени, — пробормотал я. — Остальные папы могут что-то истолковать не так.

Он грозно сверкнул очами и повысил голос:

— Папа непогрешим!

Я склонил голову.

— Да-да, папа прав, Мунтвига нужно остановить, а его ложную церковь как-то разрушить.

— Именно!

— Хотя я не представляю, — добавил я, — как это сделать, верующий человек не слышит доводов разу-

ма. Он будет цепляться за свою апостольскую церковь в любом случае.

Он вздохнул и перекрестил меня.

— Сын мой, когда достигнешь ее, а ты такой, убивай там всех. Господь сам разберется, кто сильно виноват, а кто чуть-чуть.

— Но невиновных нет?

Он вздохнул еще тяжелее.

— В этих проклятых войнах гибнет столько невиновных людей! Мы провинимся перед Господом, если самонадеянно начнем взвешивать степени вины заранее виноватых в апостольской церкви. Господь сам отделит зерно от плевел, а овец от козлищ и сделает это точнее, чем мы с вами.

— Понял, — сказал я. — Я рад, что рука церкви еще крепка, а воля неколебима.

Глава 3

В лагере армии оверлорда Гайгера суматоха так и не улеглась, но помимо бесполковой суэты, как я заметил, ремесленники весьма быстро и умело собирают требушеты. Начали с них, а завтра очередь дойдет и до катапульт.

— Похоже, — обронил я с неохотой, — этот Гайгер не самый тупой на свете. Сообразил, гад.

— Дураков не ставят командовать армиями, — сказал Меревальд и бросил косой взгляд в сторону Хенгеста, тот как раз ржет над солеными шуточками его свиты, хлопает по плечам как знатных, так и простых воинов, зарабатывая их любовь и преданность.

— А жаль, — сказал я. — Я бы поставил.

Он посмотрел с недоумением.

— Во главе своей?

— Шутите? — ответил я. — А вот Мунтвигу посоветовал бы самых отважных и неистовых продвигать в руководство во имя поддержки доблести. Безумству храбрых поем мы песню...

— Похоронную?

— А вы догадостный, сэр Меревальд!

День прошел в приготовлениях с обеих сторон, наконец я послал к оверлорду гонца с крайне вежливым отказом. Дескать, мнения отцов города разделились, но незначительным большинством голосов было решено город не сдавать.

В их лагере после моего ответа ничего не изменилось, так что, понятно, завтра с утра штурм, но теперь уже при поддержке тяжелых орудий, которых орудиями труда не назовешь.

Вечером снова стали заметнее зарева пожаров, что-то еще так долго горит или новое нашли, затем наступила ночь, и я с тревогой всматривался в костры в ночи, что начинаются чуть ли не от крепостных стен и уходят вдаль, вдаль, так что сливаются на горизонте в единую полосу огня.

В какие-то моменты мне чудилось, будто исполинский пожар охватил всю степь. Багровые языки пламени то и дело вырывают из жаркой полутьмы плящущих с топотом диких горцев, а остальные хлопают им, орут подбадривающие и постоянно прикладывают к горлышкам винных бурдюков.

Я вскинул руку и потрогал лук за спиной. До ближайшего костра, пожалуй, смогу добротить стрелу, пусть и ослабевшую, но не знаю, стоит ли. Пусть располагаются в уверенности, что им там ничего не грозит...

Только бы ничто не задержало Макса, взмолился я неизвестно кому. Господи, хоть ты и не существуешь, но так хочется, чтобы ты существовал!.. И хотя

с твоей высоты мы для тебя мельче, чем для нас красивые и черные муравьи, сцепившиеся в смертной битве на полное истребление, но все-таки я бы и муравьев остановил, чтоб не дрались, это нехорошо, Господи, ты это тоже как бы понимаешь, я уверен!

Двадцать тысяч в городе, считая и местных жителей, а к городу поступило даже не представляю сколько. Как докладывают разведчики Норберта, за Мунтвигом поднялись все племена, населяющие лесные чащи Ирама, пришли воины из степных союзов Пекланда, явились на зов горные кланы из королевства Эбберт...

Далеко в ночи бесконечной цепью загорелись огоньки. Их становилось все больше и больше, я присмотрелся и понял, что они медленно двигаются к стенам города.

Часть огоньков вдруг поднялись над степью и, быстро увеличиваясь в размерах и яркости, понеслись в нашу сторону. Пару мгновений я думал, что это стрелы с горящей паклей, однако они превратились в огненные шары.

Я запоздало понял, что ночь сыграла со мной злую шутку, исказив размеры и расстояние.

— В укрытия! — заорал я.

Люди едва успели сдвинуться с места, как первый шар ударился о каменные плиты двора. Вспыхнул огонь, рассыпая искры, а шар, подпрыгнув, покатился в сторону темных торговых лавок.

Зигфрид и еще двое из числа сменяющихся телохранителей пытались закрыть меня щитами, словно это может уберечь от брошенного требушетом камня.

— Залить водой! — крикнул я. — Быстро!

Еще три шара с тяжелым грохотом ударились в камни, я слышал, как недовольно вздрагивает крепостная стена. Последний шар угодил в башню, не

причинив ей вреда, покатился по земле, оставляя клочья горелой пакли.

— Гасить! — прокричал я. — Гасить быстро!.. Сейчас все прекратится!..

Катапульты обычно рассыпаются после трехчетырех выстрелов, потому после первых же двух им меняют ремни, а это долго, а после десяти вообще ломается все, даже станины.

Требушеты хоть и забрасывают камни дальше катапульт, но у них скорострельность не больше пяти камней в сутки, а самое главное — практически все эти камни лишь устрашают горожан, но не в состоянии ни пробить городские стены, ни сокрушить башни.

А для того чтобы убить пару зазевавшихся горожан, использовать требушеты, катапульты и баллисты слишком накладно. Насколько помню, из таких чаще бросали в осажденные города трупы павших коров или бочки с нечистотами в надежде вызвать заразные болезни.

Я услышал шаркающие шаги, словно человек несет тяжкую ношу. Уже по этому узнал епископа Геллерия, а он, приблизившись, сказал с тяжелым вздохом:

— И снова льется кровь... Хорошо, хоть светлое солнце не видит этот ужас. Иначе бы и оно содрогнулось...

Я возразил:

— Наоборот, святой отец! Многое, что ночью кажется ужасным, день делает просто смешным.

— Ночь придает блеск звездам и женщинам, — произнес он тягуче, — но ужасы войны оттеняет мрачными красками. Какое счастье, что солнце всходит утром, а не ночью!

— Это да, — согласился я. — Все имеет свой закат. Только ночь заканчивается рассветом.

Он вздохнул, сказал как бы про себя:

— Говорят, самые мудрые решения приходят ночью?

— Не искушайте, — предостерег я. — Мне сейчас такая хрень в голову лезет... Осталось только поверить, что это и есть мудрые, и нам вообще ангелы скажут «аллилуйя». Или не ангелы...

— Безумными, — сказал он строго, — могут быть приключения, но герой должен быть разумным! И правитель.

Я покачал головой и возразил горько:

— Бывает, ночью просыпаюсь, начинаю думать, как решить все проблемы, и говорю себе с надеждой: «Нужно сказать об этом принцу, он придумает!» А потом просыпаюсь и вспоминаю, что я и есть тот самый принц.

— Увы, ваше высочество, — сказал он, — чем ближе к вершине, тем меньше у вас спутников. И все чаще решать надо самому, даже посоветоваться не с кем... не так ли?

Мне почудился подтекст, но я все так же смотрел на далекий лагерь, откуда время от времени в нашу сторону летит обернутый в горящую мешковину камень, и ответил, не меняя тона:

— Вы правы, ваше преосвященство, вы правы...

Он чуть нахмурился, будто ждал вежливых возражений типа: ну что вы, ваше преосвященство, я всегда советуюсь с церковью и без ее одобрения даже в отхожее место не войду.

— Я еще похожу среди воинов, — сказал он, — укреплю их дух.

— А я побуду здесь, — сказал я. — Но постарайтесь поспать, ваше преосвященство. Утром наверняка будет приступ.

— Вам тоже поспать не мешает.

Он удалился, я выждал, когда никто меня не видит, отошел в густую тень башни, и там же, со стены, рухнул вниз, в падении превращаясь в птеродактиля.

Ночью даже я вижу хуже, чем днем, хотя остроту зрения не теряю, однако что-то там с колбочками и палочками в глазу, нет цветопередачи, к тому же мешают яркие огни костров, все остальное вокруг них тонет в сплошной тьме, всматриваться приходится до рези в глазах, голова начинает трещать адски.

Я прошел на большой высоте над лагерем, чудовищная картина, весь север двинулся на Юг и расположился здесь под городом. Это мы Юг, три ха-ха, армия просто несметная, только и надежды, что вооружены намного хуже нас, да и общего командования нет, зато их скрепляет не только жажда наживы, как я полагал раньше, но и, увы, вера в правоту своего дела, что для нас весьма даже осложняет войну.

Я ходил кругами на большой высоте, лишь один раз рискнул снизиться, каждое мгновение готовый увертываться от выстрелов из Костяных решеток или Небесных игл, но на такую мелочь никто не позарился, хотя меня и видели, не дракон, зато взвилась целая стая горгулий.

Я в ужасе развернулся и дал деру, эти каменные чудовища раздерут в мгновение ока. Некоторое время они гнались, но у меня скорость повыше, отстали и вернулись, я с облегчением перевел дух.

С горгулиями главное не дать себя окружить, они действуют удивительно слаженно, а вот так ни одна не догонит, какой бы ловкой и быстрой ни оказалась.

Проскочив над городом, я понесся на юг, сердце сжалось в тоске, везде пусто, наконец увидел, как по залитой лунным светом долине движется большое конное войско, почти армия, и сердце застучало чаще и радостнее.

Давай, Клемент, сказал я мысленно, торопясь, город к настоящему штурму не готов, это все-таки не крепость...

Приотстав на полсотни миль, идет второе войско, уже с обозом. Как я понимаю, Клемент в нетерпении послал вперед наиболее доблестных рыцарей, что прибудут первыми и скажут, что помошь уже близко.

Пешее войско Макса я не стал высматривать, вернулся в город, выбрал момент, когда луна подошла к облаку, и нырнул вниз в тот момент, когда сияющий диск ныряет в темноту, в этот миг все темнеет особенно сильно, а потом глаза быстро привыкают, но за это время я между тесными городскими складами превратился в человека и, выйдя на свет, пошел к ратуше.

За ночь в город забросили около сотни каменных ядер. Те проломили две крыши, остальные же падали на землю и раскатывались во все стороны, стукаясь о дома и сараи.

Утром с городской стены было видно, что командующий армией оверлорд Гайгер после неудачного штурма приступил к настоящей полномасштабной осаде.

Для начала он перерезал все пути и дороги к городу, на реке выставил охрану, велев топить любой корабль, который не подойдет по их приказу к берегу.

Перекрыли даже дорогу на болото, куда горожане иногда ходили собирать ягоды. Причем все это время оверлорд бросал отряды на приступ, хотя уже и без прежней ярости, и я понимал, что он решил просто взять измором, намеревается держать осажденных в постоянном напряжении, не давая сомкнуть веки, желая изнурить настолько, что, когда пойдут на оче-

редной приступ, здесь будут лежать вповалку и мало кто поднимется, чтобы сражаться.

По сигналу трубы из лагеря на стены полезли со всех сторон, одновременно требушеты начали снова забрасывать глыбы в город, а две катапульты подошли ближе и начали бросать камни в городские ворота. Как и водится, те летят чаще мимо, прицельности никакой, но иногда камень все же попадал в тяжелые створки, и те отзывались сердитым гудением.

Лучники перенесли огонь на обнаглевшие катапульты, вскоре так утыкали их стрелами, что те стали похожи на кабанов со вздыбленной шерстью. Их обслуга сменилась несколько раз, пока уже никого ни бранью, ни угрозами не удавалось заставить занять места погибших.

За это время в лагере подготовили чудовищный таран, огромное сооружение с амбар размером на множество колес. Из передней части высовывается окованый медью торец бревна. Сопровождают его крепкие воины, мало того, что в добротных доспехах, но еще и с огромными щитами, закрывающими от лучников и даже арбалетных стрел.

Хродульф суетится на воротах, я слышал его командный вопль:

— Как только приблизится — залить горячей смолой!

Кто-то крикнул:

— Ваша милость, чаны уже пусты!

— Так растопите смолу снова! — крикнул он, но в голосе прозвучала безнадежность: не успеют...

Таран приблизился и начал долбить ворота. Створки трещали, но пока держались, широкие полосы металла надежно скрепляют толстые доски, и даже те доски, что лопнули под ударами бревна, не выпали на землю.

Сверху сбрасывают камни, а также требушетные ядра. Горожане сами швыряли их вниз и орали лютно:

- Возвращаем!..
- Как вы нам, так и мы вам!
- Получите!

Крышу этого проклятого тарана проломили раньше, чем он выбил ворота. Вокруг подвешенного на ремнях бревна началась суматоха, камни с ворот калечат теперь прицельно. Бревно начало раскачиваться слабее, но и ворота трещат, а одну из створок не удержали петли в стене, она грохнулась во двор, и тут же с радостным победным ревом в пролом хлынули мунтвиговцы.

На стене над воротами раздался вопль ярости и отчаяния, лучники и арбалетчики удвоили стрельбу, мунтвиговцы ринулись по ступенькам на стену, но дорогу заступили воины с мечами, и завязался отчаянный бой, исход которого ясен, но ожесточение схватки только усилилось.

Мунтвиговцы стремились в город, растекались ручьями по улицам. Кто-то сразу начал врываться в дома для грабежа, другие спешили в центр, там не дома, а дворцы, однако навстречу ударили отряды Сколондра и Энглефильда, которым я велел стеречь перекрестки и улицы, что ведут на площадь. Бои закипели яростные, с обеих сторон дрались отчаянно, и хотя в пролом постоянно врываются новые отряды, мунтвиговцы продвигаются с великим трудом, устилая улицы трупами, потому что в них стреляют и бросают камни со всех крыш помимо того, что их убивают и защищающие город отряды.

Арбалетчики хладнокровно расстреливают командиров мунтвиговских отрядов, те, как правило, в металлических доспехах, но арбалетные болты пробивают насеквоздь тела в сыродутном железе, и нападавшие

без руководства обычно теряются на какое-то время, обычно для них роковое.

Мунтвиговцы с яростными воплями вливались не-скончаемой чередой через сорванные ворота, в них летели стрелы и камни со стен, крыш, колоколен, но нападавшие, оставляя убитых и раненых, стремились прорваться в центр и овладеть им, что значит захватить город.

Я с большим отрядом атаковал противника у самых ворот, стремясь заткнуть брешь, Хродульф и Меревальд со своими людьми защищали свою часть города, и Хенгест сумел опрокинуть врага в центральной части, истребил и потом прорвался к нам.

Трижды удавалось заткнуть брешь на месте ворот телами нападавших, но мунтвиговцы, озверев, карабкались через гору трупов и скатывались на нашу сторону.

Хенгест, весь залитый кровью, как мясник на бойне, прокричал:

— Стены держатся!.. Леофриг дал половину своих людей!

— Где они?

— Со мной!

— Слава Господу, — сказал я.

Атаки шли одна за другой, яростные и неистовые, но защита становилась все крепче, уже и осторожный Меревальд прислал сюда половину своей дружины, сообщив, что с оставшимися удержит северную стену.

Горожане дерутся наравне с воинами, мунтвиговцев постепенно вытеснили, а те шайки, что разбрелись по городу в поисках добычи, изловили и перебили самым ужасающим образом: вспарывали животы и вытаскивали кишку, перебивали руки и ноги палицами, оставляя посреди улицы. Двух вообще привяза-

ли к коням и погнали тех в разные стороны, и животные, разорвав несчастных, поволокли брызжущие кровью половинки.

Постепенно атаки начали слабеть, последняя волна нападающих была совсем жидкой, их даже не перебили, а отбросили, те тут же бросились бежать.

Я заорал:

— Всем немедленно заложить ворота!.. Чем угодно!.. Ташите камни, мешки с песком, землю носите хоть в пригоршнях, но чтоб закрыть как можно скорее!

Зигфрид проговорил с трудом:

— Сэр Ричард... умоляю... Отдых...

— В раю отдохнем, — ответил я и потрогал его лоб. — Ого, у тебя жар!

Он вздохнул, чувствуя, как в его измученное и в который уже раз покрытое ранами тело вливается живительная сила паладина, а я быстро подлечил раны в первую очередь остальных телохранителей и пошел осматривать слабые места обороны.

Глава 4

Солнце опустилось за край земли, а в лагере мунтвиговцев наконец-то протрубыли отбой непрерывным атакам. Хенгест тяжело поднялся на стену, уже без шлема, хоть и в полных доспехах, лицо мрачное, но удовлетворенное.

— Мы отбились, — прорычал он с нажимом, — мы показали... Правда, с утра начнется снова.

— Только бы не ночью, — сказал я. — У них людей хватит, а нашим нужно перевести дух.

— Ночью снова будут бросать ядра, — предположил он. — У него четыре требушета!

— Наверное, будут, — согласился я. — Хотя уже понятно, что толку от требушетов сейчас немного, однако наш оверлорд использует все, что у него есть.

— Тогда я посплю, — сказал он. — Сеча была... эх, будет о чем рассказывать!.. Весь город завален их трупами! Надо же, они пробили ворота и ворвались в город, а мы сумели их вышибить! Такого еще не было...

В эту ночь я в нетерпении, едва дождавшись, когда луна скроется в облаках, взвился в темное беззвездное небо и снова полетел на юг, хотя за сутки мало что изменится, но все же. Лететь пришлось недолго, в черноте ночи внизу простила огненная змея, с большой высоты выглядит неподвижной, но когда начал снижаться, рассмотрел, что она медленно ползет на север, как река огненной лавы.

Сердце мое застучало чаще, преисполненное благодарностью и нежностью. Клемент Фитцджеральд настолько спешит мне на помощь, что ведет конницу при свете факелов даже ночью.

Он не знает, но будто чувствует, что мы в трудной ситуации, хотя должен догадываться, уже зная мой характер и мои привычки, от которых не отступаю.

С большим отрывом от конницы еще медленнее ползет масса светлячков, что может быть только пешими войсками Макса. Макс верит в меня беззаветно, не может даже допустить мысли, что мне с остальными защитниками приходится туго, а спешит потому, что нужно раньше Мунтвига занять замки и крепости, о которые расшибут лбы наступающие войска.

Вернувшись, я прикинул масштаб и соотношение потерь, стараясь сообразить, как будет дальше, и экспонировать развитие событий в будущее.

Немалая часть мунтвиговцев полегла от стрел из дальнобойных луков, а в моей армии лучники все до

единого вооружены только композитными, стрелы и сами тяжелее, и бьют в полтора раза дальше. И даже когда приступы прекратились, воины противника продолжали располагаться за пределами выстрела из лука, как они полагали, но наши стрелки, выждав, когда их накопится побольше, давали дружный залп, а затем еще и еще.

Утром атака возобновилась, причем одновременно со всех сторон, разве что та часть города, где стена вырастает прямо из речной воды, осталась без нападающих, но и там воины Хреймдара внимательно следят за теми отрядами, что подходят угрожающе близко.

Завал, что мы устроили в воротах, — помеха для скачущей конницы, но пешие легко взбирались на гору земли и съезжали по круче вниз, где их уже ждут подставленные пики. Однако их гибнет сотня за сотней, и вал трупов все ширится, заставляя защитников пятиться, чтобы драться не скользя в ручьях липкой крови.

В какой-то момент с южной стороны города доносился многоголосый крик, там взвились клубы черного дыма, взметнулось оранжевое пламя.

Хенгест прислушался, прокричал яростно:

— Они прорвались и с той стороны!

Я крикнул:

— Бери всех своих людей!.. Не дай им прорваться в ратушу!

Он повернулся и убежал, тяжелый, как носорог, а в доспехах так и вовсе как оживший таран, покрытый стальными плитами.

Мы с оставшимися людьми все еще держали оборону против ворот, постепенно отступая, но часть мунтвиговцев перебиралась через защитный вал и разбегалась вдоль стен, чтобы пойти к центру и городской ратуше.

— Медленно отходим! — крикнул я. — Отступаем в боевом порядке!..

Мунтвиговцы сами ослабили натиск. Видя, что мы отходим, лишь самые яростные бросались на стальную стену щитов, то ли вспоминают обиды, то ли мечтают отомстить за погибших друзей, но они тут же гибли и сами, а мы отходили, пока за спиной не оказалась твердыня старого замка.

Я с двумя десятками воинов, не считая Зигфрида с его людьми, охранял ворота, пока наш отряд втягивался в замок, а когда собирались закрыть, вдали показался бегущий в нашу сторону Хенгест, за ним его отряд, увы, сильно поредевший.

— Мы там перебили всех! — прокричал он.

— А мы нет, — сказал я. — Быстро в замок!..

Он подошел и остановился рядом.

— Нет, пока все мои не войдут...

Мунтвиговцы, завида охраняющих вход двух таких гигантов, о которых уже идет у них в лагере недобрая слава, предусмотрительно остановились, и последние из воинов Хенгеста вошли в ворота, поддерживая раненых.

Мы вбежали последними и быстро захлопнули ворота. Хенгест поднял толстое бревно, служащее засовом, и вложил в петли.

— Да знаю-знаю, — сказал он, — у вас противников было больше!

— А я и не оправдываюсь, — буркнул я. — А вот тут мы на виду, можем блеснуть воинской доблестью.

В двери с силой ударили, но явно еще не настоящим тараном, а так, подобрали одно из бревен или подтащили большой камень.

— Померяемся, — прорычал он воинственно, — хотя это будет и недолго.

— Надо держаться, — ответил я.

— Запереться? — изумился он. — Не лучше ли выйти навстречу и в красивой сече принять бой, выказав беспримерную доблесть, чтобы и враги пели о сражении и рассказывали внукам...

— Нет, — прервал я. — Нет. И дело не в трусости, не надо так это щуриться!

Он спросил нагло:

— А в чем?

— Уже близко армия герцога Клемента, — объяснил я. — Нужно дождаться! Только дождаться! Ситуация сразу переменится.

Он сказал скептически:

— А сколько у него людей?

— Меньше, — признал я, — чем этих... но у него настоящая армия, а не этот сброд. К тому же за ним идет...

— Что, — спросил он, — еще одна настоящая?

— Даже больше, чем настоящая, — сказал я. — Скоро все увидите.

— Увидим, — проворчал он, — только пусть по-торопятся.

Ворота замка выбили после яростных атак к концу дня. Солнце опустилось за горизонт, на небе полыхает такое зарево, словно вся пролитая кровь выплеснулась на хрустальную твердь и горит там, взывая к мщению, а во дворе завязалась жестокая схватка.

Я велел всем отступить в здания, их пять, теперь превращенные в склады, а еще четыре башни с винтовыми ступеньками, где даже один может удерживать целую армию. Мунтвиговцы сперва бросились штурмовать последнюю твердыню яростно, но их в залах и холлах положили столько, что остальные отступили в страхе и растерянности: что за люди, что дерутся

так отчаянно в ситуации, когда давно нужно признать поражение?

Хенгест сражался рядом со мной и Зигфридом, а когда прозвучал сигнал отбоя, он пошатнулся и даже не смог поднять руку, чтобы утереть пот и кровь со лба.

— Передышка, — прохрипел он, — до утра...

— Это же замечательно, — сказал я с энтузиазмом.

— Ага, — ответил он с тяжелым сарказмом. — Целых пять часов жизни...

— Наберитесь сил, — посоветовал я, — чтобы отдать ее с достоинством! И вбить в землю по ноздри как можно больше противников. Чтобы в их семьях были плач и зубовный скрежет.

Хродульф и Меревальд пересчитали отступивших в замок — оказалось, мы потеряли половину состава. Если нас было около пяти тысяч, то сейчас не больше двух с половиной, причем треть ранены. Священники и лекари обходят их, кого-то поднимают на ноги, кому-то дают причащение, а я подлечил высшую знать, все так же группирующихся вокруг своих лордов, и уже ощущал себя выжатым, как мокрая тряпка.

Я рассчитывал, что, загнав нас в ратушу, где размещаемся с трудом, оверлорд сочтет, что задача выполнена, жрать нам нечего, либо умрем, либо сдадимся, либо сами выйдем, чтобы погибнуть красиво и с честью, однако он с каким-то маниакальным упорством вёлел прокричать нам, что на рассвете начнет последний штурм.

Фанатик, сказал я себе с отвращением, религиозный фанатик! С такими вообще невозможно иметь дело. У них нет никакой логики, руководствуются не разумом, а своими представлениями о справедливости, потому такие очень часто побеждают там, где пасут опытные военачальники.

— Всем спать, — велел я.
 — Ваше высочество?
 — Я побуду на страже, — ответил я. — Не волнуйтесь, мимо меня ничто не проскользнет незамеченным.

С утра начался ожесточенный штурм. Мы завалили трупами противника весь внутренний двор так, что не осталось ни клочка свободного места, куда конь мог бы поставить копыто, затем мы дрались в здании зло и упорно, и наконец-то я услышал с высокой башни дикий крик:

— Они идут!.. Они идут!

Но лязг мечей, звон доспехов не позволили расслышать, что там выкрикивают еще, мы дрались остервенело и обреченно, однако натиск мунтвиговцев не то чтобы ослабел, но вместо павших под нашими мечами становилось все меньше бойцов противника, наконец в узком коридоре стало совсем пусто.

Внизу со двора раздавались крики, конский топот, звон оружия. Я бросился к бойнице, сквозь узкую щель увидел, как из узких улоочек на площадь врывается рыцарская конница на огромных конях, а следом за ними легкие конники Норберта со своим вожаком во главе.

Мунтвиговцы пытаются организовать оборону, но падают, как пшеница под острым серпом.

Отсюда видно поверх крыш домов, как в выбитые ворота вливается желеблещущая рыцарская конница, доносятся слова боевой песни «Восток алеет, солнце встает...» и звуки боевых труб.

Хенгест, весь забрызганный кровью, задыхающийся от усталости, прохрипел:

— Неужели... подмога?.. Откуда?

— Армия сэра Клемента, — сказал я счастливо. — Я ж говорил! Он пришел на сутки раньше, чем я расчитывал... Мы спасены! А завтра-послезавтра притопает и самая лучшая в мире пехота. Мы выстояли, дорогой друг! А теперь...

Я сбежал вниз, а когда выскоцил из замка, на площадь ворвалась могучая рыцарская конница на крупных тяжелых конях. Земля загудела под их тяжестью, знамена и баннеры турнедские, а вот это странно...

Во главе скакет высокий и вообще просто чудовищно огромный рыцарь, за плечами красиво развевается белый плащ с огромным красным крестом, такой же крест на груди и даже на шлеме, хоть и поменьше.

Он соскочил на землю, сделал два быстрых шага мне навстречу и преклонил колено с таким рвением, что потревоженная толчком земля недовольно вздрогнула.

— Ваше высочество!

— Сэр, — сказал я в изумлении, — дайте на вас взглянуть!

Он спохватился и обеими руками поднял забрало. На меня взглянули беспощадно голубые глаза Зигмунда Лихтенштейна, мятежного барона, чьи земли стали камнем преткновения между Турнедо и Варт Генцем.

— Встаньте, барон, — сказал я, — и дайте вас обнять. Скажу без преувеличения, ваше неожиданное появление спасло много жизней наших доблестных воинов и цвет рыцарства Варт Генца. Я этого не забуду, и никто не забудет!

Он счастливо улыбался, в самом деле успел вовремя, а я покосился на его людей, пятеро из них выделяются таким же гигантским ростом, шириной плеч и вообще размерами.

— Ваши братья?

— Позвольте представить? — спросил он.

— Приказываю!

Он повернулся к ним и сделал приглашающий жест, что вообще-то равносильно приказу.

Рыцари дружной группой подошли и разом преклонили колена. Я с изумлением увидел среди них герцога Сулливана, того гада, что сумел одолеть меня в честном поединке на глазах всего войска и тем самым добиться независимости своих владений.

Зигмунд подошел к нему первым.

— Ваше высочество, — сказал он торжественно, — позвольте представить герцога Сулливана, ставшего в трудные для моих земель годы моим названным братом!.. Он является непревзойденным...

Я прервал:

— Простите друг, но герцог не нуждается в представлении. Свое непревзойденное мастерство он доказал на глазах всего моего войска, когда одолел меня в поединке. И я рад, что он с нами. Встаньте, сэр Суллиган. И... благодарю вас.

Суллиган взглянул пытливо, всерьез ли я, но явно был польщен, что я при всех упомянул о его победе надо мной, во всем моем войске второго такого нет, его запомнят.

Зигфрид тут же сказал:

— А это мой брат Кристиан, моя верная опора во всех хозяйственных делах, но и в ратных не уступает никому.

Я поднял с колен и обнял Кристиана, а затем Коллина, Ховарда и Гордона, самого младшего по возрасту, как сообщил Зигмунд, но первого по доблести.

Гордону, как я понял, не больше семнадцати, весь горит восторгом битвы и жаждой подвигов, так что да, в этом возрасте пока не до скучных хозяйственных дел.

Я милостиво похлопал его по плечу.

— Подвигов впереди — пруд пруди! Но приказываю всегда держаться с братьями, самому ни-ни!.. А братья пусть за тобой присматривают.

Как только их увели кормить и показывать места отдыха, за спиной громыхнуло железо, на меня упала грозная тень человека в доспехах и в шлеме.

Суллиган приблизился с некоторым напряжением в движениях, не понял еще, как следует держаться со мной, взглянул мне прямо в глаза, сдержаный и суровый.

Я произнес вопросительно:

— Герцог?

Он поклонился чуть-чуть.

— Ваше высочество...

— Что вы хотели сказать, — поинтересовался я, — но не стали, чтобы не портить радость и торжественность момента?

Он произнес мрачно:

— Ваше высочество, я по-прежнему не признаю вас сузереном королевства Сен-Мари. Его Величество Кейдан — законный король.

Мои лорды, что не отходят от меня ни на шаг, нахмурились, кое-кто начал демонстративно вытаскивать меч на треть из ножен и со стуком бросать обратно, а Суллиган договорил так же твердо и уверенно:

— ...однако здесь я властелин поместья в королевстве Турнедо, где вы являетесь сузереном. Я признаю вас командующим всеми армиями, что выступили против орд Севера, и единственным, кто может объединить королевства и дать Мунтвигу отпор.

Епископ Геллерий кивал и выразительно указывал мне взглядом, что это надо принять, сейчас не до выяснения отношений и сведения счетов.

Я нахмурился и ответил резко:

— Мне нет дела до ваших монархических взглядов, роялисты вы наш!.. Мне нужно, чтобы вы хорошо сражались, а большого я и не требую.

Сулливан поклонился.

— В этом случае я полностью в вашем распоряжении. Приказывайте, ваше высочество!

— Отдыхайте, — буркнул я. — Завтра тяжелый день.

Он еще раз поклонился и ушел, полный достоинства и некоего величия, словно Люцифер после дебатов с Господом.

Норберт подошел и встал молча рядом, а потом проронил задумчиво:

— Интересно...

— Что? — спросил я с подозрением.

— Услышу ли я когда-нибудь, — закончил он, — от вас что-то типа «завтра будет легкий день»?

— Он будет, — пообещал я недовольно, — однако все равно так не скажу! Не дождется.

Глава 5

Закрыв горловину, через которую в город ворвались первые отряды мунтвиговцев, прибывшие помогли местным быстро очистить улицы и площади от попавших в западню. Те пытались затеряться между домов, но горожане усердствовали, вымешая на них страх и злобу.

Я видел, как в разных частях города вспыхивают короткие, но яростные схватки, оттуда доносятся крики и лязг оружия, а когда все затихает, на улицах остаются растерзанные тела.

В замке быстро поставили новые петли и заново навесили ворота, а за это время, как догадываюсь,

оверлорд Гайгер наконец-то получил проверенные доносы, что в спину захватившим город ударило со всем крохотное войско, хоть и все из могучих и прекрасно вооруженных рыцарей.

Это было видно еще и по тому, что немедленно погнал было отряды на новый штурм, нужно заново отбивать захваченный было Баббенбург, однако на небе полыхает красное зарево, солнце зашло, и на мир опускается недобрая тьма...

Я слышал, как в лагере протрубыли отбой, и отряды с явным облегчением начали возвращаться обратно.

Норберт докладывал о расположении войск противника, ночью вряд ли начнут штурм, хотя разъярены такой неудачей в самом конце, когда оставалось вроде бы только дожать, однако к утру нужно быть готовыми.

Зигмунд, отправив братьев устраиваться на ночь, оставался при мне, стараясь понять наши шансы.

Норберт сказал ему бодро:

— Вы успели вовремя, сэр Лихтенштайн.

— Надеюсь, сэр.

— Теперь будет легче, — сказал Норберт. — Из Турнедо идет большая армия герцога Клемента Фицджеральда, вы его видели.

— Хорошая новость, — ответил Зигмунд, но на лице его не отразилось особой радости, словно и без Клемента справились бы.

— За Клементом подойдут еще, — добавил Норберт.

Зигфрид выслушал с интересом, но покачал головой и повернулся ко мне.

— Я ничего об этом не знал, — произнес он почтительно. — Ваше высочество, я успел раньше потому, что мои земли, как вы помните, на границе Тур-

недо с Варт Генцем. Ваш Клемент должен был пройти мимо моих владений через неделю после того, как я поспешил в Бриттию.

— Он придет раньше, — заверил я, — чем через неделю.

— Каким образом?

— Он ведет только армию, — пояснил я. — Без обоза. И что нам здесь нелегко... знает. Или просто понимает.

— Прекрасно, — сказал он с энтузиазмом. — Тогда и дадим бой! Я помню сэра Фицджеральда, знатный воин!.. Он уже герцог?

— Со мной люди растут быстро, — обронил я скромно.

Он взглянул на меня с интересом, тяжелое крупное лицо расплылось в сдержанной усмешке.

— Как и вы, ваше высочество.

— Для чего мы и живем, — ответил я высоко-парно, — если не стараемся доставить радость друг другу?

Он поклонился.

— Ваше высочество, мы будем стараться доставить вам радость нашим верным служением вам.

— Рассчитываю на вас, сэр Лихтенштейн, — ответил я. — Служите верно, и родина в моем лице вас не забудет.

Он откланялся, понимая, что долго занимать пустячной беседой всегда занятого лорда неприлично и даже непристойно, а я смотрел ему в широченную спину и напряженно думал о его землях, спор из-за которых весьма осложняет отношения Турнедо и Варт Генца.

Еще один лишний камушек на чашу весов, сказал я себе мрачно, чтобы понятия «Турнедо» и «Варт Генц» стали только географическими.

Со стен города видно, как и при свете костров на стороне мунтвиговцев наблюдается вялое и очень разочарованное шевеление. К главному шатру то и дело подъезжают военачальники, а между городом и лагерем теперь расположились, как понимаю, наиболее боеспособные и стойкие отряды.

Катапульты пока молчат, до требушетов Зигмунд и его люди добраться не сумели, да не было такой задачи, потому первые камни в сторону города полетели, как только оверлорд Гайгер получил исчерпывающие сводки о положении дел.

Норберт поднялся ко мне на стену и сразу сказал раздраженно:

— Хоть толку от них и никакого, но раздражают! В следующий раз доберусь...

— Думаю, — ответил я, — требушеты охраняют не меньше, чем самого оверлорда. И священники, мимо которых ни один незримник не пройдет.

Он повторил:

— Раздражают...

— Подойдет Клемент, — сказал я, — тогда и посмотрим, что можно сделать. Шли бы вы спать, дорогой друг!

Он покосился на молчаливого Зигфрида, что старается не привлекать внимания, чтобы я не отправил его сторожить мои покой.

— А вы?

— Пойду поговорю с епископом, — сообщил я. — Он тоже не спит ночами. Как и днем.

Он понимающе кивнул, епископ Геллерий, к нашему удивлению, оказался намного сильнее и полезнее, чем мы ожидали. Уже стало известно, что он рассмотрел пробирающуюся через спящих у стены воинов некую тень и что-то отбирал у них незримое, а спустя некоторое время по его молитве с одного из воинов

спала личина, и все увидели безобразное чудовище, а оно, едва поняло, что разоблачено, с ревом бросилось на людей, успело двух покалечить, пока его не изрубили. Всю ночь он облезжал воинский лагерь, хоть и не на коне, а на мule, как положено священнослужителю, бодрый и с прямой спиной, посвежевший на вольном ветре и с блестящими от возбуждения глазами.

Ришелье тоже стал епископом поневоле, а в молодости после окончания колледжа поступил в Военную академию, и только крайняя нужда заставила принять церковный диоцез, как единственный источник существования всей семьи. Возможно, и этот епископ изучал теологию по принуждению, но, как и Ришелье, достиг успехов, о чем говорят его немалые возможности по защите города.

Я посмотрел, как он строго и уверенно ободряет воинов, объясняет, какое великое дело совершают, а когда он отправился к другой группе, пошел рядом и поинтересовался:

— Ваше преосвященство... вы говорите, что убийство язычников... прямой путь на небо, но как же с заповедью «не убий»?

Он ответил уклончиво:

— Не желающих принимать крещение — да...

— А убийство христиан, что принадлежат, к примеру, к апостольской церкви?

— Эти еще хуже язычников, — отрезал он, сразу ожесточаясь. — Их нужно убивать без пощады, ибо только так можно высвободить их души... пока их хозяева не набрали еще больше грехов, как собаки блох!

— А если, — сказал я, — убиваешь в его доме, убьешь также всех женщин и детей?

Он вздохнул.

— Да, это грех, потом придется отстоять ночную мессу, чтобы священник очистил твои руки от крови.

— И все?

Он подумал, ответил почти уверенно:

— Да вроде бы все. Но на всякий случай, чтобы уж совсем быть чистым и правым, не мешает часть захваченной добычи пожертвовать в пользу церкви. И это в самом деле все!

Я вздохнул.

— В общем, убийство еретиков — как бы не убийство...

— Не как бы! — сказал он строго, но, на мой взгляд, слишком громко и слишком твердо.

— Не убийство, — согласился я. — Как не убийство — забой скота.

— Есть разница...

— В чем?

— Скот не наделен душой, — объяснил он. — А у человека, даже у язычника, она есть, тем более у еретика. Потому его убивать хоть и нужно, однако потом помолиться, прося прощения за невольный грех...

— Но все же грех?

Он уловил, куда клоню, сказал настойчиво:

— Этот грех церковь берет на себя!.. Грех, совершенный ради нас, не может быть тяжким. Церковь, выполняя волю Господа, решает, как и где ее выполнить лучше. Ты ведь знаешь, прожить всю жизнь без греха невозможно. Особенно когда живешь, а не... Еще здесь, на земле, церковь взвешивает твои деяния, и, если ты совершил некий грех для спасения чьей-то души, тебе даруется прощение. Мунтвиг — зло!

Понятно, проплыла грустная мысль. Епископ понимает, что я вряд ли буду в самом деле выворачивать душу, даже со священниками не бываем искренними до предела. Видимо, функции любого священнослужителя в армии не столько как духовника, сколько

как надзирателя от лица церкви за такими вот свое-нравными и непредсказуемыми воинами, что должны быть в первую очередь Воинами Церкви.

Ночью небо снова озарилось зловещим пламенем летящих в город каменных шаров, иногда раскаленных, иногда просто обернутых в горящую ветошь.

Горожане и городская стража следили за их полетом и сразу же бросались тушить, так что ни одного пожара за всю ночь так и не вспыхнуло, разве что один из местных зашиб ногу о раскаленный камень и опалил полу длинного, по местной моде, кафтана.

С утра начался приступ, все жители города на этот раз были на стенах, бросая во взбирающихся по лестницам камни, палки, горшки, и всем довелось увидеть великолепное зрелище, которое никогда не забуду: вдали показалась конница, а по мере того как приближалась, становились отчетливо видны рыцари в полных доспехах и с пышными сultanами на шлемах, огромные кони под цветными попонами и со стальными налобниками, и земля начала подрагивать и все громче постанывать под непомерной тяжестью.

Я чувствовал, что кони не просто устали, а измучены, однако рыцари послали их в галоп, с ходу смяли и рассеяли нападавших, в то время как другая группа клином врезалась в лагерь, где сразу же началось не побоище даже, а избиение.

В разных местах мунтвиговцы собирались в группы и организовали сопротивление. Я присмотрелся: оверлорд выстраивает дружины, от него скачут гонцы во все стороны с поручениями. Разбегается только чернь, осаждавшая город, а сам костяк в лагере, где несколько десятков, а то и сотен настоящих рыцарей,

держится сравнительно спокойно и готовится к сокрушительной атаке.

Я заорал:

— Сэр Зигмунд, выводите своих людей!

— Ударим, — крикнул он, — со своей стороны?

— Да, — крикнул я. — Хенгест?

— Уже иду, — прокричал Хенгест гулко и захотел.

— Быстрее, быстрее! — закричал я. — Пока он не понял, что снова подошла только небольшая группа, как в прошлый раз!

Со стен бегом скатывались все воины, кроме часовых, а из южной части города на рысях выметнулись дружины Меревальда и Леофрига. Я поиском взглядом Хродульфа, но тот торопливо собирает своих людей и что-то кричит им сорванным голосом, явно объясняя посильную задачу, которая некоторым кажется почему-то непосильной: всего-то и делов, что отбросить нападающих обратно в лагерь.

— Быстрее разобрать завал! — закричал я. — Всех лучников на стены! Арбалетчики!

Завал разобрать не успели, теперь с этим непросто, но освободили дорогу от вкопанных там острых кольев, и конница Зигмунда, с трудом взбираясь на гору земли, переваливалась на ту сторону, откуда с азартом атаковала на отдыхнувших конях лагерь противника.

Лорды Варт Генца спешно вывели почти все свои войска и ударили с не меньшим азартом. От них просто разбегались, две тысячи рыцарей и тяжеловооруженных конных всадников сразу смяли передние ряды и пошли врубаться все глубже и глубже.

Я наблюдал с ворот настила, при мне Хродульф и Меревальд, а Хенгест и Леофриг с таким азартом рубятся там внизу, приближаясь к лагерю, словно всю жизнь мечтали об этом дне.

Сеча тяжелая, я не сразу заметил некую неправильность в расположении войск, а когда спохватился, заорал во весь голос:

— Отбой!.. Трубить немедленно отбой!.. Всемозвращение в город!

Меревальд ткнул в бой трубача, тот судорожным движением вскинул к небу раструб и прижался губами к мундштуку.

Звонкий зов прорезал воздух и стремительно понесся в сторону бранного поля.

— Еще! — потребовал я. — Еще!.. Там хватает тугоухих...

Красиво и четко взаимодействуя, обе группы прибывшего рыцарского войска некоторое время гнали перед собой противника, затем одновременно развернули коней и помчались к городу.

Хенгест со своей дружиной еще рубился, демонстрируя, что он сам по себе и никакой Ричард ему не указ, будь он хоть трижды Завоеватель. Леофриг сражался с левой стороны, наконец оба повернули коней.

Навстречу высакивали горожане и, хватая коней под уздцы, помогали затачивать на вершину высокого вала, и оттуда те уже сбегали вниз, где их опять подхватывали под уздцы и уводили бегом, освобождая место другим.

Обозленные муントвиговцы не сразу сообразили, что прибыла не огромная армия, но, как только командиры поняли, что снова лишь небольшое войско, пара отрядов попробовали вяло догнать отважных героев у самого города и порубить хотя бы последних, но со стен, прикрывая отступление, дали такой дружный залп, что первой тучи стрел хватило, чтобы третья сразу свалилась с седел. Многие пали лицом на гриву, а раненые кони не слушались поводьев, вздымались на дыбы и били соседей копытами.

После отступления снова все поле покрылось трупами, и вскоре от мунтвиговцев явились с белыми флагами перемирия и принялись забирать убитых и раненых.

По эту сторону ворот суматоха еще не затихла, спешенные рыцари, отвечая на вопросы местных и лордов Варт Генца, направились ко мне.

Один остановил их властным жестом и, подойдя ближе, преклонил колено.

Забрало на посеченном шлеме уже поднято, на меня взглянули серьезные глаза Геллермина.

— Ваше высочество...

— Ох, — сказал я с нескрываемым изумлением, — вы как нельзя кстати, дорогой друг. Но как вы здесь оказались так скоро?

Он поднялся по движению моих пальцев, на меня взглянули его блестящие боевым задором глаза, — теперь уже не интендант Савуази, а снова наконец-то на коне и в бою.

— Простите, ваше высочество.

Я обнял за плечи и сказал с тревогой:

— А где сэр Клемент?

Он ответил поспешно:

— Все в порядке, мы просто его чуть обогнали. Вы же сказали, чтобы я собирал всех, кого смогу, и выступал в Бриттию? Охотников набралось больше, чем я ожидал. А так как мы без обоза, то армию Клемента догнали, одну ночевку провели в их лагере, они с нами поделились сухим пайком, и мы снова вперед.

— Прибыли очень даже вовремя, — сказал я с чувством.

— Спасибо, ваше высочество!

— Боюсь, — сказал я, — сэр Клемент не поспел бы вовремя. Очень уж оверлорд Гайгер, это полково-

дец Мунтвига, старается нас выковырять из-за этих стен...

— Вас все равно не сумеет, — заверил он с жаром.

— Пусть ваши люди занимают оборону, — предупредил я. — Гайгер, как только поймет, что преимущество в силе все еще у него, снова попробует взять город приступом. Надеюсь, отобьемся.

— Нам нужно продержаться до подхода Клемента? — спросил он. — Это нетрудно. Мы его обогнали всего на сутки.

Горожане спешно с помощью местных воинов снова укрепляют насыпь, вбивают острые колья, что остановят коней, над воротами расширили и укрепили навес, откуда лучники будут поражать наступающих, а также сложили запас тяжелых камней.

Я собрал у ворот военачальников, где верховные лорды Варт Генца познакомились с Лихтенштейнами и Геллермином, обсудили варианты обороны, я еще раз заверил всех, что как вот подошло это малое, но весомое подкрепление, так вскоре прибудет и настоящая армия под руководством герцога Фицджеральда.

Юный Гордон, самый младший из Лихтенштейнов, вскрикнул в восторге:

— Как здорово!.. И погоним их обратно?

Братья лишь усмехнулись детской непосредственности, но Зигмунд отвесил ему подзатыльник.

— Сперва нужно выиграть войну, — сказал он сурово. — А она состоит из множества битв, сражений и боев.

— А также осад и штурмов, — добавил старший после него брат Кристиан.

Хродульф прогудел властно:

— Мы поступили несколько опрометчиво, углубившись так далеко в земли соседнего королевства и оторвавшись от своих сил... но, надеюсь, теперь наше положение укрепится.

— Сейчас уже вечер, — сказал я, — ночного штурма ждать не следует... видимо. Во всяком случае, в ночном бою у нас преимущества больше. Оверлорд это понимает.

Хродульф спросил мрачно:

— Отдых?

— Всем, — согласился я, — кроме вашей дружины. Раз она не принимала участия в вылазке, то пусть займет оборону по всему периметру стены.

Он нахмурился, а Хенгест обронил добродушно:

— Его высочество сказал верно, ночного приступа не будет, так что ты ничего не потеряешь. И драться не придется!

Он захохотал, Леофриг загрохотал еще громче, словно телегу с камнями везет бегом с горы, даже Меревальд скромно улыбнулся, а Хродульф поморщился, но кивнул и удалился.

Я взял Геллермина под руку и отвел в сторону.

— Как настроение в Савуази? Что говорят о предстоящей войне?

Он взглянул на меня в некотором удивлении.

— Ваше высочество, в Турнедо вас рассматривают как законного наследника Гиллеберда, настолько вы похожи во всех делах. Только вы поможете и удачливее. Так что все уверены в ваших победах!

— Да? — спросил я с сомнением. — Их бы веруда Богу в уши... А как вам перемена роли? Не лучше ли было на спокойной должности всетурнедского интенданта?

Он неожиданно смущился, так мне показалось, потом сказал странным голосом, но улыбаясь во весь рот:

— Зато наконец-то повидаю мир.

Я поинтересовался с недоумением:

— Дорогой друг, я наслышан, вы частенько выбирайтесь за пределы нашей Армландии. Участвовали в разных войнах, побывали в целом ряде королевств... И этого вам мало?

Он вздохнул сокрушенно и взглянул искоса.

— Увы... мало.

— Почему?

Он помялся, даже оглянулся по сторонам и ответил почти шепотом:

— Ваше высочество, я с ранней юности, когда был еще даже не оруженосцем, а пажом, мечтал об идеальной женщине, что станет моей женой!.. И когда повзрослел, мечта не ушла, представьте, разве что стала реальнее. Я стал рыцарем, много лет странствовал в поисках приключений, побывал в далеких землях, встречался с разными женщинами.

— И... как?

Он развел руками.

— Однажды почти нашел такую... Уже переговорил с нею, потом с ее родителями, готовились сыграть свадьбу, но я обнаружил, что она идеальна во всем, даже меня начала поучать, как себя вести, что делать, кому что сказать...

— Понятно, — сказал я. — А потом, неужто не встречались еще?

— Встречались, — ответил он с горестным вздохом. — Следующая была первой красавицей королевства, однако любила шутить как над всеми вокруг, так и надо мной, а шуточки у нее были острые... Потом одну отыскал прекрасную лицом и нравом, но она только гляделась в зеркало и требовала новых нарядов... Потом были еще и еще...

— Тогда у вас впереди большой выбор, — сказал я утешающе. — Мы пройдем Бриттию, Ирам, Пеклант, Сакрант... может, еще какие-то земли, вот уж насмотритесь!

— Надеюсь на это, — сказал он с чувством. — Должны же мои странствия когда-то увенчаться успехом?

— Отдыхайте, дорогой друг, — сказал я. — Пусть Господь присмотрит за вами и вашими людьми, что явились так вовремя.

Глава 6

Наутро штурм возобновился с такой яростью, словно оверлорд решил положить трупами хоть всю армию, но захватить и уничтожить проклятый город, что даже будучи захваченным, сумел выбить его отряды и теперь снова глумится со стен.

За эту ночь собрали катапульты и подтащили их поближе. Наши лучники пытались перебить стрелами обслугу, но охрана выставила широкие щиты из плетеных веток.

Пришлось их пока оставить, важнее постоянно сдерживать набегающих со стороны ворот, что прут лавой, высокая насыпь в воротах стала еще выше за счет трупов, хотя те и скатываются по обе стороны, однако атака не прекращается и некоторые группы, оттеснив сражающихся в первых рядах братьев Лихтенштейнов, Сулливана, Хенгеста, Леофрига и прочих наших лучших героев, снова прорвались в город.

Я, сдерживая себя, поднялся на ворота. Поле сражения чересчур обширно, нельзя оставить его без присмотра и просмотреть неожиданный удар в спину или же, напротив, заметить удачную возможность для своих войск...

С высоты я увидел то, чего не замечают ни наши, ни, к счастью, военачальники оверлорда Гайгера. С южной стороны из-за леса показались всадники, я напряг зрение и рассмотрел знамя Турнедо.

Двигаясь рысью, они приближаются к нам, держа между собой и кипящей схваткой высокие стены города. По всему видно, что двигались по своему обыкновению всю ночь, теперь бы остановиться на отдых, но, если глаза не подводят, вон впереди сам грозный Клемент Фицджеральд напряженно всматривается вперед, рядом скаутят те, кому он безоговорочно доверяет в бою, а следом несметная масса тяжелой рыцарской конницы, несокрушимой в бою, готовой проломить любую оборону...

Взмахом руки Клемент разделил конные ряды, часть пошла огибать город, а другие двинулись, набирая скорость, на сам лагерь.

Атакующие ворота и стены ничего не замечали, кроме противника в городе, а в лагере следили непрерывно за штурмом и постоянно посыпали подкрепления, потому неожиданно возникшую конницу увидели, только когда она надвинулась, как свирепый ураган, как лавина с горы.

Натиск рыцарской конницы был страшен. Даже на замученных конях они прошли настолько рядом, словно перед ними не люди с оружием в руках, а чертополох, а когда замедлили ход, то даже непонятно, противник ли сумел собраться и оказать сопротивление либо же просто кони запросили отдых.

— В контратаку! — заорал я. — Клемент уже в их лагере!.. Выйдем и поможем!

В городских воротах в третий раз горожане и стражники поспешно вытаскивают из вала колья, первой пошла из города конница Лихтенштейнов и Сулливана, затем дружины всех четырех верховных лордов

и наконец войско турнедских добровольцев под началом Геллермина.

Город опустел, жители и городская стража высыпали на стены и орали там, потрясая оружием, создавая впечатление, что готовы к бою, хотя я с ужасом подумал, что если в моих расчетах брешь, то город точно потеряем, защищать его некому.

Зайчик нетерпеливо фыркал внизу, я примерился и прыгнул со стены, вызвав восторженные крики наблюдавших за мной горожан. Не знаю, как это герои соскакивают с балконов прямо в седла, я ударился причинным местом так, что в глазах потемнело. С застывшей улыбкой кое-как, почти вслепую, разобрал повод и наугад повернул арбогастра вроде бы в сторону ворот.

Он почти перепрыгнул вал, а в моей голове мельнула опасливая мысль, не дали бы мне за такой прыжок какое-нибудь вроде лестное, но сомнительное прозвище...

— За веру, — закричал я страшно и обнажил меч. — За меня... и отчество!

Мунтвиговцев тысячи и тысячи, но ничего не могли противопоставить бронированной и прекрасно обученной коннице Клемента. Они гибли сотнями, он сам рубился во главе элитного отряда рыцарей, постепенно и шаг за шагом раскалывая войско врага надвое.

Находились храбрецы, что во главе своих отрядов пытались заступить дорогу, но и они гибли так же быстро, а рыцари с Юга выглядят неуязвимыми настолько, что суеверный ужас проник в сердца мунтвиговцев.

Раздались крики:

- Заговоренные!
- Их железо не берет!
- Это сами дьяволы!

Рыцари Клемента рубят мощно и часто, одного удара почти всегда хватает, чтобы противник выронил меч и начал валиться с коня, и тут же стальные лезвия искали новых противников.

Лихтенштейны прорубили проход в войске штурмующих, Сулливан идет рядом с Хенгестом, соревнуясь с ним в силе и доблести, оба гиганты, оба несокрушимы настолько, что вскоре от них простые воины начали разбегаться, а герои из армии оверлорда тщетно пытались выстоять под их напором и исчезали под копытами их коней.

В середине лагеря у шатра оверлорда кипит суматоха, он сам на рослом жеребце раздает указания. Я всмотрелся и со злой радостью понял, он уверяет, что противник подходит малыми отрядами, надо не дать ему обмануть себя, сражайтесь...

— Сражайтесь до победы! — закричал я.

Наши рыцари, завидя меня, поспешили навстречу, стараясь укрыть щитами и своими телами, но я устремился вперед. Они вынужденно ринулись следом, а я вломился в плотные ряды рыцарского отряда, опрокинул первых всадников вместе с конями, пошел дальше, а за мной с победными криками прорубались Зигмунд, Сулливан и Хенгест, а Зигфрид, не обращая внимания на сыпавшиеся на него удары, все старался закрыть меня щитом или своим телом.

Постепенно паника распространилась на все войско Гайгера. Сперва бежали самые нестойкие, затем примкнувшие ради грабежа, а сам оверлорд и верхушка его рыцарей напрасно пытались остановить бегущих, тщетно кричали и били их плашмя мечом, призывая остановиться и сражаться. Ничего не помогало, и тогда Гайгер повернул коня и, пришпорив, ринулся в сечу, стараясь пробиться к самому Клементу, угадав в нем главного.

Я поспешил послать Зайчика наперерез, однако приходилось проламываться через плотную толпу, а оверлорд уже прорубился к группе Клемента. Я охнулся с жалостью, а Клемент двумя мощными ударами расколол щит оверлорда, тот в отчаянном прыжке попытался достать его мечом в лицо, но лезвие лишь высекло синюю искру из стального наплечника.

Клемент ударили в свою очередь, и оверлорда словно ветром сдуло с седла.

Зайчик проломился наконец к Клементу. Тот обернулся, перехватил мой взгляд.

— Ваше высочество?

— Он жив? — крикнул я.

— Конечно, — прокричал он. — Он же главный?

Я таких всегда стараюсь брать живыми, как рыбу из пруда.

Двоих его людей соскочили с коней, их прикрыли щитами, а они, подхватив бездыханного оверлорда, бросили поперек седла на его же коня. Клемент велел одному из молодых воинов доставить в город и беречь пленного пуще глаза.

Оверлорда на всякий случай еще и привязали, я проследил взглядом, как его под охраной быстро повезли в город. Группа рыцарей из его лагеря бросилась на помощь, но отчаянный порыв разбрзгивал Лихтенштейнов, они выдержали удар, как скалы на берегу выдерживают натиск волн, а их мечи с каждым ударом освобождали коней от седоков.

Я вступил в бой рядом с Клементом, но вскоре крикнул ему:

— Тише, тише!.. Пропустим рыцарей вперед!

Он обернулся.

— Ваше высочество?

— Нужно видеть, — объяснил я сердито, — все поле битвы. Отвыкайте первым бросаться в битву.

Нам нужно знать, где что происходит. Вы уже герцог, не забыли?

Он ухмыльнулся.

— Так все просто, враг бежит, нужно добивать, ничего сложного. А к герцогству я еще, уж простите, не привыкну никак.

— Почему?

— Слишком быстро.

Бой длился еще около трех часов. Отдельные военачальники, не в состоянии поверить в поражение, бросали свои отряды в сечу, надеясь переломить ход сражения.

К несчастью, все в их войске уже поверили, что и сейчас прибыл крохотный отряд, как и в два предыдущих раза, и что нужно еще чуть-чуть выстоять, и будут как разгромлены прибывшие, так и окончательно захвачен этот огромный город.

Они упустили возможность отступить в боевом порядке и вывести из-под удара многочисленный обоз, а когда в полном разгроме убедились все, бегство стало массовым и беспорядочным, когда в панике бегут все и убивать их можно до тех пор, пока не устанут руки.

Здесь во всем блеске показала себя конница Норберта на отдохнувших и уже застоявшихся конях. Они пошли широким фронтом следом, я видел только сверкающие над их головами клинки, а за ними оставалось поле, темно-красное от трупов, плавающих в своей же крови.

Даже рыцари, пытающиеся спастись бегством на своих тяжелых конях, укрытых броней, гибли, как мухи, поражаемые в спину, а норбертовцы догоняли следующих, рубили, догоняли и снова рубили.

Еще не наступил полдень, а город и все окрестности были очищены от противника. Норберт продолжал преследование, кони у него самые быстрые и неутомимые, будет гнать, истреблять, никого в плен, и так весь день до самой ночи. Если и останется кто, сумевший укрыться или притвориться мертвым, то Мунтвиг не скоро получит весть о полном уничтожении своей головной армии.

Из города сообщили, что оверлорд Гайгер пришел в себя, но дал слово благородного человека, что не попытается бежать. Я велел убрать любую охрану, ибо если сбежит, то навлечет позор на себя и армию, в которой служит, так что пусть бежит, если хочет.

В лагере уже победный грабеж, но, к сожалению, хотя брошенный в спешке и оказался угрожающим огромным, но поживиться в нем почти нечем. В головной армии шла голытьба и союзные войска местных или пожелавших разбогатеть на грабежах окрестных племен. Только и того, что у начальников отрядов оружие обычно украшено драгоценными камешками и почти у всех командиров кое-что находилось в поясах и зашито в седлах.

Прибыли конные разъезды Норберта, посланные навстречу армии графа Максимилиана, те доложили с ликованием, что она уже близко, прибудет к вечеру. С ними большой обоз, где кроме больших запасов продуктов еще и все необходимое для ремонта доспехов и полевых работ.

— Обоз у нас уже есть и так, — сказал я, выслушав доклад, — Оверлорд Гайгер весьма предусмотрительный военачальник. У него в обозе столько вещей, что жители Бабденбурга уже скапают все ненужное нам за бесценок.

— Это лучше, — заметил Хродульф хозяйствен-но, — чем выбрасывать. Ваше высочество, что делать с пленными?.. Выкуп сами назначите?

Я поморщился: значительная часть рыцарей, наиболее знатных и гордых, не сочли для своего достоинства возможным бежать с поля боя, как поступили менее щепетильные, но когда оказались в окружении таких же рыцарей, разве что закованных в прекраснейшие вестготские доспехи, а гиганты Лихтенштейны, Сулливан и Хенгест во главе своих отрядов начали крушить их ряды, ворвавшись, словно свирепые вепри в камыши, они сопротивлялись достаточно долго, чтобы выказать свою доблесть, неустрешимость и избегнуть упреков в малодушии, а потом бросили мечи на землю.

— Пойдем взглянем, — сказал я. — Пленные... вот не люблю это дело!

— Брать в плен? — спросил он в удивлении.

— Само плениение, — ответил я. — Что-то в нем неприятное для обеих сторон.

Он покосился в удивлении — что-то принц чудит, это же так замечательно покуражиться над пленными, показать себя хозяином, напомнить, что мы сильнее, умнее, мудрее, отважнее.

Рыцари сидят на земле, с них взяли слово чести, что не убегут, и потому не стали связывать.

Пока я присматривался к ним издали, тупо размышляя, что с ними и как, подошел сияющий Мерревальд.

— Ваше высочество, — доложил он бодро, — здесь пятьсот двадцать два человека!

— И все рыцари? — спросил я с недоверием.

— Да, — подтвердил он. — Очень много выходцев из знатнейших семей Ирама, человек пятьдесят из Пекланда и трое из Сакранта.

— Интернационалисты, — подытожил я. — Что ж, наш прогнивший режим свергнуть не так просто.

Меревальд в изумлении вскинул брови.

— Ваш режим успел прогнить?

Я отмахнулся.

— Любой режим, против которого борются, — прогнивший, коррумпированный, разложившийся, бесчеловечный, негуманный, деспотичный, нелегитимный.

— А... они? — спросил он обалдело. — Они борются против... какого?

— Тоже против прогнившего, — пояснил я, — а в довершение ко всему еще и поклоняющемуся ложному богу.

— Но ведь... они тоже славят Христа?

— У них не тот Христос, — пояснил я, — и не те святые. И Бог какой-то кривой, и Сатана у них дурнее... В общем, в белом только мы, а они в коричневом. Как бы ни доказывали обратное.

Он хмыкнул.

— Да что побежденные могут доказывать? Понятно же...

Я направился к ним, на ходу придумывая, как поступить правильно, а не так, как принято или даже положено.

Они подняли головы, но остались сидеть, хотя вообще-то принято, что младшие по званию или титулу приветствуют старшего одинаково почтительно, неважно, свой он или противник.

— Так-так, — сказал я неприятным голосом, — в вашей армии правила чести отменены?

По их лицам было видно, что поняли, о чем речь, некоторые даже пытались привстать, но одни сами садились, других одергивали, напоминая, что я не просто противник, а исчадие ада, антихрист, попиратель церковных святынь и осквернитель Святого Слова

Божьего, так что к нему правила воинской учтивости неприменимы.

— Что ж, — сказал я, не дождавшись ответа, — по крайней мере видно, на чьей стороне Господь.

Двое ближайших ко мне переглянулись, один произнес с достоинством:

— Господь нас только испытывает.

— Он испытывает только праведников, — добавил второй, — а не грешников.

Из-за их спины на меня взглянул с ненавистью третий рыцарь, широкомордый, вроде бы чистопородный рубака, но со взглядом фанатика.

— Грешникам, — сказал он резко, — дает время раскаяться!

— Ага, — ответил я, — хорошо, я дам вам время раскаяться... Сэр Меревальд, не считите за труд, кликните кузнеца. Лучше троих-четверых. И пусть принесут цепи. В их же обозе десяток телег с цепями!

Он ухмыльнулся.

— Их везли для вас, ваше высочество! Ну и для нас тоже.

Я бросил короткий взгляд в его удаляющуюся спину. Когда прибыли Лихтенштейны с Сулливаном, а потом Геллермин, все четыре верховых лорда как-то поблекли, а когда явился с огромной и прекрасно вооруженной армией герцог Клемент, явно ощутили себя отодвинутыми на окраину, с которыми не очень-то считаются.

Меревальд первым понял, что теперь их мнения и желания для меня ничто и что выгоднее всего поставить себя и свою дружины в мое полное подчинение.

Пока искали кузнецов и вытаскивали цепи, я рассматривал пленных, все таких же надменных и высокомерных, словно они только-только едут на побед-

ную войну, за каждым хвост благородных предков, что все видят и не позволяют уронить честь рода.

— Итак, — сказал я неприятным голосом, — Господь нам всем даровал свободу выбора. Потому я, слушая его волю, даю ее вам.

Глава 7

Они все смотрят одинаково надменно и в то же время настороженно. Обо мне уже постепенно расходится молва как о человеке, чьи слова и поступки предугадать трудно.

Один из тех, кто сидит впереди, поинтересовался подчеркнуто небрежным голосом:

— Свободу... выбора? В чем?

Я ответил сухо и с неприязнью:

— Всякий, кто откажется от апостольской веры и примет истинную, получит свободу. Остальных же отправят на каторжные работы!

Пленные лорды заволновались, самый родовитый из них, граф Кендишир, произнес с благородным недоверием:

— Что никто из нас не отречется от единственной истинной веры, вы и сами знали. Но что за глупость насчет каторги? Мы — знатные лорды!

Я произнес словеще:

— А тот ваш Бог, которому вы кланяетесь, различает лордов и чернь?

Он запнулся, но ответил так же гордо:

— Зато различает церковь

— Ваша церковь будет уничтожена, — пообещал я. — А теперь... всем встать!.. Встать, я кому сказал! Строиться в колонну по двое!.. Стража!

С обеих сторон сдвинулись ратники с пиками, выставив перед собой длинные древки с острыми стальными жалами. Лорды пробовали оставаться на местах, но острия кололи всерьез, лорды вскрикивали, ругались, однако их одежда обагрилась кровью из новых царапин, и все с руганью и проклятиями, но выстроились по двое.

Я посмотрел по сторонам, поймал взглядом Алана, он сразу же понял и примчался бегом.

— Ваше высочество?

— Алан, — сказал я, — ты уже сотник?

Он выпалил с благодарностью:

— Да, ваше высочество! Вы сами велели сэру Дарбосу повысить меня с десятника.

— Сотник, — сказал я, — это неплохо. Но теперь есть мудрая мысль перевести тебя в благородное сословие и назначить командиром конвоя. Отбери нужное число для сопровождения и охраны этих... высокородных.

Он рухнул на колени, а лицо осветилось так, словно перед ним возник ангел небесный.

— Ваше высочество!

— Не подведи, — сказал я важно.

Он спросил торопливо:

— Куда вести?

— Правильный вопрос, — похвалил я. — Гони в самую глубь наших земель!

— В Турнедо?

Я покачал головой.

— Не знаю, куда отступим под натиском Мунтвига, но нужно, чтобы он не освободил пленников, это удар по нашей репутации.

— Будет сделано, ваше высочество!

— Отступай с ними, — сказал я, — хоть до самого Сен-Мари!.. Но они должны остаться в плена, пока мы сами не соизволим как-то решить их судьбу.

Дальше я наблюдал издали, как пленных сковали единой цепью: лордов, простых рыцарей, и очень простых, и совсем простых, что уже и не рыцари, а элитные оруженосцы, и наиболее стойких ратников, что постыдились позорить себя бегством.

Скованных, их погнали в сторону дороги, ведущей на юг. Алан на своем сером аргамаке, рядом покачиваются в седлах неразлучные Стоун и Мел, с которым снова не разлей вода, а с боков и в конце едут конные стражи.

Буквально через десяток шагов вся цепочка пленных затормозилась, это один из лордов вдруг остановился и даже уперся, не желая идти.

Я взмахом руки послал к нему одного из лучников, тот ринулся так, что песок взлетел выше головы, что-то спросил, выслушал и с такой же скоростью вернулся.

— Ну? — спросил я.

— Он не желает, — выпалил он.

— Чего? В плен?

— Нет, он признал себя пленным, — пояснил лучник. — Однако не желает идти вместе с простолюдинами. Он граф!.. Это унижение для его достоинства. У него семьдесят деревень и два крупных замка...

— Уже нет, — прервал я. — Эй, вон ты... Тебя как зовут?

Могучий ратник с большим топором за плечами прогудел настороженно:

— Герберт, ваше высочество.

— Как твой топор, Герберт? — спросил я.

— Можно бриться, — сообщил он с гордостью.

— Молодец, — сказал я. — Струмент нужно держать в хорошем состоянии. Но я почему-то уверен, с одного взмаха не снесешь голову вон тому гордому графу, видишь? Шея у него толстая, как у Томаса Мора...

Он сказал с обидой:

— Обижаете, ваше высочество...

— Тогда действуй, — велел я.

Он вразвалку пошел к группе пленников, за ним отправилось еще несколько человек. Копейщики выставили свои стальные жала на древках и мрачно наблюдали за происходящим.

Граф смотрел с презрением, надменный, гордо выпрямившись и поглядывая из-под приспущеных век.

Герберт зашел сзади, топор несет вроде бы небрежно, однако на следующем шаге страшное орудие убийства взвилось в воздух, острейшее лезвие прорезало воздух наискось.

Граф уловил что-то недобroе, начал было поворачивать голову, но холодная сталь уже срезала ее настолько чисто, что не задела ни плечи, ни подбородок.

Герберт подхватил покатившуюся голову за длинные волосы, стараясь не запачкаться брызгущей кровью, и победно вскинул на вытянутой руке.

— Прекрасно, — сказал я громко и пошел к пленным, уставившись в них нещадным взором. — Этот мерзавец оскорбил своих братьев не только по вере, но и братьев по оружию!.. Они жертвовали своими жизнями, закрывая его от наших мечей и копий, а он отказывается идти с ними и есть из одного котла?..

Пленные смотрели устрашенно и с недоверием, не понимая и не в состоянии осознать такую жестокость.

Я сказал еще жестче:

— Герберт, воткни шест у обочины, а на него насади голову этого спесивого дурака!.. И пусть всякий видит, что только мы выполняем заповеди Господа о равноправии... ну, постепенно, постепенно.

Ратник сделал все, как я велел, и пленных снова погнали по дороге, что, как догадываюсь, растянется на сотни миль. Благородные лорды, а их немало среди пленных, оскорбленно поглядывали на голову их соратника, скрипели зубами от бессилия, но шли молча и покорно. Да, Господь у нас у всех один, и на знатных и незнатных он смотрит одинаково... с любовью.

Алан проводил чуть колонну, затем развернул коня и примчался ко мне, догадываясь, что могут быть некие напутствия на дорогу.

— Ваше высочество....

— Будь строг, — велел я. — Никакой бессмысленной жестокости, однако неповинование карай жестоко! Мы не звали их на наши земли, но раз они пришли, пусть не сетуют на плохой прием.

Он спросил осторожно:

— А что с ними дальше?

— Передашь местным властям, — сказал я. — В Турнедо, а еще лучше — в Сен-Мари, там есть харр-рошие каменоломни! И будут эти орлы там работать и даже трудиться, пока не окупят весь ущерб, который нанесли мирным жителям своим вторжением в королевства. А также ущерб, который нанесем мы в праведном гневе, когда по заповедям Святого Писания для восстановления справедливости и превентивного предотвращения новых агрессий... воздадим сторицей...

Он слушал, кивал, вид вконец обалделый, проговорил наконец с сомнением:

— Если в Турнедо... то кому передать?

— В распоряжение Бальзака в столице, — сказал я. — Но если будет опасность, что Мунтвиг придвинется слишком близко, гони их через Тоннель под Большим Хребтом в Сен-Мари. Там в Геннегау, обратись к Жерару Макдугалу, это мой секретарь... Да,

там король сейчас Кейдан, но моя власть остается... моей властью.

Он спросил осторожно:

— Двоевластие?

— Понимаешь, — сказал я горько. — Да, пока так. Но не думаю, что Кейдан решится освободить пленных. Во-первых, это враги не только мои, но и королевства Сен-Мари, а Кейдан не рискнет вредить королевству только для того, чтобы нагадить мне. Так что все будет путем!

Он сказал с чувством:

— Спасибо за доверие, ваше высочество!

Конники Норберта примчались с вестью, что войско графа Максимилиана уже в двух милях, вот-вот обогнет вон тот лес.

Клемент встрепенулся, вскочил.

— Ваше высочество, уж простите, но я очень уж люблю этого мальчионку! Не могу не встретить.

Я сказал добродушно:

— В час добрый. Я сам его встречу на площади.

Лорды Варт Генца переглянулись, Хродульф поинтересовался с настороженностью:

— Что это за мальчионка, которого все так ждали... и даже этот гигантский герцог побежал встречать простого графа, сам как мальчионка?

— Макса все любят, — ответил я. — Чистая душа, бескорыстен, добр, влюблен в военное дело...

Норберт пояснил с улыбкой:

— Хотя он сам хороший боец, но его страсть не схватки, а стремление улучшать и снова улучшать пехоту. Пока еще ни одна конная атака не смогла сломать оборону, если ею командует Макс... простите, ваше высочество, граф Максимилиан!

Верховные лорды переглянулись, Хенгест буркнул:

— Ни одна конная атака? А если бы я повел свою дружины?

— Лучше не пробуйте, — мягко сказал я, — сперва посмотрите, что будет с конницей Мунтвига, когда та попробует наскочить на вроде бы беззащитную пехоту нашего любимца.

Через два часа, как и было обещано, из-за леса выметнулись конники Норберта, а с ними с десяток конных разведчиков Макса, но не помчались к нам, а замерли в красивых позах, чувствуя, что сейчас именно на них смотрят.

А затем начали выходить копейщики, ряд за рядом. Я бросил короткий взгляд на Хенгеста и ощутил, что гигант тоже впечатлен. Идут хоть и не в ногу, но ровными и плотными рядами, готовые в любой момент встретить конную атаку: колонна по двадцать человек в ряд, сто в длину, над головами лес пик с длинными в локоть стальными наконечниками, что пробьют и стальную рыцарскую кирасу, когда ее хозяин ударится о нее всем весом.

Они выходят и выходят, шагающие ровно и уверенно, лица и доспехи покрыты пылью, такие же у идущих следом лучников и арбалетчиков, затем снова колонна копейщиков...

Наконец выметнулись Макс на быстром легконогом коне и Клемент на своем гигантском брабанте, Макс носился взад-вперед, проверяя и перепроверяя.

Уже не останавливаясь, он поскакал к нам, а Клемент остался с головной колонной, ничуть не чувствуя себя опозоренным, что вот герцог, а ведет пешие части простолюдинов.

Макс на ходу соскочил, сам в простых кожаных латах, как и его люди, подбежал ко мне, заметно вы-

ламывающейся из этого мира непосредственностью и чистотой помыслов и движений, все такой же легкий, с узким удлиненным лицом и внимательными синющими глазами, с тонко очерченным длинным носом и по-девичьи пухлыми губами.

Едва он преклонил колено, я поднял его и, обняв за плечи, сказал с удовольствием:

— Я уж думал, растолстел, наверное...

— Ваше высочество! — воскликнул он обиженно.

— Все толстеют, — заверил я. — Ну, почти все.

У тебя, как вижу, без приключений?

Он ответил с недоумением:

— А что могло приключиться, если все продумано и просчитано вами, ваше высочество?

— Верно, — согласился я, — приключения случаются только у растяп, а ты разве она самая? Мы должны побеждать без всякого героизма, потому что героизм — это род смерти, а не образ жизни

Он вскинул на меня ясные, честные глаза взрослого ребенка, на лице простило замешательство.

— Ваше высочество, мы готовы к любому проявлению героизма...

— Героизм, — сказал я, — это беззаветное проявление безысходки. Ты военный гений, Макс!.. А сам понимаешь, что после проявления героизма обычно остается меньше половины армии. А то и меньше трети.

— Ну-у...

Я смотрел в его лицо, молодое и ликующее, как всегда особенно светлое, с огромными синими, к вискам чуточку вздернутыми, словно в радостном удивлении, глазами.

— Как же тебя все любят, Макс, — сказал я и добавил с легким упреком: — Но где потерял свой ве-

ликолепный доспех, скованный лучшими мастерами Вестготии?

Он сказал виновато:

— Едет следом в обозе. Если надо будет, ну там на парад какой, надену сразу, не беспокойтесь. А этот просто удобнее.

— Тебя не отличить от простого сотника, — сказал я, — а то и десятника.

Он не успел ответить, приблизились верховые лорды, Хродульф сказал важно и покровительственно:

— При такой удивительной скромности тем выше к нему любовь и преданность его людей. Умный и точный расчет.

Макс застеснялся, не смея возразить, что это не расчет, а я повернулся к лордам и сказал празднично:

— Я отметил этого юного рыцаря, и не устану это повторять, еще когда мы простыми рыцарями дрались в общей схватке на Каталаундском турнире. На нашей стороне была беднота, а нашими противниками были богатейшие и знатные рыцари тогда из неизвестного нам Сен-Мари, и, понятно, когда такого удавалось выбить из седла, его торопились захватить в плен, чтобы получить богатый выкуп. Максимилиан и еще один рыцарь все время берегли мою спину, так как я был вожаком нашей группы, и так и не захватили ни одного пленника. Он показал тогда, что для него команда — превыше всего!

Меревальд произнес с вопросительной ноткой:

— И вы его преданность оценили?

— Прежде всего его преданность любимому делу, — уточнил я. — И понимание ситуации. Он всегда служит команде, а о себе вообще не думает. Сами понимаете, какая это редкость.

Макс застеснялся, вывернулся из-под моей руки, нежные щеки, присыпанные пылью, чуточку заалели.

— А теперь, — велел я, — пусть армия располагается лагерем с западной стороны города, там удобное поле, а вечером всех вас жду на пир в ратуше, а затем — военный совет.

— Может быть, — сказал Меревальд, — сперва военный совет? На трезвые головы?

— Мы останемся здесь на неделю, — сообщил я, — не меньше. Нужно дождаться армий из Ламбертии и Мезины. Это... настоящие армии, которыми горжусь. Мунтвиг получит достойный ответ за свое неспровоцированное нападение на мирные королевства, которые мы просто обязаны защитить по Божьему праву. За это время мы проведем не один военный совет, утрясая и уточняя.

Меревальд поклонился.

— Простите, ваше высочество. Я счастлив, что еще подойдут армии.

— Армии, — произнес я с расстановкой, — герцогов Шварцкопфа и Меганвэйла.. это еще не все.

— Ваше высочество?

— Из Сен-Мари, — сказал я, — уже идут быстрым маршем, я уверен, закаленные в боях армии стальграфа Филиппа Мансфельда и рейнграфа Чарльза Мандершайда!.. И тогда Мунтвиг окончательно поймет, что не стоило ему идти по дороге Карла.

Лорды слушали и серьезнели, а я перехватил взгляд Норберта. Старый воин показал взглядом, что да, я в самом деле успел провести и даже почти закончить реорганизацию армий. Еще бы промедлил — все бы рухнуло под новым нашествием. Или война завязалась бы долгая, с отступлением к Большому Хребту, а потом — тьфу-тьфу! — и за него...

Глава 8

Праздничный пир был в разгаре, когда примчались разведчики с сообщением, что с юга приближается армия в составе рыцарской конницы и большого количества пеших частей с небольшим обозом.

Я потер ладони с таким энтузиазмом, что мог бы так зажигать костер в примитивных племенах.

— Прекрасно!.. Чьи знамена? Скарляндии или Варт Генца?

Верховные лорды встрепенулись и стали выше ростом, но разведчик проговорил с некоторым недоумением:

— Знамена... королевства Вендовер.

Наступило молчание, Норберт подхватился первым.

— Ваше высочество!

— Позволяю, — сказал я отрывисто.

Он выскочил из зала. Рыцари переглядываются, не забывая прикладываться к кубкам, вино хоть и по-хуже сен-маринского и даже армландского, но после знойного дня прекрасно освежает пересохшие глотки, а мясо в любом королевстве жарят одинаково хорошо, особенно если не привередничать..

Я выждал некоторое время, поднялся, стараясь, чтобы это не выглядело признаком волнения.

— Продолжайте, продолжайте, — сказал я громко и беспечно улыбнулся, — мне по долгу службы надо взглянуть, кто там прибыл.

Несколько лордов тут же поднялись: если сам Ричард идет встречать гостей, то они обязаны составить ему свиту, свита всегда придает внушительность.

Во дворе ратуши пока никого из новых, я вышел к воротам и уже там увидел, как из узкой улочки на

площадь перед ратушей выметнулся с грохотом копыт отряд пышно и очень богато одетых всадников.

В глазах зарябило от обилия ярких цветов, а золотые украшения и драгоценные камни сразу пустили в глаза слепящие зайчики.

Впереди трое всадников, двое рослых командного типа, а третий невысокий на прекрасном коне, укрытом дорогой попоной кардинальского цвета. У меня сразу сердце drognulo в радостном узнавании: в блестящих доспехах из Вестготии, пышный султан на гребне шлема, такой же султан, только поменьше, на конском стальном налобнике, с плеч красиво ниспадает белый плащ, на груди поверх белой накидки нашит огромный красный крест, а в первый раз, когда я его увидел, там был огромный герб со вздыбленным львом золотистого цвета.

Он первым соскочил с коня и церемонно преклонил колено, хотя для него и других близких мне рыцарей это правило моим высочеством, даже тогда еще моей замечательной светлостью, отменено.

Я поднял его и обнял, скрывая сильнейшее недоумение, его выражать нельзя, окружающие должны видеть, что у меня под контролем абсолютно все.

— Альбрехт! — произнес я прочноустроенно, больше играя на публику. — Я и не думал, что так буду скучать по тебе.

Он ответил все так же церемонно и торжественно:

— Ваше высочество, я счастлив представить вам принца Сандорина Винтонмаерского, единственного сына и наследника Его Величества короля Буркхарта Третьего!

Один из всадников легко покинул седло, приблизился и чуть-чуть склонил голову в вежливом приветствии. Молодой, поджарый, с короткими русыми усиками и такой же коротко подрезанной бородкой,

глаза живые, смотрит с любопытством и без тревоги.

Я произнес с еще большим недоумением, но внешне тепло и по-королевски величаво:

— Приветствую вас, принц. Похоже, вы примете участие в великом событии, что перевернет жизнь нынешних королевств и навсегда изменит жизнь к лучшему? Отец и все королевство будут вами гордиться!

Он снова едва-едва наклонил голову.

— Благодарю вас, ваше высочество.

Альбрехт сказал громко:

— И первый из приближенных Его Величества короля Буркхарта Третьего... граф Лиутерд Колридж!

Граф спрыгнул с коня, подошел ближе и вежливо снял шляпу, но преклонять колено, естественно, не стал, у него свой король и свой принц.

— Приветствую вас, граф, — сказал я приветливо. — Вы показали себя прекрасным переговорщиком, отстаивая интересы королевства. С той поры я питаю к вам самое глубокое уважение.

Он поклонился и ответил ровным голосом, но я уловил, что он глубоко польщен:

— Спасибо, ваше высочество, за высокую оценку.

Я перевел взгляд на Альбрехта, тот понял, сделал шаг вперед и сказал громко и с подъемом:

— Узнав, что черное знамя властелина Тьмы, выпавшее из рук императора Карла, подхвачено другим злодеем, двинувшим на завоевание наших мирных королевств свои дикие орды... Его Величество король Буркхарт Третий тут же в мудром и точно рассчитанном благородном порыве велел отправить все войска, какие есть в королевстве, в распоряжение его светлости Ричарда Завоевателя!

Я помолчал, стараясь понять, сколько Буркхарт выиграл у меня таким великолепным политическим ходом, затем сказал прочувственно:

— Я безмерно тронут таким благородством и желанием вложить свою лепту в победу над Злом и Тьмой!.. Уверен, этот мудрый ход будет по достоинству оценен летописцами, а королевству Вендовер принесет счастье и процветание!.. А теперь, дорогие друзья, присоединяйтесь к нашему пиру в честь победы! Там и обсудим детали.

Альбрехт спросил быстро:

— Уже? Какая победа?

— Разгромлена первая ударная армия Мунтвига, — сообщил я. — Почти никто не спасся, захвачен огромный обоз и несметное количество трофеев. Ну, заодно отпразднуем ваше прибытие, как залог новых побед во имя!

Норберт, как лучше всех знающий окрестности, помчался со своими людьми показывать, где удобнее всего разместиться лагерем армии Вендовера, а я, царственno улыбаясь, повел нежданых союзников в город, где передал местным, чтобы устроили их в соответствии с рангом, помогли выбить пыль и помыться перед пиром.

Альбрехту не нужно объяснять, что требуется от него, он пошел следом и, едва я раздраженно закрыл за ним дверь своего импровизированного кабинета, сказал быстро:

— А что мне оставалось делать?.. Просто сидеть и ждать, пока здесь у вас закончится война?

— Вы действовали без моих полномочий, — напомнил я строго.

— Разве плохо?

— Хорошо, — признал я. — Даже великолепно... в первом приближении. Да вы садитесь, я тоже набегался, так бы и лег вовсе.

— А что во втором? — спросил он.

— Пока не знаю, — ответил я. — С одной стороны, мы получили целую армию. С другой — гм, армия среднефеодальная...

— Что-что?

— Это я умничаю, — пояснил я. — В этом случае вам всем нужно в восхищении моей непостижимой мудростью раззятьть рот. Среднефеодальная — это армия старого типа, значит, в которой лорды воюют как хотят. Однако нам еще и нужно следить, чтобы этот принц не погиб ненароком... а то скажут, что нарочно убили. Он как вообще?

— Не особо и задирист, — сообщил Альбрехт, — хоть в бой поскакет первым, так принято, иначе честь уронит. Характер... надо сказать, типичный для королевского сына.

— Ага, подпорчен?

Он посмотрел на меня невинными глазами.

— А много исключений?

— Есть, — сообщил я. — Как-то читал в детстве. В сказках. А что с нашей группировкой, что противостояла войскам Вендовера? И вообще, как вам удалось уболтать короля на такой дикий шаг?

— Сами видите, — ответил он, — не такой уж и дикий.

— Ну да, — признал я, — королю только выгода. Думаю, вы расписали, насколько я благороден, и что Палант с Раsterом, а у того еще и тролли, не захватят тут же Вендовер?

— Расписал, — признался он, — а как иначе заставить решиться? Да, он избавляется от нашей угроzy, зато мы получили не только их армию, вообще-то неплохую, но и наш, как вы странно выражаетесь, ограниченный контингент демократизирующих сил, что там стоял наготове на их землях.

— Палант тоже идет сюда?

— Вслед за этим войском, — доложил он. — Хочет быть уверенным, что это не какой-то хитрый маневр Буркхарта.

— Палант? — изумился я. — Всегда такой доверчивый!

— Люди взрослеют, — напомнил он сурово. — А в том аду, куда вы швыряете этих детей, взрослеют очень быстро. Растер с его полчищем троллей идет вообще в арьергарде, чем весьма недоволен.

— Еще бы, — согласился я. — Такая проламывающая всех и вся мощь... Но Буркхарт молодец, я не ожидал от него такого хитрого маневра.

Он чуть улыбнулся, напоминая, что, хотя решение принимал король, но автор вообще-то он, Альбрехт.

— Отдать армию, — продолжил я, — под мое командование на время войны, это заранее не только защитить свое королевство от возможных угроз от моей растущей мощи, но и...

— ...претендовать на защиту, — закончил он. — Не сможете же напасть на него после такого его жеста!

— Весь мир меня осудит, — согласился я. — А репутация — это все.

Он сказал с некоторым напряжением в голосе:

— И еще, ваше высочество...

Я насупился.

— Сейчас скажете какую-то гадость.

— Скажу, — пообещал он. — Те земли, которые мы отторгли у Вендовера, чтобы защитить Ламбертинию, пришлось вернуть Буркхарту...

Я поморщился, махнул рукой.

— Да ладно, мы и не забирали... так уж сразу. Это могло бы случиться потом, но сперва пришлось бы найти повод. А лучше — весомый.

— Для вашего высочества, — сообщил он вежливо, — это раз плюнуть.

— Ладно, — сказал я, — будем считать, что выиграли оба. Только бы принца теперь уберечь...

— Я приставлю к нему телохранителей, — сказал он.

— Да уж... Но какой хитрец этот Буркхарт!

— Не такой уж, — сказал он.

Я переспросил:

— Почему?

— Герцога Блекмура укрыл, — напомнил он. — Правда, не мог не укрыть родственника...

— Да, — согласился я, — это был прокол, но неизбежный. Но сейчас, хитрюга, еще и заложника прислал на случай, если я какой-то недоверчивый деспот!

Он в удивлении вскинул брови.

— А вы доверчивый?

— Ну ты и гад, — сказал я с сердцем.

Глава 9

После пира на военном совете разбирали варианты военных кампаний, учитывая, что две армии Мунтвига подойдут сюда не раньше чем через две недели. Норберт докладывал, что пока удается вылавливать только разрозненные отряды, что, пользуясь случаем, ринулись в поисках легкой добычи пограбить, но пока признаков приближения крупных армий нет, хотя у его высочества есть сведения...

— Есть, — отвечал я скромно. — У меня есть особо законспирированные агенты под прикрытием.

Хреймдар в военных советах участия не принимал, не положено, он проходит по должности лекаря, это чтобы избегать конфронтации с епископом Геллерием, но в курсе происходящего, как и Геллерий, что иногда бывает на советах, но больше для того, чтобы подтвердить свой статус.

Улучив момент, я рассказал наедине Альбрехту, что случилось у меня с Мунтвигом лично, он дивился такой дурости и качал головой, на лице все четче проявлялось сожаление, что связался с таким придурком, но я закончил на победной ноте, дескать, выскользнул, как жирный карась из кривых пальцев, и хотя ничего не унес, кроме своей шкуры, но разве это не высшая ценность для демократа?

— Мунтвиг не знает, — закончил я, — что со мной. Возможно, этот проклятый Ричард Завоеватель убит. Так или нет, он предпочтет выждать до конца. Пока та тварь не должна была сожрать того наемника, да и потом...

— А ему не все равно? — спросил он. — На его планах это не отразится. Натиск на проклятый Юг в любом случае!

— Ну да, — сказал я уязвленно. — Если Ричард убит, то у нас должна начаться неразбираиха, даже паника.

Он спросил саркастически:

— С чего бы?

— На мне завязано слишком много, — признал я, — это издержки стремительного развития в условиях демократического тоталитаризма и автократии культа личности, потому Мунтвиг мог бы воспользоваться этим для полного и стремительного разгрома деморализованной армии.

Он покачал головой.

— Вряд ли он до этого времени сдвинется с места. У вас некоторая переоценка собственной значимости, ваше высочество.

— Предположительно, — ответил я.

— Он все равно должен продолжать широкомасштабное наступление, — сказал он. — Потому и вам придется все войска не держать в кулаке.

— Думаете?

— Если Мунтвиг собирается завоевать... пусть не весь мир, а только Юг, то все равно нужно захватывать и соседние королевства. Потому целесообразно заранее рассредоточить силы... ну, скажем, разместить армии на главных направлениях. Не собираетесь же вы держать войска Шварцкопфа и Меганвэйла рядом?

Я зябко передернул плечами.

— Ни в коем случае!.. Нужно заранее указать им места дислокации на противоположных концах нашего фронта. Подайте вон тот рулон... Это карта. Кстати, самая последняя. С расположением всех войск Мунтвига с точностью до пятидесяти миль. С указанием всех дорог, оврагов, ущелий, проходимых и непроходимых лесов и болот.

Он всмотрелся, приподнял брови.

— Здесь совсем свежие пометки. Но не мог же Норберт вчера узнать, где именно армии Мунтвига сегодня, которые, судя по карте, за четыреста миль?

Я поджал губы и сказал чопорно:

— А моя интуиция?

— Знаете, сэр Ричард, — сказал он сердито, — в жопу вашу интуицию! На интуицию можно полагаться, когда имеешь дело, скажем, с женщинами. Если и промахнешься, то не жалко. Но на войне лучше как бы не промахиваться.

— Моя интуиция обычно бывает подкреплена, — сказал я тем же тоном. — У меня в друзьях всякие... агенты. Они и могут кое-что вызнавать...

Он буркнул:

— Логирд?

— А-а, — сказал я, — какой вы быстрый!

— Согласен, — ответил он скромно. — Значит, это он подсказывает?

— Знаете его?

— Еще бы, — ответил он. — На моих глазах погиб. Верховный инквизитор велел похоронить его останки как христианина и отслужить по нему панихиду... не так ли? Но некроманты... даже бывшие... способны на всякие трюки...

— У вас хорошая память, — похвалил я. — Ужинать приходили туда, где и обедали? В общем, карта достоверная.

— Насколько?

— Достовернее не бывает, — заверил я. — Вот здесь мы, здесь Клемент, верховные лорды с их дружинами...

— Что намереваетесь делать с ними?

— Отправлю партизанить, — сообщил я. — Пусть грабят обозы в тылах Мунтвига. Для крупномасштабных сражений феодальные армии не весьма хороши. Вот здесь противника будут ждать Макс и Клемент. Меганвэйла сразу направлю вот сюда... здесь дорога идет по ущелью, он остановит любую армию, если догадается использовать рельеф и установит укрепления... а он установит точно.

— Тогда Шварцкопфа вот сюда?

Я проследил за его пальцем.

— Ишь ты, дорогой барон, простите, граф!.. Вы не разучились еще понимать по карте. Да, это удобное место и от Меганвэйла далеко. Между ними Геллермин, Макс, Зигмунд с Сулливаном...

— А еще подойдут турнедские полководцы, — заметил он. — Подойдут?

— Подойдут, — пробормотал я. — Надеюсь.

Он спросил встревоженно:

— Что-то стряслось?

— Да ничего особенно, — сообщил я, — если не считать, что в Сен-Мари королем снова Кейдан.

Среди мародеров в разграбленном лагере мунтвиговцев я заприметил Хреймдара, он и сам роется и с другими общается весьма активно, а они, как я понял, многие непонятные находки сперва показывают ему.

Похоже, он больше купил, чем отыскал сам. Я встретил его торопливо возвращающимся в город, согнулся, за спиной огромный мешок, где что-то постукивает, погрюивает и даже позвякивает.

— Вижу, — сказал яsarкастически, — с нами в самом деле стоило идти без колебаний!

— Ваше высочество, — сказал он с испугом, — что вы так пугаете!

— Нужно смотреть не только в землю, — сказал я наставительно, — словно монетку ищете, а в сторону горизонта, а то и вовсе на звезды!.. Или вы не мудрец?

— Глядя на звезды, легко споткнуться, — ответил он серьезно. — А я вот, будучи практикующим магом, побывал в разгромленном лагере и кое-что нашел.

— Для сельского хозяйства?

Он не понял, сказал пониженным голосом:

— Если зайдете ко мне, покажу одну из находок.

— Зайду, — согласился я.

В городе он прошел две улички и остановился перед воротами солидного особняка.

— Я снял комнату здесь.

— От скромности не умрешь, — заметил я. — Мои герцоги в таких конурах ются, а ты...

— Они солдаты, — пояснил он, — их не жалко.

Двери нам отворил крупный и толстый слуга, низко поклонился Хреймдару, на меня не обратил внимания, из чего я понял, что их жилец человек состоятельный и щедрый.

Мы прошли по вымощенной булыжником дорожке к дому, там навстречу суетливо выкатился второй

слуга, еще толще, угодливо распахнул перед нами двери в дом.

В холле приятный полумрак и прохлада после жаркого солнечного дня. Мы сделали пару шагов, как из кухни, судя по запахам, что вырвались следом, вышла с медным подносом молодая и весьма пухлая девушка, светловолосая и явно веселого нрава, о чем говорят ямочки на щеках и подбородке, глаза голубые, носик задорно вздернут, губы всегда готовы раздвинуться в веселой усмешке.

— Ох, — прощебетала она счастливо, — господин Хреймдар, у вас гости?

— Точно, — сказал Хреймдар, отдуваясь. — Иди приготовь поесть.

— Хорошо, — щебетнула она тем же счастливым голоском, затем хитро стрельнула в мою сторону очень живыми глазами. — А вам, дорогой гость, если нечего будет делать и у вас будет для этого время... моя комната на втором этаже слева.

Я проводил ее оттопыренный сочный зад долгим взглядом.

— Смотри, ты везде неплохо устраиваешься.

— С возрастом человек начинает ценить уют, — пояснил он. — Я все такой же бедный человек, как и в молодости, но теперь уже с деньгами.

Его комната выглядит скромно, но, думаю, только потому, что он сам не пожелал лишней мебели или портретов на стене. Пока я осматривался, он высыпал из мешка прямо на пол все содержимое и торопливо в нем рылся.

Я покосился на единственное зеркало, укрепленное в овальной раме на стене, прошелся мимо, кося в него глазом, осторожно пощупал пальцем твердую холодную поверхность. Вроде бы просто зеркало, что и слава богу, а то либо порталы хрен знает куда, то

отражает вроде бы тебя, но не совсем, иногда старше, иногда моложе, в одном я видел себя с жутким шрамом через всю харю, а у одной леди зеркало служило для примерки нарядов, то есть подходит голой, а на ней то один наряд, то другой, то третий, не нужно долго надевать и зашнуровывать все корсеты, а потом расшнуровывать...

У Хреймдара в руках нечто завернутое в мешковину, он торопливо освободил и положил на стол. Это оказалась толстая книга в медном переплете с изумительно четко выполненными барельефами в виде драконов и грифонов.

Я ждал, что откроет, но Хреймдар отпрыгнул, выставил предостерегающе ладонь.

— Погодите...

— Защита?

— Да, — ответил он, — и серьезная.

Я ждал, он некоторое время бормотал себе под нос заклятия, наконец вскрикнул довольно:

— Вот оно!..

Книга осталась на месте, но медная обложка раскалилась докрасна, донеся запах горелого. Я забеспокоился за сохранность бумаги, а медь уже стала оранжевой, вот-вот потечет, затем вовсе белой, осветив половину комнаты, в то время как под книгой сгущается тьма, стол укрыла ночь, ножек вообще не видно, словно они в темном болоте, а еще из этой зловещей тьмы послышались шлепающие по грязи звуки, что начали приближаться ко мне.

— Быстрее, — сказал я нервно, — что за хрень?

— Спокойствие, ваше высочество, — проговорил он, — только спокойствие...

— Быстрее, — поторопил я, — сейчас грызанет, буду петь тонким голосом!

— А вы не хотите?

— Не-е-ет!

— Сейчас.. сейчас... еще одно заклятие... эх, что-то вылетело из головы...

Я выхватил меч и начал тыкать впереди себя, защищая колени. Дважды попал в нечто мягкое, но в третий раз чудовищная сила вырвала лезвие из моих рук.

Хреймдар выкрикнул заклятие, и разом все исчезло, как свет, так и тьма. Книга мирно лежала все так же на столе, обложка как обложка, Хреймдар неспешно и уже по-хозяйски открыл, а я подобрал с пола меч, а когда увидел, что с ним, охнул и сцепил зубы, останавливая дрожь.

Кончик оплавлен, стальное лезвие прокущено насквозь, словно это мягкий сыр, через три дырочки можно смотреть на мир.

— С опасными вещами имеешь дело, — сказал я, стараясь не дать голосу вздрогивать.

— Зато какими интересными, — ответил он жизнерадостно, не отрывая взгляда от страниц. — Подумать только, это же знаменитые летописи Кеприуса, а их считали потерянными...

— Там есть что-нибудь полезное для сельского хозяйства? — спросил я.

Он ответил с укором:

— Ваше высочество, какое сельское хозяйство? Здесь высшие абстрактные истины... И не прикидывайтесь, что вам неинтересно! Я с вами откровенен и даже тянулся к вам потому, что чувствую в вас огромную колдовскую мощь, даже чародейскую. Как бы вы ни строили из себя политика, но вы — маг по своей сути!

Я вздохнул, хотел возразить, но и сам чувствую в себе эту мощь. Терроса победил не потому, что сильнее. Всего лишь изощреннее. Но теперь его чу-

довищная сила во мне, знать бы, как ею воспользоваться.

— Знаешь, — сказал я наконец, — может, я вообще великий балерун по рождению, но что толку, если страна голодает или в постоянной войне с такими же дураками? Не до танцев, нужно сперва накормить, развести драчунов по углам... а потом и танцевать маленьких лебедев!

— А сможете тогда?

Я вздохнул.

— Вряд ли. Но девиз рыцаря — защищать тех, кто сам себя защитить не может. А защита — это не только спасать девственниц от драконов.

Он повернул голову в мою сторону, во взгляде пропало уважение.

— Вы правда это понимаете?

— А что, — спросил я сердито, — есть еще на свете, кто это понимает? Тогда почему не вижу Царства Небесного?

Глава 10

В прошлый раз я нарочно огорошил Альбрехта, пусть, гад, знает, что мы всегда в боренье, покой нам только снится, не мир, но меч, а то и топор. Но с того момента я постоянно чувствовал на себе его вопрошающий взгляд.

Сегодня я решил прекратить мучить ожиданием не столько его, как себя, кивком пригласил его в свой шатер и подробно рассказал, как фактически был сброшен, низвергнут с самой высокой точки в Сен-Мари.

Он посмотрел внимательно, просветлел лицом.

— Фух, наконец-то...

— Что? — спросил я свирепо, — Чего?

— Наконец-то, — сказал он счастливо, — вам кто-то дал по голове дубиной. Или подрезал крылья, все равно. Это же просто везение!

Я стиснул челюсти.

— Дорогой друг... если вы еще друг, а не работаете на Мунтвига, объясните свое глыбокомыслие, пока я вас не удушил собственными руками, не передоверив такое счастье палачу!

Он сказал бодро:

— Помните перстень Поликрата?.. Как-то Поликрат похвастался, что ему везде и во всем везет. Его друг напомнил, что у него есть один могущественный враг, царь далекой страны, которого надо бояться. Но едва он успел договорить, как прибежал гонец и сообщил, что тот царь разбит войсками Поликрата, вот его отрубленная голова... Тогда друг сказал, что флот еще не вернулся с той войны, а сейчас такие штормы, наверняка все корабли потонули... Но только сказал, как трубы возвестили, что корабли невредимыми вошли в гавань. Друг напомнил, что вообще-то на море хозяйствяют пираты, но вбежал гонец и сообщил, что страшная буря затопила корабли пиратов все до одного. Друг в ужасе за Поликрата напомнил, что счастье всегда когда-то кончается, лучше вовремя перестраховаться и потерять самому что-то ценное, и тогда Поликрат, подумав, снял с пальца самый ценный перстень и бросил его в море. Но пока они беседовали дальше, прибежал повар и подал перстень, найденный в пойманной рыбе... И тогда друг в ужасе бежал от Поликрата подальше, чтобы и его не зацепило грядущей бедой.

— Хреновый у Поликрата друг, — сказал я.

— Это намек? — спросил он.

— Как знаете, — ответил я сварливо. — Но я потерял Сен-Мари, но рыба не принесла мне его взад, держа ни в пасти, ни под плавником, ни даже в заднице!

— Можно рассматривать, — сказал он, — что рыба принесла вам Бриттию, а потом принесет Ирам...

Я сказал в негодовании:

— Типун вам во все места! Никаких новых приобретений! Я гуманист и стою на либеральных ценностях!

Он осторожно полюбопытствовал:

— А что это?

— Откуда я знаю, — огрызнулся я. — Был как-то разок в затурканном королевстве с вусмерть зашуганным народом, где если не будешь клясться в приверженности либеральным ценностям, то будут смотреть как на весьма опасного человека, с которым лучше не общаться... В общем, хочешь сказать, что малая доза неприятностей сработает как противоядие на будущее? А у меня выработаются антитела? Ну, это такие крохотные демоны, совсем крохотные... Ладно, пока душить не буду. И бить... погожу. Это я к тому, что мы все равно пойдем дальше. А встретим неудачу, сами ей свернем рога и выю. Выя — это тоже вроде бы шея, но потолще и погрязнее.

Он отмахнулся.

— Оставьте выю себе. А вообще-то, ваше высочество...

Я посмотрел по сторонам, потом с подозрением на него.

— Опять шуточки? Здесь никого нет!

— Простите, Ричард, — сказал он и щедро улыбнулся. — Вообще-то, как я уже говорил, я пошел за вами, чтобы посмотреть, как быстро сломите шею. Потом начал предполагать, что иногда что-то и про-

считываете... каким-то странным образом. А когда вот уверился в этом... вдруг понял, что я жестоко ошибся, вы ничегошеньки не просчитываете.

— И снова ждете, когда сломлю шею?

Он улыбнулся левой половинкой рта.

— Да, но только очень не хотелось бы... Начала нравиться вся эта безумная затея сделать мир лучше силами одной маленькой группки.

— Не настолько я наивен, — буркнул я.

— Ричард?

— Мы расширяем свою группку, — напомнил я, — орден Марешала вышел из подполья и развивает кипучую деятельность уже в ряде стран!.. Это настолько могучая сила, что ее, скорее, придется потом сдерживать, чтоб не наломали дров в жажде перестроить мир как можно быстрее!

Он повторил, глядя на меня очень внимательно:

— В Армландии не было никаких орденов, потому плохо представляю, что это такое... Вы говорите, могучая сила?

— Могучайшая, — заверил я. — Это... это как... религия! Религия, что охватывает все королевства и сшивает их в единое пространство!.. Только религия как бы мудра и беззуба, а рыцарский орден — это религия в крепких доспехах, с длинными мечами и несокрушимейшей верой в правоту своей миссии! Великой миссии, дорогой друг.

Он проговорил с сомнением:

— Звучит слишком заманчиво.

— Вы не поверите, — сказал я, — но в руках орденов могут оказываться земли намного более крупные, чем королевства, а воинская мощь вообще...

Он посмотрел с недоверием и даже чуточку испуганно.

— Что с нею?

— Воинская мощь орденов, — сказал я, — будет сокрушать армии королевств играючи. Но главное не в этом.

— А в чем?

— В королевстве разные люди, — пояснил я. — А орден — это объединение людей, воспламененных одной идеей. И кто против них, если с ними Бог?

— То есть, — уточнил он, — вы?

Дозорные Норберта примчались с донесением, что в нашу сторону по южной дороге движется большое войско под знаменами сэра Ричарда, однако... тут они сбивались и начинали путано рассказывать, что в арьергарде идут громадные чудовищные тролли, а ведет их тоже, похоже, тролль, только в массивных доспехах с головы до ног, а еще морда почему-то не зеленая.

— Прекрасно! — сказал я, видя, как озабоченные взгляды лордов обратились ко мне. — Как вы видите, весь мир поднялся против чудовищной язвы на теле всего прогрессивного человечества, этого, с позволения сказать, Мунтвига!.. Эту коричневую чуму демократии и гуманизма нужно остановить всеми силами королевств и народов! Даже тролли, как видите, у которых своя жизнь и свои обычаи, ощутили угрозу всему прекрасному и трепетно светлому, потому отдали своих лучших воинов в распоряжение наших полководцев, дабы спасти мир от этого Черного Властелина, именуемого Мунтвигом!

Меревальд спросил пугливо:

— Тролли будут сражаться? На нашей стороне?

— Будут, — подтвердил я. — Они не успели вступить в бой, когда их привели в Вендовер, перемирие удалось заключить раньше, но здесь они покажут

свою звериную доблесть и альмасамцовое мужество в борьбе с препятствиями!

Меревальд отступил и ссгутился, показывая, что он никакое не препятствие, Хродульф тоже счертапшился, только Зигмунд Лихтенштейн с братьями, Сулливан и Хенгест смотрят как ни в чем не бывало, дескать, мы сами еще те тролли, что вообще-то верно, и хорошо, что пополнение прибыло.

Вскоре примчался еще гонец с сообщением, что люди Паланта сейчас покажутся на дороге, деликатное напоминание, что желающие встретить могут выдвинуться навстречу, а кому прибывающие неприятны, напротив, могут отойти в сторону по своим якобы делам.

Я вскочил на Зайчика, многие лорды тут же последовали моему примеру, а на дороге заблистали грозные искры на металле, поднялась пыль, потом из нее вынырнули всадники.

Заметив нас, Палант повел войско усиленным маршем — это когда конница вместо обычных пяти миль в час дает на рысях восемь-десять, а кнехты все пять: сейчас можно, впереди отдых...

Вперед вырвался отряд в десяток всадников, почти все армландцы, знакомые лица, во главе Палант. По взмаху его руки остановили коней, а он, соскочив легко, с юношеской грацией, подбежал к Зайчику и преклонил колено, глядя на меня снизу вверх влюбленными глазами.

Когда он явился ко мне впервые, то с гордостью заявил, что сам он из Лонгфельдов, младший сын сэра Гевекса, зовут Палантом, а с ним аж сорок тяжелых всадников, две сотни кнехтов, сотня лучников и тридцать арбалетчиков! А вот сейчас командует ограниченным контингентом войск, что способен на равных вести войну с королевством средних размеров.

Я слез на землю степенно, суетливость в движени-ях для сюзерена неуместна, поднял его и обнял как старого друга. Он счастливо пискнул в моих руках.

— Палант, — сказал я тепло, — как ты возмужал...

Он смотрел на меня все так же снизу вверх и от-ветил почти с сочувствием:

— А вот вы, ваше высочество, ничуть не измени-лись.

— Говорят, — сказал я, — быстрее всех стареют влюбленные. Ты... как?

Он застеснялся, сказал с неловкостью:

— Ваше высочество!

— Ну что ты, — сказал я успокаивающе, — идешь с сэром Растиером, и он тебя до сих пор ничему не обучил?

Он вздрогнул, даже отступил на шаг.

— Да боюсь я этих гарпий!

За моей спиной послышались сдержаные смеш-ки. Думаю, уже и среди вендоверцев сейчас ширится молва об уникальных пристрастиях Растиера, а то, что эти разговоры ничего не имеют общего с действитель-ностью, никого не интересует, нам всем нравится ви-деть жизнь яркой и необычной.

Рыцари подходили по одному, я приветствовал всех, говорил теплые слова и передавал Геллермину, а он уже другим лордам, знакомым и тем, кого им предстоит узнать в нашей справедливой и освободи-тельной борьбе против тирана и душителя демократи-ческих и прочих ненужных свобод.

И тут все умолкли и, оставив объятия, повернулись к дороге. Земля подрагивает под тяжелой поступью. Но это не тяжелая бронированная конница с рыца-рями в седлах, а идут могучие кряжистые тролли, по-крытые пылью так, что они уже не зеленые, а се-рые.

Только передний ряд военачальников в доспехах, дальше идут в кожаных латах, шкурах мехом наружу, простых одеждах, небрежно сшитых, но большинство вообще полуголые, щеголяя чудовищно развитыми грудными клетками и толстыми, как деревья, узловатыми руками.

Немногие с огромными топорами, копьями, большинство с дубинами и палицами, излюбленным оружием троллей, которыми они разбивают, как орехи, и прочнейшие рыцарские панцири, не говоря уже о шлемах.

На них смотрят с содроганием, стараясь выдавить улыбки, тролли страшны даже вот те, полуголые, ибо их кожа прочная, через самые густые кусты ломятся не поцарапавшись, мясо настолько жесткое и прочное, что кажется, будто рубиши дерева, любое острие тут же увязает, а если учесть, что на троллях все заживает куда быстрее, чем на собаках, то они опасные противники не только из-за своей чудовищной силы.

Впереди на жеребце, которого легко можно принять за носорога — вон и могучий рог торчит из стального налобника, — высится закованная в сталь башня, в ширину чуть ли не такая же, как и в высоту.

Я сам пошел навстречу, зная, что Растер не догадается преклонить колено, и, едва он слез, продавив под собой землю, как молодой лед, я растопырил руки для жаркого объятия.

Оно в самом деле получилось жарким, сталь накалилась под прямыми лучами солнца. Я задержал дыхание, когда он в свою очередь стиснул меня громадными, как у матерого тролля, рутищами.

От него все так же несет нерассуждающей мощью, если не больше, общение с троллями оказывается, а суровое лицо с массивными надбровьями, мошны-

ми скулами и тяжелым подбородком с широченной челюстью выглядит лицом облагороженного тролля.

— Дорогой друг, — прогудел он мощным голосом, больше похожим на медвежий рев, — нам везет на тяжелые испытания, что подбрасывает любящая нас судьба!

— Да, — поддакнул я, — Господь Бог посыпает испытания только тем, кого любит.

— Истинно!

— Обнимаю, — сказал я, — еще раз и передаю вас в руки ваших старых и новых друзей, а также тех, кто наверняка станет другом...

Я уловил восхищенный взгляд принца Сандорина Винтонмаерского, а рот его высочества вообще приоткрыт в изумлении при взгляде на эту башню из настолько толстого железа, что не прорубить никаким топором.

А я прошел к троллям, что в настороженности остановились невдалеке. Великий вождь Чандлер в первом ряду, как и положено, все великие тролли первыми вступают в бой, как, к примеру, Александр Македонский или Ричард Львиное Сердце. Рядом с вождем верный Чак, Гэка что-то не видно, хотя здесь он вроде бы просто Гак, с другой стороны смотрит настороженно Занг, раньше он был начальником дозора...

— Приветствую, други! — провозгласил я мощно и красиво, это как же хорошо обращаться с простыми и даже очень простыми, не отягощенными никому не нужным в жизни высшим образованием. — Наконец-то мы вместе и все разом!.. И дальше неутомимой поступью и с горящей отвагой взором на благо и во имя!.. Да сбудется, и все свершим!.. Мы сумеем, и победа будет за нами!.. Ура!

Тролли трижды прокричали «ура», в лагере тревожно заржали кони, а кое-кто из рыцарей схватился

за голову, удерживая затрепетавшие от порыва ветра перья на шлемах.

— Вам помогут разбить лагерь, — сообщил я. — Я хочу, чтобы вы даже в подобных условиях жили с удобствами! А теперь отдыхайте.

Глава 11

В Баббенбурге и соседних городах множество оружейников, я загрузил их работой, велев сковать для начала два десятка полных доспехов рыцарского типа для троллей. Некоторые струсили, отказались, но другие, напротив, загорелись идеей создать нечто небывалое, все-таки у троллей нестандартные фигуры.

Чандлер в сопровождении верного Чака, Занга и еще двух гигантских троллей первым явился на снятие мерки. Вернулся довольным, приняли хорошо и пообещали сделать такие стальные латы, каких и у королей еще не было.

После него еще несколько троллей, отобранных им лично, побывали у бронников и у оружейников, причем у последних кое-чем разжились, хвастаясь по возвращении огромными топорами с удивительно острыми лезвиями и удобными рукоятями.

Моих отрядов, больших и малых, подходило к городу все больше. Все они располагались за городскими стенами. Их предводители предпочитали разбить свои шатры там же, и я решил, что пора и мне перебираться в лагерь, а то мои люди захекаются бегать ко мне с докладами и по моим вызовам.

Отцы города закатили грандиознейший пир, накрыв столы в главном зале ратуши. Остальные рыцари, квартировавшие в городе, последовали моему примеру.

На празднование пригласили все отличившееся рыцарство, в том числе и славных военачальников Бриттии, городского главу Фаарда Котингема, но главными героями были, разумеется, Лихтенштейны, сэр Геллермин и герцог Клемент.

Даже верховные лорды Варт Генца: Хродульф, Леофриг, Хенгест и Меревальд в этот раз не кичились и не мерились заслугами, о них еще будет время вспомнить, но сейчас каждому понятно, что, не приди вовремя Зигмунд, Геллермин и Клемент...

Отцы города тут жеозвели сэра Геллермина в почетные граждане Баббенбурга, освободили его от всех налогов и даже постановили назвать его именем одну из улиц.

Досталось пряников и Клементу, с появлением его армии, как многие считали, в войне наступит некий поворот.

Я тоже улыбался, кивал, но губы растягиваются неохотно, все время помню, как даже с большой высоты смотрятся пугающие огромными остальными полчища, что идут в эту сторону.

И там намного больше настоящих воинов.

Лихтенштейны и примкнувший к ним Сулливан нисколько не чувствовали себя обойденными, совсем недавно их чувствовали точно так же, когда они вслед за мунтвиговцами ворвались в выбитые ворота и защищали город.

Многие из местных лордов, а также вартгенские и вендоверские посетили лагерь армии Макса, где не только шатры все в струночку, но и костры по шнурку, все в шахматном порядке, никакой толчей, все встанут в строй по сигналу боевой трубы в считанные мгновения.

Особенно всех удивляли копья, тонкие и настолько длинные, что я сам иногда смотрел и удивлялся, как эти парни их удерживают на весу, а потом — как те не переламываются под своим весом, но они приведены из того самого Балийска, области Вестготии, что почти целиком покрыта великолепным лесом.

Копьем из балийской древесины я выбил на Каталаундском турнире из седла тогда для меня неведомых рыцарей Юга, оказавшихся всего лишь пришельцами с той стороны Большого Хребта. С того дня в сознании отложилось воспоминание о великолепных качествах этой древесины: легкость и прочность, и когда в Вестготии краем уха услышал, что лучшие копья изготавливают не в Дорнессе, а в балийских землях благородного графа Эрнеста Слимпельда, я по возвращении в Сен-Мари дал указание барону Альбрехту любыми путями связать графа кабальными договорами на продажу нам всего леса, а если и не всего, то как можно большего количества.

Альбрехт провел операцию блестяще, граф и не заподозрил, что обладает сокровищем, охотно подписал долгосрочный договор и припечатал родовой печатью с гербом, что в течение пятнадцати лет в том лесу представители армии сэра Ричарда будут рубить для себя древесину.

Это мы преподнесли как желание укрепить связи между королевствами, доселе жившими в изоляции одно от другого. Древесину грузили на корабли Ордоньеса, а через десяток миль выгружали уже на берегу Сен-Мари.

И вот сейчас вся наша армия вооружена копьями из балийской древесины — длинными, легкими и прочными. Все рыцарство в вестготских доспехах, местные оружейники изготавливают их с такими при-

садками к металлу, что стрела из арбалета, с легкостью пробивающая любую кирасу, здесь со злым щелчком отскакивает, в лучшем случае оставив царапину.

Так тянулись дни, я беспокоился и об армии графа Чарльза Делстэйджа, что первой прошла эти земли, и о своей армии под руководством герцога Меганвэйла, что идет ей навстречу, и о Шварцкопфе, ведущем армию из Мезины...

Норберт снова доложил, что с южной стороны замечены две большие группы воинских объединений, идут с разрывом в два-три дня между ними.

— Шварцкопф? — спросил я.

Он покачал головой.

— Нет, ваше высочество. У Шварцкопфа армия, а здесь... так, большие дружины. Но, правда, из рыцарства. Оружие хорошее, кони добрые.

— Что на знаменах?

— Места там пустые, — объяснил он, — так что знамена, как докладывают разведчики, везут свернутыми.

— Что за...

— Ваше высочество, — сказал он успокаивающе, — они подойдут завтра-послезавтра. Не извольте беспокоиться, скоро все узнаем.

Эту ночь я все-таки провел пусть и не в своей постели, но и не порхал по небу, а вместе с лордами принимал местных, что начали организовывать отряды для защиты королевства.

Оружия им хватило с избытком, на поле битвы остались горы мечей, топоров, копий, щитов, но с организацией плоховато. Я посоветовал не рисковать нападать на армии, хватит для подвигов и шныряющих повсюду мелких отрядов мунтвиговцев, что не думают о борьбе со Злом, а пришли просто пограбить.

На следующий день примчались конники Норберта с сообщением, что войско уже приближается, какие будут приказания?

— Выеду навстречу, — сообщил я настороженно, — что-то жизнь все страньше...

Несколько лордов тут же велели оседлать и для них коней. Я не стал отрываться от них, хотя Зайчик и уговаривал, вскоре, в полукилометре впереди уже показался отряд блестящих рыцарей, а за ними двигается огромное конное войско.

Бобик весело подпрыгнул, так бывает, когда узнает кого-то, кто уже чесал ему за ушами, ринулся в ту сторону с такой скоростью, что я только открыл рот и закрыл.

Завидев встречающих, отряд перешел на рысь, затем в галоп. Я остановил Зайчика и ждал, уперев руку в бок и слегка откинувшись назад в великосветской манере владетельного и всем довольного лорда.

Всадники перевели коней на рысь, затем пустили шагом, только их предводитель шел в том же аллюре, но в пяти шагах остановил коня, соскочил на землю.

Я охнул, узнав сэра Мидля. Он пошатнулся от усталости, но пошел ко мне и преклонил колено.

— Ваше высочество...

Я жестом велел ему встать, чувствуя, как мои глаза лезут на лоб, спросил быстро:

— Что стряслось?

Он ответил учтиво и с достоинством:

— Его Величество король Найтингейл изволил послать вам в поддержку хотя бы какое-то войско.

— Спасибо...

— Я вызвался, — закончил он, — его возглавить.

— Но... почему? — воскликнул я.

— Я зять Его Величества, — объяснил он спокойно и с тем же великолепным чувством достоинства, —

и мне показалось недостойным отсиживаться в тихом и мирном уголке удаленного от бурь королевства, когда второй зять Его Величества выдерживает основной удар Темных Сил и подвергает себя опасностям и лишениям воинской жизни.

— Ох, — сказал я.

— Я не мог иначе, — ответил он скромно. — Моя честь была под угрозой! Я не мог позволить, чтобы она была унижена вовсе. Потому мой меч в вашем распоряжении, сэр Ричард!

— Хорошо-хорошо, — сказал я торопливо. — Да, я весьма даже обеспечу вам трудности и лишения... но вы подумали о нашей Франке?.. То два мужа, а то ни одного! Это не совсем честно по отношению к ней, и хотя с женщинами невозможно быть честными, но нужно быть хотя бы добрыми.

— Долг супруги, — ответил он твердо, — ждать. А наше дело — облагораживать мир.

— И обустраивать, — согласился я. — Дорогой герцог, у вас будет широкое поле деятельности!

— Спасибо, ваше высочество.

— Как и возможность, — добавил я, — совершать всяческие подвиги. Но сейчас я просил бы вас отдохнуть сутки, а потом выехать навстречу армии герцога Меганвэйла и принять под свою руку крайне важное для всех нас и для победы над противником... военное изобретение!

Он насторожился.

— Ваше высочество?

— Ближайший друг и сподвижник, — объяснил я, — герцога Блэкмура, бывшего правителя Ламбертии, придумал эпохальное изобретение — рессоры! И хотя это пока только ременные подвески, но с ними телеги с людьми внутри впервые могут развивать практически ту же скорость, что и всадники!..

Такого еще не было, как вы знаете. Это переворот в военном деле. Кто владеет передовыми технологиями ведения войны — тот и выиграет!

Его лицо стало серьезным, наконец проговорил задумчиво:

— Да, я понимаю... Это великая честь, спасибо за доверие. Но нужно многое понять и освоить...

— Вы человек вдумчивый и серьезный, — сказал я. — Именно это в вас всегда ценит наша Франка. Вы справитесь!

Вторую группу я ждал с нетерпением, даже не стал заранее вызнавать, кто такие, уже догадываясь от кого подарочек.

Через двое суток к городу приблизилось компактное войско примерно в три тысячи человек, все в прекрасных доспехах, кони такие, словно их отбирали по всему королевству, а на знаменах, гордо развевающихся над головами, одни львы, леопарды, орлы, медведи, грифоны, драконы и всякие там вепри с оскаленными клыками.

Я выехал навстречу на Зайчике, Бобик тоже увязался встретить, но, увы, ни Барбароссы, ни Маршалла, зато целый ряд знакомых лиц. Барбаросса прислал хоть и не армию, однако отряд как лучших бойцов, так и достаточно доверенных лиц, постоянно крутившихся у него во дворце.

Они спешились, в мою сторону направились их военачальники. Я помедлил и хотел покинуть седло, но вспомнил, что как-никак я их коннетабль, потому только упер руку в бок и наблюдал спесиво и надменно, как они выстроились в ряд и поклонились.

— Приветствую, — ответил я державно и вскинул руку. — Вы прибыли вовремя, дорогие друзья! Нам

многое предстоит... и покрыть себя славой, и увековечить имена, и перевернуть мир... но сегодня день отдыха. Приводите себя в порядок, знакомьтесь с боевыми соратниками, готовьтесь к будущим подвигам!

Я спрыгнул на землю, это знак, что формальная часть кончилась, перехватил уважительные и донельзя удивленные взгляды верховых лордов Варт Генца: почему эти военачальники кланяются, словно я их не-посредственный командир, но что делать, не напомнили бы, я и сам бы забыл, кто есть коннетабль всех вооруженных сил королевства Фоссано.

Дальше я шел вдоль их ряда, называл по именам, это всем льстит, пожимал руки, улыбался и отпускал шуточки в адрес сэра Маршалла, самого Барбароссы, его могучей Алевтины и разных знаковых событий, вроде Каталаунского турнира или бесславной попытки неких забугорных, точнее захребетных, сил совершил гнусный государственный переворот.

Глава 12

Впервые за долгое время увидел брата Вангардия, он настолько влился в поисковый отряд Норберта, что ни разу не показывался в Баббенбурге, постоянно пребывая в разъездах.

Он, видя, что я смотрю на него, поклонился, подошел торопливо.

— Ваше высочество... вам что-то угодно?

Я сказал беспечно:

— А, послушник... Что-то вы так пропали внезапно. А то у меня голова от военных планов совсем ничего не соображает... надо бы поляпать языком о чём-нить попроще, что не требует мозгов. К примеру, о божественном, а вас хоть с собаками разыскивай!

Он с натугой улыбнулся и сказал примирительно:

— Ваше высочество, о божественном хоть все знают и все думают, что знают, но на самом деле... это сложно.

Я беспечно отмахнулся.

— Да ладно вам!.. Что там сложного?.. Я вот, как правитель, заинтересован прежде всего, чтоб люди работали лучше. Будут работать хорошо и много — все будет. Но что посоветует Святое Писание или хотя бы церковь?

Он подумал, пожал плечами.

— Раньше плохо работающих просто пороли, теперь — больше платят, чтоб старались.

— Ага, — возразил я, — а они, получив денег больше, просто дольше отдыхают и больше пьют! Нет, надо что-то иное... К примеру, Господь не просто создал мир и до сих пор спит, а побуждает созданного им человека работать и работать! А потом на Страшном Суде спросит: а хорошо ли ты работал, достиг ли высот в мастерстве? Постоянное совершенствование в своей специальности — это моральный долг перед Господом! Долг и ответственность за исполнение услышанного призыва.

Он поморщился.

— Ваше высочество, вы, конечно, великолепный военачальник, но тонкая духовная составляющая веры бывает слишком сложна для понимания...

— А если для понимания, — сказал я бодро, — добавить мужской грубости?.. Скажем, профессиональная продуктивность и деловой успех выступают свидетельством достойного выполнения долга! Леность же греховна, ибо праздный «не услышал» Божьего призыва. Как вам такое?

Он вздохнул, покачал головой.

— Леность, праздность... это толковать можно по-разному. Нищие, как вам известно, если вы открывали Библию, «люди Божьи», им нужно оказывать милосердие, давать пропитание, одежду, жилье... Это богоугодно!..

— Я бы предпочел заставить их обучиться ремеслу и работать, — прервал я.

Он вздохнул и промолчал, только глаза трагически воздел к небу, мол, с каким придурком вынужден общаться, а я подумал, что протестанты милосердие и богоугодность понимают именно как возможность дать этим бродягам возможность обучиться ремеслу и зарабатывать на жизнь. Более того, те страны, которые приняли протестантство, тут же ввели жестокие законы против бродяжничества.

— Религия, — сказал он, — уж простите, ваше высочество, это слишком тонкий и нежный предмет, если можно так выражаться. Вы же не станете забивать в стену гвоздь вот этим золотым кубком, что так украшает ваш стол?

— Да, — сказал я, — вы правы, брат Вангардий.

Он сказал с легким поклоном:

— Вот и хорошо. Надеюсь я немножко развлек вас непринужденной болтовней о всякой ерунде вроде веры, религии и всяких там непонятных таинств...

Еще и язвит, подумал я раздраженно, глядя в его удаляющуюся прямую спину. Хороший человек и будет хорошим священником, но не понял, что я на пальцах объяснил ему протестантскую этику, что рывком вывела королевства, признавшие учение Лютера, в передовые, наиболее развитые и богатые.

В свое время я удивлялся, что в Германии, которая населена как католиками, так и протестантами, лучших экономических успехов добиваются именно протестанты. Практически только они составили ко-

стяк предпринимателей и высококвалифицированных технических специалистов. Кроме того, наиболее динамично развивались и прочие протестантские страны, можно даже не указывать пальцем.

Я сам был свидетелем, как в ряде стран, где масово переходили из католиков в протестанты, сразу же новоиспеченные протестанты быстро поднимали жизненный уровень и профессиональные навыки.

Конечно, есть еще одна конфессия в христианстве, в ней работают и живут еще хуже, чем в католицизме, но не стану указывать пальцем, православные и так сидят в этом самом счастье по ноздри.

За стеной шатра прогремел стук копыт, раздались крики, конский храп.

Я слышал, как некто соскочил на землю и ринулся в сторону моего шатра. Полог откинулся, вбежали двое гонцов, один крикнул:

— Это от сэра Даробаса!

Влетел еще один, глаза лезут на лоб, прокричал, задыхаясь:

— Легкая конница с севера, сбив три наших заставы, идет неудержимо прямо на город..

— Ого, — сказал я. — Если легкая, но идет как тяжелая, то их не меньше пяти тысяч?

Он кивнул, лицо стало уважительным.

— Ваше высочество, разведчики оценивают их количество в пять-шесть тысяч!

— Прекрасно, — сказал я, — пусть прут. Никакого встречного удара, а только вывести всех наших легких конников, пусть обойдут их с тыла и начинают грабить обозы.

Он сказал торопливо:

— Да-да, ваше высочество, вы абсолютно правы! За ними движется огромный обоз, но конница вырвалась очень уж вперед, а обоз почти без охраны...

— Спасибо, — сказал я с иронией, — что похвалили. Ладно, не краснайте, я и сам знаю, какое я совершенство. Ребята, вы все поняли?

Все трое поклонились и быстро исчезли. Я слышал их отрывистые команды, что быстро отдалялись в сторону границы лагеря.

Вот тебе и протестантская этика, мелькнуло в голове горькое. Только начнешь что-то строить, тут же зовут ломать, жечь, вбивать, рушить, это же так приятно и мужественно...

В сопровождении вездесущих разведчиков Норберта прибыл еще один большой отряд рыцарей с усилением в виде панцирной конницы, тяжеловооруженной и на таких же могучих, как и у рыцарей, конях.

Я с удовольствием, даже с наслаждением увидел скачущих впереди барона Адриана, в самом деле красавец в расцвете молодости, сил и мужества, а рядом... какая прелесть, принцесса Лаутергарда, дочь короля Бриттии Ричмонда Драгсхолма!

Над их головами гордо трепещет по ветру знамя Бриттии, свое Адриан, как вижу, велел везти сзади, пропустив бриттское вперед не столько из-за знатности, сколько из-за восторга перед принцессой, что за это время загорела и еще больше расцвела.

Лаутергарда с распущенными волосами, на лбу их скрепляет диадема в виде цельного золотого обруча с крупным рубином, полным неистового пламени. Справа и слева от него еще камешки, но их можно и не замечать, излишество, достаточно этого камня и прекрасных глаз Лаутергарды, радостно распахнутых, взгляд устремлен вдаль, на щеках полыхает румянец, что ей так идет, даже на потемневшем от солнца лице он выглядит прекрасным и придает еще больше жизни.

Платье черное, с широкой огненно-красной вставкой на груди, длинные рукава заканчиваются изящными манжетами, но кто на них смотрит, ибо Лаутергарда в костюме амазонки, что значит правая грудь все так же обнажена, сейчас покрытая нежнейшим загаром, только ареола осталась нежно-розовой, хотя торчащая ягода спелой землянички на вершине холмика чуть потемнела, окончательно созрев.

Зато Лаутергарда, как вижу, не опускает на нее взор, тут же дико краснея, сейчас смотрит спокойно и с королевским достоинством.

Адриан соскочил на землю и преклонил колено, а я в свою очередь преклонил колено у коня принцессы, но она лишь коснулась ладонью моей склоненной головы и легко соскочила на землю.

— Как я рад вас видеть, — сказал я с чувством. — Барон... принцесса...

Адриан поднялся по моему движению пальцев, я обнял его за плечи и спросил требовательно:

— Берег ли наше сокровище?

— Пуще жизни! — сказал он пылко.

Я повернулся к Лаутергарде.

— Принцесса, он точно не врет?

Она расхохоталась.

— Точно-точно. Он окружил меня такой заботой, что даже не знаю... в отцовском дворце не было такой плотной опеки.

После этой поездки, загорев на солнце, она заметно похорошела, не по-женски широкие плечи выглядят уместнее, чем в отцовском дворце среди сюсюкающих придворных, а выразительное лицо с орлиным носом, выпуклыми глазами и зауженными щеками стало просто прекрасным, приобрело выражение страстного нетерпения и жажды увидеть все, что укрыто за горизонтом.

Она не для графа Сноррика Твердошлема, мелькнула у меня в черепе резкая, как бритва, мысль. Она... вообще пока ни для кого в этом мире.

— Ваше высочество, — сказал я, — мы пока что бессовестно крепко обосновались в этом городе в ожидании, пока подойдут армии герцогов Меганвэйла и Шварцкопфа.

— Надеюсь, — сказала она царственno, — вам понравилось в Бриттии!

— Потому, — закончил я, — и вам придется ютиться не в королевских палатах...

Она прервала живо:

— Принц, последнее время я роскошно жила в шатре!

Я передал ее руку ревниво поглядывающему на меня Адриану, и этот вечно улыбающийся красавец повел ее к лордам, а я смотрел и повторял себе грустно: не для графа, не для графа...

Тот пожелает привычно запереть ее в замке, и все женщины так же привычно с этим мирятся, потому что мужчина принимает на себя весь груз забот и опасностей, это удобно, так защищеннее, но вот находятся же такие сильные и прекрасные, что готовы разделить с мужчиной трудности жизни.

Увы, слишком мало мужчин, готовых принять эту крамольную мысль.

Глава 13

Лаутергарда, прекрасная и надменная, как-никак дочь могущественного короля Ричмонда Драгсхолма, устроила своим появлением фурор в Баббенбурге. Наши прибывшие лорды: Лихтенштейны, Сулливан, рыцари Фоссано, Шателлена и Вендовера — ходили

за ней, как гуси, счастливо гогоча, очарованные и ее амазонистостью, и острым живым умом, и знанием политики и способов управлять землями.

Тем временем Норберт сообщил, что его разведчики обнаружили довольно большой отряд, что завтра пройдет вблизи Бабbenбурга, численностью около двух тысяч человек. Но в нем довольно большое ядро хорошо вооруженных рыцарей, около трехсот тяжелых всадников, что мало уступают по вооружению рыцарям, а остальные просто примкнувший к ним сброд.

— Обоз? — спросил я.

— Никакого, — доложил Норберт. — Только конные.

— Значит, пробавляются грабежами, — сказал я. — Что ж, такие соединения надлежит приравнивать к разбойничьим, а это значит обращаться соответственно.

— Истребить, а сдавшихся повесить?

— Если сдавшихся будет слишком много, — ответил я, — то зачем лишний труд?

— Где слабый ненавидит, — мудро заметил Альбрехт, — сильный уничтожает.

Я кивнул в его сторону.

— Видите? Весь народ единогласно за то, чтобы лишних уничтожить.

Норберт ответил очень серьезно:

— Тогда прислушаемся к гласу народа. Более того, выполним его божественную волю.

Он отбыл, Альбрехт фыркнул вдогонку.

— Все-таки ему нужно на кого-то ссылаться в таких случаях.

— Еще бы, — согласился я. — Никому не хочется ходить в военных преступниках.

— А это что?

— Да как вам сказать... есть такие, что хотят быть святыми папы римского. Обожают рыться в истории и судить людей прошлого не по меркам того времени, а которое придет через тысячу лет.

— Да уж, — пробормотал он озадаченно, — каких только лицемеров не рождает земля. Надеюсь, таких вешают?

— Если бы, — пробормотал я. — Но, к счастью, таких вешать можем мы.

Адриан первым вызвался перехватить вражеское войско и уничтожить на месте, Леофриг Лесной сказал непререкаемо, что он пойдет тоже, хотя бы для того, чтобы посмотреть, как мальчионка ведет себе в бою, на что тридцатилетний мальчионка не посмел и пикнуть.

Братья Лихтенштейны не собирались идти на какую-то мелочь, но когда услышали, что Лаутергарда поедет в отряде Адриана, тут же засобирались и вели оруженосцам приготовить все необходимое на завтра к выступлению.

На рассвете люди Норберта сообщили о приближении неприятеля. Раньше этой дорогой прошли две армии Мунтвига, потому эти двигаются беспечно, не предпринимая мер безопасности.

Дружина Леофрига заняла удобную позицию в конце не такой уж и узкой дороги, но все-таки проложенной среди отвесных холмов. Дальше она снова расширяется до пределов степи, потому лучше ждать противника здесь, где они не смогут разбежаться.

Я проехался на Зайчике вдоль рядом, Бобик носится вокруг, уже знает, что перед боем прикажу оставаться здесь на месте, потому чуть ли не кувыркается от восторга, спеша насладиться всем этим великолепием.

Кони переступают ногами, иногда обнюхиваются, но шелест многочисленных знамен заглушает как по-

скрипывание конской сбруи, сдержаный лязг металла, так и негромкие разговоры.

Адриан обхехал передний ряд своей дружины, молодец, придилично проверил, насколько все готовы. За его рыцарями, раз уж опоздали вызваться, расположились Лихтенштейны с их рыцарями, а также, как я привык его именовать, примкнувший к ним Сулливан со своей небольшой группкой.

Адриан прокричал весело и страшно:

— Шагом!.. Вперед!

Вся стальная масса колыхнулась, но осталась на месте, а первые линии, одна за другой, начали отделяться от стального монолита, а за ними сдвинулись с места остальные, и лишь когда уже все шли медленно и грозно, Адриан всмотрелся в приближающихся всадников, взмахнул рукой.

Звонко пропела труба, кони послушно перешли на рысь. С той стороны уже несутся галопом, еще не зная, сколько им противостоит этих безумцев. Рыцарская конница некоторое время двигалась на рysях, уже и я забеспокоился, расстояние сокращается с каждым мгновением, наконец Адриан вскинул руку.

Труба торопливо прокричала приказ идти галопом. Земля загудела под тяжелыми ударами могучих коней, покрытых стальной броней. Две лавы летят друг другу навстречу, как две тени грозовых туч в ясный солнечный день, Адриан впереди со вскинутым мечом, его дружина как раз набрала полную скорость таранного удара.

Когда произошла сшибка, сам Анриан и его рыцари долго неслись свозь ряды легкой конницы, раздавая свирепые удары, пока не достигли ядра, где навстречу мчится такая же закованная в сталь конница рыцарей Мунтвига.

Я то и дело останавливал недоумевающего Зайчика, тот начал коситься на меня в удивлении: не заботел ли, всегда же раньше понуждал мчаться во главе и рубить, топтать, сбивать с ног...

— А взрослеть когда? — спросил я его сердито. — Да, самому не хочется, но вот надо!.. Обстоятельства! Общественная нагрузка! Репутация стратега!

Следом за дружиной Адриана несутся неудержимо, как бронированные слоны, могучие Лихтенштейны во главе с Зигмундом и Сулливаном. Эти гиганты даже не останавливались, опрокидывая, как коз, коней противника вместе со всадниками, и все стремились добраться до рыцарского отряда противника, где уж начали бой люди барона Адриана.

Лаутергарду Адриан скрепя сердце поставил в окружении Лихтенштейнов к их неописуемому воссторгу, где среди этих исполинов она должна быть в безопасности, пусть даже и окажутся хоть в самой гуще сражения...

Мунтвиговцы, завидя женщину на коне, сперва нехорошо оживлялись, но затем, увидев, в какой она особой боевой форме, цепенели и смотрели, глотая слюни, в суеверном восторге, а если и возникала какая мысль в пустой голове, откуда отхлынула вся кровь, то лишь как бы захватить, пленить, забрать себе, присвоить...

Рыцари Лихтенштейны держатся вокруг нее плотно, я сперва с беспокойством смотрел, как принцесса врезается в гущу схватки, но рядом Гордон и Колин, самые младшие, но не худшие воины из братьев.

Лаутергарда в пылу боя даже не успевает удивляться, как это у нее так хорошо получается сражаться, но получается, меч в ее красиво вскинутой руке хищно блестит на солнце, а удары наносит быстрые и сильные.

Она в самом деле рубит яростно, и с каждым ударом противник либо опускается с рассеченной головой на конскую гриву, либо вовсе вылетает из седла. В азарте боя не замечает вовсе, что иногда между нею и чужим мечом на мгновение возникает клинок Кристиана или Ховарда. Они, закаленные и опытные в схватках, сейчас пришли на помощь младшим братьям и просто двигаются справа и слева от прекраснейшей из воительниц, успевая увидеть, кого смахнуть с седла самим, а кого оставить под разящий меч Лаутергарды.

Наконец вся масса муントвиговцев дрогнула, качнулась назад, и началось беспорядочное бегство. Остались только рыцари и тяжеловооруженные панцирные всадники, явно связанные с рыцарями клятвой верности.

Часть дружины Адриана ринулась вдогонку, хотя и знают, что в этот момент горловину с той стороны спешно закрывают отряды графа Лиутерда Колриджа и графа Энтони Спенсера, каждый из них жаждет показать себя и заслужить уважение со стороны новых боевых соратников.

Рвались в бой еще и шателленовцы с фоссановцами, но я заверил, что противник слишком ничтожен, для него многовато будет чести, если выставим все силы, которыми располагаем.

Я пустил Зайчика следом за Лихтенштейнами, на меня то и дело бросались со всех сторон воины, которых те либо просто опрокинули вместе с конями, либо успевшие увернуться от схватки с гигантами.

Мой меч быстро окрашивался кровью, но вскоре часть рыцарей окружили нас с Зигфридом, оберегая сюзерена, и так мы пробились в самую гущу сражения.

Со стороны муントвиговцев оборону возглавили пятеро гигантского роста рыцарей, в добротном же-

зе и шлемах старинного образца, со сплошной капской, укрывающей даже подбородок, а для глаз узкая щель.

Сулливан прорубился к ним первым, я слышал его звериный вопль. На него набросились сразу трое, он выстоял с полминуты, затем подоспели Зигмунд, Кристиан и Колин, а я оглянулся и понял, что это последняя схватка, в моем руководстве операцией необходимости нет, и, вскинув меч, ринулся в схватку.

Первым свалил своего противника Сулливан, Зигмунд был близок к победе над своим соперником, но второго сразил я, и он рухнул бездыханным под копыта коней Зигмунда и Кристиана.

Зигмунд заставил коня переступить тело и продолжал сечу, но Кристиан оглянулся на меня с уважительным удивлением, что задело: как это и почему Зигмунд не рассказал о моих подвигах при защите Савуази? Или Кристиан просто плохо слушал?

Доспехи все сильнее накаляются на солнцепеке, а пыль хрустит на зубах, словно крупнозернистый песок. Я рубился, раздражаясь все больше и больше, что за дурь, чем занимаюсь, неужели это был я, когда с таким энтузиазмом бросался в схватку... когда, правда, чувствовал свое неоспоримое преимущество?

Один из рыцарей противника пошатнулся и, выронив меч, крикнул хриплым сорваным голосом:

— Я сдаюсь!..

Тут же еще двое бросили мечи, и Зигмунд выругался, едва успев задержать тяжелый меч в размахе, ведь еще мгновение — и поразил бы безоружного, а это позор.

Остальные бросали мечи с сердитыми лицами и злобно нахмуренными бровями, но я чувствовал, что для них очень важно, чтобы первым сдался кто-то другой.

Сулливан оглянулся на меня. У него, как и у Лихтенштейнов, шлем и остальные доспехи изготовлены местными оружейниками, теперь иссечены настолько, что вот нарукавники и наплечные латы проще сразу выбросить кузнецу на переплавку в подковы.

— Ваше высочество?

— Оставим их пока здесь, — сказал я. — Примерно понятно, что придется с ними делать.

Он кивнул.

— Хорошо. Охрану оставить?

— Да, — ответил я. — Лучше людей Норберта, у него все простолюдины. Негоже использовать для охраны людей благородного сословия.

— Да, ваше высочество. Я прослежу лично.

Убитых осматривали, собирая все ценное, от Норберта примчался гонец и доложил, что на том конце дороги наши перехватили отступающих и разгромили, а немногих выскользнувших из ловушки встретила ожидавшая там легкая конница сэра Дарабоса.

Всех пленных собрали в кучу, многие опустились на землю, ослабев от ран, остальных Леофриг хотел было поставить в ряд на колени, но те воспротивились. Я покачал головой, Леофриг понял и не стал возражать, только велел снять с них шлемы, а также кольчужные наголовники.

Все с непокрытыми головами, с ненавистью смотрели на меня, а я прошел вдоль ряда, отступил на несколько шагов. Крепкие воины, угрюмые, кряжистые, в их жилах еще кипит, медленно остывая, ярость схватки, следят за мною налитыми кровью глазами.

— Внимание, — сказал я резко, — кто я, вы уже поняли. Говорю один раз, повторять не стану. Кто

сейчас отречется от Мунтвига и встанет в ряды моего воинства, тот получит жизнь и свободу.

Они даже не переглянулись, только вытаращили глаза в ответ на такое предложение.

Наконец один, толстый, как лесной вепрь, и даже похожий на него заросшим рыжей щетиной лицом, выставил ногу вперед и гордо откинул голову.

— Недостойные слова, — прорычал он с гневной угрозой. — Мы предпочтем оставаться в плену, пока за нас не заплатят выкуп.

— Выкупа не будет, — отрезал я и посмотрел на молчаливых воинов с топорами, что подошли к пленным сзади. — Это не военные маневры. Игры... кончились.

По моему знаку за их спинами взметнулись топоры и одновременно обрушились на головы пленных, что продолжали смотреть на меня в полной уверенности, что пойдет разговор о сумме выкупа. Некоторые, кто поопытнее, для ударов использовали обух топора, там небольшой крюк, что легко проникает в темя, почти не вызывая всплеска крови, в то время как другие забрызгались фонтанами крови, словно прошли через всю скотобойню.

Никто даже не вскрикнул, трупы упали кто лицом вниз, кто навзничь, слышалось только тяжелое хеканье воинов, вытаскивающих застрявшие лезвия топоров.

Кровь выплескивается широкими струями, пошла заливать всю утоптанную площадку.

Я отступил, чтобы не пачкать сапоги, лицо у меня, думаю, не совсем радостное, потому что один из воинов, очищая лезвие топора от крови и прилипших волос, взглянул на меня с искренним сочувствием.

— Все по-божески, ваше высочество, — проговорил он так, как говорил бы с сыном. — Это не

по-христиански, что они убивали, насиловали и жгли дома, а потом их выкупят, и они снова начнут то же самое... Простых-то здесь сразу поубивали!

Я тяжело вздохнул.

— Да-да, каждый должен получать по заслугам, а знатность не спасательный круг. Свалить их вот в тот овраг! Некогда заниматься похоронами вражеского контингента.

Епископ Геллерий отслужил молебен по всем павшим, не разделяя наших и мутвиговцев, заикнулся было, что хорошо бы предать земле, ведь убитые уже не противники.

Я возразил:

— Разве собираюсь пинать их трупы?.. Они не противники, верно, теперь они вообще никто. Души их в аду, а на такую шелуху, как бренные тела, чего обращать внимание?

Он вздохнул.

— Сын мой, а как насчет твоей души? Ты обрек людей, что сдавались в плен, на смерть!.. Ты велел убить их с холодным сердцем.

— Ваше преосвященство, — ответил я, — хотел бы и я так сказать, но, увы, сердце мое обливалось кровью. Хотя и не должно бы, ибо я прав.

— Прав?

— Святой отец, — сказал я, — это не солдаты, которых некая злая сила погнала на войну! В этом войске все были добровольцами, я лично проверил!..

Он смотрел непонимающе.

— И... что?

— Это значит, — сказал я с усилием, — каждый из них отвечает за свои действия. Каждый за себя, а не какой-то далекий деспот, отправивший их убивать, насиловать и грабить!.. Это не солдаты, которых по пока не принятым международным конвенциям с по-

дачи церкви надо брать в плен и содержать в приличных условиях, а разбойники. Разбойников же, ваше преосвященство, всегда вешали и всегда вешать будут.

Он посмотрел на меня остро.

— Откуда... откуда, ваше высочество, вы знаете на счет проекта договора о содержании военнопленных?

— Просто экстраполирую, — сказал я. — Церковь всегда запрещала луки, арбалеты, турниры, дуэли и вообще войны, а где запретить не удавалось — короли не очень-то послушные прихожане — церковь всегда старалась смягчить условия ведения войн. Так что, ваше преосвященство, я сделал все правильно! По законам Господа, совести и милосердия...

— Милосердия?

— К тем, — уточнил я, — кого теперь точно не убют, не изнасилуют, не ограбят. Казнь преступника — это милосердие в отношении общества.

Он произнес в сомнении:

— Да, но все же... гм...

— Но сердце, — закончил я со вздохом, — все равно щемит, словно совершил грех...

— Щемит? — переспросил он. — Значит, оно у тебя есть, сын мой. Все еще есть.

Глава 14

В городе солдаты устроили пирушку. Убитых пленных оказалось достаточно много, еще больше погибло в бою, а с трупа знатного человека всегда найдется что снять человеку даже не самому бедному.

Горожане тоже повеселели: победы — хорошо, но еще лучше, когда вот так за бесценок, а то и за кружку вина им отдают дорогие вещи, добытые в бою.

Ночью, выскользнув из зала, где снова пир, шумный и бестолковый, я подумал в оправдание, что бурчать и воротить нос не совсем честно, а какие у них еще развлечения, я поднялся в звездное небо и пошел зигзагами на север, особенно просматриваю все дороги, пропуская горные массивы, заболоченные места и слишком густые леса.

Еще одна армия противника двигается тяжело и неспешно. Чувствуется, что это уже настоящая армия, обученная и побывавшая в настоящих боях, а не сборище любителей пограбить, пользуясь всеобщим смятением.

Я прикинул, сколько ей двигаться до условной линии, за которой уже мы, вроде бы Шварцкопф и Меганвэйл подойти успеют. А это значит, с любой армией противника можем общаться на равных, если не свысока.

Довольный, я полетел обратно, все так же шарахаясь из стороны в сторону, чтобы не пропустить противника, который идет далеко справа или слева и пройдет Бриттию по самому краю.

Когда до Баббенбурга оставалось два конных перехода, взгляд зацепился за что-то на земле очень далеко, на самом краю зрямости, я сперва даже не обратил внимание, но проснулось не столько чувство тревоги, сколько любопытства.

Усиленно работая крыльями, я пошел в ту сторону, ага, все-таки двигается войско!.. Нет, не совсем войско, просто очень большой и хорошо вооруженный отряд... Нет, все-таки войско, небольшое войско, только конное, все до единого, а если снизиться еще чуть, можно рассмотреть, напрягая зрение, как в призрачном лунном свете тускло блестит металл доспехов и кончики копий, много баннеров, что ничего не го-

ворят, я и в своем-то войске только самые главные знамена различаю.

Вообще ощущение такое, что едут знатные, очень знатные и чрезвычайно знатные люди. И еще одна странность: едут именно с востока, а двигаются по дороге на запад, в то время как сейчас все прут с севера, как беженцы, так и наступающие за ними части.

А еще... Я едва не хлопнул себя крылом по лбу, от досады провалившись в воздухе на несколько ярдов: а что это за повозка, что неприметно едет в окружении рыцарей почти в самом конце колонны?

Я рискнул снизиться еще, вряд ли кто поднимет голову и начнет всматриваться в небо, повозка выглядит прежде всего очень тяжелой, словно везут казну всей армии. Если это так, то хорошо бы ею завладеть. Даже не столько с целью обогатиться, а чтоб не дать заплатить воинам жалованье. Недовольная армия сражается хуже, а то и вовсе откажется идти в бой...

Отряд остановился, я видел, как всадники спешиваются, стреножают коней, ага, понятно, вторую половину ночи потратят на сон. Замечательно...

Обратно я летел с таким энтузиазмом, словно только что выпорхнул. Тысячи идей дерутся за право быть реализованными первыми, но все разлетелись, когда увидел, как с юга приближается тремя колоннами огромная армия Меганвэйла.

Верховные лорды Варт Генца, предупрежденные конниками Норберта, выехали навстречу, как же — уже видно развевающиеся гордые знамена Великой и Победоносной армии Варт Генца, овеянной радостью побед, а потом их же еще и познавшей!

Я не зря в свое время рассказал с придуханием о великих подвигах этой вартгенской армии нового

типа, что сокрушила Ламбертинию, а потом еще и победно вторглась в земли Вендовера, где отхватила почти треть территории!

На них в самом деле стоит посмотреть: идут ровными рядами, как конница, так и пешие части княхтов, одежда одинаковая у всех, у каждого на мундире на левом плече пришиты полоски ткани,держивающие перевязь, ремень муски или ранца от сползания. Это уже почти погоны. Я все-таки начал вводить их.

Погоны у всех только справа, потому что сумка носится на правом плече, а копье, пика или боевой топор — на левом.

У военачальников погон нет, они ж не носят сумок, а тяжелые топоры за ними несут оруженосцы. Перевязи с тяжелыми мечами у благородных сползают с плеч, однако теперь уж точно погоны ни за что себе не пришьют, раз они появились у лиц низшего сословия.

Единственное, что я успел сделать, — это велел сделать погоны разными по цвету: зеленые для лучников, красные для копейщиков, синие для мечников...

Стойкие ряды «армии нового типа» рассматривают с пристальным вниманием все, вне зависимости от титула и воинского опыта.

Даже самые неумелые ощутили, что да, вот эта монолитная стена воинов с суровыми лицами выдержит любой удар и сумеет перейти в наступление, если на то будет приказ.

Звонкий голос прокричал:

— Рота... стой!.. Раз-два!.. Вольно!

Меганвэйл нарочито едет в сторонке, рядом с ним барон Эванс, лучший стратег из всех существующих, как его ласково характеризует Меганвэйл, сразу следом гордо покачиваются в седлах графы Арнубернуз,

Фродвин и Буркгарт, барон Хельмут тоже с ними, мотучий и широкий, сейчас радостно улыбающийся всему миру, а за ними Габрилас, Елиастер, Фитцуильям и другие военачальники.

Они объехали острый край каре и, оказавшись во главе войска, спешились и пошли ко мне пешком.

Я выжидал, не покидая седла, поверх их голов рассмотрел Николаса Бэрбоуна, Харли Квинна и Джизеса Крайста, талантливых молодых военачальников, сумевших освоить азы руководства регулярной армией, которую не нужно уговаривать выполнить то или иное приказание.

Меганвэйл церемонно преклонил колено и остался так, даже голову опустил. Его высшие военачальники последовали его примеру.

Я соскочил на землю, быстро подошел и поднял Меганвэйла за плечи. Остальным сказал весело:

— Всем встать... и радоваться! Вы прибыли к друзьям, что ждали вас и горят желанием устроить в вашу честь грандиозный пир!

Насчет пира, возможно, и зря, но ничего не лезло в голову, а в момент такой вот встречи в обязательном порядке нужно говорить что-то радостно-глупое, бравурное и праздничное, а в старое добре время просто нет альтернативы благородному рыцарскому пиру.

Меганвэйл сказал заговорщики:

— Ваше высочество... вы не очень против... но мы там повстречали армию вашего друга графа Чарльза Делстэйджа... По крайней мере, нам так показалось, он о вас отзывался с таким глубочайшим уважением, что я даже не знаю...

— Что с ним? — спросил я жадно.

— Сожалею, — ответил он со вздохом.

— Ну? — спросил я с угрозой.

— Разбит, — пояснил он с коротким победным смешком. — Полностью. Сам, правда, спасся и ускакал, меняя коней...

Я ощущал сильнейший импульс перекреститься и возвратить к Господу, но подавил в себе эту дурость, ибо мы все вместе и есть Господь.

— Как хорошо началось, — сказал я счастливо. — Только бы — тьфу-тьфу! — не сорвалось. Дорогой друг, позвольте вас еще раз обнять, а теперь обнять ваших и моих друзей...

Я обнимал Арнубернуза, Фродвина, Буркгарта, Хельмута, Габриласа, Елиастера, Фитцуильяма и других военачальников, что поддерживали меня еще со времен войны с Гиллебердом.

Их глаза светятся радостью и гордостью. С таким вождем от победы к победе в кровавых сечах, когда трупами завалена земля от горизонта до горизонта, лужи крови пусть собираются в ручьи, а те бегут по полю и соединяются в реку, какая красота, какое упение. Как вольно дышится всей грудью, когда враг истреблен и его проклятые шатры не маячат там вдали, делая больно глазам свободолюбивого человека!

— Всем отдыхать, — распорядился я. — Знаю-знаю, вы готовы и дальше, пламенные сердца, горим и пышем, но вы шли форсированным маршем, после него всегда полагается недельный отдых, чтобы откормиться и починить обувь!

Хродульф, Леофриг, Хенгест, Меревальд и лорды пониже рангом, но тоже богатые и знатные, разобрали Меганвэйла и его военачальников, растащили по своим шатрам, гордясь победоносной мощью Варт Генца, а я вернулся к себе и велел позвать Норберта, Альбрехта, Паланта и Растера.

Альбрехт явился первым, я даже не уловил момент, когда он проскользнул в шатер, затем земля начала

подрагивать, словно при легком землетрясении, на-верняка сейчас муравьи начали перетаскивать личи-нок в более защищенное место, глухо звякнуло, слов-но кто-то стряхнул связку наковален, и полог отлетел в сторону, впуская скалу из железа.

Норберт и Палант пришли сразу за Раsterом, оба подтянутые и с непроницаемыми лицами, видно, как Палант старательно копирует старшего товарища.

— Можете сесть, — разрешил я великодушно. — Буду краток...

Альбрехт взглянул на меня обеспокоенно.

— Что случилось?

— Я всегда краток, — отрезал я сердито. — Я ска-зал так потому... чтоб вы все видели, что краткость — сестра! В общем, мне было видение!.. Если быстрень-ко соберем большой и весьма ударный отряд, то будет нам щасте. Конечно, для этого придется совершить небольшой, зато коварный рейд на север.

Раster прогудел довольно:

— Пора! Я уже два дня здесь.

Альбрехт с сомнением покачал головой.

— На север? — перепросил он. — Начинаем на-ступление?

Их всего четверо, но гул голосов поднялся такой, в шатер в тревоге заглянул Зигфрид, но тут же успо-коился и пропал.

Голоса своих военачальников, как я отметил, по большей части взволнованные и глупо обрадованные, зато тревоги и страха я не услышал, что так важно для полководца.

— Нет-нет, — заверил я, — о наступлении тоже думаю, а как иначе? Я такой, о чем только не думаю! Но это чуть позже, когда подойдет и Шварцкопф.

Альбрехт спросил деловито:

— А сейчас?

— Короткий тактический удар, — объяснил я. — Миротворческий. По принуждению к миру. Во имя демократии и базовых либеральных ценностей. Только не спрашивайте, что это такое, военным эти тайные заклинания политиков знать не положено.

Альбрехт спросил непочтительно:

— А вы знаете, ваше высочество?

— Я тоже военный, — ответил я гордо и тем вызвал гул одобрения, — наше дело совершать подвиги и повышать уровень чести, не роняя достоинство!.. Так вот мое указание... Нет, предложение, так как пойдут только добровольцы.

— Я, — прорычал Растер, не дослушав. — Я пойду.

— Я, — воскликнул торопливо Палант.

— Я доброволец, — сказал Альбрехт, — если ехать недалеко.

— Ладно-ладно, — успокоил я, — все вы добровольцы, я даже бить вас не буду, и так согласитесь... В общем, быстро сформируем достаточный для победы отряд, но не слишком громоздкий, чтобы не упустить, и пойдем на перехват!

Альбрехт проговорил с сомнением:

— А что это привидение сказали вам еще?.. Что там за щасте?

— Не знаю, — ответил я сердито. — И не привидение, а видение, а это как бы разница, даже большая, пусть даже я и не вижу. Но вы, граф, можете оставаться!

Он покачал головой.

— Нет уж, мне теперь интересно, что там за щасте. Я бы вам такое щасте подсунул... Со мной пойдут всего трое. Это не много?

— Нет, — сказал я. — Даже мало. Нужно набрать где-то около двух тысяч. Очень быстро!

Глава 15

Отряд добровольцев был сформирован меньше чем за час. Вызвались все знатнейшие бойцы, я даже встревожился, нельзя армию оставлять почти без руководства, но, с другой стороны, крупных соединений противника нет за сотню миль. Конница Мунтвига, как и моя, как и вообще любая, передвигается со скоростью двадцать пять — тридцать миль в сутки, а пешие части — пятнадцать—двадцать миль, если по хорошим дорогам, да и то при двух дневках в неделю.

Знатоки говорят, что работа пешего воина при переходе в пятнадцать миль и с обычным грузом в тридцать фунтов тяжелее двенадцатичасовой нагрузки каторжника на галерах.

А если учесть, что ни одна армия не двигается без пехоты, отдельные отряды не в счет, то мунтвиговцев ожидать скоро не приходится.

Мы выступили еще до полудня. Во главе Зигмунд, Кристиан и Говард, как же без самого молодого и жаждущего подвигов, а еще Сулливан не мог оставить друзей, да и самому, думаю, нравится вот такая жизнь, где может показывать исполинскую силу, отвагу и умелое владение оружием.

Правда, в последний момент, когда уже поднимались в седла, примчался на своем кроваво-гнедом коне герцог Мидль.

— Ваше высочество! — вскрикнул он. — Мои люди готовы!

Я проговорил в затруднении:

— Герцог...

— Ваше высочество, — сказал он твердо. — Я должен, как вы понимаете, участвовать в этом рейде.

Я не понял, с какого перепугу он обязан участвовать, но пожал плечами и ответил вежливо:

— Как пожелаете, герцог!

Мы двигались неспешно, как стадо благородных слонов, хотя кони у всех не тяжеловозы, используемые для перевозки особо тяжелых грузов, а боевые рыцарские. Они вдвое тяжелее скакунов легкой кавалерии, но в состоянии пойти таким галопом, что не уступят и арабским скакунам, хотя, конечно, только на короткой дистанции.

За сутки конница проходит на марше где-то двадцать — двадцать пять миль, не так уж и много, если римский легион дает пятнадцать — двадцать миль, а при ускоренном марше — тридцать — тридцать пять в сутки.

Мы же идем на перехват рыцарской конницы. Преимущество тяжелых рыцарских коней в том, что могут идти ровным шагом достаточно долго, хотя и не столько, сколько пехота, кони устают гораздо раньше. Вообще конница на марше превосходит пехоту едва-едва в полтора раза по скорости движения, потому я так рассчитываю на пехоту Макса, она обучена идти и ускоренным, что даст немалые преимущества...

Я очнулся от вялых размышлений, когда впереди показался скачущий разъезд Норберта.

Головной издали замахал руками.

— Ваше высочество!.. Они уже близко!.. Все как в вашем видении!..

Зигмунд покосился на меня с суеверным уважением, а Сулливан, напротив, украдкой осенил себя крестным знамением, даже поплевал через плечо, хорошо хоть не отодвинулся.

— Отлично, — сказал я бодро. — Они идут даже быстрее, чем я ожидал! И повозка не мешает...

Разведчик промолчал, повозки вообще-то никогда не мешают, если не перегружены. Обычно всаднику

невозможно догнать повозку, потому что всадник — это человек на спине лошади, а это груз потяжелее, чем такую же тяжесть тащить за собой, да еще не волоком, а на колесах.

— Где они пройдут, — спросил я, — предположительно?

— Вон там!.. Там и дорога есть. Ну, почти дорога.

Я вскинул руку, привлекая внимание, потом взмахнул в сторону небольшой рощи на краю едва приметной древней дороги, сейчас давно занесенной пылью, но утоптанной настолько, что зелени везде хоть священников корми, но на самой дороге ни былинки.

Прохладу ощутили еще до того, как пересекли границу нещадного света и полутьмы леса, навстречу пахнуло сыростью старого мха, прелых упавших деревьев, муравьиных куч и древесного клея.

Гордон первым ворвался в чащу, сорвал шлем с мокрого лица и завопил счастливо:

— Там даже ручей есть!.. Вода! Прохладная, даже холодная!.. Полжизни за глоток воды!

Зигмунд крикнул властно:

— Я тебе сейчас дам два!

Гордон присмирился, на лице сразу появилось выражение обиженного ребенка. Кристиан проехал мимо, ударив по спине широкой ладонью.

Отряд располагался неспешно, еще несколько часов до прибытия мунтвиговцев, могут отдохнуть даже лошади, не только люди, которым всегда нужно всего меньше.

Я выждал, пока мимо проедет половина отряда, слишком беспечно двигаются, не только шлемы сняли в такую жару, но и доспехи, едут весело и с шуточками, но кони идут тяжело, пора им тоже дать отдохнуть...

Очень удачно, сказал я себе. Они сглутили, а мы, напротив, не упустили ни единой возможности. Господи, присматривай за нами так всегда! А то иногда глупим не по возрасту, словно мы все еще питекантропы какие на кривом дереве.

— Пора, — сказал я. — Трубач!

Звонко и торопливо заговорила труба, и тут же лес наполнился топотом и треском кустов. На всем протяжении леса вдоль дороги выскочили на огромных конях закованые в сталь рыцари с опущенными забралами и нацеленными копьями.

На дороге началась паника, рыцари торопливо ухватились за щиты, но таранный удар во фланг смял и многих опрокинул.

Зигмунд прокричал громко:

— Сдавайтесь!.. Вы окружены!

В ответ получил в голову метко брошенной палицей. Удар был таким сильным, что другого не спас бы даже шлем, но Зигмунд только покачнулся, затем взревел в ярости, и его страшный двуручный меч, которым он с легкостью орудует одной рукой, начал взлетать над его головой, и когда опускался с силой, слышался звон и скрежет металла, вскрик умирающего, а седло тут же пустело.

Схватка была фактически на равных, если не считать, что большая часть конвоя, сопровождающего повозку, так и не успела облачиться в доспехи, но не было ни лучников, ни арбалетчиков, а только рыцари против рыцарей, да еще панцирные всадники против таких же вооруженных.

Они, кстати, все в доспехах, изнывающие от жары, явно им не позволяли снимать, что сделало их чуть более опасными противниками.

Зигмунд уже не предлагал сдаться, но дважды крикнул Сулливан, затем Альбрехт, однако те продолжали сопротивляться яростно и ожесточенно.

Я рубился так же рассерженно, как и Зигмунд, наше преимущество очевидно уже в том, что все мы в доспехах, хорошо отдохнувшие, на отдохнувших конях, а они еще и вконец изнуренные жарой, пыльной дорогой, долгим переходом...

Авангард истребили полностью, середина рубится отчаянно, там сшиблись братья Лихтенштейны во главе своей дружины, рыцари Вендовера, а также граф Лиутерд Колридж и граф Энтони Спенсер со своими отборнейшими рыцарями.

Герцог Мидль, как и было предусмотрено, с частью своего контингента из Шателлена перекрыл дорогу обратно и даже отсек часть конного войска, отделив от него почти треть.

Наконец я рассмотрел, из-за чего там отчаянно сражаются мунтвиговцы, хотя еще есть возможность вырваться из западни. За плотной стеной всадников мелькнула повозка, громоздкая и тяжелая, вся в украшениях, добавляющих вес, с золотой дверцей и помпезными знаками королевского достоинства, только я не рассмотрел, имущество какого королевства мы захватили.

Наши рыцари усиливали натиск, рассвирепевшие таким упорным сопротивлением. Противники отчаянно сражались, даже сбитые наземь, никто не сдавался, наконец их начали рубить, даже без обязательного «Сдавайтесь, сэр!».

Я наносил свирепые удары направо и налево, первым прорвался к повозке, с такой силой рванул дверцу, что она вылетела из тонких петель и я остался с нею на руке, как с позолоченным щитом.

В повозке две молодые женщины, испуганно прижавшиеся друг к другу, однако одна, как только я сунул морду, отодвинулась от подруги и надменно выпрямилась.

— Кто вы, — произнесла она с неподражаемым высокомерием, — посмевший?..

Я ответил разозленно:

— Вы сказали правильно, леди. Я именно — Помсевший!

Ко мне проломился могучий Зигмунд, тоже заглянул в повозку.

— Ой, — сказал он озадаченно, — женщины?

— Я тоже разочарован, — сказал я. — Было бы из-за чего!..

— Так все из-за женщин, — напомнил он.

— Мы не все, — отрезал я.

— Ваше высочество?

— Резать и убивать, — напомнил я строго, — можно только ради веры и церкви! А также рушить, ломать, жечь, рубить, стирать с лица земли и до седьмого колена!.. Можно еще ради идеи. Но не ради женщин, мы так низко не падем! Мы не греки.

Я повернул коня в сторону схватки, что уже раздробилась на множество отдельных, где самые стойкие еще отчаянно отбиваются, не желая спасать шкуру позорным бегством.

— Если враг не сдается, — отчеканил я, — его уничтожают!

Сулливан оглянулся на меня с таким видом, словно жалел, что не прибил на том поединке, когда это было законно и по-рыцарски.

— Ваше высочество?

— А потом простим врагов своих, — пояснил я, — пусть даже они правы.

Схватка постепенно затихала, теперь чаще слышались тяжелые вздохи, брань и усталая ругань, чем воинские кличи.

Я кивнул Мидлю.

— Дорогой герцог, я попрошу вас взять на себя трудную задачу по транспортировке захваченной повозки и ее содержимого в наш лагерь. Можете гнать коней галопом, мы торопимся.

Он вскрикнул в негодовании:

— Ваше высочество!

— Ну тогда возьмите себе больше людей, — сказал я, — и тащитесь, как черепахи. Сэр Лихтенштейн, собирайте людей, мы возвращаемся.

Зигмунд сказал с широкой улыбкой:

— Дайте еще час... Среди моих людей много недостаточно... зажиточных. А здесь были очень богатые люди.

— Хорошо, — сказал я, — час на сбор лута и дропа, затем ускоренным маршем... надеюсь, никто не устал?.. возвращаемся. А я пока осмотрю раненых.

Что-то черствею, мелькнула холодноватая мысль. О раненых вспомнил не сразу, а сейчас вот обхожу и подлечиваю своих, а чужих обхожу, им если что и останется, то останется...

К счастью, своим хватило, расходовал экономно, только бы не дать умереть, после чего чуть подлечил чужаков, но сам чувствую, что скорее по обязанности, я же рыцарь, обязан вести себя достойно и соблюдать воинский этикет...

Часть вторая

Глава 1

Влагерь вернулись уже ночью. Несколько десятков рыцарей, узнав, что позади тащится шателленский герцог Мидль, охраняя захваченную добычу, тут же вызвались выехать навстречу.

Удерживать их не стали, и вскоре стук копыт отдалился и затих, а потом в ночи растворился и свет факелов.

Я еще некоторое время интеллигентно порефлексировал, надо ли было оставлять раненых и убитых воинов противника вот так, беспомощными, но уговорил себя, что мы их не звали в наши мирные земли, где крестьяне заняты радостным трудом на благо, и вообще там не все раненые, есть и здоровые, вот пусть и помогут своим сослуживцам. И пусть скажут спасибо, что не прирезали всех, как было с пленными вроде бы при Азенкуре.

— Зигфрид, — сказал я, не высовываясь из шатра, — вели позвать Норберта, Макса, Клемента, Зигмунда, Сулливана, Геллермина... Да еще графа Арнубернуза. Если увидят еще не пьяного Фродвина, то можно и его!

В ответ донесся его бодрый голос:

— Сделаю!

Когда они входили один за другим в шатер, я корпел за картой на столе, а их всех отправлял эффектным и властным жестом, уже научился, на две длинные лавки вдоль стен.

Стараясь выглядеть уверенным и невозмутимым, это необходимо, внутри я чувствовал себя достаточно трусливо. Не из-за страха, что прибывают, здесь меня защищает стража и Бобик, а в ожесточенную сечу уже могу и не лезть, научился пренебрегать мнением дураков, что вождь должен первым лезть в бой и последним выходить. Это можно только во главе небольшого отряда, но не армии, где нужно с высоты видеть все и вовремя предпринимать контрмеры на действия противника.

Трусость в том, что впервые разрабатываю стратегию для ведения большой полномасштабной войны, и хотя да, я орел и мудрец, все знаю и понимаю, но вон даже руки трясутся, а в животе кишкы завязываются в тугой узел.

Это даже не столкновение с другим королевством, они все достаточно мелкие, сейчас по факту сшибка двух империй и — хуже того! — соревнование двух идеологий. Самое гадкое в том, что идеологии по сути одинаковые: Мунтвиг воздел над своей отвратительной харей точно такое же знамя священной войны за ценности христианства, как и я над своей одухотворенной и прекрасной, гад, убить его мало, сволочь, опередил.

— Кто переходит к обороне, — сказал я наконец и повернулся к ним, — тот в конце концов проигрывает...

Альбрехт, Макс, Зигмунд, Клемент, Геллермин — все в почтительном молчании стоят возле лавок, хоть я велел всем сесть. Но это мог быть всего лишь жест вежливости с моей стороны, ни один благородный воспитанный человек не будет сидеть, если в комнате стоит леди или их сюзерен.

Только графы Арнубернуз и Фродвин поглядывают с недоумением, я вообще-то должен бы пригласить Меганвэйла, как их командующего...

— Начнем, — продолжил я, — хотя бы в единичных случаях перехватывать инициативу... что мы уже начали делать по мелочи. Ладно, перехватывать инициативу — согласен, громко сказано, но мы в самом деле можем и должны показать, что способны не только выставлять рога в глухой обороне, но и...

Арнубернуз воскликнул с воодушевлением:

— Да, пора! Ударим всей силой!

Я поморщился.

— Дорогой друг, о вас речь пойдет в самую последнюю очередь. Для удара по Мунтвигу понадобятся дисциплинированные командиры. Храбрость и отвага — потом, но сперва — дисциплина. А Меганвэйл о вас отзыается больше как о безумном храбреце, умеющем повести усталые войска в самую отчаянную атаку.

Он смущился и опустил голову, остальные посмеивались и толкали его в бока. Таких простоватых любят все, это к умникам относимся настороженно.

Голоса стали громче, все вытянули шею и рассматривают карту с расположением войск.

Граф Фродвин поинтересовался:

— И как вы собираетесь ударить?

— Я еще не придумал, — ответил я мирно, — просто идея...

Он кивнул, делая вид, что поверил, я жестом привгласил всех к карте.

Размером на весь стол, она достаточно точно показывает все реки, города и дороги, а я еще нанес горы, леса и болота, показывая, что нам нужно знать больше, чем жителям Бриттии. Мы при необходимости пройдем и через лес, а то и через болото, если это понадобится для победы.

Первым опять же начал предлагать варианты Арнубернуз, остальные присматривались, пальцами вы-

считывали расстояние, уже зная, что на карте с таким масштабом ноготь мизинца покрывает расстояние дневного конного перехода, а ноготь большого пальца — форсированного.

Я слушал всех, рассудительных и не очень, осторожных и чересчур горячих, наконец сказал растро-глубоко:

— Спасибо, спасибо всем!.. Как я и ожидал, вы полны решимости отстоять наш цивилизованный мир от натиска мракобесия и тьмы со стороны диких орд Темного Властелина!.. И мы отстоим наши недемократические завоевания и наше право на!.. Отныне!.. И так мы всегда прямо и смело, с раскрытыми сердцами!.. Благодарю вас, мои друзья, вы все очень помогли, Господь зачтет вам вашу готовность нести его слово в угнетенные страны.

Они все вышли, только Альбрехт остался по моему незаметному для других знаку.

Я молчал, он выждал и спросил негромко:

— А теперь что?

— Работа, — ответил я. — Пригласи ко мне Макса, Клемента, Зигмунда, Сулливана.

Он сказал понимающе:

— Чтобы остальные не видели?

— Ну... не особенно привлекая внимание, — согласился я. — Остальные пусть пируют. Они заслужили. Предупреди, что это как бы тайное совещание. Не в смысле тайное от соратников, а чтоб не мешать им праздновать и наслаждаться победой. Дескать, кто-то заслужил отдых, а кому-то предстоит еще поработать. Уточняя и дополняя.

Ждать пришлось недолго, первым вернулся Макс, он и не собирался на пир, затем Зигмунд, чему я весьма удивился, потом пришли Клемент и Сулливан.

— Очень хорошо, — сказал я с ходу. — Значится, так. Армия Меганвэйла уже прибыла, а на днях притопает еще и армия Шварцкопфа. То есть здесь уже будет целая группировка армий, которую не так-то просто даже ущипнуть, а не то чтобы разбить. Они останутся заслоном на пути движения войск Мунтвига...

Альбрехт сказал бесстрастно:

— Это не исключает возможности, что какая-то из армий Мунтвига пойдет другими дорогами.

— Не исключено, — согласился я. — И что?

— И находясь здесь, наши армии, — пояснил он, — даже не узнают, если она пройдет за полсотни миль правее или левее.

— Узнают, — пообещал я твердо. — Мы с ограниченным контингентом выдвинемся вперед и будем отслеживать ситуацию... медленно продвигаясь вперед.

— И что? — спросил он, повторяя мои слова.

Я пояснил:

— Если над здешней группировкой нависнет серьезная угроза, мы сумеем помочь.

— Как? — спросил Альбрехт. — Ограниченный контингент отступит и поможет? Вообще-то слово какое-то дурное.

— Почему? — спросил я ревниво.

— Ограниченный, — повторил он. — Недалекий... Намек, что пойдут одни дураки?

— Граф, — сказал я, — заткнитесь. Давайте пока на то, как поведут себя здесь, набросим покров военной тайны. Можно даже строжайшей, это для внушительности. А сами сосредоточимся на подготовке рейда на вражескую территорию.

Зигмунд сказал одобрительно:

— Дерзкого рейда! Люблю.

— Прекрасно, — сказал я, — один энтузиаст уже есть. Макс, назначаю тебя другим энтузиастом и пламенным добровольцем. Твоих молодцов берем фактически всех.

Зигмунд заметил весело:

— Ничего себе отрядик!..

— И почти всю армию герцога Клемента, — добавил я.

— Ого, — сказал Зигмунд, а Сулливан только озадаченно покрутил головой.

Я пояснил:

— Этого достаточно, чтобы мы продвигались, не обращая внимания на всякие мелочи по дороге. Да-вайте сейчас просчитаем наш путь...

Все снова окружили стол с картой, высчитывая скорость нашего войска, где будет конница Дарабосса и Клемента, а также копейщики, лучники и арбалетчики. Впрочем, все пешие войска двигаются со скоростью не быстрее трех миль в час, это тридцать миль в сутки при двух дневках в неделю, кавалерия — шесть миль в час, хотя конники Норберта могут чуточку быстрее, но ненамного, как можно подумать, все-таки и они несут вес под двести фунтов вместе с седлом и амуницией.

Я нарочно прокладывал маршрут так, чтобы проходить мимо крупных городов и крепостей. Тут уж неважно, захвачены они Мунтвигом или нет, я хочу избегать столкновения с крупными армиями, но не с угнетенным и порабощенным народом, которому я несу авторитарную демократию, временно ограниченную по случаю военного времени и в его же интересах.

Зигмунд ревниво напомнил, что его конница в походе не уступит дарабосовской, и я понимал его аргументы. Хотя рыцарь весит вдвое больше, чем легкий

всадник-разведчик, однако и конь под ним как минимум весит полторы тысячи фунтов, потому что несет полностью экипированного рыцаря, а еще и свою защитную кольчугу с достаточной легкостью, а все кони Норберта редко весят больше восьмисот фунтов, таким и свой хвост, как говорят, и уши бывают в тягость.

Правда, я распорядился взять еще и тяжелых коней для обоза. Эти гиганты ростом выше шести футов и весом в две тысячи фунтов, а то и больше, незаменимы в обозе, когда спокойно и неторопливо тянут огромные и тяжело груженные телеги, будь там оружие, доспехи, еда или раненые.

Собственно, из-за обоза мы и будем двигаться с малой скоростью, но парадокс в том, что кони под всадниками утомляются гораздо быстрее, чем те, которые тянут телеги, и потому скорость обоза на скорость армии не влияет совершенно.

Уже за полночь утрясли все, как мы полагали, мелочи, после чего я пожелал всем доброй ночи и отпустил набираться сил для похода.

Глава 2

На рассвете послышались радостные крики, герцог Мидль во главе своих шателленцев красиво въезжает в лагерь, лицо бледное от бессонницы, под глазами темные круги, но выглядит весьма даже довольным.

Я полусонно вышел из шатра, жестом показал ему, что никаких церемоний, мы не во дворце, а я без золотой цепи на груди и прочих знаков власти.

— Как добрались?

Он тяжело слез на землю, отвесил учтивый поклон. Рыцари начали подходить ближе, прислушиваясь к новостям.

— Без приключений, — ответил он.
— Женщины в порядке? — осведомился я. — Я все еще надеюсь, под ними оказались сундуки, доверху набитые золотыми монетами?

Он ответил с некоторым смущением:
— Сожалею...
— Нет золота? — спросил я. — Там везли не деньги армии?
— Увы, — ответил он.
— Так что же так охраняли?
Он посмотрел на меня с некоторым удивлением.
— Женщин, ваше высочество.

— Женщин? — переспросил я. — Что за дурь? Невозможно есть на свете такие женщины, чтобы ради них отправляли такой эскорт?

— Похоже на то, — ответил он.
— И что это за птицы?
Он с самым виноватым видом развел руками.
— Ваше высочество, я не рискнул с ними разговаривать, помня о том, что человек я женатый...

— Ах да, — вспомнил я, — это же и я женатый вроде, кто бы подумал... только не я, понятно... С чего бы я вообще думал? Ладно, отоспитесь, а вы, сэр Альбрехт, займитесь допросом пленных женщин.

Альбрехт сказал с подчеркнутой готовностью:
— Будет сделано, ваше высочество!.. Эй, палач!
Я поморщился, но отвечать не стал, вскочил в седло арбогастра и, свистнув Бобику, понесся к городу.

С отцами города я провел около часа, уточняя как усиление защиты стен, так и деликатные вопросы снабжения армии продовольствием, а когда вернулся, заметил, что мои телохранители поглядывают на

меня как-то странно и вроде бы даже прячут ехидные ухмылки.

У моего шатра с готовностью перехватили повод арбогастра, полог быстро отлетел в сторону, вышел, пригибая голову, Альбрехт, словно стал вдруг гигантом, тоже весьма не такой, как обычно, даже глаза бегают, что для его наглой морды весьма несвойственно.

— Что стряслось, граф? — спросил я с подозрением. — В недрах нашего мирного королевства зреет заговор?

— Хуже, — ответил он почти шепотом.

— Что может быть хуже? — изумился я. — Ах да, меня уже убили? И сейчас отпевают?

— Сейчас еще не убили, — ответил он добросовестно. — Это произойдет через пару минут.

— Ого, — сказал я, — тогда не пойду, сам туда лезь, тебя не жалко. И вообще подданные обязаны жертвовать жизнью ради сюзерена, да еще такого красавца!

Он вздохнул, лицо все такое же серьезное, даже не сделал вид, что уловил мой изысканный сарказм и как бы неповторимый юмор, свинья бесчувственная.

— Ваше высочество...

— Пленных допросил? — потребовал я.

— Да, — ответил он.

— И что?

Он ответил с неловкостью:

— Дело сложнее, ваше высочество, чем казалось сбоку.

— Ну-ну?

— Хорошо, что ваше высочество, как орел, смотрит сверху... И все как бы видит.

Я прервал в нетерпении:

— В чем сложнее?

— Вам лучше разобраться самому, — произнес он уклончиво. — Ваше высочество?

— Хорошо, — ответил я с раздражением. — Вижу, неприятности. Когда ты да бабы, всегда так.

— Точно! Как вы угадали?

— Женщина на корабле, — изрек я, — к беде. А мы все на одном корабле. Ладно, пойдем. Будет разбираться мое высокое высочество.

Я откинул полог и малость оторопел. В моем кресле сидит полная спеси и надменности молодая женщина, черноволосая и с густыми черными бровями, грозно смыкающимися над переносицей, но глаза удивительно светлые, как лед на вершине гор, где он никогда не тает.

Лицо показалось мне бледным и нежным, но беспримечательно высокомерным. Спина ровная, стан гибкий, взгляд холодный и сразу низводящий меня до насекомого у ее ног.

Я сделал шаг и произнес с холодной учтивостью:

— Можете сидеть, леди. Дорога была трудная, а тряска в таких телегах ужасная. Не растекаюсь перед вами в любезностях или ненужных извинениях, потому что вас везло и охраняло целое войско Мунтвига, а даже муравьям здесь известно, что мы с ним воюем.

Она выпрямилась еще больше, даже почти выросла на целый дюйм, руки не дрогнули на широких подлокотниках, как и лицо, когда она произнесла холодно и зло:

— Ваше незнание того, на кого вы напали, вас не спасет!..

Я поморщился, подошел к столу и сел там на лавку, рассматривая ее с таким же пренебрежением, как и она меня.

— Ну-ну, просветите, на что мы такое священное напали?

Она гордо выпрямилась, а голос зазвенел так, что я отчетливо слышал в нем стук стальных клинков:

— Я — Аскланделла Франкхаузнер!

— Ричард, — ответил я, — Длинные Руки. Будем знакомы, раз уж... ну да.

Она надменно вскинула, нет, только приподняла бровь, вскинутости я не заслуживаю.

— Я Аскланделла Франкхаузнер!.. Или это имя вам ничего не говорит?

Я подумал, пожал плечами.

— Ничё так имя. Аскланделла, Роби, Бобби... Боб... Баббета не оттуда?.. Аскланделла — Берта... Руперт — это тоже Аскланделла, значит, Руперта?.. А еще Робин, да... Райберта, Рауберта, Аррубера, Бертик... Да, Бертик — самое удачное имя! Был, правда, еще святой Аскланделл, но это явно не из вашей семьи. Фамилия, правда, подкачала, что-то в ней лязгает, словно забрало разболталось и не держится, все падает и падает, закрывая квадратную полурыцарскую морду, ну да ладно...

Она взорвалась на меня в великом изумлении, как на пьяного конюха.

— Что? Вы так и не знаете до сих пор, кто я?

Я сказал с досадой:

— Ну так назовитесь полным титулом, тогда я, может, перестану таращиться на ваши сиськи и начну трепетать перед вашим величием.

Она приподняла подбородок и сказала надменно, явно метя выше моей головы:

— Аскланделла Франкхаузнер, единственная дочь императора Вильгельма Блистательного!

Я присвистнул, уставился на нее в самом деле по-другому, хотя и раньше не смотрел на ее сиськи, ничем не примечательные, кстати, но это так, чтобы ее позлить, потому вроде бы и смотрел, хотя не смотрел.

— Дочь императора?

Она отрезала со злорадством:

— Да!.. И вы горько пожалеете!

Я сказал мрачно:

— Знаете, леди...

Она перебила:

— Я принцесса!

— Это еще проверить надо, — сказал я холодно. — А вот я принц, это скажет каждый, хотя что с того? Сейчас принцев развелось как саранчи... Так что, леди, ваш статус пока что под вопросом. Каким образом принцесса могла оказаться в гуще военных действий?

Она отрезала:

— Никаких военных действий здесь не было!

А должны были быть армии благородного императора Мунтвига, что продвинулись достаточно далеко на юг.

— Ничего, — ответил я холодно, но с затаенным злорадством, — юг сам пришел навстречу Мунтвигу. И пойдет еще дальше. Но вы не ответили!

Она сказала с тем же холодом, но уже не так напористо:

— Мунтвиг обратился к моему отцу с просьбой выдать меня за него.

— Э-э, — спросил я, — замуж?

Она приподняла и другую бровь.

— А что вы могли подумать еще?

— Да мало ли чего, — ответил я нагло, — я человек широкий и гуманный, а это значит, все политкорректно принимаю и терплю. Вы хоть и Север, но все-таки Мир Тьмы и Вечного Зла, а это предполагает такие гнусности, что я даже вышептать не смогу из-за врожденной чистоты и кротости... Значит, невеста, понятно. Династический брак ради укрепления и упрочения. Что ж, как политик я должен бы

воспрепятствовать, но я рыцарь, в отличие от вашего мира Тьмы, потому при первой же возможности я вас отошлю этому... как его, ага, Мунтигу!

— Мунтвигу, — поправила она с вызовом.

— Что вы говорите? — изумился я. — А ему больше идет Мунтиг. Даже не знаю почему. Так и хочется сказать... гм... ладно, умолчу из присущей мне...

— ...скромности, — сказала она язвительно. — Уже наслышана.

— Вот видите, — ответил я довольно, — уже весь мир говорит...

— Мир о вас говорит другое, — осадила она резко, — это от вас я за этот разговор слышала уже трижды.

— Неправда, — уличил ее я, — только дважды.

— Да? Но это звучало так, словно вы только это и твердите. Когда нас передадут?

— Как только, — заверил я, — так сразу. Или даже раньше, но это вряд ли. Хотя, конечно, да, но не в данном аспекте и бозонной точке пространства-времени. Где ваша фрейлина?..

Она вскинула голову и посмотрела на меня с триумфом.

— А вы как думаете?

Я посмотрел на нее внимательно, в ее взгляде читается просто неистово-злое торжество.

— Думаю, — сказал я, — что она во весь опор мчится либо обратно к вашему отцу, либо к Мунтвигу. Но, учитывая ваш злобный характер, я бы предположил, что вы направили ее именно к Мунтвигу.

Она стиснула губы, но во взгляде на миг отразилось нечто вроде уважения.

— Соображаете, — похвалила она так, как я хвалю Бобика, когда он быстро приносит брошенную ему палку. — Да, она направилась к Мунтвигу. Думаю, уже сейчас у него.

— Колдовство, — процедил я с отвращением. — Понятно, чего еще ждать от Тьмы и ее апологетов. Ничего, с нами сюда придет наша святейшая церковь и все очистит от нечисти. Гореть вам, леди, на костре! Я сам дровишек подброшу.

Она подняла руку, кончики пальцев коснулись серебряного крестика на тонкой цепочке.

— Это наша церковь очистит землю от вас, — прошипела она.

Я поморщился.

— Я не в настроении для бесед о церкви с... женщиной. Располагайтесь, леди. Учтите, вы всего лишь пленница. Я готов вас передать Мунтвигу лишь из жалости к нишим и брошенным котятам, а так на самого Мунтвига мне... в общем, с высокого дерева. Но если вы вздумаете что-то, то, как понимаете, стража вас попросту убьет! Запомните это.

Я вышел из шатра, а Зигфриду указал взглядом на полог. Он понимающие кивнул, мол, муха не пролетит.

Похоже, мелькнула мысль, у служанки был некий амулет, с помощью которого она выскользнула из расположения наших войск. Надо вообще устроить скопку амулетов и завести их особый реестр.

Или поинтересоваться у Хреймдара, у того уж точно есть...

Глава 3

Воины бахвалятся подвигами и захваченным у противника оружием, у наиболее знатных лордов с поясов срезали мешочки с золотыми монетами, а у тех, кто погиб, защищая повозку, почти у всех кроме дорогих доспехов оказались и мечи, инкрустированные сере-

бром и золотом, в рукояти вделаны рубины, изумруды или агаты.

Сейчас это все пропивается и проигрывается прямо в лагере, переходя из рук в руки, а потом и к нахлынувшим из города скupщикам, настрой бодрый, все готовы снова в бой.

Я прошелся по лагерю, выслушал донесения от гонцов из лагерей Меганвэйла и Клемента, отдал некоторые указания, мудрые и значимые, оглядел повозку, в которой везли невесту, скажите пожалуйста, для самого Мунтвига, ах-ха.

Никаких сундуков с золотом для армии, просто сама повозка из дерева редких пород, крепкого, как металл, но и такого же тяжелого, щедро украшена золотом, что конструкцию тоже не облегчает, а колеса достаточно примитивные, словно этот император Вильгельм вообще застрял в первобытно-общинном строе.

Я обехал все лагеря, у Макса самый удаленный, а вернулся, когда солнце опустилось за край земли, облака застыли, словно вмерзли в небо, на землю начала опускаться тень.

Принцесса все так же сидит в кресле, надо же, какая терпеливая, делает вид, что и не отлучалась.

При моем появлении надменно выпрямилась и смерила меня злобно-презрительным взглядом.

— Вольно, — сказал я. — Вам придется спать здесь, принцесса. Не скажу, что я безумно счастлив, но вы не догадались как-то убиться там, в телеге, так что теперь терпите.

Она спросила с гневным изумлением:

— Спать?.. В шатре с вами?

Я сказал холдно:

— Поменьше кривите лицо, морщины будут. Не хотите — как хотите, баба с возу... Возле костров вам mestечко отыщется. А второго шатра у меня нет.

Она сказала мстительно:

— Какой же вы сатрап!..

— Вы промахнулись адресом, — сказал я с тем же холодком. — Мой вам совет, поменьше фыркайте, делайте то, что вам говорят, и при первом же соприкосновении с войсками Мунтвига я передам ему вас.

Она посмотрела с иронией.

— Вот так возьмете и отадите? Без выкупа?

— Еще и доплачу, — пообещал я. — Меня от вас уже тошнит.

На ужин я мстительно наделал деликатесов, пока она не видела, и выложил на белую скатерть. Королевских детей с пеленок учат держать себя правильно, так что ни словом, ни жестом не выдала себя, я только по глазам мог уловить ее изумление. А еще по крошечной заминке в движениях, когда брала неизвестные блюда.

Когда уже насытилась, я достал из-за спины нежнейшие сладости, а закончил изысканнейшим мороженым. Сам я ел неспешно, давая ей возможность попробовать все, и, когда она решила остановиться, ее талия заметно округлилась.

— Прекрасно, — сказал я одобрительно, — не приснится, как вы тайком крадетесь на кухню, чтобы нажраться... Леди, я ложусь спать. Вы можете лечь рядом, можете в любом конце шатра. Но если вздумаете выйти, за вами пойдет страж, не обессудьте. Такова селяви.

— Что такое селяви? — спросила она настороженно.

— Не знаю, — ответил я. — Вроде бы колбаса из ослятины. Или что-то другое? Это неважно, мы же галантные люди, должны употреблять такие слова

к месту и не к месту, образованность чтоб показать.
Спокойной ночи!

Я начал сбрасывать рубашку, принцесса поспешил
отвернулась, я с наслаждением сбросил сапоги и брю-
ки, рухнул на расстеленные шкуры и с наслаждением
потянулся.

— Какое же это счастье...

Она дунула на пламя свечи, огонек затрепетал
и лег, но тут же упрямо поднялся, и она дунула уже
сердито и чуть ли не гневно, как же, ей должны под-
чиняться все и всё.

Может быть, это и нехорошо, но я чувствовал не-
что недоброе, даже опасное, потому сделал вид, что
сплю, а сам перешел на тепловое зрение, но это не-
интересно, вернулся к обычному и заставил глаза по-
быстрее акклиматизироваться.

Через полминуты видел уже все отчетливо, как
в пасмурный день, и лежал так, посапывая, а сам не-
отрывно смотрел в ее сторону.

Выждав положенное время, чтобы мой сон из по-
верхностного перешел в глубокий, она тихохонько
поднялась, застыла на некоторое время, прислуши-
ваясь к голосам по ту сторону шатра, затем крайне
легкими и осторожнейшими шагками пошла ко мне.

В двух шагах остановилась, грациозным движени-
ем вскинула обе руки к волосам.

Я стиснул челюсти, ну вот начинается, сейчас рас-
пустит эту башню, волосы красиво и эротично хлынут
водопадом по ее плечам, груди и спине, а она скольз-
нет ко мне под одеяло.

Она пошевелила пальцами в прическе, волосы
красиво и эротично хлынули водопадом по плечам,
груди и спине. Я приоткрыл рот, намереваясь заявить,
что я девственник, и ни поцелуя до свадьбы, у нас
строгие нравы...

В ее руке блеснуло тонкое острое лезвие. Я едва успел перехватить за кисть руку с ножом, так обалдел, что не сразу сжал посильнее.

Нож выпал, почти затерявшись в густом мехе медвежьей шкуры. Она вскрикнула гневно, но я держал крепко, затем с силой оттолкнул, она попятилась, чтобы не упасть.

Я подобрал с пола нож, и не нож, а особо длинную и острую шпильку для волос.

— Здорово, — сказал я зло, — быть заколотым шпилькой для волос!.. Это точно меня убьет в глазах всех армий.

Она прошипела:

— Ты... насильник!

— Это ты о ком? — спросил я. — Знаешь, женщина, да будь ты последней самкой на свете, я бы не позарился на тебя! Неужели ты настолько ослеплена своим величием, что не понимаешь простой вещи...

Она ждала, но я молчал, и она прошипела, как старая злобная змея:

— Какой?

— Мне вовсе не требуется брать женщин силой, — сказал я оскорбленно. — Я хороший, это незаметно?.. Но будь я уродом, то золотые монеты в моем кошельке восполнили бы недостатки моей внешности. Но я не урод, я принц, командую огромной армией, и ко мне в постель стараются попасть красотки, которым ты не годишься и ноги мыть!.. Так что можешь идти ночевать к костру.

Она сказала гордо:

— Да, это по-рыцарски: самому остаться в шатре, а меня посыпать под открытое небо к солдатам!

— Я тебе предложил место в шатре, — напомнил я.

— Я не стану делить его с мужчиной!

— Ну и не дели, — согласился я. — Зигфрид!

Полог мгновенно распахнулся, Зигфрид влетел быстрый и собранный.

— Ваше высочество?

— Возьми эту, — велел я, — и отведи к костру, у которого она восхочет провести ночь. У нее есть право выбора. Но только между кострами!

— Да, ваше высочество!

Он ухватил ее за руку и решительно поволок к выходу. Она прокричала:

— Вы не посмеете!

— Уже посмел, — бросил я вдогонку.

Полог за ними опустился, там мелькнула рука Зигфрида, а я вернулся к своему месту, брякнулся на шкуру и, к своему удивлению, заснул почти сразу и без всяких угрызений совести.

Утром я пробудился, солнце уже просвечивает тонкие стены шатра так, словно их и нет вовсе, удивился, обычно просыпаюсь раньше, вскочил, быстро оделся и вышел.

В лагере две трети воинов еще спят, остальные раздувают угли, жарят мясо. Дальние края лагеря тонаут в тумане, опасная ситуация, но я позавчера облетал окрестности и не видел вблизи крупных соединений войск, а мелкие отряды пусть нападают, лишняя проверка бдительности часовых.

Принцесса спит, по-детски сунув ладошку под щеку и подтянув колени почти до подбородка, укрытая тремя конскими попонами. Рыцари, жалея женщину, выбрали не только самые мягкие и нежные, но и яркие, так что она смотрится со своим бледным лицом, как попугай в брачную пору ухаживания за самкой.

Снизу тоже положили не меньше десятка попон, так что она почти на перине, но лицо все равно выглядит измученным.

Воин, что поддерживал костер, сказал шепотом:

— Она только под утро уснула...

— А почему не сразу? — буркнул я.

— Рыцари никак не могли разойтись, — пояснил он, — все говорили ей комплименты, пока сэр Альбрехт не погнал их спать.

— Ну, — сказал я, — сама напросилась... Эй, леди!

Подъем!

Она вздрогнула от моего ненавистного голоса, широко распахнула глаза. Некоторое время смотрела непонимающе, потом сообразила, что смотрит снизу вверх, щеки вспыхнули гневным румянцем, торопливо поднялась.

— Что вы хотите? — спросила она чуточку хриплым со сна голосом.

— От вас ничего, — буркнул я, — но вы задерживаете этого солдата, что всю ночь поддерживал огонь, дабы вам было тепло... Так, парень, бери копье и топай в строй!

Солдат бросил на меня укоризненный взгляд, дескать, с такой женщиной даже короли обращались бы более уважительно, но подхватился и бегом помчался к своему отряду.

Принцесса смерила меня взглядом, что должен был бы испепелить на месте, но я помню о будущем равноправии, так что презрительно оттопырил губу и посмотрел на нее сверху вниз.

— Принцесса?

Она гордо вскинула голову.

— Принц?

— У нас нет повозок, — сказал я, — нет и носилок. Вам придется сесть в седло.

Она вспыхнула, как факел в ночи.

— Что?

— Не хотите, — сказал я тут же, — как хотите. Пойдете пешком вместе с солдатами. Могу даже не заставлять вас нести копье.

Она дико повела глазами, там сверкнули грозные молнии.

— Еще чего!

— Тогда на коне, — сказал я. — Не страшитесь, вам подберут самую смиренную кобылку. А пока прошу в мой шатер. Позавтракаем.

Она сказала злым голосом:

— Я не хочу завтракать.

— Ваше право, принцесса, — согласился я. — Вы же принцесса? Но терпеть придется до обеда, а это не скоро. Здесь по вашей прихоти никто не оставит все дела и не бросится накрывать для вас стол.

Она прошипела:

— Я это вам еще припомню!

— Припомните, — согласился я. — Буду рад дать сдачи из уважения к будущему равноправию полов. А теперь идите за мной. В двух шагах сзади!

Она не поняла, почему это сзади, да еще в двух шагах, но пошла послушно, озадаченная и почти смирившаяся, скорее бы вернуться к Мунтвигу, а оттуда уже разделаться с таким мерзавцем.

В шатре ей пришлось сесть на лавку, ибо это присланное из Бабенбурга кресло ей не сдвинуть, а я помогать не собираюсь, она же в свою очередь гнушается попросить меня о такой услуге.

Пока она устраивалась, двигая задом, расправляла платье и старалась выпрямить спину, я снова выложил мясные деликатесы, уже поменьше, пару изысканных сладостей и всего одно мороженое.

Она ела безропотно, но с таким видом, что вот доест и тут же убьет невежду и грубияна, посмевшего и возомнившего. Когда закончила с мороженым и облизала пальцы, за шатром простучали копыта, слышно было, как человек спрыгнул на землю, Зигфрид что-то спросил, ему ответили, затем полог отлетел в сторону, вошел Альбрехт, спокойный и собранный.

— Ваше высочество, — сказал он почтительно, — армия будет готова сразу после полудня.

— Прекрасно, — сказал я. — Возьмите эту женщину... не в буквальном смысле, я бы тоже не стал, просто отведите к сэру Дарабосу, пока он в лагере.

— Ваше высочество?

— Пусть до обеда научит ее ездить, — сказал я. — Если она не сумеет, убейте и закопайте где-нибудь подальше от дороги.

Альбрехт ответил с самым невозмутимым видом:

— Хорошо, сейчас возьму лопату. Принцесса, прошу вас идти со мной...

Я занимался своими делами, однако видел, какую бурную деятельность развили вокруг этой цацы. Всегда, прежде чем посадить ее на лошадь, пришлось спешно переделать одно из седел, чтобы хоть приблизительно походило на женское. Поверхность пришлось сделать прямой и широкой, длину сделали на глазок, должна соответствовать длине бедра, но в таком платье ничего не увидишь, у нее ноги могут быть и вовсе колесом.

Седельная подушка на четыре дюйма над спиной лошади, может, даже на полфута. Пришлось повозиться и со сбруей, женщина сидит всегда дальше от центра тяжести, чем мужчина, так ей безопаснее, укоротили также стремя.

Основную подпругу пришлось сделать шире и прочнее, балансировочную, а чтобы не мучить коня,

ее пропустили через петлю снизу на основной подпруже.

Принцессе помогли подняться в седло, один из опытных наездников Дарабоса поставил своего коня рядом и говорил напряженным голосом:

— Ваше высочество, умоляю, придерживайтесь основных правил женской езды, и вы будете неотразимы! Первое, распределите вес на правом бедре, правую ногу свободно располагаете на верхней луке... Левое бедро выдвигаете вперед, а с ним и все тело тоже, благодаря чему оно распределется на правом...

Она хмурилась, благородные женщины не должны слышать от мужчин такие непристойные и вульгарные слова, как «бедро» и «нога», это даже более непристойно, чем «грудь», та хоть наполовину обнажена, а ноги вообще скрыты, однако старый рыцарь говорит благожелательно и отечески, потому можно делать вид, что он говорит сам с собой, а она вовсе и не слышит такие вольности...

— Кисти рук держите свободными, — говорил он между тем, — а локти прижаты к талии... балансировать на правом бедре и не сжимать луки седла коленями... Стремя у вас только для отдыха левой ноги, вес тела на него переносить нельзя... Ну, остальное вы знаете...

Она поднялась, до этого делала вид, что не слушает такие скабрезности, спросила тихонько:

— Остальное — это что?

— Держать плечи развернуто и прямо, — пояснил он, — в талии не сгибаться... спина тоже прямая, затылок стремится вверх, не опускать подбородок и смотреть прямо перед собой.. Ах да, еще левая пятка опущена вниз, а левое колено прижато к седлу. С вашего позволения, ваше высочество, я поеду рядом

на случай, если понадобится поддержать вас... я имею в виду, словом, только словом.

Она благосклонно кивнула.

— Разрешаю.

Я слушал издали его наставления, мелькнула мысль, что сейчас я отвечаю за принцессу, раз уж она попала ко мне, но, с другой стороны, нет ничего безопаснее езды в женском седле. Даже те женщины, что ездят по-мужски, с возрастом оставляют это трудное дело, а в женском они могут носиться до глубокой старости, которую никогда не признают.

Посадка в дамском седле тоже куда устойчивее. Всадница не хватается и не висит на поводе, а самое главное — любая женщина с первого же урока осваивает не только шаг и грунь, но также рысь и даже галоп.

Хотя для меня важнее, что женщина в седле для леди выглядит безумно красиво, с ее гордой элегантной посадкой, когда сидит на лошади без всяких усилий и управляет ею «мягкой рукой».

Глава 4

Со стороны города примчалась группа всадников, во главе группы — блестательная Лаутергарда, сияющая и раскрасневшаяся. Вырез ее платья все так же эффектно скошен, закрывая левую грудь и полностью открывая правую, но держится принцесса теперь настолько царственно и уверенно, что всякий, кто увидит ее именно теперь, в самом деле сочтет, будто теперь при дворе такая мода и все появляются на людях именно вот так.

Я поспешил навстречу, все-таки чувствуя ответственность, что навязал этот костюм амазонки, хотя

вообще-то просто дурачился, выеживался, валял Джона или Джека, кто тут у них вместо Ваньки, но что значит сила искусства — навязал все-таки! Более того, остальные приняли! Таким можно что угодно навязать, вплоть до демократии и политкорректности, все схавают.

Девушка крупная и широкая в кости, но с коня скочила легко, как кузнецик, грудь слегка подпрыгнула, но самую малость, налитая тугим солнцем и юностью, подала мне руку, но не для поцелуя, а дружески, однако я с удовольствием припал к ней губами, чего вряд ли сделал бы, если бы мне ее нахально совали под нос.

— Что там новенького? — спросил я галантно.

Она отмахнулась.

— Да так, пустяки. Вы лучше расскажите, что за пленная принцесса у вас?

— Да вот отбили у дракона, — сообщил я.

Она охнула:

— Правда?

— Точно, — заверил я, — теперь вот думаем, как поскорее отдать ее дракону взад.

Она посмотрела на меня исподлобья.

— Ваше высочество... это вы так шутите? В нашем медвежьем углу шутки проще, понятнее, а еще сами должны сперва громко заржать во весь голос... Говорят, дочь самого императора Вильгельма Великолепного?

— Уже в Бабbenбурге узнали, — буркнул я. — Обидно...

— Почему?

— Все должны говорить только о вас, — заявил я твердо.

— Нет-нет, — запротестовала она. — Я всего лишь дочь провинциального короля!

— Зато какая дочь, — возразил я совершенно искренне, и она польщенно заулыбалась, чувствуя женскими фибрами, что это не комплимент, — и еще... гм... да...

Она спросила заинтересованно:

— Ваше высочество?

Я звонко хлопнул себя по лбу, послышался хороший медный звон.

— Знаю, как уесть ту дуру!

Лаутергарда приподняла бровь.

— Ваше высочество, вы о принцессе?

— О ней, — подтвердил я.

— Некрасиво...

— Ваше высочество, — ответил я ей в тон, — вы не общались с нею, потому у вас несколько завышенная оценка этого отпрыска императорской семьи. Но я с удовольствием вам эту возможность предоставлю!

— Да я и не рвусь, — ответила она с настороженностью, — хотя, конечно, хотелось бы... но мы незнакомы...

— Это устроить легко, — заверил я. — Она сама страдает от недостатка женского общества, вот такая со странностями... А вас я сам прошу, даже весьма настойчиво. И даже умоляюще! Для пользы и победы вашего общего женского дела свободы и суфражизма.

Она посмотрела на меня исподлобья.

— Чего-чего?

— Вы должны, — пояснил я, — продемонстрировать ей, что женщины могут не только сидеть у окна и покорно ждать, когда мужчина изволит приехать, вы с этим согласны?

Она чуть наклонила голову, но взгляд оставался настороженным.

— Это очевидно, ваше высочество.

— Вы покажете, — сказал я жарко, — что женщина может жить активной женской жизнью, как вот вы, с оголенным, простите за вульгарность, мечом в руке и на горячем коне!

— Гм, — произнесла она в нерешительности.

— Это во имя женских свобод, — сказал я пламенно, — и женского равноправия! Вы доказали, что ни в чем не уступаете мужчинам, но их уважение и почтение от этого не потеряли. Более того, скажем горькую правду, все вас чтут и просто боготворят. Принцесса, вы хоть понимаете, что вы — первая женщина-человек в этом мире? Женщина-человек, а не покорная овца, как всем привычно? И, честно говоря, даже удобно?

Ее щеки заалели, а глаза блеснули отвагой и решимостью. Даже стала еще выше, потянувшись к небу, а прекрасная загорелая грудь стала округлее.

— Ну, — произнесла она чуть более уверенно, — если это вам нужно...

— Это нужно вам! — сказал я пламенно. — Самки тоже как бы люди! Подумайте, если и дочь императора тоже... вы понимаете?

Она медленно наклонила голову.

— Спасибо, ваше высочество.

— Нет, это вам спасибо!

Она покачала головой.

— Вам спасибо за вашу поддержку наших прав и наших попыток хоть в чем-то... Спасибо!

Я, поддерживая ее под локоть, подвел к своему шатру, где у принцессы Аскланделлы был короткий отдых между двумя уроками верховой езды.

— Заходите... Я не буду вас представлять, женщины гораздо легче знакомятся и вообще сходятся, если рядом нет мужчины...

Я на вытянутой руке приоткрыл для нее полог и придержал, держась в сторонке, чтобы Аскленделла даже по пальцам меня не признала, а когда Лаутергарда вошла, торопливо выпустил из руки ткань и убежал на цыпочках.

Еще день ушел на подготовку обоза и всего необходимого в дороге, а затем конница Дарабоса унеслась вперед вскачь, следом двинулись тяжелые кони Клемента.

Арбогастр не понимал, что заставляет меня нарезать круги вокруг лагеря, откуда выходят и выстраиваются копейщики, лучники и арбалетчики, а я все проверял и перепроверял, ощущая, что в делегировании полномочий что-то есть: это же можно будет за неудачи спрашивать с других, а в случае побед славу загребать обеими руками себе, как вообще-то и делается.

Во время инспекции за спиной простучали копыта, догнал Мидль, очень серьезный и сосредоточенный.

— Ваше высочество, — сказал он церемонно.

— Герцог, — ответил я.

— Ваше высочество, — проговорил он с твердостью в своем обычно мягким голосе, — я настаиваю на участии в этом походе.

— Герцог, — ответил я, — если вы думаете, что иду навстречу опасностям, а вы останетесь пировать, это весьма и даже совсем не так. Мы как раз и будем избегать встреч с крупными армиями, а вот на вас они обрушатся всей массой. Жарко будет как раз вам!

Он наклонил голову, но продолжал ехать рядом и смотрел на меня искоса.

— Ваше высочество, — сказал он снова, — я настаиваю по другой причине...

— Снова Франка? — спросил я.

— Да, — ответил он. — Наша жена не должна гадать, кто проявил больше доблести. Если вы идете в поход, то и я должен идти с вами!

Я поморщился.

— Это не женское дело — высчитывать и сравнивать. Что-то мы с вами разбаловали ее, вы не находите?

— Ваше высочество, — произнес он сдержанно, — вы ставите меня в неравноправное положение.

Я стиснул зубы, ну на кой хрен я тогда верещал комплименты, вот так и попадаемся, потом не расхлебаешь последствия своей дури, но ответил так же сдержанно и ровным голосом:

— Правильнее вам бы остаться... но я понимаю щекотливое положение с нашей женой... потому да, но едете только вы! Ваша армия останется буфером между армиями Меганвэйла и Шварцкопфа.

Он взглянул с благодарностью.

— Спасибо, ваше высочество! Я понимаю, что несколько нарушил ваши планы. Я оставлю свою армию там, где укажете. С собой возьму только небольшой отряд сопровождения, который приличествует моему титулу.

Он тут же умчался, я чувствовал, что настроение чуточку подпортилось, мне только Мидля недостает, почему-то всегда чувствую некоторую неловкость, хотя герцогство он получил благодаря мне, как и приличные земельные владения...

Издали донесся стук копыт, к лагерю во весь опор мчатся двое конников Норберта, однако в руках обоих знамена Великой и Победоносной, В боях Познавшей Радость Побед... несравненной армии Великой Скарляндии!

— Наконец-то, — вздохнул я.

Альбрехт заметил едко:

— Да у него дорога была в полтора раза длиннее, чем у Меганвэйла!

— Знаю, — ответил я, — но у нас все готово для великого диверсионного рейда.

— Диверсионного, — проговорил он с иронией, — целой армией!

— Мало ли что раньше такого не было, — возразил я. — Хотя, если подумать, то все армии двигаются примерно так же! Пойдем встречать. Недавние племенные вожди очень ревнивы к соблюдению воинского этикета.

Передовые части армии Шварцкопфа показались только через полчаса. Впереди на разукрашенных дорогими попонами, с султанами между ушей и стальными налобниками с рогами конях Шварцкопф с Квентином Ханкбеком, оба под сенью роскошных знамен, украшенных золотом и массивными кистями в ярд длиной.

Я со свитой выехал вперед, счастливый и улыбающийся, оба спешились и преклонили колени, я повторил весь ритуал с объятиями и тут же пригласил обоих в свой шатер, ссылаясь на нехватку времени в суровую военную пору.

Принцесса Аскланделла, к счастью, еще не вернулась с уроков верховой езды, так что выгонять не пришлось, мы расположились в шатре сокращенным воинским составом.

На столе появилось вино и мясо, я жестом пригласил Шварцкопфа и Ханкбека угощаться, объяснил:

— Мы готовимся выступить в некий рейд, ждали только вас... нет-нет, у вас задача посложнее и поответственнее!.. Вы остаетесь держать границу...

Ханкбек сказал осторожно:

— Но граница дальше, мы почти в центре Британии...

— Границы там, — сказал я, — где мы их проводим. Вам стоять здесь и приготовиться к продвижению армий Мунтвига на юг, где и ваша родная Скарляндия, где все наши земли!.. Стойте здесь и держите оборону. Возможно, со временем перейдете в наступление. Но не раньше чем получите от нас четкие и ясные указания.

Шварцкопф и Ханкбек только выпили по кубку вина, промочив горло, но к мясу не притронулись, смотрят во все глаза и слушают с предельным вниманием.

— Сожалею, — сказал я, — что все так коротко и сумбурно. Но армия уже вышла на дорогу. Макс уже в пути, Клемент выводит своих людей, а Норберт... ну вы его знаете...

— Знаем, — сказал Шварцкопф, — весьма достойный человек и очень обстоятельный. Он мог бы стать у нас вождем крупного племени!.. Значит, нам здесь укрепиться и ждать прихода армий Мунтвига?

— Да, — сказал я. — Будем держать связь через гонцов. Укрепитесь и держитесь стойко!..

Ханкбек проговорил тихонько:

— Ваше высочество... зная ваш характер, я рискну предположить, что вы уходите не отдыхать, раз уж ваша армия выступила в направлении севера.

Я развел руками.

— Это продуманное решение.

— Кто не рискует, — проговорил Шварцкопф, — тот сохранит свои потери.

— С вами остаются самые лучшие полководцы ряда королевств, — сказал я с подъемом. — Все они явились издалека, чтобы защищать наши рубежи!..

— Проведенные вами здесь, — вставил Ханкбек.

— Да, — согласился я, — проведенные. Верховные лорды королевства Вендовер: граф Лиутерд Колридж и граф Энтони Спенсер, ближайшие сподвижники и личные друзья короля Вендовера Буркхарта Третьего, а также лучшие полководцы королевства Фоссано, где я имею честь быть верховным коннетаблем...

Шварцкопф посмотрел в удивлении и покрутил головой.

— Один из моих лучших полководцев, — сказал я с воодушевлением, — барон Геллермин, который умелой и беспримерной атакой сумел спасти город Баббенбург от армии Мунтвига и всех нас от очень больших неприятностей.

— Мы будем счастливы стоять с ним рядом, — заверил Шварцкопф.

— И, — сказал я, — едва ли не самое важное в данной группировке армий... Под руководством прославленного и знаменитого сэра Растира ждет и жаждет схватки целое войско троллей, что пришли из своих темных лесов, чтобы внести свою долю в победу над Мунтвигом!

Они раскрыли рты и некоторое время вообще не могли вымолвить ни слова.

— Вы встанете лагерем вот здесь, — сказал я и очертил кружком удобное для него место. — Дальше справа от вас встанут войска королевства Турнедо под руководством Геллермина, затем войска из Фоссано, Вендовера и Шателлена... а на самом фланге оборону будет держать армия герцога Меганвэйла.

Ханкбек чуточку напрягся, а Шварцкопф сказал задумчиво:

— Много слышал о нем.

— Он прекрасный полководец, — сказал я торопливо, — и очень душевный человек.

Шварцкопф проговорил так же медленно:

— Думаю, у нас будет мало шансов пообщаться.

Слишком уж далеко наши армии друг от друга.

Ханкбек сказал с иронией:

— Думаю, его высочество все предусмотрел.

— А что мне оставалось? — возразил я. — Хотя я и не думал, что между вами возникнут какие-то трения, но так... я человек осторожный.

Шварцкопф кивнул.

— Вы предусмотрительны, ваше высочество. И все делаете верно. Я обещаю со своей стороны, что ни в чем не отступлю от линии, которую вы начертали.

— Пойдемте, — сказал я, — познакомлю с некоторыми военачальниками, что остаются. Прежде всего, это Зигмунд Лихтенштейн...

Они вышли вслед за мной, коней нам подвели сразу, и я послал Зайчика в расположение войска, что привел Лихтенштейн.

На мой взгляд, это не войско, а большая дружина, но Шварцкопф посмотрел и ахнул, глядя на гигантов, закованных с головы до ног в стальную броню.

— Это же исполины!

— Я сказал примерно то же самое, — сказал я, — когда увидел впервые. Это великолепный полководец, у него огромный опыт управления войсками в больших сражениях. Достаточно сказать, что ему было поручено защищать столицу Турнедо от такого наглого захватчика, как я, а потом он единственный, кто пытался ее отбить и ушел непобежденным...

Шварцкопф сказал с уважением:

— Ух ты, в самом деле показатель...

— Дорогой друг, — сказал я, — все понимаю, это удар по вашему самолюбию, но я с тяжелым сердцем и только во имя долга подчиняю ему вас и вашу ар-

мию. Это временно, на период этой проклятой войны во имя гуманизма!

Шварцкопф поморщился, тяжело вздохнул.

— Думаете, не понимаю?.. Я главнокомандующий армией Скарляндии больше для престижа моей страны, я все еще боюсь называть ее королевством... но военного опыта у меня никакого. Мелкие стычки с соседними племенами не в счет.

— Вы мудрый человек, — сказал я с облегчением.

— Просто берегу скарляндцев, — ответил он хмуро. — Под моим руководством они будут гибнуть как мухи. А этот огр в доспехах сумет и побеждать и беречь войско, в людях я разбираюсь больше, чем в правильном передвижении войск.

Я обнял его за плечи.

— Спасибо, сэр Шварцкопф! Помните, это лишь на период сражений. Потом он уходит в свои земли, а герцог Шварцкопф уводит свое войско в Скарляндию.

— За что спасибо? — буркнул он. — Это ж не вам лично услуга, это на пользу дела.

— Для пользы дела, — ответил я со вздохом, — люди стараются еще меньше, увы.

— Что делать, — сказал он, — от выполненного дела только удовлетворение, а от человека — можно получить хотя бы благодарность. А то и что-то повесомее.

— Вот так и коррозится рыцарство, — сказал я. — Но мы постараемся, чтобы это произошло не скоро. Сэр Шварцкопф, я не скажу, на какой срок я покидаю вас, но будьте уверены, если здесь будет чересчур жарко, я появлюсь!

Он сказал с неудовольствием и тревогой:

— Ваше высочество, вы о своем походе больше думайте! Это вы лезете в пасть тигру, а не мы.

Я улыбнулся гордо и таинственно, мы же герои, обнял его, сжимая тугие плечи.

Через минуту мы с Зайчиком на большой скорости уносились вдогонку за пешими частями Макса.

Глава 5

Я не думаю, что в Шателлене герцоги для важности всюду таскают с собой по двести человек рыцарской конницы, но ладно, это и понятно, Мидль не смог некоторым отказать в их желании влиться в армию, идущую в глубь захваченной Тьмой территории.

В отместку я его поставил следом за обозом, комуто да нужно охранять с тыла, а ряд военачальников, которые должны были идти в арьергарде, передвинул вперед, поручив охранять обоз с запада.

Принцессу Лаутергарду, как ни рвалась с нами, оставил с основной армией, поручив ее опеку сразу четырем высшим лордам Варт Генца, те для нее готовы выцедить всю кровь из своих жил, а вот императорскую дочь пришлось взять, там в рейде будет больше шансов отдать ее либо Мунтвигу, либо родителям.

Еще не смог отказать принцу Сандорину Винтон-маерскому, единственному сыну и наследнику короля Буркхарта, тот заявил, что настоящие полководцы в его армии — граф Лиутерд Колридж и граф Энтони Спенсер, а он ничего не умеет, кроме как скакать и рубить, потому он категорически настаивает...

Мне меньше всего хотелось осложнений на дипломатической почве, потому я велел Клементу взять его к себе и присматривать. Нам только и недоставало, чтобы единственный наследник погиб.

Естественно, епископ Геллерий и несколько священников принимают участие в освободительном по-

ходе ради угнетенных народов от мира Тьмы в обязательном порядке, потому я посоветовал Хреймдару не слишком светиться, а то поймут, какой он лекарь. Священники еще не зажрались, люди умные, проницательные и пока еще весьма деятельные.

Воспользовавшись моментом, я подозвал Сулливана и сказал негромко, косясь по сторонам:

— Герцог, вы поступили очень благородно, с такой настойчивостью вызвавшись участвовать в великой освободительной войне против темных сил империалиста... э-э... императора!

Он посмотрел на меня так, как смотрит каменная статуя.

— Ваше высочество?

— Это несмотря на то, — сказал я неуклюже, — что ваши ближайшие друзья остались защищать рубежи.

Он ответил ровным голосом:

— Я почувствовал, что меня воспринимают как некое приложение к Лихтенштейнам. Я их люблю, уважаю и дружу с ними... но я — герцог Сулливан!

— Гм, — сказал я, — но возникла... в общем, этот рейд... несколько особенный.

Он взглянул на меня хмуро.

— Что вас беспокоит, ваше высочество?

— Щекотливая ситуация, — напомнил я. — Както совсем недавно я приговорил вас к смертной казни. И даже готовился привести приговор в исполнение.

Он покачал головой.

— Простите, ваше высочество, что предерзостно прерываю, но Хорнегильда в конце концов проговорилась, что это была ваша хитрая и весьма коварная идея помочь ей заполучить меня в мужья. Я когда узнал, что меня провели так низко, едва не убил ее за эти хитрости... но наш брак был к тому времени давно скреплен в церкви, да и сама она показала себя на-

столько непривычно кроткой и послушной, что я постепенно смирился.

— Фу-у-ух, — выдохнул я.

— Более того, — продолжил он так же ровно и бесподобно, — она выказывала такую верность и преданность, какую мы хотели бы видеть в своих женах, но почти никогда не находим. Меня поздравляли и мне завидовали, наконец я понял, что в самом деле обладаю сокровищем.

— Фу-у-у-ух, — произнес я с чувством. — И еще раз фу-у-у-ух.

Он хмуро улыбнулся.

— Ваше высочество, как бы трудно ни складывались наши отношения раньше, но сейчас я служу вашему высочеству верно и преданно. Доказательством этому служит хотя бы мое добровольное участие в вашей войне с Мунтвигом.

— Спасибо, герцог, — сказал я. — Да, осадок все еще остается, но я уверен, что за время этой кампании он рассеется полностью.

Я отпустил его кивком и некоторое время смотрел в широчайшую спину, похожую на скалу как размерами, так и крепостью мышц. Осадок все-таки останется, он по-прежнему королем Сен-Мари признает Кейдана, а я для него захватчик, хоть и сумевший за получить симпатии и поддержку многих местных лордов. Но не всех, далеко не всех.

Когда войско выступило по северной дороге, я трижды обхехал его со всех сторон, стараясь убедить себя, что я не последний дурак, все сделал верно.

Даже вот так в походном строю мы способны мгновенно защититься, а если развернемся для битвы, нас ничем не сокрушить... надеюсь.

По настоящию епископа Геллерия пришлось сорудить три больших креста из полотна, распятого на древках копий, и поначалу их везли впереди основной группы войск, а потом переместились в обоз, потому что уставали руки даже у самых фанатичных священников, которых отобрал для похода отец Геллерий.

Когда ветер дул слишком сильно, приходилось наклонять эти полотнища, а то и вовсе опускать, но в остальное время я сам смотрел на них с трепетом и священной гордостью, чувствуя, как сердце наполняется восторгом и чем-то непонятно мистическим, словно и в самом деле существует нечто, ну, эдакое, как бы выше самого человека.

Огромная масса всадников, закованных в стальные доспехи, покрытые кольчужными сетками кони — все это тоже наполняет сердце странным трепетом,

Пехота движется, закинув щиты за спины, белые с красными крестами во всю длину и ширь, от множества поднятых к небу копий рябит в глазах, а разноцветные флаги, прикрепленные сразу под стальными наконечниками, сливаются в некий яркий навес над войском.

Надо ввести погоны не только для пехоты Макса, напомнил я себе. У меня же почти профессиональная армия. Как только закончу с этой нелепой и несвоевременной войной, так сразу... А можно и сейчас дать указание Бальзе, хотя нет, нельзя. Нужно сперва разработать эту систему, нарисовать, продумать, а уже потом Бальзе, тот лишь запустит в производство.

Длинные колонны копейщиков Макса по шестеро в ряд идут с таким напором, что выглядят стальной лавой, стремящейся неудержимо на новые просторы. Воины шагают почти в ногу, земля дрожит от ударов тысяч подкованных сапог, и снова я услышал грозную

и торжественную мелодию, что рождается просто из топота, звона металла, грубых мужских голосов и гордого шелеста сотен боевых знамен и тысяч баннеров.

Разведчики Норберта все так же двигаются впереди, перехватывая всех, кто может сообщить о нашем рейде. За ними тяжелая рыцарская конница, а следом вот эта железная пехота Макса. Теперь в ее состав входят арбалетчики и лучники, недавно получившие очередную партию новеньких композитных луков, дорогих, зато дальнобойных с тяжелыми стрелами.

Я велел взять даже обоз, подобрав такие телеги, которыми можно окружать при необходимости лагерь, делая некое подобие гуситского, с какими те прошли всю Европу и громили даже Германию.

Принц Сандорин едет рядом с принцессой Аскланделлой, а так как он решил, что такие знатные особы, как принц и принцесса, должны быть бок о бок, то Аскланделла оказалась в центре армии, что приняла как само собой разумеющееся.

От скачки ее лицо порозовело, а щеки заалели, я косился иногда просто поневоле и отмечал, что когда просто вот смотрит на дорогу, то не так уж и отвратительна, как когда вспоминает о своем высоком происхождении, даже в какой-то мере временами как бы нормальная... но не больше, зря это Сандорин распинается о ее красотности, один известный лекарь сказал же, что в человеке все должно быть прекрасно — и душа, и одежда, и мысли.

Хотя да, о женщинах он обычно помалкивал, интеллигент, лучше промолчать, чем брякнуть, это не я, хотя я тоже в чем-то трусливый интеллигент, но не настолько же, чтобы стыдиться этого ныне опозоренного звания.

Тroe суток мы шли на север, останавливаясь только на ночь, на четвертые я велел устроить отдых на сутки. Наша армия, понятно, в состоянии пройти больше, но люди и кони устают, два дневных отдыха в неделю везде и всюду считаются нормой.

Норма дневного перехода десять часов, а это еще с остановками на привалах, потом ночлег с отдыхом на четырнадцать часов, так что армия, увы, движется медленно.

Конечно, можно идти без большого отдыха с неделю, только с привалами, но вскоре слабые либо отстанут, либо их нужно везти на телегах, а потом все равно придется остановиться надолго, чтобы чинить обувь, изношенную конскую сбрую, осматривать копыта и подковывать захромавших лошадей, а еще обязательно подправить некоторые телеги в обозе.

Потому армии даже без боев двигаются медленно, и разведчики на легких конях с двумя-тремя заводными всегда успевают предупреждать о приближении противника.

Я с конниками Норберта выехал далеко вперед, выискивая удобное место, чтоб и место ровное, открытое, и вода близко. Тroe умчались под углом в стороны, а мы с Норбертом проехали еще чуть, я начал всматриваться в торчащее далеко впереди из травы нечто ужасающее рогатое, похожее на прильнувшего к земле стегоцефала, подобравшего под себя зад и голову размером с дом.

Норберт тоже заметил, насторожился.

— Ваше высочество...

Я отмахнулся.

— Да ладно, все мы еще те чудовища...

По взмаху его руки сзади выметнулись двое, понеслись во весь опор, но я уже рассмотрел, что за страшилище.

Когда с Норбертом приблизились, он перекрестился, его люди перебирают оружие, я же не мог оторвать взгляда от этой дизайнерски завернутой раковины с четырьмя длинными острыми шипами вверху. Это она, видимо, зарываясь в песок, ими защищалась от нападающих...

Весь отряд примчался и рассыпался вокруг, дивясь перламутрово блестящей поверхности, странным узорам и завитушкам непонятного назначения. Заглянуть в отверстие, довольно узкое, можно только с одной стороны, даже не верится, что там жило нечто такое, что могло ползти, держа эту тяжесть на спине.

Или оно не ползло, а подстерегало добычу?

— Ваше высочество? — спросил Норберт сдержанно. — Это... надеюсь... не опасно.

— И уже давно, — ответил я.

— Точно?

— Поверьте на слово.

— И... как давно перестало быть опасным?

Я ответил раздумчиво:

— Примерно сто миллионов лет тому.

Он присвистнул.

— Я такое даже не выговорю!

— Хотя, может быть, и меньше, — сказал я. — Если море было здесь совсем недавно.

Когда нашли удобное место для ночлега и вели к нему все войско, на обратном пути увидели стадо туров, что, завидя огромную волчью стаю, моментально встали широкой цепью в круг, внутри поместили коров и телят, а сами нацелились рогами в сторону волков.

Те, не успев напасть внезапно, начали кружить вокруг, стараясь увидеть слабое место, но везде в их сторону смотрят низко опущенные лобастые головы с острыми рогами, толстые загривки и мускули-

стые плечи, где непросто добраться до важных артерий.

— Отобьются, — сказал Норберт с удовольствием, — молодцы, мгновенно перестроились! Как будто их обучал наш Максимилиан фон Брандесгерт, граф Стоунширский.

К нам подъехали епископ Геллерий, принц Сандрин и принцесса Аскленделла, за которой он ухаживает предельно галантно, счастливый возможностью наконец-то применить эти дурацкие правила, которыми его доставали наставники с колыбели.

Она все так же не смотрит в мою сторону, а для ночлега ей уже везут отдельный шатер, богато украшенный и, как мне показалось, даже надущенный.

Епископ пробормотал:

— Да, выучка у них прекрасная. Только благодаря ей и побеждают.

Я взял в руки лук и вытащил стрелу. Принцесса посмотрела в мою сторону, нахмурилась.

Я наложил стрелу, прицелился, а когда разжал кончики пальцев, тут же ухватил вторую стрелу, третью...

Волки еще не успели понять, что стряслось, но, когда пал четвертый, один из туров зачуял кровь врага, с ревом прыгнул вперед и даже не стал бить рогами, а принялся подпрыгивать на теле врага так высоко и быстро, чего как-то не ожидаешь от такого вообще-то грузного животного.

Волки отпрянули и, поджав хвосты, умчались прочь. Принц Сандрин сказал с удовольствием:

— Спасибо, ваше высочество! Я сам готов был броситься с мечом в руке... но, боюсь, туры и меня бы подняли на рога, ха-ха!

— Надо было помочь, — сказал епископ, — туры защищали своих женщин и детей! Это благородно и возвышенно.

Рыцари заговорили, что да, а как же иначе, мудрые слова, я ощутил досаду: вот так банальности звучат как высшая истина, сказал громко:

— Даже наша защита женщин и детей — это не какое-то достоинство! Как видите, всяк зверь защищает своих самок и потомство. Это заложено в самой природе человека... как и во всем живом.

Лица посерезнели, кое-кто нерешительно кивнул. Епископ сказал недовольно:

— Это вложил Господь...

— Кто спорит? — отпарировал я. — Но человек поднялся на ступеньку выше, развивая то, что вложил Господь. Мы защищаем и тех, кого животные никак не защищают. Напротив, нередко изгоняют или убивают... Я говорю о больных, слабых,увечных. Только человек это делает, чем отличается от всех зверей на свете.

Епископ сказал строго:

— Господь предусмотрел все!

— И мы действуем по его плану, — согласился я. — Но это уже сделали мы сами, а не Господь. Он заложил фундамент, а строить здание велел нам.

Епископ спросил настороженно:

— Какой фундамент?

— К примеру, — ответил я, — Господь придумал совокупление и велел всем плодиться и размножаться. Но человек со временем, развиваясь и усложняясь, придумал еще и любовь...

Принцесса бросила в мою сторону странный взгляд и тут же отвернулась.

Всадники первым делом расседливали усталых коней, чуточку давали остыть и вели на водопой. Речка, которую мы обнаружили, крохотная, почти ручей, но нам в самый раз.

Затем на зелени бесконечного луга расцвели шатры, заполыхали костры, все в шахматном порядке,

чувствуется дисциплина Макса, даже в той части, где расположились конники Клемента. Там теперь переняли эту полезную особенность, когда на большой скорости можно промчаться через весь лагерь, не натыкаясь на костры и никого не сбивая с ног.

Норберт сообщил, что поблизости только небольшой городок Буганвиль и несколько деревень, но у нас пока запасов хватает своих с избытком, можно обойтись без грабежей, пусть о нас пойдет такая вот удивительная молва, как о войске каких-то иисусиков.

Глава 6

В мой шатер первыми явились Альбрехт, он ухитился стряхнуть все свои воинские обязанности на Паланта, наслаждаясь положением советника, который ни за что не отвечает, а также Сулливан, потом подошел епископ, пришли даже принц Сандорин и принцесса Аскленделла, а последним тихохонько и очень интеллигентно проскользнул в шатер, словно некая тень, Мидль.

Сулливан грозно нахмурился, герцог должен заходить с достоинством даже к королям, не только к принцам, но промолчал, хотя мне показалось, что после совещания напомнит Мидлю о достоинстве.

В самом деле, подумал я, у меня три герцога в одном шатре, что уже перебор: Клемент, Сулливан, Мидль и трое принцев, что вообще ни в одни ворота не лезет, пусть даже одно из них — принцесса, и еще одна сейчас пока в городе, но может явиться в любой момент...

— Все идет по плану, — сказал я оптимистично, как и должен в большинстве случаев говорить вождь, желающий, чтобы за ним следовали, — все развива-

ется просто блестяще!.. Единственное, где мы пока не сумели добиться перевеса над Мунтвигом, это идеологическая подпитка.

На меня смотрели озадаченно, Альбрехт покосился по сторонам и пробормотал:

— Ваше высочество...

— Да, граф?

— Не все идеально понятно, — ответил Альбрехт. — Вообще-то понятно, но не совсем как бы прозрачно, потому...

— Ясно, — прервал я. — Говорю, что я занялся армией и перевооружением, а вот на идеологическую подоплеку зря не обращал внимания. Думал, Мунтвиг — последователь Карла, идет по его стопам. И никакой идеологии, кроме как «убивай и грабь», просто нет.

— А в чем разница?

Я тяжело вздохнул.

— Не замечаете? Почему никто не замечает, хотя это так важно? Кто бы подумал, что он применит такое просто чудовищное оружие!

На меня смотрели в недоумении, Альбрехт, спросил с тем же подчеркнутым непониманием, выражая глас общественности:

— Да что он сделал особенного?

Я сказал с расстановкой:

— Он поднял все страны Севера на великую и священную войну с миром Тьмы, что находится на Юге!.. Это мы, если вы еще не поняли, армия Тьмы и олицетворение Зла.

От моих полководцев донесся общий вздох негодования, смешанного с недоумением, что за хрень, дескать, да и почему принц придает такое огромное значение характеристике от противника, это же нормально, когда обе стороны поносят друг друга...

Суллиган буркнул:

— Нас ведет церковь. Все это знают.

— А это нечестивая церковь, — объяснил я саркастически. — Как они полагают. Слишком много мы надстроили над тем фундаментом... вернее, над краеугольным камнем, который заложил Иисус. Ведь он сказал апостолу Петру: «Ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою». Так вот, мы такое выстроили, что того камешка уже и не видно, а такое, на взгляд апостольской церкви Мунтвига, — кощунство, ибо нельзя людям толковать слова Творца и что-то домысливать.

Суллиган, который обычно отмалчивался и вообще старался много не светиться, снова проговорил гулко, словно сам для себя:

— А это наше дело? Пусть церковники разбираются...

— Церковники друг у друга волосы рвут, — напомнил я, — как только начинаются диспуты. А потом, кто бы ни победил, победившие сжигают оппонентов на кострах, объявляя их еретиками. Вот так, оптимистично и с песней, продвигается вперед к победе богословие.

Альбрехт скривился.

— А меня мать уговаривала выбрать путь священника, представляете... Что-то у меня голова кругом... Как будто дубиной по голове хватили сзади. Значит, это мы — Зло, а они там — Добро? И это они идут очищать мир от нечисти?

— Вот-вот, — сказал я угрюмо, — представляете, как народ одурманили? Нет, чтобы сразу сказали честно, мол, идем убивать и грабить... Точно, больше бы народу набрали!.. А так только идеиные... Их меньше, но одолеть таких труднее, а еще они никогда не разбегаются, черти бы их побрали!

Он пробормотал:

— Это мы заметили... Всякое ворье разбегается, а вот рыцари боятся так, будто в самом деле верят в ту дурь, которую провозгласил Мунтвиг!

Все сидят серьезные, только принц Сандорин ничего не понял, а Аскланделла так и вовсе цветет, нахально улыбается такому чистосердечному признанию, что Мунтвиг нас переиграл.

— Потому вам добавочное задание, — сказал я. — Всем-всем!.. Везде и всюду разъясняете местному населению, что это мы — Силы Добра и Света, идем под знаменами церкви, а нам противостоят Силы Тьмы и Зла во главе с Темным Властелином Мунтвигом, что жаждет всех ввергнуть к себе в ад!

Альбрехт спросил с недоверием:

— Думаете, сработает?

— Если даже наша пропаганда не победит, — ответил я, — то встречный столкнется с той стеной лжи и клеветы, а когда огонь взаимоуничтожится, то мы еще посмотрим, кто сильнее в ратном деле, а не в клевете!

Лица всех посветлели, в глазах заблистала гордость, а плечи расправились с такой мощью, что я услышал треск суставов. Лишь принцесса поморщилась, но ее мнения никто и не спрашивает. Во-первых, невеста Мунтвига, во-вторых, вообще женщина, принц Сандорин слишком уж вольно пользуется своим титулом.

Сулливан поднялся первым, поклонился.

— Ваше высочество... мы... гм, постараемся.

Они начали выходить один за другим, Сандорин взглянул на принцессу, но та покачала головой. Он вышел с остальными, я молча вздохнул, сейчас начнутся женские капризы и завышенные претензии, ну да ладно, на мне где сядешь, там и слезешь.

Еще задержался Палант, взглянул на принцессу, та сидит в кресле в очень свободной позе, даже забросила ногу на ногу, и башмачок из тонкой кожи высунулся настолько, что видна даже лодыжка, а это на грани приличия, эротично и тормошаще мужское воображение.

— Палант? — спросил я.

Он сказал почти жалобно:

— Ваше высочество, мне бы вашу просто нечеловеческую выдержку!.. А меня даже днем одолевают нехорошие мысли и всякие там грезы...

— О бабах? — спросил я понимающе.

Он бросил короткий взгляд на Аскланделлу, покраснел и сказал тихохонько:

— Да...

— И что, — спросил я, — никак?

Он покачал головой и сказал еще тише:

— Какие только молитвы не читаю, а они передо мной так и пляшут...

— С вот такими? — спросил я и, растопырив пальцы, показал с какими. Аскланделла фыркнула и отвернулась, но я видел, как украдкой скосила глаза на свою грудь. — И жопы вот такие?.. Да, трудный случай...

Он прошептал с надеждой:

— Так что делать? Надежды нет?.. Мне гореть в аду?

Аскланделла бросила из своего угла едко:

— На самой большой сковородке!

Он вздрогнул и съежился, а я сказал утешающее:

— Не слушай женщин, да еще красивых. Они все дуры, за что и любим их так преданно и нежно. Вообще-то, пока у нас сейчас отдых, можешь съездить к Клекоталю. Норберт говорил, это здешний мудрец, он живет за городом. Все тебе пояснит и научит, как справляться.

Его лицо озарилось надеждой.

— Ваше высочество! Завтра же с самого раннего утра...

— Завтра нам в поход, — напомнил я. — Или ты не хочешь помочь?

— Кажду!

— Тогда езжай сейчас.

Он подхватился и стрелой вылетел из шатра. Аскланделла фыркнула:

— Думаете, поможет?

— Шанс есть, — ответил я кротко.

Она помолчала, я не стал задавать наводящие вопросы, уже догадываясь, почему она вдруг задержалась в моем шатре. После разговора с Лаутергардой выглядит весьма задумчивой, даже пару раз ответила не совсем вполад, что просто немыслимо для дочери коронованных родителей, с детства приученных следить за каждым своим шагом, словом и взглядом.

И сейчас, когда мы говорили о наступлении и Мунтвиге, вид у нее был таков, что сосредоточенно думает о чем-то своем, совсем не о противостоянии двух таких ну абсолютно разных идеологических систем.

— Вы уверены, — проговорила она медленно, — что у вас есть шансы в вашем тщетном сопротивлении великому императору Мунтвигу?

Я сказал мудро:

— Одна из важнейших заповедей политика, которая полностью совпадает с библейскими заповедями: никогда не прибегай к насилию! Разумеется, кроме тех случаев, когда ты сильнее.

— Ax-ах, вы считаете себя сильнее?

— Вы все увидите, — пообещал я.

— Вы настолько слабы, — съязвила она, — что даже женщин принимаете в войско!

Вот оно, мелькнула мысль, недолго подбиралась к главной теме. Сейчас должен оправдываться, так она все видит, как же, жди, плохо тебя учили, принцесса на горошине.

— Вы правы, принцесса, — ответил я. — Когда мужчины начинают слабеть, женщины перестают нас подталкивать в спину и сами становятся рядом плечом к плечу.

Она воскликнула:

— Это отвратительно!

— Да, — согласился я, — вы правы. Но нам так нравится. Если с женой или любимой видишься не только в редкие моменты, когда возвращаешься в замок... м-м-м, для нас это прекрасно. Да-да, понимаю, это отвратительно и гадко. Но нам так нравится мчаться бок о бок на конях солнцу и ветру навстречу... болтая свободно и раскованно, а в небе луна такая молодая, что ее без спутников и выпускать рискованно...

— Вы соблазнили такой непристойностью благородную принцессу Лаутергарду! — воскликнула она с негодованием.

— Правда? — спросил я. — А мне показалось, что все счастливы. И сама принцесса. Кстати, она, как и вы, поехала навстречу своему жениху графу Сноррику, но вот теперь мне кажется, что и не спешит со всем... Теперь она стоит.... В смысле ценится гораздо дороже, как мне кажется.

— Гнусность, — отрезала она. — Женщина не должна ездить на коне верхом. Да еще вот так...

— Как? — спросил я невинно.

— В таком виде, — отрезала она. — Не прикидывайтесь! В наших королевствах так не принято! Думаю, что и в Бриттии тоже.

— У вас не принято, — отпарировал я, — а у нас еще как! И почему это мы должны равняться на ваши

древнепещерные обычаи захудалых королевств в медвежьих углах? Ясно же, что вся культура и цивилизация сосредоточены на Юге. Разве по мне не видно?

Она спросила саркастически, но я уловил в ее голосе напряжение:

— И что... у вас там, на Юге... в самом деле... так ходят?

Я пожал плечами.

— Вообще-то нет. Но если кто-то хочет ходить так, особенно в жару, то почему нет? У нас, знаете ли, чуточку жарче.

— И что? — спросила она с тем же напряжением. — Что говорят мужчины?

— Да ничего, — ответил я с удивлением. — У нас, знаете ли, женщина по закону равна во всех правах с мужчинами.

— Что-о-о?

— Что слышали, — сказал я злорадно. — Женщина может править, руководить, ездить по стране без сопровождающих, вести свои и порученные ей дела, покупать земли или продавать... она может стать хоть канцлером! Да, конечно, сидеть дурой у окошка, не смея выйти даже во двор, — это хорошо, никаких обязанностей!

Она вспылила:

— Вы дурно отзываетесь о женщинах!

— Напротив, — возразил я. — У нас таких тоже хватает, но в то же благословенное время у нас нет ограничений для женщин ни в каком деле и роде деятельности! Хочешь — сиди покорно и жди повелителя, хочешь — живи как человек. И потому многим нравится чувствовать себя не уступающими мужчинам.

Я говорил вроде бы небрежно, как о деле, всем нам там, на Юге, знакомом и привычном, но слова подбирал тщательно, чтобы не отпугнуть излишними свободами.

— Какая женщина решится? — воскликнула она. — Только... из самого подлого сословия?

Я нагло расхохотался.

— А вы дура, принцесса. Понятно же, что отваги хватает только у благородных, а также воспитания, образования и умения обращаться с людьми. Только леди из высокого сословия может и смотреть свысока, и вести переговоры... да что я вам такое говорю? Вам что об стенку переспелым, а то и вовсе испорченным горохом. Даже пример Лаутергарды не убеждает, верно? А таких, как она, в цивилизованных и развитых королевствах тысячи и тысячи!

Она поднялась с самым надменным видом, закусив губу.

— Может, где-то и есть такие люди, — ответила она холодно, — однако вы грубиян, хам и невежда, с благородными людьми и рядом не сидели!

Я проследил взглядом, как она вышла, прямая и высокомерная, даже выплыла, будто ног нет вообще, словно скользит по льду, а ведь уже пользуется, хоть и вынужденно, одним из важных преимуществ женщины нового типа — ходит куда пожелает, одна, без осточертевшего сопровождения служанки. Надо будет напомнить и поинтересоваться, сильно ли чувствует себя ущемленной, что разговаривает с мужчинами без того, чтобы за ней наблюдали с близкого расстояния недремлющие и так надоедающие тетки?

Глава 7

Утром сдержаный шум за стенами шатра, негромкие голоса, приятный аромат костров и жареной еды, где запахи мяса вкусно смешиваются с запахами поджаренного хлеба.

Я услышал голос Альбрехта, Зигфрид что-то ответил неразборчиво.

— Я не сплю! — крикнул я. — Барон, заходите!

Полог отодвинулся, Альбрехт заглянул, убедился, что я не под одеялом, а уже за столом, вошел и устался на меня с хмурым вопросом в темных глазах.

О том, что уже граф, а не барон, напоминать не стал, вдруг у меня память пошаливает с чьей-то еще более ветреной памятью, пока я сплю, так что мое никчемное ехидство даже не царапнуло.

— Норберт уже выехал, — напомнил он.

— Его работа идти впереди, — ответил я, — и убирать камешки с пути моего высочества. Чем вы так встревожены, дорогой друг? У вас брови какие-то не такие.

— Что думаете насчет принцессы? — спросил он.

— Уже работаю, — сообщил я.

Его брови приподнялись еще выше.

— И?

— Наш ответ Чемберлену будет несимметричным, — ответил я. — Идеи побеждаются только другими идеями, но, как гласит история, благородные идеи проще побивать низменными, ибо человек в натуре своей подл. Как благородный рыцарь, я против, но как политик — использую!

Он кивнул.

— Есть подвижки?

— Хоть и с опозданием, — сказал я, понизив голос, — но отвечаю. Для начала разосрем этот их союз двух империй. С одной еще не знаю, как управлюсь, а уж с двумя... И пусть империя Вильгельма не такая воинственная, но, возможно, многолюдная, богатая, и тогда силы Мунтвига будут постоянно подпитывать ее мощью...

Он прислушался, сказал быстро:

— Упомяни черта, он тут как тут.

Донесся властный голос принцессы, кого-то отчитывает, женщины даже в плenу уверены, что это у них все в плenу, затем прозвучал цокот ее каблучков, в шатер заглянул Зигфрид.

— Ваше высочество, — проговорил он, — тут эта, как ее, ну, принцесса вроде бы, если не врет...

— Пропусти, — велел я, — может, и не врет. А может, и врет.

Принцесса вошла предельно высокомерная, явно слышала, еще с порога спросила надменно:

— Я вчера забыла поинтересоваться, вы уже отправили сообщение, что я у вас в плenу? Запросили выкуп? Какой?

Я указал ей на лавку.

— Присядьте ваше высочество. Мы сейчас закончим с графом обсуждать послевоенное устройство территорий, ранее занимаемых неким Мунтвигом.

Она села, громко фыркнув, и отвернулась. Альбрехт сказал почтительно:

— Ваше высочество, вы предложили прекрасный план по нейтрализации последствий и полного искоренения даже памяти о. Однако, умоляю вас...

Я сказал грозно:

— Чего еще?

Он сказал совсем просительно:

— Давайте остальное перенесем на потом, я не смею задерживать прекрасную принцессу.

Я пробурчал недовольно:

— Ладно, но представьте мне подробный план по расчленению империи и наказанию военных преступников.

Он вышел, а я повернулся к принцессе. Она выпрямилась и посмотрела на меня уничижающе.

— Принц?

— Ваше высочество, — ответил я, — с момента вашего появления сэр Дарабос по моему приказу тут же послал несколько гонцов в направлении возможного нахождения армий Мунтвига. Вы понимаете, с каким донесением.

— Нет, — ответила она дерзко, — не понимаю!

— Я велел сообщить Мунтвигу, — терпеливо сказал я, — что вы, его невеста, такая прекрасная и вежливая, случайно захвачена моими отрядами в плен. Я жду от него сообщения, как и где передать вас в его нежные, без всякого ехидного сомнения, руки.

Она выслушала, поморщилась.

— И что, все еще нет ответа?

— Принцесса, — напомнил я, — вас перехватили год назад? Или хотя бы месяц тому?.. А мы с Мунтвигом на приличных расстояниях друг от друга.

— А вы послали несколько гонцов? — спросила она.

— Да.

— Зачем?

— Я не знаю, — ответил я терпеливо, — где Мунтвиг, потому мои сообщения попадут разным командирам в разных землях. Кто-то доставит послание позже, кто-то раньше.

Она слушала с таким видом, словно собиралась что-то сказать еще, хотя вроде бы все сказано, я запоздало сообразил, что хочет просто побывать здесь и поговорить, очень уж необычные вещи рассказываю, а про посылку гонцов и так наверняка уже слышала от Норберта.

Полог приоткрылся, заглянул бледный и расстроенный Палант, одежда помята, лицо просто желтое.

— Ваше высочество? — проговорил он.

— Ну что? — спросил я. — Давай входи, но там и стой.

Аскланделла тут же, чувствуя его неудачу, посмотрела на меня победно.

— Ну? — повторил я.

Он поклонился.

— Ваше высочество, я приехал поздно, тот мудрец уже закрыл двери на ночь. Я стучал, кричал, бросал камни и палки в окна, но там крепкие ставни... В общем, простоял там целую ночь, а под утро, помня о вашем приказе, снова сел на коня и вернулся.

Я спросил с удовлетворением:

— Ну что, все понял?

Он вытаращил глаза.

— Ваше высочество?

— Не понял, — сказал я с сожалением. — Тогда растолкую. Когда человек хозяин в доме, к нему без приглашения не войдет сам Сатана!..

Он раскрыл рот, а когда понял, смутился, быстро взглянул на опешившую Аскланделлу, поклонился и быстро вышел. Через стенку шатра донесся его быстро крепнувший голос, слышно было, как у костров начинают подниматься люди.

Аскланделла сказала язвительно:

— Подумаешь, дали урок... Он о нем завтра же и забудет.

— Но сегодня побудет хозяином, — сказал я. — Да и не факт, что забудет.

Она пожала плечами с самым независимым видом, а я подумал, что мы как-то незаметно, продолжая враждовать и выказывать другу другу крайнюю степень неприятия, перешли на некую ступень общения, что как-то не совсем правильно и нам обоим не нужно, а с другой стороны, вполне как бы естественно, хотя так и не надо бы... почему-то, но происходит само по себе, что не нравится, не люблю, когда меня что-то ведет, будь это инстинкты, рефлексы или воля Божья.

Похоже, она тоже подумала об этом или чем-то подобном, нахмурилась и взглянула с повышенной степенью неприязни, но, думаю, это останется, обратный переход был бы слишком искусственным, и мы оба ощутили бы неестественность и воспротивились бы чисто инстинктивно, а эта гребаная интуиция в некоторых случаях лучше знает, как нам вести себя и держаться с другими.

— Надеюсь, — произнесла она холодно и красиво поднялась с лавки, — гонцы уже передали ваше послание.

— Это точно, — заверил я. — Теперь все дело в скорости, с которой уже в обширной империи Мунтвига это сообщение дойдет до его ушей.

Она кивнула с той небрежностью, как если бы слуге или конюху, и вышла.

Через полчаса я разбирал с Альбрехтом варианты сотрудничества с местными лордами, когда прогремела дробь копыт, послышались голоса, затем полог отлетел в сторону, и почти вбежал Норберт.

— Ваше высочество, — сказал он с ходу, — в ста милях восточнее от нас вчера-позавчера произошла большая битва между армией Мунтвига и армией Бриттии!

— Точно армией Бриттии? — переспросил я и уточнил, потому что он кивнул. — Королевской армией?

Норберт покачал головой.

— Ваше высочество, таких королевских армий, как у вас, больше нет. Там были войска ряда местных лордов.

— Однако под общим управлением короля?

— Да, — подтвердил он, — Ричмонд Драгсхолм лично водил войска в сражение.

— Только бы не погиб, — сказал я в тревоге. — Бедная Лаутергарда...

— Не погиб, — подтвердил он, и я вздохнул с облегчением. — Армии лордов сражались храбро, хоть и неорганизованно...

— Однако, — сказал я раздраженно, — армия Мунтвига, хотя такая же неорганизованная, сумела попросту задавить их числом. Верно?

Он кивнул, а Альбрехт сказал с великим почтением:

— И как вы догадались?

— Давайте без сарказма, — сказал я, — а что с армией Мунтвига?

— Остановилась, залечивая раны, — доложил Норберт. — Мои люди отслеживают передвижение разъездов, захватывают для допроса. Пока никто не знает, куда двинутся дальше.

— А сколько до Огилви точно? — спросил я. — Мы должны пройти буквально через него.

— Завтра в полдень будем там, — доложил Норберт. — Город вроде бы приличный по размерам.

— Тогда форсированный марш! — распорядился я.

Глава 8

На другой день перед обедом сперва увидели остатки разбитых армий, а потом на горизонте выросли городские стены. Остатки разбитого войска спешат к Огилви, город в самом деле большой, и стены высокие, но я представляю, что едва их впустили, страшная весть о полном разгроме пошла шириться по городу. Мало у кого возникнет желание защищаться яростно, большинство в таких случаях падают духом и начинают думать о сдаче.

Мы прибыли к городу, когда он весь оказался заполненным остатками армии лордов, вернее, той ее

части, что не разбежалась вовсе по своим землям и домам, а также местным ополчением, вооруженным чем придется. К тому же часть местных стремилась убежать из города, который явно станет добычей следующей волны мунтвиговских армий, другие же, на-против, спешат укрыться в городе, и на улицах постоянно сталкиваются эти потоки, телеги сцепляются колесами, возчики лупят друг друга кнутами, нередко хватаются за ножи, а к схватке тут же подключаются взвинченные и обозленные люди с обеих сторон.

Норберт докладывал, что везде царит паника и уныние, но это я и сам видел: люди в отчаянии, солдаты разбитой армии не смеют поднять глаза на местных.

— Ладно, — сказал я, — сперва нанесем визит местному бургграфу.

Альбрехт, как вечный оппонент, возразил:

— А стоит ли? Город все равно переполнен, там и взвода не разместить. Но в пяти милях дальше к северу достаточно большой замок, почти крепость.

— Что там за места? — осведомился я.

— Для обороны?

— У нападающего, — напомнил я, — всегда больше воодушевления, чем у обороняющегося.

— Понял, — сказал он, — выберем удобное место и для контратаки. Сэр Дарабос, что слышно о том замке?

Норберт ответил неспешно:

— Чутье вас не подводит, сэр Гуммельсберг. Тот замок выстоял перед яростным штурмом войск Мунтвига, а осаждать его не стали, прошли дальше, где и встретили то злополучное войско местных лордов. Теперь из замка время от времени выезжают воинские отряды и обезжают деревни, защищая крестьян от расплодившихся разбойников.

— Прекрасно, — сказал я, — мне такие хозяева нравятся. Можем остановиться на отдых возле замка. Заодно ободрим хозяина, пусть держится и дальше.

Норберт уточнил:

— Ему уже сообщили, что в этом направлении идет наша армия. Если отнесется... ну, как нам и хочется, то выедет навстречу.

В город Огилви отправилась делегация во главе с Палантом, он должен заверить, что мы, как союзники короля Ричмонда Драгхолма, всегда и весьма, мир и дружба, если что, только свистните, но не слишком громко, мы всегда поможем, хотя и сами мы бедные, но не проехали мимо.

Через пять миль, как Норберт и обещал, далеко впереди среди зелени появился и поплыл навстречу, медленно увеличиваясь в размерах, изящный, если смотреть издали, замок из плотно поставленных зданий, сверху видно только зеленые крыши и множество башенок с крышами, похожими на острия копий.

Солнце осветило самый верх, оставив две трети в тени, как и весь лес. И это сказочно прекрасно, когда вот так сверкает среди зелени, будто драгоценность, созданная даже не умелыми архитекторами, а ювелирами.

— Я посмотрю, — крикнул я, — что там за!

Никто и рта не успел раскрыть, как Зайчик все понял и рванулся вперед, а через минуту его опередил оплошавший Бобик.

Мы пошли напрямик, пришлось вломиться в лес, скорость упала, я виновато подумал, что частыми выездами вперед, как ни пытаюсь сдерживаться, нервирую Зигфрида и телохранителей, раздражая Норберта и пугаю идущие за мили от армии и по бокам конные разъезды.

Ссылка на лютого Адского Пса не помогает, мне всякий раз резонно объясняли, что этот толстый умеет только травоядных душить, а еще как-то гусей ловит и рыбу вытаскивает из озера, а драться никогда, киш-ка тонка.

Объяснение, что я сам запрещаю ему драться, не помогает, никто не понимает, как можно в здравом уме запрещать драться в наше драчливое время в драчливом мире, созданном, видимо, таким же Господом?

Деревья впереди распахнулись в стороны, как шикарный занавес из толстого зеленого бархата. Уже недалеко впереди снова возник залитый солнцем замок, теперь видно, что это настоящая крепость, хотя ни рва, ни защитного вала, только сама твердыня с каждой минутой выглядит все величественнее и неприступнее.

Зайчик мчится так, что ветер свистит в ушах, хотя и не на полной скорости. Первые окна идут на уровне четвертого этажа, да и то не окна, а бойницы. Из них хорошо стрелять как лучникам, так и арбалетчикам, а вот снаружи не влезть, в то время как изнутри точно получишь копьем в брюхо, когда полезешь выше.

Крепость высится над равнинным миром подобно айсбергу на глади океана. Ощущение моци настолько сильное, что если муントиговцы и пытались ее взять штурмом, то так, для галочки, мол, да, пробовали, но сзади нас не поддержали соплеменные части, пришлось вот отступить и топать мимо, виноваты фланги, они всегда виноваты.

Я пустил Зайчика шагом, пусть с башен и ворот рассмотрят, сам таращил глаза в удивлении. Эту крепость точно складывали не люди, а циклопы, а то и сами глыбы укладывались, как при строительстве

дворца Сулеймана, в детстве называемого просто Шломо.

Когда я приблизился на расстояние двух выстрелов из лука, из калитки рядом с воротами вышел человек, за ним лошадь в поводу. Он вскочил в седло и погнал ее в нашу сторону.

Я остановил Зайчика, а Псу велел сесть и не пугать обоих. Он посмотрел обиженно, дескать, ну когда же будет можно, все нельзя и нельзя, а это же так здорово, когда пуганешь как следует...

Всадник с легкой рыси перевел коня на шаг, я ощутил на себе взгляд очень внимательных глаз, сам тоже рассматривал его с интересом и удовольствием.

Не часто встречаешь человека, у которого нижняя челюсть настолько шире собственного лба, но это именно таков красавец. Брутальный с виду, грубо скроенный, зубы как у коня, губы сохранили следы таких ударов, словно по ним били молотом, нос кривой явно не от рождения, но взгляд тверд и прям, а когда заговорил, грубый голос звучал так же надежно, как грохот водопада, что упорно тащит тяжелые камни летом и зимой, в дождь и в засуху:

— Ваше высочество?

Я наклонил голову.

— Не знаю, велика ли честь им быть, но я в самом деле принц Ричард.

— Дункан Коллинсворт, — назвался он, то и дело зыркая в сторону Пса, что изображает статую из черного обсидиана, — барон земель Дорнхельма и этого замка Хеммерсли.

Я сказал кратко:

— Приветствую вас, барон!

— Ваше высочество, — сказал он с подъемом, — мы счастливы видеть вас на своих землях.

— Спасибо, польщен...

— Прошу вас, — договорил он, — быть моим гостем! Я сам и все мои люди в вашем полном расположении!..

— Спасибо, — повторил я тепло. — Если вы не против, мы разобьем лагерь поблизости. Армия нуждается в коротком отдыхе.

— Ничуть, — заверил он, — и хотя наш край разорен этим нашествием, но крестьяне вовремя убрались в леса, унеся с собой все запасы зерна и спрятав скот, так что можем и поделиться с вами, таким могучим союзником нашего короля.

— Это будет кстати, — ответил я. — Хотя мы везем с собой продовольствие, однако пусть останется в неприкосновенном запасе до поры до времени. За все продукты, сэр Коллинсворт, будет уплачено сполна.

Его глаза расширились.

— Правда? Тогда крестьянам стоит только сообщить.

— А вы собирались делиться собственными?

Он улыбнулся.

— Точно. Как только мы услышали о начале войны, я сразу велел заполнить все закрома доверху. И все добавочные склады.

— Мудрое решение, — одобрил я.

Разговаривая, мы приблизились к исполинской стене и проехали под аркой распахнутых для нас ворот. Пес смиленно трусил сзади, прекрасно зная, что если нашкодит слишком уж, в следующий раз оставлю взаперти.

Я убедился заодно, что стены не только высокие, но также невероятно толстые. Ни один таран не разобьет и не повредит эти монолиты, а катапульты могут сколько угодно бросать камни, хотя с тем же успехом могли бы швырять в стену горохом.

В небольшом внутреннем дворике у нас взяли ко-ней. Бобик посмотрел на меня умоляюще, но я с самым непреклонным видом покачал головой.

— Здесь хозяин, — объяснил я ему, — сэр Коллинсворт. Пока он не разрешит тебе передвигаться здесь, как человеку, вот так и будешь сидеть тут.

Сэр Коллинсворт посмотрел на меня в изумлении.

— И что, он послушается?

— Конечно, — сказал я, — это же комнатная собачка. Милая и мягкая. Если руки, конечно, достаточно твердые.

— Тогда, — проговорил он нерешительно, — если никого не загрызет, пусть побегает?.. Зачем собачку мучить? Это же не человек, ее жалко...

— Спасибо, — сказал я и повернулся к Бобику: — Видишь? Сэр Коллинсворт разрешает тебе побегать малость...

Бобик широко распахнул пасть с ужасающими зубищами и благодарно лизнул сэра Коллинсворда в руку. Тот замер в ужасе, а когда понял смысл жеста, вздохнул с великим облегчением.

Бобик унесся со скоростью камня из катапульты, а сэр Коллинсворт, проводив его остановившимся взглядом, проговорил все еще подрагивающим голосом:

— Прошу вас в зал, ваше высочество.

— Благодарю, — сказал я, — как у вас мило, как мило...

Едва миновали холл, из боковой комнаты вышла степенная женщина, повадками и движениями похожая на холмогорскую корову, медлительная и важная.

— Моя супруга, — сказал Дункан жизнерадостно, — леди Сандра, урожденная Валенрод из династии Хирайшильдеров..

Леди Сандра в кричаще скромном платье, верх обрамлен стоячим воротником из пышных кружев, по-

хожих на морскую пену. Они собраны в тугую гармошку, а если развернуть, то растянутся примерно на четверть морской мили. На шее и груди тонкие нити ожерелья с драгоценными камешками, настолько мелкими, что можно не сомневаться в их ценности.

Она взглянула на меня благосклонно и свысока, я понял, что иначе не умеет, в их крепости издавна не появлялся никто выше рангом, чем ее муж, и привычка стала второй натурой.

Я сказал живо:

— Леди Сандра!.. Вы восхитительны! Вашу ручку...

Говорил я уверенно и решительно, молодец, уже и сам привык, она с некоторым колебанием протянула в мою сторону изящные длинные пальцы, я хоть и его высочество, перед которым надо бы присесть, но какое-то странное его высочество, и пока колебалась, я галантно прильнул в поцелуе к ее тонкой аристократической руке с бледной кожей, сквозь которую отчетливо видны голубые вены, называемые почему-то жилками.

— Вы великолепная пара, — сказал я с чувством. — Я сразу ощутил к вам доверие и расположение!.. Что-то в вас есть эдакое, из-за чего, признаешься, вас все любят!

Они оба довольно заулыбались, а я в самом деле не покривил душой и почти не солгал, мне они понравились, а у меня вкусы и запросы простенькие, так что если мне кто нравится, то эти люди должны нравиться большинству.

— Ваши люди прибудут позже? — спросил сэр Коллинсворт.

— Вы проницательны, — ответил я.

— Еще бы, — сказал он, — стоит посмотреть на вашу собаку... понимаешь, что и конь той же масти... и той же скорости.

Я сказал таинственно:

— Можете поверить... я тоже!

Они засмеялись, но сэр Коллинсворт чуть посерезнел, что-то ощущив, сказал уже чуточку другим тоном:

— Ваше высочество, я сам покажу вам вашу комнату, а потом победаем вместе, если вы не особенно против.

— Совсем не против, — сказал я с энтузиазмом. — Обедать — это мое второе любимое занятие!

— А первое?

— Одерживать победы, — ответил я уверенно. — Что-то в этом есть бодрящее, не находите?

— Гм, — сказал он. — Нам трудно оценить такие радости, всю жизнь просиживая в крепости. Даже налоги управители привозят сюда сами!

Глава 9

Я ожидал шумное застолье, однако обедали мы втроем в небольшой, уютно обставленной комнатке, за столом только сам Дункан, его жена и я. Слуги подают блюда быстро и бесшумно, леди Сандра не ест, а кушает, вот оно, благородное воспитание, я привычно ем, а сэр Коллинсворт с азартом жрет, успев где-то проголодаться.

— Обычно у нас за столом многолюднее, — объяснил он между двумя блюдами. — Но часть гостей воспользовались моментом, что войска Мунтвига прошли дальше... и конечно же, как вы понимаете, сразу же...

— Выехали на охоту? — спросил я.

— Точно, — подтвердил он.

— А остальные?

— Те, что рангом ниже, обедают в общем зале.

— Тогда, — предположил я, — может быть, удобнее с народом?

— К вечеру вернутся более знатные гости, — сообщил он. — И более интересные собеседники.

— А, — сказал я, — тогда хорошо. Мои тоже как раз подоспевают.

Он взглянул на меня с интересом.

— Вы не считаете, что опасно вот так, одному?

— Уже считаю, — признался я. — Хотя совсем недавно я везде ездил один, и никто не обращал на меня внимания.

— И как, нравилось?

— Еще бы, — ответил я. — Но когда обрастаешь титулами и властью, то... гм... внимание обращают.

— И не всегда это внимание доброе, — согласился он.

После жаркого на стол подали пироги и медовое печенье, я медленно ел и запивал вином, ухитрившись добавить туда своего, в камине полыхают толстые березовые поленья, смолистые и душистые, от них по всему залу нервно заплясали багровые отблески. В углу в большой чаше подогревается вино Бриттии, слуги зачерпывают его кружками и разливают по нашим кубкам и чашам.

Доносились далекие голоса часовых, за окном по-свистывает хмурый северный ветер, даже я, человек не слишком чувствительный, ощутил прелест вечеря в натопленной комнате, когда и в середине лета приходится искать тепло.

— Уютно у вас, — произнес я одобрительно.

— Спасибо, ваше высочество, — ответил он. — Если бы не эта новая война, было бы все замечательно.

Я спросил, понизив голос, словно спрашиваю о чем-то непристойном:

— Не любите войны?

Он ответил со вздохом:

— Как не любить, люблю, как жить без подвигов?

Но мы еще от той не отошли, когда здесь прошел император Карл...

— Хуже всего, — сказал я, — это гражданская война, когда брат идет на брата, сын на отца... Разве войны между нашими королевствами не гражданские?

Он посмотрел на меня в некотором сомнении.

— Ваше высочество... ну, как бы... это для Господа Бога мы все братья...

Я взглянул на молча слушающую его жену.

— Леди Сандра, хотя Господь ничего не сказал про сестер, но я уверен, он в некотором смысле имел в виду вас в другом случае, когда говорил, что всякое дыхание хвалит Бога.

— Спасибо, ваше высочество, — ответила она сдержанно.

Дункан осушил содержимое кубка и со вздохом опустил его на стол.

— Чем закончится эта война? — спросил он. — Что войдет в мирный договор?

Я подумал, пожал плечами.

— Чем больше размышляю, тем больше вижу, что мирные договоры бессмысленны.

— Ваше высочество?

— Мы не прекращаем, — объяснил я, — а лишь откладываем войны.

— И что же делать? — спросил он.

— Война до победного конца, — сказал я жестко и понял, что, скорее всего, так и будет, что-то не вижу себя заключающим даже перемирие с Мунтвигом. — До капитуляции и установления власти победителя. В жестокое время живем, сэр Коллинсворд.

Придется потерпеть ужасы войны дольше, зато обезопасим себя со стороны временного побежденного противника, который будет мечтать о реванше и снова копить силы.

Через час после обеда вернулись рыцари, устроившие первую охоту в честь ухода войск Мунтвига. Я в ожидании прибытия армии вышел прогуляться по крепости, сопровождать меня вызвался управитель с типичной внешностью хозяевственника, плотный, быстрый в движениях, все замечающий и даже со мной не упускающий возможности раздавать указания слугам, что имели несчастье попасться навстречу.

Всякий раз, правда, извинялся, но удержаться не мог, виновато разводил руками.

— Не лучшее время для охоты, — заметил я.

Он сказал быстро:

— Да, это так... насчет охоты. Не совсем.

— Что, — спросил я, уловив в его голосе нечто иное, — это была не охота?

— Охота, — заверил он, — это благородное занятие для благородных людей, вы правы! Но на самом же деле сэр Коллинсворд велел объехать ближайшие деревни и посмотреть, в каком они теперь состоянии. Ну а если вдруг встретят оленя, перебегающего дорогу, или дикого кабана, то вот вам и охота...

— Мудро, — сказал я. — Хороший у вас хозяин.

— Прекрасный, — сказал он с пылом. — Весь в батюшку, а тот в деда. Коллинсворды все такие хозяевственные!

Мы вышли на задний двор, там небольшой сад, стиснутый высокими каменными стенами, десяток деревьев и обилие кустов роз, все невысокие, но цветы просто огромные.

Я засмотрелся на сочный бутон, где первые два листочка уже начинают отслаиваться, открывая нежнейшую плоть, бледную с едва заметной розоватостью, похожую на грудь молодой, но уже половозрелой девушки, но такого размера, что это скорее жопа, сочная и упругая, которую так и тянет то ли поцеловать нежно, то ли грызануть, как налитое сладким соком яблоко.

Дальше свободная от деревьев и кустов поляна, где к стволам двух деревьев привязаны толстые веревки, увитые гирляндами роз, а внизу широкая доска со спинкой, на которой сидит, раскачиваясь легонько, молодая, но очень спелая женщина с пышными формами.

Управитель пробормотал с непонятным выражением:

— Ох, она уже снова здесь.

Я кивнул в ее сторону.

— Родственница хозяина?

Он покачал головой.

— Нет, что вы!

— А кто?

— Сестра жены хозяина, — объяснил он. — Молодая вдова погибшего в прошлом году одного знатного сеньора, хорошего знакомого сэра Коллинсворда.

Я сказал с сочувствием:

— Здесь старается побывать в другой обстановке?

Он пробормотал:

— Ну... да, старается. Весьма. Там у нее богатое, но захолустное имение, потому частенько приезжает сюда к сестре.

— Здесь многолюднее?

Он кивнул.

— Да, здесь легче развеять... скорбь. Потому гостит подолгу.

— Да и другого мужа подыскать стоит, — заметил я. — Она в полном расцвете. А что полновата, так в постели всем нам такие нравятся больше.

Он улыбнулся, покачал головой.

— Вряд ли она, судя по ее поведению, озабочена поисками мужа. Став вдовой, она впервые ощутила свободу. Вот и радуется...

Мы повернули обратно, чтобы не подходить и не знакомиться, иначе придется начинать пошлый ритуал ухаживания, а они меня все еще смешат, никак не привыкну, в мое время это было вычеркнуто за ненадобностью.

Я украдкой оглянулся через плечо, стараясь понять странное выражение управителя насчет того, что она уже снова здесь. Похоже, сестра леди Сандры обожает качели, ведь все прибывшие с такой интересной охоты все еще пирют, а она уже здесь, раскачивается слегка, вскинув нежно-белые полные руки и крепко держась за веревки.

Вообще-то да, понимаю, она и должна обожать качели, только так в этом строгом мире хороших манер можно вроде бы нечаянно показывать длинные стройные ноги, а они у нее именно такие, угадываю по ткани платья из тонкой материи.

Поэт выразил это мужское томление в словах: «Дианы грудь, ланиты Флоры прелестны, милые друзья! Однако ножка Терпсихоры прелестней чем-то для меня...» Так что эта леди прекрасно понимает наши стремления и вкусы и пользуется каждым удобным случаем, чтобы заявить о своей страсти к качелям, и милостиво разрешает молодым рыцарям сопровождать ее и даже помогать раскачиваться.

А когда раскачиваешься сильно, то можно и визжать в притворном испуге, и позволять платью под напором ветра оголять ее не знавшее солнца тело до

колен, а то и до пояса... гм... надо будет изобрести трусики, все никак руки не дойдут до такой мелочи за этим строительством Царства Небесного...

Не пойму, что в них такого сложного, что их изобрели позже самолетов и пароходов! И то же самое с бюстгальтером. Правда, надо идею подсказать кому-то другому, позорно мне войти в историю как создателю женских трусов и бюстгальтера.

Когда возвращались с обхода крепости, навстречу поспешил один из гостей, как я понимаю. Высокий и неимоверно худой, но мало того — на его череп ушло вдвое меньше материала, чем на голову сэра Коллинсворда. Хотя по высоте они один в один, только череп этого господина словно бы сплюснули с боков. У него крайне узкое лицо, длинный нос и крохотная челюсть, а голова сидит на длинной тонкой шее, из-за чего я сразу подумал о гусях, что Рим спасли, а потом вспомнил того роскошного гуся, что поймал и притащил Бобик.

— Ваше высочество, — прокричал он еще издали, — сэр Бренди Лендфорд к вашим услугам! Прошу дозволения со своими людьми присоединиться к вашей армии!

— Нет-нет, — возразил я, — это будет неуместно... А сколько у вас людей?

— Пятьдесят рыцарей, — сообщил он, — в полном вооружении, закаленные в боях, пятьсот лучников и двести арбалетчиков!

— Нет-нет, — повторил я, — хотя ладно, можете присоединиться. Только мои приказы выполнять беспрекословно!

— Клянусь, — воскликнул он. — Вы же тот самый Ричард Завоеватель!

— Ага, — сказал я, — вроде бы я именно тот.

Глава 10

Ближе к вечеру примчались конники Норберта и сообщили, что передовые части армии прибудут через два часа.

— Сэра Норберта, — сказал я, — и сэра Клемента наш хозяин, благородный сэр Коллинсворд, приглашает в крепость на ужин. С двумя-тремя особо приближенными военачальниками, но не больше, тут и так тесно.

Коллинсворд на этот раз выехал встречать грозную армию, посмевшую бросить вызов грозному Мунтвигу, в сопровождении двух десятков пышно и богато одетых рыцарей.

Я остался в крепости, мой высокий ранг не позволяет выезжать встречать своих же военачальников, я могу разве что принять их, важно развалившись в тронном зале на главном сиденье, но для меня это чересчур, встречу здесь, во дворе..

Леди Сандра деловито раздавала указания слугам, увидела меня, слоняющегося бесцельно, как Чайлд Гарольд, мягко улыбнулась.

— Ваше высочество?

Я отмахнулся.

— Не обращайте на меня внимания, милая леди. Это так, сплин нахлынул.

Она спросила озабоченно:

— Сплин? Это что за штука?

— Да так, — сказал я с тоской, — когда вот чего-то хочется, а чего, не соображу. То ли конституции, то ли севрюжины с хреном, то ли кого-нибудь ободрить...

Она неуверенно улыбнулась, женская интуиция подсказала, что я пошутил, вот и губы растянул, это значит, улыбается, а что понятно, так у мужчин почти все непонятно.

В начале ночи я поднялся на башню и прикинул еще раз, как здесь могут разворачиваться битвы, если оброняться придется здесь, и там же увидел вскоре, как подходит моя ударная армия, с ходу разворачивается, решительная и уверенная, умело и отважно начинает ставить шатры и палатки, разжигать костры, плотно и смачно ужинать перед сном.

К замку направилась группа всадников, во главе в свете факелов мелькнула громадная фигура в доспехах. Я сразу поискал за спиной парнишку в плаще с надвинутым на голову капюшоном, так выглядит для всех Ричэль, но нет, Клемент привычно оставляет Ричэль в своем шатре, хотя о ее существовании его люди уже знают и гордятся своим лордом, сумевшим, подобно самому сэру Ричарду, заполучить себе в пажи неприступную эльфийку.

Я направился к воротам, вскоре с той стороны раздался задиристый рев боевого рога.

Ворота распахнулись, в сопровождении улыбающегося Дункана Коллинсворда въехали на огромных красивых конях Клемент, Суллиган, Палант и, дьявол их побери, принц Сандорин и принцесса Аскленделла, чего ей не сидится в лагере, еще чуть, и я пожалею, что распускал язык о равноправии и женском суфражизме.

Коллинсворт уже общается со всеми настолько радушно и прочноувственно, что да, издали видно, насколько осточертело ему в медвежьем углу и как здорово, что столько гостей!

Управитель и слуги уже раскланиваются с Клементом, угадав главного как по фигуре, так и по властности его манер.

— Ваша светлость... покой... для вас отдельная комната...

— Отлично, — пробасил Клемент, — отлично, подойду позже... Ваше высочество?

— Привет, — сказал я, — быстро добрались.

— Ну да, — сказал он с укоризной. — Мне сказали, что вы тут уже чуть ли не со вчерашнего дня!

— Всего пару часов, — заверил я. — Ну, пусть чуть больше. Не устраивайся надолго, завтра-послезавтра снова в путь. Нам нигде нельзя задерживаться,

— Еще бы, — согласился он, — мы же почти в самой сердке владений Мунтвига! Представляю, как он задергался.

— Или обрадовался, — сказал я мрачно, — что сами в пасть льва идем, да еще с песней. Как принцесса?

Он кивнул в сторону ворот. Там из-под арки выезжает группа рыцарей, в центре Аскленделла, красивая и высокомерная, спина прямая, в женском седле ее держать особенно легко, а когда рыцари начали соскакивать на землю, милостиво приняла руку самого бойкого, успевшего преклонить колено и голову, и величественно покинула седло, ступив сперва на колено рыцаря и коснувшись ладонью его головы, затем сошла на землю и лишь тогда отпустила его руку, что едва не вспыхнула жарким огнем от счастья.

Я потащился навстречу, она встретила меня холодным взглядом.

— Ваше высочество, — произнес я ровным протокольным голосом, — для вас приготовлена отдельная комната в этой перенаселенной крепости. Но если хотите...

— Нет, — отрезала она, — не хочу! И не мечтайте.

— Спасибо, ваше высочество, — сказал я с жаром. — Ой, как вы меня осчастливили.

Она ожгла меня огнем диких глаз, управитель подошел и смотрел то на нее, то на меня, и она ушла за ним.

Клемент пробормотал:

— Мунтвигу придется быть настороже.

— Так ему и надо, — ответил я мстительно. — Гад он перепончатый.

На этот раз ужин превратился в пир в честь прибывших гостей, столы накрыли в большом зале, где расположились все мои военачальники.

Сэр Коллинсворт постоянно улыбался, и его растянутая в ширину челюсть стала еще шире, просто карикатурно, но это его не портило, а напротив, все улыбались, глядя, как и низ щек тоже пошел в стороны, делая улыбку хозяина замка беспечно счастливой и радостной.

За нашим столом, расположенным у стены на возышении, только крупнейшие военачальники и, увы, принц Сандорин с принцессой Аскленделлой. К тому же оба, исполненные спеси, претендуют по праву знатности рождения на самые почетные места, потому их поместили на правую руку от хозяина, а я, естественно, по левую от его жены, а дальше от меня Клемент, Сулливан, Норберт, Мидль, Палант и Макс, а в самом конце — Альбрехт и епископ Геллерий.

Альбрехт по моему знаку покинул свое место и пересел ко мне с видом наставника молодого и зеленого ученика, не обращая внимания на укоризненный взгляд церемониймейстера. Но Клемент и все остальные не возражали, Альбрехт из первых армландцев, явившихся под знамя Ричарда, а такие люди выше этикета.

Все мы сидим с одной стороны, лицом к залу, где за столами с обеих сторон уже пируют и веселятся наши знатные рыцари. Там же я заметил несколько женщин явно знатного происхождения. Одна из них, та, что раскачивалась на качелях, несколько раз поднимала голову и, не слушая обращенных к ней комплиментов, вперяла в меня вопрошающий взгляд.

Рядом со мной Альбрехт довольно прогудел, как шмель размером с медведя:

— Чаша доброго вина не помешает выпить весь кувшин!.. Да-да, дорогой друг, пить за здоровье надо регулярно, иначе оно может подвести.

Я посмотрел с недоумением, потом сообразил, что развеселившийся Альбрехт пародирует сэра Растира как манерами, так и речью.

Он выхватил из руки слуги кувшин, наполнил кубок себе, взглянул в мой кубок, тот еще полон, и тогда остатки великодушно, помня об этикете, выпил леди Сандре, как хозяйке и прекрасной женщине.

Она заулыбалась, спросила кокетливо:

— Граф, а вы какие настольные игры предпочитаете?

Он подумал, ответил с просиявшим лицом, как ответил бы наш любимый Растир:

— Жареного гуся в яблоках! Но можно и кабанчика.

Она расхохоталась, красиво закидывая голову и показывая великолепную нежную шею с белой кожей.

— Вы такой шутник!

— Это я могу, — добродушно рыкнул Альбрехт. — Такое иногда задвину, что и на голову не налезет.

— Вы все еще одиноки? — спросила она с сочувствием. — У нас вы можете и остепениться... Видите вон ту роскошную женщину? Это моя бедная сестра. Вообще-то она богатая, после гибели мужа у нее сей-

час огромное состояние, но все-таки женщина нуждается в любви и ласке...

Альбрехт громыхнул обнадеживающе:

— Богатая вдова всегда найдет мужчину, готового на безответную любовь!

Леди Сандря сказала с надеждой:

— Надеюсь. Я так хочу ей счастья, бедняжке.

— У бедных больше детей, — утешил он, — зато у богатых больше родственников. Ей не скучно!

Я откинулся на спинку кресла, чтобы они могли переговариваться, Альбрехт вообще-то всегда внушает женщинам доверие и желание о нем позаботиться, леди Сандря взглянула на меня виновато.

— Простите, ваше высочество, что не даем вам ухватить кусок с вашего же блюда... а вы уже выбрали для себя жену?

Я сказал виновато:

— Все еще выбираю...

— Правильно, — прогудел Альбрехт. — Главное, не останавливаться!

— Ох, — сказала леди Сандря с мягким укором.

— И вообще, — проговорил он гулко, но не совладал с басом и закашлялся, перейдя почти на писк, — как я понял, жажда повидать мир, страсть к безумным приключениям и жарким битвам почему-то толкают к женщинам с отдельной комнатой.

Леди Сандря рассмеялась, замужняя женщина с большим стажем лучше понимает мотивы, которыми руководствуются мужчины, и посмотрела на Альбрехта почти материнским взглядом.

Сам лорд Коллинсворт, натянуто улыбаясь, развлекает беседой принца и принцессу с правой стороны, никогда за его столом не собиралось столько принцев, и он начинает чувствовать себя не в своей тарелке, эти двое настоящие принцы, не то, что я...

Глава 11

Потом я вошел в отведенные мне покои, кивнув ободряюще Зигфриду, огляделся, ничего особенного, чисто и аккуратно, ложе широкое, надежное, не рассыпается.

За дверью постоянно шелестят шаги слуг. Знатных гостей из числа моих военачальников расположили в комнатах рядом, а так как нас многовато, то по двое-трое, а это значит, как не выпить еще...

Я брякнулся на постель, воздух в комнате жаркий, несмотря на открытое окошко. Ночной воздух еще не успел остыть, а здесь от накаленных солнцем стен вообще как в печи.

Итак, мы уже продвинулись по Бриттии навстречу настоящей опасности. Из присущей мне трусости... нет, даже себе так нельзя говорить, а лучше — из присущей мне осторожности... даже осмотрительности, мудрой осмотрительности я пока даже близким не раскрываю истинную цель похода. Да-да, кто знает, каковы у Мунтвига возможности, маги и колдуны у него тоже в свите, сам видел, хотя этот гад и провозгласил поход за Веру.

А у нас, выходит, контрпоход. Мунтвиг, если хочет, чтобы его воспринимали защитником веры, как вот наши воспринимают меня, у меня есть даже официальный титул Дефендера, должен вести себя... ну, благочестиво.

Благочестие зависит, как я его понимаю, все-таки не от количества убитых язычников или их сожженных домов. Благочестие... это выполнение рыцарского долга, а он весь основан на заповедях: защищай слабых, будь справедлив, направь свою силу только на добрые дела... а их оценит сам Господь, не церковь.

Кто бы ни командовал тобой, какие бы приказы ты ни исполнял, но только перед другими людьми ты можешь сказать: я лишь исполнял приказания короля, императора или церкви. Но Господь тебе напомнит, что он дал тебе душу, а вместе с нею и свободу выбора. Чьи бы приказы ты ни исполнял, но отвечаешь за них ты, потому что ты можешь исполнять, а можешь и не исполнять. Или исполнять, сообразуясь с велениями совести, что и есть душа, а не другого человека, какого бы высокого звания тот ни был.

Не знаю, как из этих тисков выберется Мунтвиг, я сам зажат так, что пищу комариным голосом...

Дверь тихонько приоткрылась, в комнату упала полоска багрового света от факела в коридоре. Медленно вошла женщина, я узнал ту молодую вдову, что отдыхала на качелях.

Тихо ступая от двери к ложу, она подняла руки к плечам, сдвинула там золотые шнурки, и тяжелое платье с облегчением рухнуло на пол.

Она вышла из него, ступая все так же красиво и грациозно, великолепное соразмерное тело покрыто нежным жирком, но в меру, так что талия по-прежнему талия...

— Ваше высочество, — проговорила она тихим нежным голосом, — я прибыла, как вы и сказали...

Я охнул.

— Э-э-э... простите...

Она сказала в некотором недоумении:

— Мне передали ваше пожелание... Моя сестра, хозяйка замка, сказала, что вы меня хотите...

Я сказал торопливо:

— Я именно так и сказал: прямо в лоб?

Она проговорила в недоумении:

— Но вы же сказали ей, что вам хочется не то Конституции, не то Севрюжины...

— А-а-а-а, — сказал я, — вспомнил! Так вы, видимо...

Она произнесла настороженно:

— Ну да, меня зовут Конституция. Конституция Хиршвильд из Сабертуфа. Мы так и не познакомились, но я видела, как вы меня раздели взглядом... там, на качелях, а потом, как мне кажется, так и забыли одеть.

Я хлопнул себя по лбу.

— Ах да, я бываю в этих государственных хлопотах таким рассеянным! Нет-нет, не стоит снова напрягать это тяжелое платье, ночь такая жаркая и душная!

Она все еще колебалась, уже подняла платье и чуточку закрылась им, но только снизу, а я, тупо глядя на ее мощные вторичные, чувствовал, что голова в панике сразу разогрелась, как чугунный котелок на огне.

— Ваше высочество? — произнесла она участливо. — Вы в порядке?

— Ох, — сказал я виновато, — иной раз забываю, не поверите, как меня зовут! Да, был момент, страшно, до писка в чреслах, хотелось... ну, вы понимаете, но потом все-таки решил, что севрюжина хочется больше. Но вы не уходите, пожрем вдвоем, а то неловко, вы приходили как бы зазря. Я постараюсь вместить хорошим вином и чем-нибудь лакомым... Ну, той же севрюжиной.

Она сказала в сомнении:

— Ну, только чтобы погасить эту взаимную неловкость... А что такое севрюжина?

— Вы можете не одеваться, — сказал я, — что-то ночь такая жаркая...

— И душная, — согласилась она с готовностью, — но это так неловко...

Я отмахнулся.

— Да это пустяки, нас же никто не видит! А вы в самом деле прекрасны, одежда только скрывает,

а должна бы подчеркивать, но этого вы, женщины, добьетесь попозже.

Она поколебалась и сказала тихим женским голосом, в котором прозвучало тщательно скрытое удовлетворение, настолько глубокое и объемное, что да, я понял, что для нее важнее не постель, а вот так посидеть с мужчиной, выставив напоказ нежное и такое лакомое женское тело:

— Ну ладно, если вы так говорите...

Она присела на край ложа, я придвинул столик и насоздавал лакомств, давно так не старался, заполнил всю столешницу, а кувшин с вином поставил на пол.

Леди Конституция оправдывает свое имя, конституция ее удивительно соразмерна и говорит о полном равновесии плоти и духа, эдакая калокагатия, и, думаю, когда она только родилась, все посмотрели на этого крепенького и прекрасно сложенного ребенка и сразу решили дать ей это самое напрашивающееся имя.

И еще я понял, почему долго не мог выбрать между конституцией и севрюжиной: у леди Конституции такое же белое нежнейшее тело, как и у молодой сочной севрюжины. Та и другая с таким нежным белым мясом, настолько сочным, что зубы сами начинают лязгать в предвкушении момента вгрызания хоть в севрюжину, хоть в статьи Конституции, что так аппетитно выпячиваются милыми валиками на боках, и даже не знаю, что покажется вкуснее.

Леди Конституция аккуратно берет двумя пальчиками нежнейшие ломтики севрюжины, довольная улыбка не покидает губы, а ест с непрятворным наслаждением, закатывая глаза и томно вздыхая.

Я уже уверился, что севрюжина севрюжиной, но я еще и либерал, который без конституции никак,

и только на самой верхушке коры предостерегающе стучит, как дятел острым клювом, мыслишка, что нельзя хватать то, что само плывет в руки. Я уже серьезный игрок на мировой арене, ко мне в постель полезут не только бабы, но и шпионки, которые хоть и лучше любых баб в плане подготовки к любым действиям и операциям. Но мне особая изощренность не нужна, до сих пор не отличаю хорошее вино от очень хорошего, а от баб так и вовсе не требуется чего-то особенного, если уж честно, не корча из себя особенного эстета, что вообще-то всегда врут, чтобы придать себе значимость.

В слабом свете свечи ее нежно-белое севрюжье тело смотрится так же лакомо и кусабельно, как и разложенные двумя горками прозрачные ломтики деликатесной рыбы, такой же сочной и вызывающей слону во рту.

Я бросал их в рот и, поглядывая на то, как одно лакомство пожирает другое, время от времени одергивал себя и напоминал о некой осторожности, которую должны и даже обязаны проявлять в таких случаях власть имущие, а это значит, пусть в чреслах хоть все сгорит, но надо вообразить себя святым Антонием, которому являлись вот такие, но он устоял, устоял и снова устоял.

Вообще-то, на мой взгляд, когда у женщин вот такая могучая поросль внизу, как у леди Конституции, то они вполне могут ходить голыми — пусть не во дворе, но хотя бы по замку. По крайней мере, в нижней части, где густые кучерявые волосы скрывают абсолютно все и можно только догадываться, что за этим лесом что-то там внизу под ветвями есть еще. А может, и нет. Хорошее пока что время, целомудренное. Хотя волос вообще-то многовато. Когда-то придет бесстыжее, но удобное. Которое будем клеймить,

но охотно результатами такого прогресса пользоваться. Говорить об упадке нравов, но втайне радоваться.

— Вы так молоды, — обронила она, как мне показалось, с некоторой печалью, — а на ваших плечах уже такая ответственность...

— И не говорите, — сказал я со вздохом и осторожно налил ей вина, — теперь я даже страшусь подумать, какую ношу несут короли... если, конечно, настоящие правители, а не дураки, за которых правит совет.

— Это печально, — сказала она между двумя ломтиками севрюжин, что ей понравилась особенно, — на войне убивают...

— Кому нужна опасность, — ответил я, — должен идти в политику, как вот пошел я. Там еще опаснее и непредсказуемее. На войне убивают лишь однажды, в политике — много раз.

— Но вы побеждаете и в войнах, — напомнила она. — Как вам так удается?

Я ответил скромно:

— Нельзя просить у Господа победы в кавалерийском сражении тем, кто не умеет ездить верхом, но я... умею. Конституция, не странно ли сидеть в закрытой комнате с голой... простите, обнаженной женщиной и говорить о войне?.. Давайте поговорим о ваших ланитах... э-э... персях! Перси — это вот эти штуки, позвольте потрогать... ах, что за волшебство!.. Их галантно называют еще сиськами, это на языке гурманов, они у вас бесподобны! Даже не знаю, как вы так делаете?

Она застеснялась, даже чуть повела плечами, словно стараясь их скрыть, из-за чего они сжались и выпятились еще сильнее, так и просясь в мои жаркие и ждущие ладони.

— Ну что вы, сэр Ричард, — прошепестела она скромно, — они сами такие выросли...

— Везет же, — сказал я искренне. — Сколько замечательных женщин остаются плоскими, как доски! И всю их замечательность не замечают, если не торчат перси. Несправедливо.

— Несправедливо, — довольно промурлыкала она. — Но что делать, Господу виднее, кому что дать... Ой, что это такое красивое?

— Тоже съедобное, — ответил я. — Пробуйте! Это же такое счастье, сидеть с незнакомой женщиной обнаженными и жрать в свое удовольствие!.. Как много люди теряют, не умея вести себя естественно и в свое удовольствие!

Она мягко улыбнулась, я видел в ее глазах настоящий интерес.

— Сэр Ричард, а вы в самом деле умеете вести себя, как хотите, а не как от вас требуют... обстоятельства.

— Сперва было трудно, — признался я. — Все мы кого-то изображаем, что-то доказываем, боимся уронить себя... Возьмите теперь вот эти пирожки, это переходное к сладостям. Здорово? Я до сих пор к ним не привыкну, хотя жру с детства.

Она откусила пирожок и в восторге закатила глаза.

— Бесподобно!

Я снова подлил ей вина.

— А с этим?

Глава 12

И все-таки, чтобы завершить все так же блестательно, а не портить банальной вязкой, мы все сожрали, почесали языками, после чего я помог ей побратски зашнуровать на спине платье, и она тихонько выскользнула в коридор.

Но теперь точно не спится, пришло запоздалое сожаление об упущеных возможностях. Воображение мгновенно нарисовало их столько и в таком жарком разнообразии, что хватило бы на месяц, а ночь все еще теплая и насыщенная пряными запахами, зараза, а тут еще эта севрюжина разожгла страсть, никогда бы не подумал, вроде бы рыба, от нее такого предательства не ждал, думал, только мясо способно на такие подлые шуточки.

Я тихонько вошел в личину исчезника, выбрался наружу, а там прокрался на открытое пространство, откуда шуганул в небо с такой мощью накопленных сил, что внизу поднялся ветер.

Когда шел на скорости под самыми облаками, стараясь не пропустить ни огонька на темной земле, вспомнил, как однажды летал, это еще в самом начале, вне, так сказать, материальной оболочки.

Странное ощущение — никаких усилий, кроме мысленных, можно бы снова попробовать так, земли внизу проплывают вроде бы почти те же, где летел тогда...

...с другой стороны, тогда я рисковал больше. Во-первых, в астральном теле был так же уязвим, если не больше, чем в материальном, к тому же реальное тело лежало абсолютно беспомощное, и если бы меня вдруг кто разбудил до того момента, как душа вернется...

Я зябко передернул плечами, из-за чего провалился на несколько ярдов, словно попал даже не в воздушную яму, а в воздушный овраг, раздраженно каркнул на такого дурака, но полетел уже на этой высоте, так рассматривать ночную землю удобнее.

Вообще-то главную задачу выполнил: вблизи никаких крупных сил Мунтвига, две большие армии в неделе пути слева и одна достаточно крупная спра-

ва, до нее почти столько же. Нерационально их ориентировать на перехват, не успеют, а когда доползут сюда и соединятся в одну грозную силу, мы будем уже у стен... нет, даже себе пока нельзя называть это место.

Да и не пошлет Мунтвиг их за нами, заподозрив, что это и является нашей основной целью: затормозить победоносное наступление, оттянуть крупные силы с главной линии фронта, заставить бороться с партизанским движением, что позволит Югу собраться с силами перед лицом такой угрозы и наконец-то организовать сопротивление.

Внизу заблестали огни, я присмотрелся: город, довольно большой, с одной стороны крепостная стена, с другой — свободное пространство даже без рва или каких-то защитных сооружений, во многих домах еще горят огни.

Город почти прямо на пути нашего войска, через несколько дней достигнем, что-то в нем тревожно знакомое, хотя я никогда вроде бы его не видел... по крайней мере вот так, сверху...

Словно некая сила заставила сложить крылья и пойти в пике, а недалеко от земли я выровнялся, прошел в бреющем полете над высокой травой и приземлился недалеко от блестящей в лунном свете дороги.

Везде тихо, я переполз в личину человека и пошел к воротам, еще не решив, стучать или же попытаться пробраться лисичкой.

К воротам идет хорошо накатанная дорога, лунный свет прячет в черной тьме глубокую колею, зато ярко высвечивает утоптанную до твердости камня землю.

В сотне шагов от ворот мрачно чернеет раскидистое дерево, я рассмотрел там человека в тени ветвей,

он внимательно присматривается к часовым, что прохаживаются по стене.

Я подошел сзади на цыпочках, он вздрогнул и обернулся, глаза расширились в страхе и недоумении.

— Ты кто? — вскрикнул он. — И что здесь делаешь?

— А ты? — спросил я.

— Я спросил первый! — сказал он с чувством полнейшего превосходства.

— А мой меч у твоего горла, — напомнил я.

Он взглянул на острый кончик, что почти уперся ему в кадык, сказал примирительно:

— А-а... ну ладно, я тут мимо проходил.

— Ну и проходи дальше, — сказал я.

Он медленно отступил, держа руки на виду, некрасивое лицо чуть дрогнуло в улыбке.

— Благородный, да?.. Берегись, благородный...

— Что, — спросил я, — ударишь в спину?

Он изумился:

— Зачем?.. Ты мне ничего плохого не сделал. Но люди в этом городе подлые.

— Как называется город?

— Вифли, — ответил он, помедлил, глядя, как окаменело мое лицо, сказал почти с сочувствием: — Вижу, сам о нем слыхал.

— Да, — ответил я мертвым голосом. — Слыхал. На своей шкуре. Этот город будет уничтожен! На то Божья воля, которую мы обязаны выполнить.

Он вздрогнул, напрягся всем телом.

— Это что?.. Тебе видение?

— Еще какое, — ответил я гробовым голосом и пошел к воротам, чувствуя, как мои плечи сгибаются от тягостных воспоминаний, когда мне и моим людям отказывали в куске хлеба и глотке воды, а за спиной

ехали хохочущие люди короля Хайндера и наслаждались нашим унижением и мучениями.

Городские врата закрыты на ночь, пытаться в них стучать и просить впустить — себе дороже, просто утащат наглеца в тюрьму для выяснения.

Я прошелся в темноте вдоль стены, прислушиваясь и всматриваясь, обходить весь город не хочется, в личине птеродактиля торопливо взмыл, перелетел через стену за спиной прохаживающегося стражника и тут же плюхнулся вниз, затаившись в тени.

Стражник обернулся, заслышав или ощущив что-то, хотя летаю бесшумно, как летучая мышь или сова, замер, прислушиваясь.

От башни кто-то крикнул лениво:

— Ты чего?

— Да как-то ветром пахнуло, — ответил тот недовольно, — словно вот такенный филинище пролетел прямо над головой!

От башни донесся хохоток:

— А ты не знал, что они летают только ночью?.. Иди сюда, тут факел, уже не обжуешь, как в прошлый раз. Кости с тобой?

— Да...

— Крапленые?

— Да пошел ты...

Я выждал, когда шаги удалились, перетек в людскую личину и, прячась в тени, начал удаляться от стены, перебегая под нависающими над узкой улочкой навесами.

Через три на четвертую увидел знакомый дом, здесь мы ехали с Каффаэлем и сэром Смитом; показывая горожанам мой плащ с гербом герцога Люtkelenбергского, гранда Кастилии, конунга Хельнурга и графа Акваний, верховного сюзерена герцогства Пуатье, а за нами двигались торжествующие и нагло

хочоучущие сыновья короля Хайбиндера с многочисленным отрядом рыцарей...

Мы двигались через весь город, из каждого дома за опущенными шторками прячутся жители и смотрят со злорадством.

Сердце мое застучало чаще, а дыхание пошло горячее, как у дракона. Жгучая, просто испепеляющая ненависть поднимается даже сейчас, кулаки сжимаются до скрипа кожи...

Каффаэль молча молился, Смит зло сопел, а я тогда, помню, как сейчас, поднялся на стременах и прокричал страшным голосом: «Да будет проклят город, где у жителей нет христианской жалости... Да покарает вас Господь!.. И еще обещаю всем, я вернусь. Я вернусь однажды, и это будет страшный день!»

Мы тогда проехали город до конца, оставалось всего два дома, когда шторки одного окна раздвинулись, кто-то быстро протянул мне краюху хлеба и глиняный кувшин, которые я тут же спрятал, чтобы не увидели наши гонители.

Я остановился, повертел головой, вот этот дом, а вон то окно... Сейчас там опущены тяжелые ставни, между ними темно, в доме уже спят или только что легли, но свет погашен.

Тихо подойдя к двери, я постучал негромко, прислушался, стукнул еще дважды.

Через пару минут послышались легкие шлепающие шаги, женский голос спросил испуганно:

— Кто там?

— Странник, — ответил я. — Просто странник по жизни.

Женщина сказала торопливо:

— Прости, странник, но тебе лучше пойти в гостиницу. У нас всего две слабые женщины и трое детей. Мы не можем среди ночи принимать мужчин!

— Я не мужчина, — ответил я, — а всего лишь странник. А Господь велел быть добрым к странникам. Если обижу вас, то отвечу перед Господом.

За дверью послышался слабый вздох, затем дважды лязгнуло, дверь распахнулась. Женщина отступила, давая мне дорогу. Я учтиво поклонился и вошел, слабый свет из комнаты падает на ее простое крестьянское лицо, милое своей безыскусностью и непосредственностью, платье из простой и самой дешевой материи, ноги босые.

Я прошел в комнату, дверь за мной захлопнулась, женщина вошла следом, в глазах страх и удивление.

— Господин, — проговорила она, запинаясь, — вы, судя по одежде, человек очень знатный и небедный... Почему вы не пошли в гостиницу?

— Можно сесть? — спросил я тихо.

— Да, — ответила она торопливо, — да, господин.

— А где остальные? — спросил я.

— Спят, — ответила она быстро.

Из соседней комнатки донесся слабый голос:

— Не все... Арма, кто там?

Женщина ответила торопливо:

— Спи, мама! Это странник, просто странник!

— Она болеет? — спросил я. — Больно голос у нее...

Она печально наклонила голову.

— Да. Приходил лекарь, пока мы могли платить, а потом сказал, что она все равно скоро умрет.

Я поднялся.

— Позволь, я поздороваюсь с твоей матерью.

Она вскрикнула испуганно:

— Туда нельзя!

Однако я уже пересек комнатку и вошел в соседнюю, совсем крохотную, где под одной стеной узкая кровать с распростертой на ней женщиной, укрытой

одеялом до подбородка, а под другой — двухъярусная, где наверху и внизу спят две девочки лет пяти-шести.

Я остановился перед женщиной, похожа на скелет, даже половина волос уже покинула череп, глаза ввалились, а серая кожа пошла мелкими морщинами.

Тяжелые веки чуть приподнялись, а губы медленно задвигались:

— Что... случилось? Кто... вы?

Она медленно выпростала из-под одеяла руку, я сразу узнал эти пальцы — они держали каравай так чудесно пахнущего хлеба, а другая рука подала кувшин с водой.

Я взял ее слабую ладонь, холода не ощутил, но чувствовал, как из меня исходит тепло, что переливается в это дряблое тело.

Женщина тоже ощутила перемены в своем теле, широко раскрыла глаза.

— Кто вы?

За моей спиной охнула ее дочь, ибо голос матери прозвучал так, словно она никогда ничем не болела.

— Посланец, — ответил я. — Вы единственный праведный человек в этом обреченнном городе. Вам велено покинуть это место и поселиться в любом другом городе или селе. Скоро, очень скоро гнев Господа обрушится на жителей сего града, и камни заплачут кровавыми слезами, могилы разверзнутся, а сама земля содрогнется и возопит... и возопиет.

Они замерли в страхе, а я снял с пояса мешочек с золотыми монетами, хотел положить одну-две на стол, потом подумал и оставил целиком.

— Здесь золото, — сказал я, — его хватит, чтобы расплатиться с долгами, если они у вас есть, и еще хватит, чтобы в другом городе купить хороший дом и жить в достатке. Одно добавлю... не медлите! Господь долго терпит, но больно бьет.

Они застыли, трепеща перед грозными словами, а я тихонько вышел, воспоминания нахлынули с такой силой, что пошатнулся и снова ощущил, как ярость заполняет от ног до головы так, что вот-вот выплеснется из ушей.

Из раскрытых по случаю теплой ночи окон доносятся веселые голоса, смех, иногда ругань. На углу перекрестка таверна, двери широко распахнуты, оттуда широким потоком льется музыка, слышен рев голосов, топот и тяжелое уханье пляшущих.

Я на всякий случай перешел на другую сторону, впереди распахнулось свободное пространство дикого поля, где втихую взлечу птеродактилем в облака и пойду обратно...

Двое гуляк идут посреди улицы, горланя песни и поглядывая по сторонам в поисках, на ком бы показать свою беспримерную удаль.

Один заметил меня, крикнул:

— Эй ты, морда!.. А ну иди сюда, сволочь!

Я остановился, сердце сразу без перехода начало бухать сильно и часто. Второй гуляка расхохотался и, схватив первого за рукав, старался утащить в сторону таверны, но приятель уперся.

— Нет, — сказал он с барабаньей твердостью, — чего это он, а?.. Эй, ты! Кто такой вообще здесь и зачем?

Я ответил сквозь зубы:

— Вы не назвались, сэр. Или мы знакомы, но я забыл ваше имя?

— Вряд ли, — ответил он гордо. — Я незабываем!

— Ого, — сказал я. — Мне казалось, что на свете только я такой.

— Такой только я, — заявил он и захохотал. Второй поморщился и отошел в сторону.

— Согласен, — ответил я, — потому что я лучше.

— А вот с этим не согласен я, — отрезал он пьяным голосом. — Потому что... впрочем, вообще-то с формулировкой согласен. Я лучше в том, что я хуже.

Я проговорил медленно:

— В самом деле?

— Хочешь убедиться? — спросил он.

— Я и так знаю, — ответил я, — но тебе это узнатить придется.

Он выдернул из ножен клинок и нанес косой удар мне в голову с такой скоростью, что я едва успел уклониться. Я отпрыгнул, высвободил свой меч, один раз клинки успели скреститься в воздухе, затем я поднырнул под его лезвие и всадил меч до половины ему в живот.

Он вздрогнул всем телом, медленно опустился на колени, глядя на меня неверяющими глазами.

— Да... — услышал я его хриплый голос, — ты... хуже...

— И намного, — бросил я. — Скоро об этом узнает и весь город.

Второй посмотрел на меня вытаращенными глазами, словно я убил лучшего фехтовальщика мира, повернулся и бросился в сторону таверны.

— Не убежать, — сказал я вдогонку. — Мене, текел, фарес.

Глава 13

Я взглянул на светлеющий восток: даже облака покровели — подзадержался, это вернусь чуть ли не к обеду, вовремя вспомнил о браслете Иедумэля.

— Ну, — прошептал я тихохонько, — вывози... только без сбоев, зараза... Ричэль, Ричэль... Ну давай, давай...

Странно, появлялись и другие образы, словно где-то есть еще эльфы, но сейчас не до них, я наконец поймал в блестке от браслета ее лицо, сосредоточился и сдавил оба кольца.

Успел услышать, как щелкнуло, и тут же ощутил прежде всего запахи множества спящих людей, ароматы конского пота, горящих костров и подгорелого мяса.

Быстро огляделся, слава Господу, я вне шатра, хоть и наступил на нижний край ткани. Даже чувствую похрапывание Клемента по ту сторону стены из тонкого шелка, а Ричэль, по своему обыкновению, наверняка спит у него на груди, как лесной зверек.

Я начал отодвигаться, от ближайшего костра приподнялась лохматая голова.

Сонный голос просипел:

— Стой, кто... ваше высочество?

— Спи-спи, — велел я, — это я тебе снюсь. Сейчас уйду, но пришлю баб. Тебе каких? Толстых или худых?

— Не капризных, — ответил он и, уронив голову, снова захрапел.

Дальше я шел свободно, несколько раз меня окликали, но остановили только часовые на краю лагеря, пришел сонный священник и сказал, что да, настоящее его высочество, а не упырь под его личиной.

— Молодцы, — сказал я поощрительно. — В следующий раз придумаю для проверки бдительности что-то похитрее.

— Ох, ваше высочество!

— А кто завалит проверку, — закончил я строго, — того на кол.

В лагере пехотной части слышится за шатрами звонкий голос Макса. Я замедлил шаг, прислушиваясь, так и есть — кто о бабах в свободное от сражений

время, а Макс с жаром объясняет кому-то, что лучников можно не убирать с флангов, ибо у мунтвиговцев, как вообще у людей Севера, очень скучная и вообще однообразная тактика: тупо бьют в центр, рассчитывая проломить оборону рыцарской конницей, а дальше привычно пробиваться, чтобы срубить главное знамя, это всегда вызывает упадок, а то и панику...

Я вышел тихонько из-за шатра — на земле сидят два десятка сотников, а Макс втолковывает эти азбучные для меня истины, которые он открыл заново, но для его подчиненных и они звучат как нечто неслыханное, к чему нужно подходить очень осторожно.

Макс, а для всех прочих Максимилиан фон Брандесгерст, человек долга и рыцарской чести, я его заметил и выделил для себя лишь потому, что в Каталаундском турнире он и Стефэн героически берегли мою спину, когда я проломил оборону противника, в то время как другие, которые должны были это делать, спешно хватали богатую добычу, за которую могут получить выкуп. Я это уже говорил своим, но люблю такое повторять, потому что человека замечаешь по его поступкам, хотя он вовсе и не собирался кому-то понравиться.

Потом, год или больше спустя, я пожаловал его титулом виконта и дал в пользование земли виконства Эльбеф, еще и посматривал с интересом, не станет ли отвлекаться на богатое хозяйство, однако он даже не обратил внимания ни на титул, ни на земли. Потом за успешные действия в Гандерсгейме он стал бароном, а в придачу получил целое королевство, правда, там королевства — город и пара деревень, и наконец он был пожалован титулом графа Стоунширского, однако военное дело к тому времени захватило его настолько, что он лишь вежливо поблагодарил за высокую оценку и тут же забыл как о титуле, так и о подаренных землях.

Сотники, завидев меня, начали вскакивать на ноги. Я взял Макса за локоть, он вздрогнул и остановился.

— Ох, это вы, ваше высочество...

— Чего убежал из замка? — спросил я. — Тебе там глазки строили даже больше, чем мне.

— Неправда, — возразил он горячо.

— Ага, замечаешь, — сказал я обвиняюще, — так чего убежал?.. Ладно-ладно, не объясняй, я же сам смылся, мне ли не понять?.. Всем вольно, можете перевести дух, но это недолго, я забираю вашего свирепого командира ненадолго.

Один сотник, немолодой бывалый солдат, решился подшутить:

— Вы уж подержите его подольше, ваше высочество, а то он всех нас замучает!

— Тяжело в ученье, — сказал я бодро, — легко в бою!.. Макс, пойдем к тебе, посмотрим карту, расскажешь, какие сложности в походе и личной жизни.

— Сложности? — переспросил он с недоумением. — Мы же не конница, какие у нас могут быть сложности?

Я расхохотался, как и положено, грубо и по-солдатски, прошел с ним в его шатер, совсем не графский, даже не шатер, а простая палатка, внутри тоже грубо сколоченный стол и одна-единственная лавка, которые будут оставлены здесь, как только войско выступит завтра утром в поход.

Вообще-то Макс не хотел даже его брать с собой, но я убедил, что хотя солдатам и приятнее, когда граф спит с ними у костра, но для командующего иногда нужно уединяться с командинрами частей для обсуждения секретных операций.

С картами у Макса порядок идеальный, как и вообще во всем, perfectionist, можно сказать, и на

все есть ответ. А самое главное, его армия двигается быстрее всех пеших армий в мире, что обычно и является залогом блестательных побед.

— Сколько у тебя больных? — спросил я. — Кто ими занимается?

— Все в обозе, — ответил он четко. — Всего четыре телеги под лазарет. Во время форсированного марша с пятого дня начинаю слабых подвозить в повозках. С седьмого дня бывают заполнены уже тридцать подвод...

— А с десятого приходится останавливаться на отдых всем, — кончил я. — У тебя прекрасные показатели!

— Это не предел, — заверил он горячо, — я тут кое-что придумал еще... Изложу на бумаге в рисунках. С вашего разрешения покажу, чтобы вы решили...

— Макс, — сказал я с чувством, — ты просто военный гений. Действуй, ударная мощь твоей армии понадобится для торжества демократии и тоталитарного гуманизма либеральных ценностей, ибо мир таков, слабых не уважают!

Если я порой и говорю мудро, ну я ведь такой, то насчет слабых он понял прекрасно, как вообще только эту истину понимает пока что условно цивилизованный мир.

— Ваше высочество...

— И еще, — сказал я, — Гомер, великий бард исполинских войн, даже самых могучих и неустрашимых героев выводит в бой только прекрасно обученными и вооруженными. Когда непобедимый Ахилл потерял доспехи, то он отсиживался на корабле, не решаясь сойти на берег, пока ему их мерзкие боги не выковали доспехи, которые не пробить никаким оружием!

Он проговорил неуверенно:

— Что-то слышал...

— Законы того времени, — напомнил я, — карали тех, кто бросит свой щит, а не меч или копье! Это значит, больше нужно думать о том, как избежать гибели, чем о том, как погубить врага.

Он проговорил растерянно:

— Но как же... славная гибель... ярость схватки... безумная отвага...

Я наклонился к его уху и сказал шепотом:

— И ты так говори. Дураков не переспоришь, их намного больше. Но делай так, как я говорю. Нас меньше, но правим дураками мы.

К замку-крепости приблизился на виду у часовых, ибо уже знаю, что и мои телохранители, и стражи замка перекрыли для исчезников все тропки.

Сверху крикнули торопливо:

— Открываем, открываем!.. Ваше высочество?

— Мое, — согласился я. — Это я выходил погулять с собачкой.

Рядом с воротами приоткрылась дверца, оттуда выскочили трое, поджарые и с недоверчивыми глазами.

Старший сказал в недоумении:

— Мы вас не видели...

— Я выходил в прошлую смену, — пояснил я.

Они переглянулись, старший посмотрел через мое плечо.

— А собачка... хде?

— Да убежала, — пояснил я с досадой. — Я столько искал зазря! А она наверняка уже дома и дрыхнет себе...

Один сказал с сочувствием:

— Кобели все такие. Надо было брать сучку. Ваше высочество, вы сможете пройти вот в эту дверцу? А то здесь ворота такие, что втroeем не распахнуть...

— Я гусь не гордый, — ответил я. — Даже спасибо сказать могу, как отец народа и глава либеральной демократии.

— Ох, ваше высочество! Даже и не знаю, что сказать...

— И не говори, — ответил я доброжелательно. — При демократии наговоришься. Тогда только поговорить и можно будет.

Во дворе привычная суэта, хоть и усиленная благодаря множеству гостей. Норберт вышел из конюшни, отряхивая руки и одежду, я помахал ему рукой.

Он приблизился, глаза внимательные.

— Ваше высочество?

— Дорогой Норберт, — сказал я с оптимизмом, — мне ночью было видение...

Он не удивился, их сюзерен постоянно чем-то да удивляет, так что удивлялка притерлась, только поинтересовался вежливо:

— Что-то изрекло или только... ну, как всегда с бабами?

— Изрекло, — ответил я и подумал, что Санегерийя в самом деле перестала являться. То ли я даже начами занят другими мыслями, то ли чего еще. — В общем, крупных мунтивых сил нет нигде и близко.

Он спросил настороженно:

— Насколько не близко?

— Неделю, — сообщил я бодро, — можем переть к цели. А там посмотрим.

— Будут еще видения? — уточнил он практично.

Я посмотрел на него волком.

— Сэр Дарабос, что-то вы как-то утилитарно смотрите на всякие там! Видения являются, когда им симм возжелается! Это как вдохновение у плохих по-

этов. То оно есть, то его нет. И приходит, когда не ждешь. Без предупреждения.

— Ну да, — сказал он вежливо, — конечно. Так и подумал.

— Идите... да, по дороге пригласите ко мне лордов Клемента и Макса. Нет, Макса не нужно, слишком честен и все понимает правильно.

— Альбрехта? — предложил он.

— Да, — ответил я, — Альбрехта. И сами приходите, вы еще тот жук, как посмотрю.

Он нахмурился и ушел, привычно собранный и также привычно суровый.

Едва войдя в холл, услышал веселые мужские голоса в нижнем зале, звон кубков и женский смех, словно вчерашний пир плавно перетек в сегодняшний.

Так и есть, за огромным столом Сулливан, огромный и уже раскованный, с ним Палант, десяток местных лордов и, к моему удивлению, граф Альбрехт, вот уж кого не ожидал застать в компании гуляк.

Из женщин только леди Хилари Эрфард, одна из подруг хозяйки, хорошенская хохотушка, у нее всегда удивленно вытаращенные глаза и полуоткрытый рот, что делает ее невероятно глупенькой и потому бесконечно привлекательной. К тому же глаза красивые, а рот спелый и сочный, милая нежная шейка и низкий вырез платья, где есть что показать, платье нежно-голубое, цвет милых дурочек, так что везде будет общей любимицей.

Я услышал от порога, как она сказала кокетливо:

— Ой, что вы, мне больше нельзя! Еще один кубок, и я окажусь под сэром Ховардом.

Сулливан повернулся к одному из местных.

— Эй, — сказал он властно, — вытолкайте прочь сэра Ховарда, а то из-за него леди Хилари уже не пьет!

Леди Хилари сказала капризно:

— Ладно, но только не больше одного кубка!.. Два уже слишком.

— Почему?..

— Понимаете ли, — проговорила она томно и пьяно хихикнула, — тогда я вообще могу оказаться под кем угодно, а я девушка порядочная, должна быть разборчивой, неприступной и гордой.

Палант сказал значительно:

— Господь наш говорит, что в жизни нужно попробовать все.

Суллиган произнес глубокомысленно:

— Абсолютно верно. Начинать нужно с легких закусок... но можно и сразу с жареного гуся!.. Пойду потороплю на кухню.

Он вылез из-за стола, но увидел меня в дверном проеме и круто свернул навстречу, сотрясая тяжелыми шагами весь зал.

— Герцог? — спросил я самым внимательным образом, но внутри что-то напряглось, что за, почему это всегда жду от него неприятности.

— Ваше высочество, — громыхнул он тяжелым голосом. — Тут несколько человек просятся к нам. Вроде бы достойные рыцари, жаждут, как говорит отец Геллерий, внести... эту, как ее...

— Лепту, — подсказал я.

Он в удивлении посмотрел на меня.

— И вы знаете? Поразительно. Так что им сказать?

— Если их достаточно для самостоятельного отряда, — сказал я, — пусть создают его и присоединяются.

— С нами уже идут бриттийцы, — напомнил он.

— Вряд ли эти захотят с ними, — предположил я. — Почему-то с чужаками объединяются охотнее, хотя предложить нужно.

- А если их будет всего с десяток?
- Берите к себе, — предложил я. — У вас прекрасный отряд, но пока наименьший.
- Он задумался, потом кивнул.
- Спасибо. Пойду пересмотрю их еще раз...

Глава 14

Воины отсыпаются, коней усиленно кормят овсом и отборной пшеницей, а еще они гуляют по лугу и катаются на спине кверху копытами в сочной высокой траве, изредка лениво срывая и вяло пережевывая молодые стебли.

В обозе слышно, как стучат молотки и молоты, но это больше ремонтируют сами телеги, чем доспехи, крупные бои пока что все впереди.

Все помнят, что завтра с утра выступаем, потому отлеживаются, отъедаются, отсыпаются в запас.

Военачальники то и дело пытаются узнать конечную цель похода. Будь у меня обычная феодальная армия, уже разошлись бы в великом возмущении: как это король не посвящает их в стратегию. Но я, слава Богу, уже успел создать свою армию, королевскую, что со временем будет называться профессиональной, и сейчас на попытку одного из молодых рыцарей допытаться, правда ли, что граф Альбрехт знает все мои планы, я лишь покачал головой.

— Досточтимый сэр... Единственный, кто знает, что я делаю, это точно не граф Альбрехт.

— А кто?

Я подумал, ответил:

— Вас не устроит мой ответ.

— Так кто же?

— Господь, — ответил я. — Сам Господь.

Он поспешил попятым и поклонился, весьма пристыженный, я ведь еще и гордо перекрестился, словно не с Альбрехтом, а с сэром Богом обсуждаю свои планы, а я зацепился мыслью за Всевышнего и подумал, что он, давая Адаму мощного пинка из Рая, сказал ему гневно вслед: «В поте лица своего будешь зарабатывать хлеб!», из чего все конфессии заключили, что труд — это наказание и его нужно избегать, а делать только по крайней необходимости. Особенно труда избегают в странах, где закрепилась «апостольская церковь», то есть с неизменными догмами времен апостолов.

Лютер, начавший читать Библию заново, нашел в тех текстах другой смысл и объявил, что труд — самое богоугодное дело и человек, достигший вершин своей профессии, удостаивается особой Божьей благодати.

Потому в принципе лютеранское вероучение привело принявшие его страны к расцвету, там сосредоточились и наиболее квалифицированные кадры, и наука, и богатство, однако в моем случае на это уповать не только рано, но и бесполезно. Хотя да, против апостольского варианта христианства буду выступать еще непримириимее.

Епископ Геллерий обходит ряды воинов, здоровых благословляет, заболевших легко касается левой рукой, в правой крест, все вроде бы привычно, но вот этот момент, когда он касается только раненых и болеющих, а остальных просто крестит, наводит на мысль...

Я помахал ему рукой.

— Ваше преосвященство?

Он обернулся, я пошел к нему с широкой улыбкой. Он вздохнул, поинтересовался кротко:

— Да, сын мой?

— Вам лечение дается легче, — сказал я, — чем мне. Мне стоит исцелить десяток, как уже весь без сил, превращаюсь в ледышку...

— Ты же не священник, — ответил он мирно. — Зато я не могу вести армии в бой за дело церкви, как делаешь ты, сын мой. Тут либо — либо. Или как у тебя, того и другого поровну.

— Даже не знаю, — признался я, — что лучше. Если бы я мог разом исцелить весь мир, я бы поклялся не брать в руки оружие!

— Гордыня, — обронил он.

— Почему? — удивился я.

Он повернулся, указал на замок.

— У сэра Коллинсворда на заднем дворе есть небольшая церковь. Приходи туда, я помогу тебе пообщаться с Господом и получить все ответы.

Я кивнул.

— Спасибо, надо бы, конечно, вы правы, святой отец. Хотя вообще-то Господь слышит нас отовсюду. Это богохульство — полагать, что для того, чтобы поговорить с Творцом, нужно идти в церковь!..

Он насупился, сказал строго:

— Это вы богохульничаете, сэр Ричард.

— Господь везде, — возразил я, — где мы ступаем... и где нас еще нет. Господь всюду. Вы это отрицаете?

— Нет, но...

— Значит, — сказал я победно, — советоваться можно отовсюду.

Он вздохнул, взгляд стал тверже, а голос прозвучал с силой и убеждением:

— Да, Господь вам ответит везде, но услышите ли?.. А услышав, поймете ли?..

— Ну не полный же я дурак!

Он сказал еще тверже:

— Даже те, кому Господь говорил ясно и четко, как Моисею или Аврааму, и то не всегда понимали обращенные к ним слова мудрости, отказывались следовать им, потому что истина была слишком... жестокой. А ты дерзаешь сказать, что поймешь то, что скажет Господь?

Я ответил раздраженно:

— А что, попы обязательно умнее меня?

— Не умнее, — проговорил он, — однако они с ранней молодости учатся понимать слова и знаки, ниспосланные Господом. И не просто учатся, а их учат те, кого научили предыдущие учителя. Ты не сможешь и победно водить войска, и уметь слушать Господа, и понимать его слова!

Я подумал, покачал головой.

— Господь вряд ли говорит на нашем языке и нашими словами. Думаю, он говорит... гм... образами, а для их понимания не требуется образования в церковной академии. Слова Господа воспринимаем тем, что он нам дал, — душой!.. А душа есть у каждого.

Он вздохнул, смотрел с укором и качал головой, а я в который раз уже ловил себя на странной мысли, что, при всем уважении к церкви и даже почтении, вижу теперь, как можно сделать ее работу еще легче и с большим коэффициентом полезного действия.

Но только церковь вряд ли обрадуется такому вмешательству.

На ночь я отправился в замок, с сэром Коллинсвордом нужно уточнить некоторые моменты, как он будет себя вести, если вдруг появятся крупные войска Мунтвига. Да и вообще не мешает укрепить какие-то связи, он выглядит честным и добросовестным, такие люди могут быть опорой в дальних королевствах и в некотором роде якорями.

Принц Сандорин и принцесса Аскланделла в саду на заднем дворе, на этот раз на качелях устроилась принцесса, но не раскачивается, лишь чуть-чуть двигается взад-вперед, держась руками за увитые гирляндами цветов веревки и упираясь в землю ногами, укрытыми до пят длиннющим платьем, что собирает весь мусор во дворе.

Рядом с качелями стоят довольные супруги Коллинсворды, а еще леди Конституция.

Я издали помахал рукой и сказал жизнерадостно:

— Красиво здесь, правда?.. Грустно мне такое предлагать, я так прикипел к вам обоим сердцем, так прикипел... я имею в виду вас, принцесса Аскланделла и принц Сандорин, но вам приятнее будет остаться здесь и дождаться, когда за вами прибудет новый свадебный поезд, еще пышнее прежнего.

Они уставились на меня в изумлении, наконец принц пробормотал настороженно:

— А я при чем?

— Надеюсь, — ответил я лучезарно, — принцесса возьмет вас шафером на брачную церемонию.

Принцесса поджала губы, подумала, глаза сверкнули бешенством, ответила так, что я видел, как по ее зубам стекают потоки яда:

— Нет уж, сюда мой жених доберется не скоро, а так как вы сами лезете в логово льва, то и вы получите по заслугам, и я быстрее окажусь в объятиях своего жениха!

Все разом вздохнули с облегчением, особенно Дункан и Сандра, даже принц просветлел лицом, а я с самым сокрушенным видом развел руками:

— В жизни мужчины есть два периода, когда он совершенно не понимает женщину: до свадьбы и после. Я именно тот мужчина.

— И не поймете, — отрезала Аскланделла.

— Я, как предсказатель, — заявил я с апломбом, — могу сказать, что первая половина вашего брака с Мунтвигом будет очень удачной!.. Но потом, когда будете возвращаться со свадебной церемонии...

Конституция первой хихикнула, дальше сдержанно улыбнулась леди Сандра, только сэр Коллинсворд выдержал невозмутимость на лице и в фигуре.

Я сказал как можно добре:

— Постарайтесь выспаться, ваши высочества. Выступаем на рассвете.

Перед сном ко мне заглянули Норберт и Сулливан, Норберт по долгу службы все знать и видеть, а Сулливан ночует во дворце, пьяствуя с местными, ему безумно нравится быть далеко за пределами Турнедо и общаться с людьми других королевств.

Мы еще раз обсудили, как двигаться дальше. Я побещал, что тщательно помедитирую, что значит будущдать подсказки от ангелов, а если не дождусь — от них дождешься! — то сам определьюсь, как нам вести армию с наибольшим успехом.

Просчитали, сколько дней сможем идти снова форсированным маршем, потом остановка на ремонт повозок, решили, что десять дней идем, останавливаясь только на ночевки, потом снова двое суток на отдых и ремонт...

Когда все разошлись, я бухнулся на кровать лицом вниз и даже не сразу услышал, что дверь открылась, а к моему ложу приближается некто слишком легкими шажками...

Леди Конституция в ночной сорочке и с отброшенными на спину волосами, какое великолепие, почему мне так нравятся эти бесстыдно распущенные

волосы, подошла ближе и молча коснулась каких-то веревочек на плечах.

Сорочка, несмотря на ее прозрачность, с такой готовностью соскользнула на пол, словно весит тонну, а там красиво расположилась покатыми, как разогретый шоколад, волнами.

— С утра в поход? — спросила она. — Знаете, я не стану ждать, когда вы наедитесь севрюжиной до отвала.

Я сказал поспешно:

— Знаете, леди Конституция, я уже чувствую себя таким либералом, таким либералом!

Она улыбнулась, хоть и не поняла, но интонацию уловила, шагнула ко мне со словами:

— Такой жаркий вечер...

— Будет гроза, — подхватил я. — Всегда так жарко и душно перед грозой. Как дивно хороша ваша фигура, леди Конституция... Нет, я точно уже либерал и апологет свободных отношений с предельным равноправием и раскованностью!

— Это... что?

— Сейчас объясню подробно.

Глава 15

Утром за общим завтраком в главном зале принцессы Аскленделла смотрела на меня уничтожающе, что могло бы удивить, будь я попроще, но я знаю хоть и не все черточки человеческой психики, но «сам не гам и другому не дам» все-таки усвоил и потому ответил ей наглым взглядом простака, который живет просто и голову над вопросами мироздания и нравственных законов внутри нас не ломает, потому и бодро вот так от победы к победе над природой.

Сандорин от нее не отходит, извивается в любезностях, галантен до бесконечности, я почти увидел, как от него мощными волнами катит сладкая патока.

После завтрака мы с Альбрехтом, Норбертом и Сулливаном вышли во двор, Норберт оглянулся и сказал, понизив голос:

— Ваше высочество, у вас терпение ангельское, а вот мне этот принц... осточертел даже не знаю как.

— Что так? — спросил я.

— Войско он хоть привел и большое, — пожаловался он, — но не такое уж и боеспособное, если в первые же дни у него наш граф Альбрехт с Палантом и Растером отняли треть территории. Но сколько гонору!..

Суллиган сказал веско:

— Ваше высочество, беда в том, что он не желает принимать от вас приказы.

— Совсем? — не поверил я.

— Вернее, принимает, — уточнил он, — но не выполняет. Или выполняет по-своему, как ему изволится.

— Все верно, — подтвердил Норберт. — Сэр Суллиган говорит все в точности. Сандорин... принц! И полагает, что подчинение вам, ваше высочество, — это умаление его достоинства! Вы принц, он принц...

— Он так считает, — подтвердил Суллиган сердито, — да оно так и есть... Может, пусть идет своей дорогой? И воюет в одиночку?

— Сомнут дурака, — сказал Норберт сожалеюще. — Молодой, гонор до небес... Оглянуться не успеет, как его отсеченную голову поднимут на пике и понесут как трофеи.

— И пусть, — сказал Суллиган. — Ваше высочество?

Я подумал, отмахнулся.

— Судя по карте, через девять суток войдем в Тиргартен. Это огромный город, крупнее даже столицы. Там есть огромный собор, гордость Бриттии. Там я смиленно и подчиняясь вашей общей воле изволю принять титул и корону эрцпринца. И тогда принц Сандорин вынужден будет поклониться мне и выполнять мои приказы.

Норберт сказал с облегчением:

— Думаю, он это примет с радостью.

— Уверены? — спросил Сулливан с сомнением.

— Полностью, — сказал Норберт твердо. — Его честь и достоинство будут удовлетворены, чего еще? Он не дурак, хоть и мальчишка. Понимает, в одиночку его отряд размечут в пыль при первом же столкновении. И понимает также, что тягаться с вами, хоть и принцем, для него будет гибельно... однако честь велит тягаться!

— Тогда потерпите его чванство до Тиргартена, — решил я.

Альбрехт сказал мрачно:

— Не было меня тогда в Сен-Мари, я бы ни за что не дал вам принять это странное вице-принцество. Не говоря уже о том, что это слишком мало...

— Почему мало? — спросил я. — Это значительный шагок. Мое положение завоевателя легализовано самими сенмаринцами! Я не чужак, захвативший власть мечом и насилием, я законно избран вице-принцем.

Все молчали, только сопели и отводили взгляды, когда я смотрел в упор, только Альбрехт сказал брюзгливо:

— Знаете, ваше высочество, я не знаю, почему вы не признаете, что с этим вице-принцем перемудрили? У нас отродясь не было никаких вице. Ни в Турнедо, ни в Бриттии, ни в Мезине, ни в Фоссано... Может быть, где-то в диких краях севера?

Я хмыкнул.

— Сен-маринские лорды утвердили же?

Он покачал головой, в глазах росла укоризна.

— Насколько я знаю, вы их застали врасплох. Ситуация была опасная, выборы короля проходили... на острие меча. Все ждали от вас взрыва, клича к оружию, и когда вы вдруг предложили корону принца отдать Родриго, а себе взять вице-принца, то все тут же с облегчением согласились, даже не выясняя, что это такое. Все-таки вице-канцлер или вице-гофмейстер одно, а вице-принц...

Я отмахнулся с предельной беспечностью.

— Не стану лезть в предсказатели, но, опираясь на предыдущий опыт, могу сказать почти с полной или полуполной уверенностью, что наша кампания еще не закончится, как я стану, к примеру, королем... нет, королем не смогу, у меня нет королевства, но тогда хотя бы кронпринцем! Принцем короны. И тогда уж точно все забудут, что я был вице-принцем, как сейчас вряд ли кто-то помнит, что я был фюрстом.

Он повторил медленно:

— Кронпринцем?.. Это малость повыше, кто спорит, но все равно не понимаю, почему не объявить себя королем, скажем, Турнедо?

— Турнедо, — напомнил я, — географическое понятие. Оно разделено между антантой победителей. И хотя у меня наибольший кусок, но все равно королевством называть нельзя, иначе Барбаросса и Найтингейл заподозрят меня в желании вернуть потерянные при разделе земли.

— Тогда, — сказал он упрямо, — если не королем, то хотя бы прямым наследником в Сен-Мари!

Я сказал сердито:

— Наследником Кейдана? Дорогой Альбрехт, вам не изменяет чутье? Как вы могли даже такое предпо-

ложить?.. Нет уж, нет уж... А Родриго — пусть. Он еще маленький, и с Кейданом не цапался. К тому же начнет ускоренно приобретать опыт управления королевством. Он гораздо взросле, чем выглядит!

Он тяжело вздохнул и промолчал, а Сулливан прогудел с неудовольствием:

— Да, но... все равно обидно.

— Какие наши годы? — ответил я бодро. — Плохо нахапать сразу много... и потом растерять. Я буду клевать по зернышку! И не столько титулы, они сами придут, сколько земли, мощь, власть, возможности...

Их лица светлели, а я подумал, что хорошо с такими бесхитростными и прямыми людьми, честными и беззаветно преданными. Пока еще нет таких понятий, как «Отечество», «нация», «партия» — потому они искренне преданы лично мне, что просто ну, Боже мой, как замечательно!

— Главное, — сказал я, — сейчас мы идем без помех.

Сулливан поинтересовался:

— А будут?

Норберт ответил коротко:

— Никаких. Мелкие отряды будем сбивать не останавливаясь.

— Даже не допуская до армии?

— Справимся, — ответил Норберт коротко. — Через девять суток, как и начертал наш общающийся с привидениями вождь, войдем в широко распахнутые ворота.

— Или уtkнемся в запертые, — сказал Сулливан, но таким уверенно радостным голосом, что становилось ясно: воротам не поздоровится.

Посвежевшая за дни отдыха пехота уже выступила, на дорогу начали выдвигаться тяжелые подводы, а от

замка в нашу сторону помчались два крохотных всадника, вздымая за собой облако пыли.

Сэр Коллинсворт впереди, как вскоре я рассмотрел, следом юноша на красивом саврасом коне, я принял его за оруженосца, а то и пажа, слишком хорошеный, как разукрашенная куколка.

Дункан соскочил на ходу и бросился ко мне, разгоряченный и запыхавшийся.

— Ваше высочество! Как хорошо, что мы успели!

— Что успели? — спросил я.

Он оглянулся, юноша соскочил с коня, быстро подбежал и преклонил колено, настолько нежноликий, что похож на девушку, а длинные льняные волосы, что красиво падают на плечи, лишь подчеркивают сходство.

Коллинсворт сказал торопливо:

— Племянник покойного мужа сестры моей жены!.. Жаждет принять участие в вашем походе, затянул трех лошадей, стараясь успеть из своих земель... Присоединяюсь к его просьбе, ваше высочество!

Я вздохнул, пожал плечами.

— Это очень трудный рейд, сэр Коллинсворт.

— Прошу вас, — сказал Коллинсворт с натугой, — возьмите его. Просто возьмите.

Что-то странное прозвучало в его словах. Я кивнул, хотя и было сильнейшее желание отказать, что-то подсознательное, повернулся к юноше:

— Как тебя зовут?

— Джейфери Дрейко, — ответил тот чистым музыкальным голосом, которому позавидовало бы большинство девушек. — Буду счастлив служить вашему высочеству!

— Служба будет трудной, — предупредил я сурово. — Иди вот в тот отряд, отыщешь сэра Сулливана.

В отсутствие сэра Растира лучший наставник молодежи и знаток рыцарских традиций.

— Спасибо, ваше высочество!

Я кивнул и больше не обращал на них внимания, войска из лагеря всегда выходят слишком беспорядочно, в обычном случае строятся на дороге и уже тогда начинают марш, но Макс старается, чтобы все боевые единицы в любой момент были боевыми и, кроме того, взаимодействовали с другими, так что я весь был поглощен процессом, но потом, когда через пару часов обезжал шагающую колонну и в конце заметил всадников, где Сулливан что-то втолковывает этому изнеженному красавчику, я подъехал, окинул его более внимательным взглядом.

— Джейфери, — сказал я благожелательно, по крайней мере старался, чтобы голос так звучал, — ты подрезал хотя бы волосы.

Сулливан довольно кивнул, а этот Джейфери картино изумился, так что длинные ресницы открыли изумительно ясные невинные глаза, а сладкий голос прозвучал, как у щебечущей девочки:

— Ваше высочество, зачем?

— Думаю, — сказал я, — не только я принимаю тебя за девицу. Так и тянется рука, чтобы взять тебя за жопу. Думаю, другие тоже так думают.

Он сладенько улыбнулся.

— Не только думают, ваше высочество! Кое-кто и в самом деле...

— И что?

Он трагически закатил глаза под лоб.

— Ах, ваше высочество, в нашем скучном краю так мало было поводов для драки! А когда его дают сами... Любой суд примет во внимание, что я только защищался!

Я внимательнее всмотрелся в его лицо. При всей подчеркнутой изнеженности и капризности что-то проступает и воинственно-злое, а его уверенную посадку в седле можно трактовать не только как принадлежность к роду самого Коллинсворда.

— Похоже, — сказал я, — наш добрейший Дункан не зря потому уговаривал взять тебя с собой подальше?

Он беспечно улыбнулся.

— Не знаю!.. Семьдесят поединков... они почему-то считают, что это многовато.

Сулливан покрутил головой, но посмотрел на юнца уже с благожелательным интересом.

— У тебя будет возможность, — сказал я недобро, — показать себя. Мы с каждым днем сближаемся с основной массой армий Мунтвига!

Часть третья

Глава 1

Мы по-прежнему продвигаемся ночами, а днем отдыхаем в лесах и оврагах, но уже не ради сохранения тайны, просто небывало жаркое лето в этих широтах укорачивает дневные марши.

Принц Сандорин и принцесса Аскленделла обычно едут стремя в стремя, но я заметил, хотя и не показал виду, что принцесса старается держаться ближе к головным всадникам, где обычно мы с Норбертом вдвоем, а Сандорин, напротив, пытается ее удерживать ближе к коннице Клемента, где часть и его дружины, якобы для обеспечения безопасности принцессы, но, как мне показалось, больше для того, чтобы она не слишком много времени проводила со мной.

Свой шатер он уступил ей, а сам спит у костра, подложив под голову седло, что вызывает симпатии у солдат, а утром лично подводит ей лошадь и галантно подставляет колено.

Конники Норберта окружают встреченные деревни, чтоб ни один человек не выскользнул, запасаются провизией и зерном для коней, а потом уходят, но всегда в другую сторону на случай, если кто захочет сообщить мунтивовцам, куда они подались.

Лорды тревожились насчет крупных армий, что могут задержать продвижение, но я успокаивал, а конники Норberта докладывают,

что впереди ничего достаточно крупного, чтобы представлять для нас опасность.

В одном из сел застигли врасплох большой отряд мунтвиговцев, и когда они начали вскакивать, их со всех сторон разили стрелы и арбалетные болты. А когда те схватились за щиты и попробовали укрыться, в село со всех сторон ворвались люди Клемента.

Ярость наших была так велика, что застигнутые врасплох даже не попробовали сопротивляться, а сразу попытались ринуться наутек. Но их с силой вбивали в изгороди и стены домов и сараев, рубили, кололи, секли и сбивали наземь конями, где либо доставали копьями и мечами, либо затаптывали тяжелыми копытами.

Немногие добежали до коней, но люди Норберта успели туда с ними одновременно, и даже те, кто вскочил в седло, падали под ударами копий или пронзенные стрелами. Крики ужаса раздавались со всех сторон, лишь бывалые воины из стана противника, что умеют сражаться стойко и хладнокровно, сейчас подхваченные общей паникой и криками, еще как-то пытались организовать сопротивление, но наши ударили с такой яростью, что смяли, затоптали, изрубили.

Бобик время от времени подбегает ко мне и спрашивает, что со мной случилось, не заболел ли, арбогастр то и дело пытается пуститься вскачь.

Мы двигались втроем, Альбрехт, Норберт и я. Некоторое время я терпел, наконец сказал с неловкостью:

— Мой бедный коник заболеет, если будет идти все время как улитка...

Норберт, сразу ощущив неладное, возразил строго:

— Ваше высочество, вы и так даже не во главе армии, а во главе разъезда, что само по себе опасно!

Альбрехт простонал:

— Ваше высочество!..

— Все в порядке, — заверил я. — Если что встречу впереди, тут же удеру. Меня никто не догонит!

— Да? — спросил Альбрехт. — Я уже наслушался о вашем безумном геройстве, что должно обрадовать всех ваших противников. Более того, они там наверняка молебны заказывают, чтобы вы таким же безрассудно-отважным и оставались!

Я съежился, оба смотрят с суровым осуждением, хоть Норберт с меньшим.

— То было, — проблеял я в сильнейшей неловкости, — какое-то наваждение... атавизм... Что-то как бы заставило... В каждом из нас живет отважная кистеперая рыба... что безумству храбрых поет как бы песню. Но, клянусь, буду поступать как политик и не обрадую врага нелепой гибелью!.. Не дождутся, гады.

— А вдруг? — спросил Норберт.

Я возразил:

— Это и не в моих интересах, как вы понимаете...

Альбрехт покачал головой, Норберт воскликнул протестующе:

— Ваше высочество!

— Просто чуточку разведаю дорогу, — заверил я, и Зайчик, чувствуя все, что во мне происходит, тут же рванулся вперед, пусть и не на всей скорости, но меня едва позорно не отбросило на круп.

Бобик понесся впереди, время от времени подпрыгивая на всех лапах, как взаправдашний щенок, хотя по нему не определить, — есть породы собак, которые до последнего дня жизни остаются игривыми и суют всем в руки палку, чтобы бросили им как можно дальше.

Дорога пошла обходить лес, но я помню, что лес не бесконечный, и хотя сверху казался совсем крохотным, но и понизу промчимся достаточно быстро. Ар-

богастр умеет проскакивать между толстыми стволами так, что не нужно даже задирать ноги на седло, разве что чаще пригибаться, избегая проносящихся сверху суковатых веток...

В лесу прохладно, дубы только на опушке, дальше пошел березняк, клены, затем вообще разнолесье, арбогастр идет ровным галопом, с каждым скачком приближаясь к империи Зла, откуда в наши земли идут одна за другой армии захватчиков...

Лучших воинов ведет жажда чести и славы, возможность отличиться в боях и показать себя непревзойденными героями, многих подталкивает надежда пограбить, иные рассчитывают поправить расстроенное состояние, немалая часть рыцарства Севера, одурченная лживой пропагандой, идет в поход с жаждой уничтожить Мир Зла и разрата, раскинувшийся на Юге. И хорошие люди, и дурные — по разным причинам, но с равным пылом — жаждут войны.

И, самое отвратительное, мы идем уничтожать Мир Зла и боремся против Тьмы, и они тоже идут уничтожать мир Зла и намереваются уничтожить Тьму.

А религиозные войны — самые жестокие, кровавые и продолжительные...

Бобик насторожился, длинными скачками метнулся вперед и пропал за деревьями.

Через минуту и мы выломились через кусты, арбогастр в удивлении остановился раньше, чем я натянул повод.

Светловолосая девушка с длинным охотниччьим луком в руках, большая собака, в ужасе перед Бобиком прижавшаяся к ее ногам, и подвешенный к поясу охотницы заяц со следами крови на шее.

Бобик чинно сидит на заднице и рассматривает их с интересом, как забавные игрушки, которые могут дать ему играть, а могут и не дать.

Девушка, трепещущая перед Адским Псом, перевела взгляд на меня, вздрогнула и подняла лук в боевую позицию.

— Ты кто?

— Друг, — ответил я дружелюбно.

— Ты воин, — возразила она.

— А воин не может быть другом? — поинтересовался я. — Понятно, вы здесь натерпелись от воинов...

Я соскочил на землю, нужно чуть размять ноги.

Девушка вздрогнула, прицелилась в меня из лука.

— Не подходи! — вскрикнула она жалобно.

Я улыбнулся как можно дружелюбнее.

— Да брось, я не враг.

— Все равно не подходи, — велела она как можно строже, но получилось плохо. — Иначе выстрелю!

Я сказал так же легко:

— Если хочешь, выстрели. Но это не самое страшное.

Она отступила на шаг, но я продолжал подходить к ней. Она вскрикнула совсем плачущим голоском:

— Не подходи! Моя стрела проткнет тебя насеквоздь!

— Перестань, — сказал я мирно, — не дури...

Лук у нее простой, хоть и в хорошем состоянии, магию я бы в нем зачуял, умею, когда сосредотачиваюсь.

Видимо, я сделал слишком резкое движение в ее сторону, она вскрикнула и отпустила тетиву. Я чуть отклонился и ухватил стрелу на лету.

Она в страхе расширила глаза, а когда опомнилась и поспешно выхватила из колчана другую, я уже был рядом и уверенно взял из ее ослабевшей руки древко лука.

— Я не враг, — сказал я ласково.

Она прошептала в смятении:

— Что ты хочешь?.. Будешь меня насиловать?

— Я бы не прочь, — признался я, — есть во мне эта гаденькая черта, вот взял бы и оттянулся во всю ширь всей фрейдовской натуры... но я вот что-то за всю жизнь так и ни разу... гм...

Она в ужасе отшатнулась.

— Хочешь сейчас?

— Хочу, — признался я. — Еще как!.. Но не буду.

Она чуть перевела дух, но, все еще напряженная так, что вся дрожит, как осинка на ветру, спросила с недоверием:

— Правда?

— Клянусь твоими персями, — сказал я. — Понимаешь, поддаться животным желаниям — это так сладко, что просто не знаю, целая минута счастья, но потом, увы, неделя стыда! Вот такое я совестливое животное, сам себе удивляюсь. А смирить в себе скота — потом ту же неделю, а то и месяц хожу гордый, будто льва задавил голыми руками. Хотя кто знает, кто там у всех нас внутри.

Она робко улыбнулась.

— Значит...

— Значит, — сказал я, — не трусь, мышка. Я вот смотрю на тебя и понимаю: буду два месяца ходить гордым!

— А сейчас?

Я с удовольствием посмотрел на ее милое лицо.

— Говорю же, с удовольствием бы, но я знаю, как это получить и без насилия над свободной и демократической личностью в духе базовых либеральных ценностей. Ну, ты поняла?.. А я нет. Но это неважно. Ты тоже выстрелила так, чтобы меня ранить в плечо, а могла бы целить в сердце, из-за этого я едва поймал твою стрелу!

Она сказала жалобно:

— Кто ты? Я слышала об умельцах, что ловят стрелы, но чтоб вот так встретить...

— Ого, — сказал я хвастливо, — я еще тот умелец. Нет-нет, не бойся, я же сказал, буду вести себя как целомудренный Иосиф!.. Не ради твоей девственности, да хрен с нею, а ради возвеличивания себя, неповторимого и замечательного!

Она посмотрела исподлобья, голос ее прозвучал тихо и без всякого ехидства:

— Вижу, вы себя очень любите.

Я изумился:

— А как же? Это же основа демократического общества! Любовь к себе и полное равнодушие к соседу, что интеллигентно называется политкорректностью. Ты себя тоже должна, просто обязана любить! Я зрю в будущее и вижу торжествующий приход всеобщего эгоизма и пофигизма! Если у тебя с этим проблемы, то я могу тебя, как гуманист, возлюбить...

Она испуганно отшатнулась.

— Ой, не нужно...

— Глупая, — сказал я отечески, — это ничего не имеет общего с изнасилованием. По крайней мере, в терминах. Но ты мне скажи, с чего ты взялась охотиться? Разве не должна, аки дама, сидеть у окошка и вышивать крестиком?

Ее лицо помрачнело, она покачала головой.

— Я не из благородных, это первое. Второе... это сперва армии Карла здесь сожгли все, потом недавно прошел Мунтвиг... Мы давно уже всем селом живем в лесу. На полянах ухитряемся выращивать зерно, в загонах держим скот, многие живут охотой... Я с детства приучилась помогать отцу. Теперь вот охочусь сама. У меня трое младших братишек, мама часто хворает.

Я вздохнул, сказал твердо:

— Я беру эти земли под свою защиту!.. Мне совсем не важно, кто здесь король. Отныне здесь всегда будет мирная жизнь. Никаких великих подвигов, когда реками льется кровь!..

Она что-то ощутила, подошла без страха и поцеловала мне руку. Я поднял ее и в свою очередь поцеловал в лоб, что она приняла без всякого ужаса.

Затрещали кусты, выметнулся Бобик с задушенным оленем. Повинуясь моему жесту, положил добычу у ее ног и отступил.

Я тронул Зайчика, и мы все трое понеслись между деревьями, стараясь выбраться из леса.

Глава 2

Норберт все так же едет во главе небольшого отряда, все остальные идут разъездами впереди, справа, слева и даже сзади, но на этот раз с ним Клемент и Сулливан, самые могучие бойцы, ударная мощь, а их отряды передвигаются далеко позади, охраняя пехоту Макса, еще не веря, что бесконное войско способно защищаться само и даже охранить от бед конницу.

Я сказал бодро, не давая им раскрыть рты для обвинений в необдуманной лихости:

— Хорошая новость для любителей размяться!.. В пяти милях впереди обнаружен отряд противника!.. Большой. Но недостаточный, чтобы обрушиваться всей армией.

Сулливан встрепенулся первым.

— Ваше высочество?

— Вы поняли верно, — ответил я.

Клемент прогудел более рассудительно:

— Сколько их? Каковы их позиции?

— Не больше двух тысяч, — заверил я. — Явно местный лорд собрал всякий сброд и решил присоединиться к Мунтвигу. Во всяком случае, его знамя там реет слишком гордо.

Сулливан проревел сердито:

— Что значит реет? Кто разрешил?..

— Может, — обронил Норберт, — там просто разбойники, что объединили несколько шаек и решили называться войском.

— Я рассмотрел с десяток рыцарей, — напомнил я. — Эти сволочи запятнали благородное имя!

Сулливан прорычал гневно:

— Да как они посмели?.. Не думаю, что таких стоит брать в плен! Мне и выкуп не нужен, хотя несколько золотых монет не помешали бы...

— Я поделюсь, — пообещал Клемент и взглянул на меня исподлобья. — Значит, армию тревожить не будем?

— Достаточно людей сэра Дарабоса, — сказал я.

Норберт кивнул, жестом послал в сторону внимательно слушающих нас быстроконных разведчиков.

Ушло не больше часа на то, чтобы собралась большая часть его конницы. Норберт быстро распределил на отряды: хотя все вооружены композитными луками, однако, как и везде, есть прирожденные стрелки, что воробья бьют на лету, а есть рубаки, потому вы, ребята, вступите в бой с фронта, вы с тыла, а вы должны перехватывать всех, кто попытается вырваться из окружения.

Мунтвиговцы расположились в удобном месте, но часовых не выставили, зачем, они же на своей земле, и мы подкрались совсем близко. Я слышал, как за моей спиной тихо поскрипывают натягиваемые луки.

Ближе всех ко мне расположились у костра человек двадцать, за их спинами спят вповалку, а эти

пьют и разговаривают, двое бросают кости, остальные следят за ними, один шевелит палкой в костре, крупные головешки рассыпались на угли и зло стреляли пучками длинных шипящих искр.

Норберт прокричал какой-то птицей, и лучники одновременно выпустили стрелы. Их обрушилась целая туча, несколько человек у костров упали, другие, напротив, начали вскакивать, и на них перенесли частый град тяжелых стрел, способных пробивать с близкого расстояния доспехи, здесь же они пронзали одетых в кожаные доспехи насквозь.

Я увидел, что застигнутые врасплох вот-вот начнут организовываться, такая паника не длится долго, заорал:

— Руби!

За мной ринулись из зарослей люди Норберта. Клемент и Сулливан отстали, особенно последний на своем меланхоличном носороге, однако на своих тяжелых конях они легко проторанили первые ряды обороняющихся, смяли и порубили людей у костра, набросились на мирно отдыхавших, что вскочили и спросонья хлопали глазами, а их рубили, кололи, топтали и рассекали, как подготовленный для забоя скот.

Наконец многие начали разбегаться, и мы пробились к рыцарскому ядру, где закованные в сталь воины встали в круг и отбиваются яростно и упорно, как туры в окружении волчьей стаи.

Палант прокричал страшным голосом:

— Наконец-то!

Рядом с ним Клемент, огромный и чудовищно могучий, двигается молча, двуручный меч в одной руке и щит, размером с амбарную дверь, в другой, — они ударили с такой мощью, что опередили Сулливана.

Тот взревел оскорбленно и двинулся, как сползающая со склона железная скала, что сминает, даже не замечая, как траву, так и кустарник.

Рыцарский строй был прорван с первых же ударов, я видел, как ликует свирепый Сулливан, выросший в постоянных войнах за независимость земель своего рода, как загорелись мрачной радостью глаза Клемента, а про Паланта и говорить нечего, он дико оскорблен тем, что эти мерзавцы опустились до общения с разбойниками, пороча рыцарскую честь людей благородных и незапятнанных, и в самом деле наносит тяжелые сокрушающие удары, после которых предлагать сдаваться уже бесполезно.

Хорошо показали себя герцог Мидль и племянник мужа сестры жены, тот, что Джейффири Дрейко. Этот изнеженный красавчик не блистал силой, однако есть же люди, что рождаются бойцами, он рубил не только настолько стремительно, что вместо меча в его руке виден только стальной блеск, но и безошибочно находил самые уязвимые места, в то же время холодно и отстраненно замечал все, что творится рядом, успевает помочь то одному, то другому, и нежное лицо разгорается в диком и немножко неприятном восторге.

Но постепенно бой затихал, последние уцелевшие бросили оружие и встали в знак покорности на колени, а тех, кто пытался вырваться и ускакать, норбертовцы догнали и перебили на месте.

Среди сдавшихся в плен не нашлось ни одного рыцаря, гордость не позволила бросить мечи, Сулливан прорычал примирительно, что жили они паскудно, однако умерли достойно, зато простого люда, очень даже разбойниччьего вида, оказалось около двух сотен.

Я сказал с досадой:

— И что будем с ними делать?.. У нас, так сказать, вся армия — диверсионная группа! Нам не до пленных.

— Но двух-трех я оставлю, — ответил Норберт и пояснил: — Для допроса.

Я кивнул.

— Действуйте, сэр Дарабос.

Суллиган напомнил хозяйственно:

— Потом не забудьте повесить.

— Здесь нет деревьев близко, — ответил Норберт. — Придется отпустить.

Суллиган хмыкнул, уже привыкнув к суровому юмору Норберта, повернул коня в сторону дороги, на которой уже показалась первая колонна нашей диверсионной армии.

Я некоторое время чувствовал на душе легкий, но быстро рассеивающийся осадок. Все-таки пленные есть пленные, но, увы, даже в более просвещенные времена пленным сохраняли жизни только тогда, когда это было возможно, а сейчас еще никаких норм и правил войны, все зависит от личности человека, а я еще та личность, мне жизнь и безопасность своих людей важнее, хотя для Господа все люди есть люди и не делятся на противоборствующие армии, что я понимаю и даже одобряю... в принципе.

Сегодня прошли почти тридцать миль благодаря хорошей дороге, но я видел, насколько устали люди, и, когда протрубыли остановку для ночного отдыха, сам перевел дух с облегчением, горячо сочувствуя тем, кто идет пешком милю за милем.

Такой отдых должен длиться четырнадцать часов, так высчитано стратегами тех времен. На это время лишь разжигают костры, да и то не всегда, ночи пока

что теплые, палатки и шатры тоже не ставят, хотя есть исключение...

У Клемента не шатер, а двухместная палатка, но он и ее стыдится, привыкший разделять со своими воинами все трудности и тяготы. Он и в этом походе пытался спать с ними у костра, как привык, а в палатке оставлял Ричэль, но сперва воины начали роптать, жалея своего командира, который совсем недавно был таким же, как и они, простым и безземельным рыцарем из бедного края, потом военачальники сказали решительно, что негоже герцогу спать у костра, воины и так его ценят, ему преданы и пойдут за ним в огонь и воду, и что герцогу полагается по рангу возить с собой добротный шатер с хорошей мебелью.

Клемент насчет шатра воспротивился, даже у принца Ричарда шатер самый простенький, негоже ему, которого его высочество подняли на такую высоту, вести себя спесиво, и самое большее, на что он решится, — это палатка, в которую будет уходить на ночь, чтобы ушастой не было там страшно и одиноко.

Макс и вовсе не чувствует себя графом Стоунширским, как не чувствовал ни бароном, ни виконтом, зато, вижу, готов с азартом командовать и куда большей армией, чем эта десятитысячная.

Он решительно отказался не только от шатра, но и от палатки, на шее у него не висит эльфийка, а спать у костра удобно, положив под голову седло и укрыв ноги попоной.

Любовью солдат пользуется абсолютной, он с ними всего лишь командир, ни разу не вспомнил о своем высоком титуле, все мысли только о том, как теснить и гнать противника, не теряя своих людей.

Я пообщался и с Максом, сказал несколько теплых слов эльфийке, преданной настолько, как ни-

когда не бывает женщина, сколько бы мы о такой ни мечтали, а на обратном пути к своему шатру встретил Хреймдара.

В костюме неприметного представителя благородного сословия, что значит ниже лордов, но выше солдат, идет мне навстречу спокойный и задумчивый, просто случайно попался, хотя я уже понимаю, что у людей такого ранга случайности бывают далеко не случайно.

Он вроде бы вот только сейчас увидел меня, сорвал с головы шляпу и поклонился.

— Ваше высочество...

Я остановился, окинул его с головы до ног. За время похода Хреймдар загорел, тело стало суще, спина выпрямилась, образ кабинетного ученого тает с каждой пройденной милей.

— Здорово прячешься, — сказал я одобрительно. — Мне кажется, за все время ни разу не попался на глаза епископу?

— Напротив, — заверил он с достоинством, — всякий раз, когда он меня видел, я ухаживал за ранеными. Однажды его преосвященство изволили даже похвалить за усердие!

— Хороший ход, — похвалил я.

Он поморщился.

— Это не ход, ваше высочество. Я же не политик.

— Ух ты, — сказал я пораженно, — значит, и магам не чужды остатки зачатков сострадания?.. А мне посострадать можешь?

— Ваше высочество?

Я пояснил:

— Мне вот постоянно чудится, что если бы вы, маги, не пользовались остатками древних технологий, хрень бы вы чего стоили! И жизнь была бы лучше, и мне править легче.

Он покачал головой.

— Ваше высочество, — голос его прозвучал с укором. — Маги добиваются многоного и сами. Но, конечно, если удается найти источник моши Древних, то все намного легче... Тогда мощь магов, если они сумеют объединить усилия, становится безмерна, и они могут совершить небывалое, чего не могут сделать по-одиночке.

— Например?

Он пожал плечами.

— Да что угодно. Например, срезать, как острой бритвой, вот ту гору и перенести ее вообще в другое королевство! Но, конечно, чтобы двенадцать вечно враждующих друг с другом магов сошлись вместе... даже не знаю, что может произойти!

— Точнее, что их может заставить?

— Совершенно верно, — ответил он с неудовольствием. — Можно, конечно, порассуждать на эту тему, но, думаю, это только себя дразнить. Их деяния для нас могут быть непостижимыми.

— Непостижимы деяния только Господа, — ответил я строго, — а мага понять можно, они хоть и маги, но люди с их понятными для нас желаниями. Именно потому, что всего лишь люди, жадные и ограниченные... они же могут все разнести вокруг!

Он кивнул.

— Такие случаи бывали. Но, ваше высочество, жажда познания велит забыть о самосохранении!

— Жажда познания, — передразнил я. — Это жажда халавы, жажда заграбастать не свое. Я однажды видел таких... До сих пор кажется сном! Такую исполнинскую мощь... и как использовали?

— Ваше высочество, — сказал он умоляюще, — расскажите! Я собираю все эти случаи!

— Да рассказывать нечего, — ответил я со злостью. — Однажды целый замок вместе с людьми был во мгновение ока перенесен куда-то... как мне показалось, в ад, хотя никакого ада нет... а потом появились какие-то твари и начали всех проверять! Я думал, что ищут меня, прятался, бегал, а оказалось...

— Ваше высочество?

Я махнул рукой.

— Поймали кого-то, связали и утащили. Я оказался совершенно не нужен, даже обидно, удар по достоинству. А замок вернули на место. Но самое странное, что хотя целый день искали в замке и проверяли, но вернули в ту же минуту, когда и забрали!

Он слушал восторженно, как дивную сказку. Я закончил, он некоторое время молчал, глаза все еще горят восторгом, произнес с почтением:

— Это были Высшие... Да, у них есть доступ к источнику силы Древних.

— И что это было? — спросил я.

— Могу только предположить, — ответил он. — Как известно, такими источниками владеют сообща. И ни один не может воспользоваться источником в своих интересах.

— Ого, — сказал я.

— Да, ваше высочество, — подтвердил он, — с этим строго. Догадываюсь, что кто-то из магов сумел что-то нарушить и сделал что-нибудь, нарушил договор, его разоблачили, но он скрылся. А так как Высшего мага найти очень трудно, остальные сперва изолировали предполагаемое место, куда он скрылся, чтобы он не выскользнул незамеченным, а потом проверили всех людей, все норки и все камешки.

Я подумал, кивнул.

— Похоже... Но все равно, даже сообща они не должны вот так... Хотя, конечно, когда решение при-

нимают советом, глупостей будет меньше. Но все равно последствия могут быть катастрофические!

— Потому церковь и преследует магов?

Я покачал головой.

— Нет, все гораздо глубже. Церковь хочет вести человечество со ступеньки на ступеньку. Не пропуская ни одной. И запоминая каждую. И понимая, что за ступеньки и как по ним подниматься. Никаких тайн... позади. Все понятно и проверяется другими. Скучно, долго, зато надежно.

— Надежно? — переспросил он с сомнением.

— Почему эти Высшие, — спросил я, — если они так могущественны, не захватят, к примеру, весь мир?

Он посмотрел на меня с некоторой жалостью, как если бы я сморозил невероятную глупость.

— Ваше высочество, как вы и сами догадываетесь... наверное, догадываетесь... первое — это неинтересно. Как вам, к примеру, поселиться в глухой лесной деревушке и стать там... ну, самым главным старостой.

— А что во-вторых?

— Во-вторых, — проговорил он, — никто из них не знает, когда полностью иссякнет источник Моши. Они его берегут и пользуются только в самых исключительных случаях.

Я сказал с нажимом:

— Вот-вот! Вся магия держится на остатках знаний Древних!.. А наука стремится добраться до тех высот, чтобы производить эти источники моши!.. Эх, все равно не поймешь...

Он ответил обиженно:

— Ну да, как же мне понять!.. Но не только я, а все мы жаждем понять сейчас, сегодня, а не через тысячу лет. Это может дать только магия!

— Потому ее следует уничтожить, — отрезал я. — Всю! Полностью. Целиком. И я всякий раз убеждаюсь в этом... несмотря на всю мою симпатию к магии.

— Да и не только симпатию, — заметил он ядовито и с намеком.

— Я ее не добивался, — возразил я зло. — Но когда само в руки лезет, отказываться глупо. Да, пользуюсь! Эх, ты еще не знаешь, что такое наука и что она может!

Он поинтересовался с пренебрежительным недоверием:

— Поделитесь секретами?

— Это не секреты, — ответил я, — но... поделюсь. И посмотрю, как сотрется эта ухмылочка с твоей рожи. Смотри, вот что может наука уже сейчас...

Его лицо в самом деле серьезнело и вытягивалось по мере того, как я рассказывал, и я видел, что он понимает или хотя бы верит в осуществимость уже сейчас, а я запоздало сообразил, что мне рано еще хвальиться умением видеть людей насквозь, это он умело подвел меня к тому, что хотел услышать, а я сейчас, как тетерев, токую самовлюбленно, стараясь задавить его знаниями...

Я умолк на полуслове, сердитый на себя и него, затем сказал другим тоном:

— Это крупинки из основания той башни, что поднимется до небес! Но эти добытые своим трудом и умением крупинки достойнее объедков со стола Древних магов. Что, высокопарно?

Он ответил тихо:

— Но.. заслуженно, ваше высочество. А я могу поздравить себя за проницательность, что оставил семью и пошел с вами.

Глава 3

Несмотря на протесты Норберта, я снова ушел далеко вперед, ничего не обнаружил за сотню миль, на всякий случай прошелся справа, потом слева, Бобик избегался, стараясь угадать, что же ишу и почему не бросаю ему бревнышко, наконец я повернул назад...

И почти сразу увидел впереди прямо на дороге шатер. Мне даже показалось, что минуту назад там его не было, дорога и дорога, некогда заметная, сейчас почти заросшая травой, так что да, на ней можно и костер разводить, и шатер ставить, не опасаясь, что сбьют и растопчут бурным дорожным движением.

Шатер роскошен, от него веет уютом, покоем и неким сладострастием, я бы сказал именно так, а когда настороженно принюхался, то в самом деле ощутил нежнейшие и едва уловимые ароматы, что будят чувственность и заставляют сердце биться чаще в предвкушении чего-то радостного и желанного.

Понятно, что за шатер и как возник, разумнее просто проехать мимо, однако, с другой стороны, это не просто ловушка, ту можно бы замаскировать хитрее, а это как бы приглашение пройти тест...

Да и пройду мимо или войду — уже тест на характер. Пройти мимо — это осторожность и осмотрительность, войти — безрассудство... хотя в самом ли деле это безрассудство, видно будет все-таки из следующего шага...

Я откинул полог шатра, ароматы стали сильнее. На широком ложе в окружении расшитых яркими цветами подушек, подушечек и подушечек разного размера красиво и роскошно возлежит молодая девушка, нет, молодая женщина с роскошными черными волосами, красиво ниспадающими на спину.

Из одежды на ней только узкий поясок с блестящими золотыми нитями, достаточно короткими, да еще и редкими, одна нога согнута в колене, и красавица упирается в бедро локтем, а в изящных пальцах роскошнейшая гроздь спелого винограда, где каждая ягода вот-вот лопнет от сладкого ароматного сока, другая нога полувытянута в этой картинно-эротичной позе.

Фигура юная, но зрелая, сочная, тоже, как и виноград, налита таким сладким соком, что вот прямо щас бы впился зубами в такое лакомство, а кончики пальцев напоминающе зазудели, мол, готовы хватать, мять, шупать и давить.

Я остановился у входа и смотрел на нее учтиво и с интересом стреляного воробья. Рядом с нею на роскошном ложе, явно сорок перин и без горошин снизу, широкое золотое блюдо с гроздьями спелого винограда. Здесь, как мне кажется, небольшая недоработка, для мужчин лучше бы сразу кусок жареного мяса со жгучими специями, но, с другой стороны, это слишком явное приглашение к коитусу, а при винограде так и поговорить можно сперва, хоть и недолго...

Она повела на меня томным взором, женщины вообще должны двигаться, как замерзающие мухи, быстрые движения нас пугают и отвлекают. Четко вырезанные губы, очень полные, развернутые, как мясистые лепестки росянки, раздвинулись в улыбке, показывая ровные зубки мелкого хищничка.

— Приветствуя тебя, герой...

— Ага, — ответил я довольно, — я в самом деле такой герой, что мною хоть стенку подпирай... Кто ты, красавица? Мне нравится твои... твоя одежда.

Она проговорила тягучим, как молодой мед, и таким же сладким голосом:

— Спасибо... Что ты имеешь в виду?

— Ты одета в аромат фиалок? — спросил я. — У тебя хороший вкус. Другая одежда только повредила бы. Ах, как ты будешь сниться...

Она улыбнулась шире.

— Ты и сейчас можешь исполнить все, что тебе снится, мой рыцарь.

— Это здорово, — сказал я с воодушевлением. — Могу, да? Прекрасно! Тогда начерти мне прямую дорогу до ближайшего города, но чтобы не искать броды, заранее обходить ущелья и не попадать в тупики между горами!

Ее улыбка слегка померкла, но ответила она тем же сладким голосом:

— Нет, но я могу дать тебе отдохнуть и набраться сил, чтобы ты сам мог это сделать быстро и правильно.

— Тоже вариант, — согласился я. — Откуда виноград? Вроде бы в этих краях еще не созрел...

Она наморщила носик.

— Мое дело повелеть, а как и откуда — дело слуг.

— Хорошо быть красивой женщиной, — поддакнул я. — Стоит повелеть, и все бросаются выполнять любые прихоти.

Она с царственной улыбкой смотрела, как я неспешно подошел и сел на край ложа. Чувство опасности молчит, а все виды зрения показывают, что предо мною то, что вижу: молодая и прекрасная женщина, голая, нет, царственно обнаженная, томная в движениях и взгляде, даже говорит медленно, а ее голос звучит так сладко, словно она родом из Хуста, где самый вкусный и нежный мед.

Виноград как виноград, я не уловил ничего опасного, потому с явным удовольствием съел несколько ягод.

— Прекрасно, — сказал я, — хороший сорт. Еще бы без косточек, как кишмиш, было бы вовсе здорово. А так, да, истинное наслаждение!

Она произнесла с улыбкой:

— Думаю, ты уже хочешь насладиться мной?

— Еще как, — ответил я, — только, понимаешь, я не простой воин, а военачальник... Даже крупный, как ты это наверняка знаешь.

Она посмотрела с удивлением.

— И... что?

— А то, — пояснил я, — что уже знаю на своей шкуре, жизнь военачальника и опасна и трудна. Это, кстати, одна из причин, почему так неохотно карабкаюсь по титульной лестнице. Потому, прости, но мне, как Ваньке Морозову, чего-нибудь попроще, не хочу вот так по проволоке идти... Итак, давайте сначала: имя, звание, номер части? В каком королевстве родились и с какой целью?

Она даже не повела бровью, продолжала смотреть и улыбаться, а губы такие сочные, как сладкий созревший виноград, и провокационно вывернутые наружу так, что целиком вот они, спроектированы для смачных поцелуев, продолжали улыбаться. Наконец она произнесла так тягуче, что я увидел, как переливается через край свежий мед, и даже почти успел лизнуть и ощутить его сладкую нежность:

— Значит, ты не хочешь мною насладиться?

— Конечно, хочу, — ответил я оскорбленно, — ниже пояса я вполне себе простой зольдатэн, но выше — мудрый деятель. У нас, понимаешь, должна была быть цельная натура, как Господь и задумал, но проклятый змей поимел Еву, мать нашу, и с тех пор у нас двойственная натура, или, говоря простым языком, амбивалентная. Я не хвастаюсь своей двузначностью, у меня она вообще многозначная, сам не

пойму какая, сейчас это красиво называется много-векторностью... все понятно? Ничего, мне тоже, но кому это важно? Скажу сразу, этот простой, совсем простой зольдатэн в таком же у меня подчинении, как и еще сто тысяч ему подобных. Спускау не даю, даже обычно требую больше, чем от других зольдатэнов. А даю, естественно, меньше. Еще вопросы есть?

Она подумала, вид на мгновение стал совсем со-средоточенным, словно с кем-то мысленно советуется, неспешно покачала головой.

— Вопросы будут, но уже другого плана.

— Слушаю, — ответил я любезно, но с понятной настороженностью. — Но сперва скажи, ты кого представляешь?

Она ответила неспешно:

— Ты не только герой, но и очень хитрый прави-тель. А еще говорят, ты служишь Тьме и Злу, под тво-ей рукой процветает магия, колдовство и чародейство.

Я ответил твердо:

— Враки! Я как бы верный сын церкви.

Ее брови, выгнутые тонкими красивыми дугами, как лучшие из композитных луков, производство ко-торых я начал еще в Амальфи, но широко развернул именно в Сен-Мари с более совершенным там произ-водством, чуть приподнялись.

— Как бы?

Я спросил в свою очередь:

— Ты кто, как бы лингвист? Что-то слишком вслушиваешься в оттенки, а я сперва тебя принял за женщину.

Она проговорила без выражения:

— Так верный сын церкви или как бы верный?

Я пожал плечами.

— Как правило. Исключения не в счет.

— А-а-а, — произнесла она так врастяжку, что я почти увидел вытягивающиеся со скрипом лингвистические сухожилия, — значит, исключения все-таки есть.

— Исключения лишь подтверждают правила, — отрезал я. — Не слыхала, рыбка?

— А почему, — поинтересовалась она, — все-таки эти исключения? Вот Мунтвиг всех колдунов истребляет, а кого удается схватить живым — тех на костер.

— Видишь ли, — сказал я с достоинством, — я бы тоже так, если бы был только военачальник, но я еще и правитель, который не просто сидит на троне, но и правит. А это значит, не только жрет в три горла, пьет и девок дефлорирует, но и старается сделать свои земли богаче, а народ счастливее. А для того, чтобы это делать быстро и безболезненно, я привлекаю к этому делу и колдунов. Временно. Пока не воспитаем свои кадры.

Она выслушала внимательно, глаза чуть прищурились.

— Говорят, — произнесла она мило, — у тебя целая академия магов работает под личным покровительством?

— Ну и что, — спросил я, — это не отменяет того, что я верный сын церкви! Чтобы не умереть от жажды, нужно пить из всех стаканов. У меня все работают на строительстве Храма Небесного, и я не спрашиваю, кто из них маг, кто демократ, а кто, прости Господи за бранное слово, патриот!.. А теперь сама ответствуй, что твой хозяин желает мне предложить?

Она улыбнулась.

— Ты уже понял, кто мой хозяин?

Я фыркнул.

— За кого меня принимаешь? Это же видно. Только имени пока не знаю. Но если еще малость погово-

рим, я скажу даже, как его звала мама в детстве и как дразнили мальчишки.

Она сказала еще мягче:

— Тогда на этом разговор оборвем. Ты и так понял слишком много, это вызывает уважение, но такое чревато.

— Хорошо, — сказал я и, взглянув на нее, сказал честно: — Надеюсь когда-нибудь наткнуться на тебя в самом деле невзначай.

Она улыбнулась так же замедленно и томно.

— А сейчас... так и не решишься?

— Нет, — ответил я. — Слишком много в мире подстав. Как славно быть зольдатом, совсем простым, совсем простым зольдатом!.. В смысле ни в чем не виноватым.

— Но ты сейчас точно знаешь, что тебе ничто не грозит.

— Да, — согласился я, — но один раз поддашься вот так, и для другого раза найдешь оправдание... А во второй или третий раз как раз и будет ловушка. Нет уж, лучше пусть все будет по моим правилам!

— Хорошо, — ответила она покорно, — в следующий раз все будет по твоим правилам.

Она медленно начала истаивать в воздухе, как и весь шатер, я видел выражение ее лица и понимал, что хочет сказать: не смотри так, я не иллюзия, я настоящая.

Конечно, как бы я ни делал умное и знающее лицо, но откуда она и от кого, понятия не имею, а только догадки типа того, что кто-то из достаточно сильных магов, поддерживающих Мунтвига в той или иной степени, зонтирует почву и на этой стороне.

Или не поддерживающих, а оказавшихся под его властью, пусть даже номинальной. Все-таки, хотя бы оба на стороне церкви и старательно истребляем все отвергаемое ею, но с разной интенсивностью.

Кроме того, этот неведомый мог резонно заподозрить, что я использую церковь в своих интересах, как должен поступать дальновидный и беспринципный политик, то есть успешный. В этом случае со мной, возможно, стоит в следующий раз от осторожного прощупывания перейти к политике наведения мостов?

На другой день после обеда конный разъезд увидел впереди большой отряд кавалерии. Я выслушал внимательно, оглянулся — глаза рыцарей горят пламенем, на лицах жажды схватки и абсолютная уверенность в победе.

— Идем прямо, — сказал я.

— Ваше высочество... может быть, подождать армию?

— Не стоит, — ответил я. — Здесь нет больших армий.

Норберт сказал значительно:

— У его высочества было это... как его... привидение.

— Видение, — строго поправил Клемент. — Это не совсем то, хотя и одно и то же.

Сулливан пробормотал:

— Видение может быть и ложным. Божьи ангелы и падшие одинаково наполнены светом, а крылья их в белоснежных перьях. Это тупые простолюдины рискуют их с рогами и черными крыльями...

— У меня был посланец от Господа, — изрек я значительно.

— Точно?

— Точно, — подтвердил я. — Пароль и отзыв совпадали, ангел тоже осторожничает, я это или подста-

ва от дьявола? В общем, недоверие было обоюдным, потому оба осторожничали и соблюдали секретность с обеих сторон. Понятно? Потому я доверяю сведениям, а посланец в свою очередь удостоверился, что передал тому, кому надо.

Палант спросил наивно:

— А кто пароль вам обоим...

На него зашикали, мол, и так ясно, он застеснялся и поспешно отступил за спины старших товарищей.

Мы двигались шагом, наконец впереди поднялась желтая пыль, засверкали искры на металле, а спустя некоторое время уже показались скачущие всадники. Сколько их всего, не рассмотреть, но из пыльного облака выныривают все новые и новые, а оно не уменьшается, так что их там, судя по всему, многовато.

На некоторое время я тоже ощутил тревогу, неужто в чем-то ошибся, а всадники перешли в галоп, обнажили оружие.

Я всмотрелся внимательнее, только сэр Норберт услышал мой короткий вздох облегчения.

Впереди мчится на прекрасном белоногом коне человек с красивой седой шевелюрой и длиннющей белоснежной бородой, которую мог бы заправить за пояс, а так она эффектно развевается по ветру. Во вскинутой руке короткий меч, левая рука закрывает бок и всю грудь круглым деревянным щитом, окованым красной медью, а за спиной, как крылья ангела, вьется по ветру белый плащ.

За ним с грохотом копыт летит конница. У всех коней красивые нагрудники, тщательно расписанные вышивкой, но никакой брони, а сами всадники кто в кожаных доспехах, кто в короткой кольчужке, но большинство в простых рубахах. У некоторых на головах не только металлические круглые шлемы, но даже маски, именуемые личинами.

Мечи почти у всех короткие, такими лучше сражаться в пешем строю, копий нет, только пики...

— Это местные! — прокричал я. — Наспех собранное ввиду нашего приближения войско!.. Покажем, что такое настоящие воины!

Зайчик начал ускорять бег, кося глазом направо и налево, чтобы не слишком вырваться вперед. Грохот копыт нашего отряда стал грозным, пугающим, я оглянулся: рыцари вытащили мечи и со зловещими усмешками опускают на лица забрала.

Мы сближались с веселой яростью, на лицах седобородого вождя племени я рассмотрел тот же восторг и дикое упоение предстоящей битвой, это же наше мужское, самцовое, кто из нас альфа, кто бета, а кто и вовсе омега, сейчас нагнем, докажем, поимеем, заставим, покорим, их бабы тоже станут нашими...

Справа и слева от нашего стального клина пронеслись трепещущие тени и пали на скачущих противников. Там сразу начали падать с седел, кони поднимаются на дыбы и бешено колотят копытами в воздухе и по головам соседей. Затем снова тени бесшумно пронеслись по земле, а над головами зловеще вжикнули тяжелые дальнобойные стрелы из композитных луков.

Еще дважды прозвучал недобрый свист над головами, и две конные массы налетели одна на другую. Мы сшиблись с грохотом копыт, лязгом мечей, стуком раскалываемых щитов и яростными криками, Но два войска тут же перемешались: мы пронеслись сквозь вражеские ряды далеко, раздавая удары направо и налево, в то время как наши тяжелые кони крушили и топтали всех, кто впереди, но противника впятеро больше, в конце концов завязли и рубились люто, с каждым ударом повергая наглеца, посмевшего бросаться на обученного драться рыцаря.

Я рубил и крушил, выискивая взглядом седобородого, наконец обнаружил его в окружении плечистых младцев, что ухватили его коня за узду и тащат в середину их войска.

Я закричал бешено:

— Вы что позорите своего вождя?

Они оглянулись, двое тут же развернули коней и бросились на меня, я быстро срубил обоих, парни здоровенные, но явно умеют больше работать топорами в лесу, снова прокричал:

— Или он трус?

Старик закричал взбешенно, замахнулся на одного мечом, тот отпрыгнул, выпустив уздечку, и старик быстро развернул коня мне навстречу.

Несмотря на его облик патриарха, у которого уже и правнуки могут быть тут же в войске, он выглядит сильным и бодрым, а когда бросился на меня с поднятым мечом, я защищался всерьез, выбирая момент, чтобы дать ему по голове мечом плащмя и захватить в плен.

За патриархом на меня бросилась вся его охрана, я рубился уже и с ними, но тут подоспели Клемент и Сулливан. Настоящие скалы в стальных доспехах почти не чувствуют удары коротких мечей из плохой стали, а сами рубят быстро, и каждый удар смертоносен. Следом идут Палант, Мидль, Альбрехт и, как ни странно, красавчик Джейфери, не уступая им в мастерстве.

Вождь замахнулся на меня и вдруг вздрогнул всем телом, меч Альбрехта просвистел сбоку, голова слетела, как кочан капусты, из обезглавленного туловища ударили две красные струи.

— Эх, — крикнул я с досадой. — Жаль! Я хотел его использовать...

Альбрехт прокричал:

— Сейчас с ним будет трудновато договориться. Даже если приставить голову обратно.

Мы усилили натиск, но противник, лишившись вождя и его окружения, где вряд ли телохранители, скорее — сыновья и наиболее знатные люди племени, начал отступать, а потом уцелевшие ринулись врас-сыпную.

Я прокричал:

— Пусть бегут! У нас слишком тяжелые кони.
— Мой отряд догонит легко, — выкрикнул Норберт.

— Пусть бегут, — повторил я. — Это не Мунтвиг, к сожалению.

Глава 4

Клемент, чтобы быть в курсе, что ждет его войско, то и дело выезжает вперед к Норберту. Они сдружились быстро, оба одинаково битые жизнью, побывавшие в боях, но так и не получившие ничего до тех пор, пока не попали под мою тяжелую, но счастливую руку.

Сегодня в какой-то момент небо на востоке странно посерело, словно сумерки начались так рано, я рассмотрел мерцающее облако, словно в нашу сторону двигается туча из темно-зеленоватой слюды, не сразу сообразил, крикнул:

- Не пугайтесь, это не колдовство!
- Ваше высочество?
- Обыкновенная саранча, — прокричал я.

Саранча прошла над нами, но часть просто посыпалась вниз, то ли намеренно, то ли просто устала махать крыльями. Все ругались, отплевывались, Палант

вообще напялил шлем и даже опустил забрало, только Сулливан ехал невозмутимый, он и так не снимает шлема по разным пустякам.

— Дело рук Сатаны, — сказал епископ с убеждением.

Рыцари перекрестились, лица мрачные, попался бы им сейчас Сатана, а я подумал с иронией, что побежденный в чем-то одном автоматически становится виноватым во всем.

Они посмотрели на меня, что-то я молчу и весь задумчив, я кивнул и сказал со вздохом:

— Да, конечно. Горе побежденному!

Мидль и Палант переглянулись, им почудилось в моем голосе сочувствие, а Сулливан, менее чувствительный, сказал мрачно:

— Я бы ему на месте Господа вообще голову снес!

Епископ сказал с мягкой укоризной:

— Не наше дело подсказывать Господу, как ему поступать. Хотя, конечно, Господь излишне добр и мягок. Но для того и существуют воины Господа, чтобы кое-что подправить, ибо сын Господа не мир принес, но меч.

— Молодой был, — сказал Сулливан понимающе, — молодые всегда сразу за мечи. А Господь уже постарше, этот больше прощает, чем карает.

— А мы еще моложе Иисуса, — сказал Палант задорно. — Так что зададим Мунтвигу жару!

— Ура, — сказал Альбрехт мрачно, но, подумав, согласился: — Зададим. И все добро разграбим, а женщин его царства обрюхатим. Иначе и воевать не стоило бы.

Епископ поморщился, пояснил:

— Сатане голову снести нельзя, он бессмертен. А Господь оставил его потому живым и на свободе, что у них вышел спор насчет человека, помните?

— Когда Господь создал Адама, — сказал образованный Палант, — и велел всем ангелам поклониться?

— Да, — сказал епископ. — Сатана поклониться отказался, заявив, что человек все равно опозорит Создателя, а он такому мерзавцу кланяться не станет. Господь сказал, что верит в человека, и тогда Сатана сказал, что он докажет гнилую суть этого мерзкого существа из глины. С тех пор постоянно искушает человека, подбивая на недостойные поступки, а Господь не вмешивается, ибо уже сделал человека, подправлять в нем ничего нельзя, это будет нечестно!

— Да будет и признанием, — сказал образованный Палант, — что тогда сплоховал и выпустил в свет недоделанное творение.

Я помалкивал, что-то не хочется влезать в диспуты, где уже все вроде бы переговорено, но все равно найдется что-то новое, что на самом деле не новое, но в качестве доводов еще не использовалось...

Впереди лес, а потом снова и снова лес. Помню, во времена крестовых походов Европа была покрыта лесом вся, люди передвигались в основном по рекам, и только быстро появляющиеся монастыри теснили во все стороны вековые деревья, расчищая землю под пашни и сады.

Сейчас время от времени идем и по зеленым долинам, однако часто не оставляет ощущение, что мы единственные люди на земле, так все пусто — только непуганые звери и птицы и ни следа человеческого жилья.

Иногда кажется, что при умелом маневрировании можно пересечь весь континент из конца в конец и не наткнуться на людей. На самом деле так будет всегда, огромные пространства останутся пустыми, но для того, кто родился в городе и всю жизнь в нем

прожил, видение пустых земель на сотни миль в любую сторону кажется чем-то невероятным.

Я иногда поднимался ночью в воздух и внимательно изучал проплывающий внизу мир, запоминал рельеф, высматривал переправы, с высоты брод заметить легче, чем с берега, прикидывал: свернуть к замеченному городу или идти мимо, все-таки наша цель несколько иная, ее я пока не доверяю даже подушке.

А если свернуть, то это же сколько понадобится времени, чтобы добраться за один-два конных перехода!

На девятый день, точно по скрупулезному плану Макса, мы увидели впереди огромный город. Разведчики Норберта уже побывали там и выяснили, что остался неразграбленным потому, что отцы города выплатили Мунтвигу дань и признали его власть, благоразумно не открывая ворота его войскам, а Мунтвиг настолько спешил продвинуться как можно дальше на юг, что не стал заморачиваться ни штурмом, ни осадой, резонно полагая, что в его империи даже такие вот города, сохранившие полунезависимость, недолго останутся независимыми.

— В городе страх, — докладывал Норберт, — городские власти ничего не могут поделать с прибывшими. Те входят в город, как побитые собаки, но, когда видят, что другие прибежали еще раньше, поднимают головы и начинают роптать на короля, обвиняя его в неспособности... ха-ха!.. разбить Мунтвига.

— Тупые, — согласился я.

— Каждый ищет виноватого, — сказал он. — Сильного лидера там нет.

— На меня не смотри, — предупредил я.
— Они хоть потрепанные, — сказал он, — но тоже какая-то сила.

Я пожал плечами.

— Если кто-то возьмется их организовать — прекрасно. Побитые чаще всего потом еще больше трусят, но в одном случае из десяти сражаются еще яростнее.

— Многие хотят смыть позор, — согласился он. — Жаль, не все. Хорошо, я поговорю с нашими. Жаль, там почти все конные, а то бы Макс сумел сделать из них солдат.

— Максу они не подходят, — сказал я. — У него дисциплина, а кто из благородных ее признает?.. Хорошо, что слышно о крупных силах?

Он поморщился.

— Если послушать тех, кто бежит к городу, то армии Мунтвига всюду. На самом деле рыскают только легкие конные отряды. Нам нужно отдохнуть сутки, а потом сможем очистить округу.

— Двое суток, — ответил я. — Не будем отклоняться от канонов. Даже троє, учитывая, что всем захочется побывать в городе и побродить по базарам.

Конечно, у страха глаза велики, достаточно увидеть в ночи зарево пожара, чтобы узреть подходящие к городу несметные армии Мунтвига, но когда нас заметили с высоких стен и остроконечных башен, там снова едва не вспыхнула паника.

Посланные вперед люди Норберта заверили горожан, что идет помочь, все в порядке. Король Ричмонд Драгсхолм призвал на подмогу армию Ричарда Длинные Руки, и вот мы здесь, здравствуйте.

Тиргартен, как и большинство городов, вырастал из подсобных хозяйств при замке лорда Пэтриджа, так его именуют, он и сейчас остался в его собственности, здесь не Юг проклятый, где города добились где не-

зависимости полной, где частичной, а здесь это все хозяйство герцога Аудрина Сэтлина Пэтриджа, и хотя он мудро не вмешивается в дела местных гильдий, но все это его владения, и со всего собирает то ли оброк, то ли дань.

Первыми в город въехали конники Норберта. Уже официально сообщили о скором прибытии самого Ричарда Завоевателя, того самого, да выяснили, есть ли для высших лордов достойные места или им стоит остаться в лагере, и когда я в сопровождении знатнейших военачальников приблизился к широко распахнутым воротам, там уже на городских стенах черно от масс народу, навстречу высыпали как благородные, так и не очень, я услышал крик, вырвавшийся из тысяч мужских глоток:

- Ричард!
- Ричард идет!
- Ричард!
- Ричард!

Душа моя скучожилась от неловкости и даже стыда, словно я что-то украл или делаю стыдное, но местные воины и горожане ринулись к нам, оттеснить их не удалось, прорвались к моему арбогастру, обнимали его ноги и вскрикивали в таком счастье, что мне хотелось взглянуть в зеркало: ко мне ли такое почтение?

— Слава Ричарду! — заорал один богатырского вида солдат. — Нашему спасителю!

Множество голосов тут же с готовностью подхватили:

- Слава!
- Да будет!
- Все за тебя умрем!

Они смеялись и плакали от счастья, а я все больше чувствовал себя тем, кто у сироток отнимает последний кусок хлеба.

Альбрехт покосился на мое напряженное лицо, я видел, как сердито вздулись рифленые желваки на его аристократическом холеном лице.

— Улыбайтесь, ваше высочество!.. — прошипел он сердито. — Да улыбайтесь же!.. Что с вами?

Я ответил с тихой тоской:

— Они ликуют так, словно мы уже разбили Мунтвига, а его самого повесили на городских воротах. А впереди столько битв, крови, трупов...

— И воинской славы, — сказал он гордо, — доблести и геройства!.. Многие будут гордиться этими днями...

— Если выживут, — буркнул я.

— Ну, все в руке Господа... Да улыбайтесь же! И ручкой, ручкой не забывайте. Аккуратнее, а то больше на фигу или кулак похоже...

Солнце выглянуло из-за туч, и первый сноп света пал на рыцарский отряд впереди армии. Сразу ярко и празднично заблестели доспехи, щиты, наконечники длинных копий, поднятые кверху, а от шлемов словно бы распространилось благостное сияние.

Народ ликовал, я уже опасался, что меня сдернут с коня и понесут на руках, и так прорываются через охрану и целуют мне сапоги, края плаща, а самого арбогастра уже ведут под уздцы с таким почетом, словно это он Ричард Завоеватель, а я уж тогда и вовсе не знаю хто.

Глава 5

Отцы города сообщили, что герцог Аудрин Сэтлин Пэтридж велел передать, что ждет принца Ричарда и его военачальников в своем замке, где будет рад и даже счастлив оказать самый радушный прием.

Мои военачальники загалдели, как гуси, но когда я повернулся к ним, почтительно умолкли.

— Передайте, — ответил я, — что с удовольствием загляну в гости. Мне нравится прекрасная цветущая Бриттия и ее такие гостеприимные и радушные люди.

Альбрехт едва заметно кивнул, одобряя вежливые и ничего не значащие, кроме самой вежливости, слова, а я недовольно нахмурился, давно сам знаю, что говорить, чтобы ничего не сказать, нечего суфлировать.

Клемент поинтересовался:

— Кого угодно взять в сопровождающие?

— Вы все достойны и все заслужили, — сказал я. — Так что собирайтесь сами, у кого нет особых дел в лагере.

Они переглянулись, не зная еще, какой смысл я вложил в понятие «нет особых дел в лагере», у хорошего военачальника всегда должны находиться дела по улучшению лагерной жизни, но у очень хороших и без их присутствия все должно быть в порядке...

Первыми, естественно, собрались в гости к местному герцогу принц Сандорин и принцесса Аскланделла. Я перехватил ее надменный взгляд и послал к ней рысью аргогастра, но Бобик опередил и запрыгал возле ее коня, играво хватая ее зубами за ногу и уговаривая поиграть.

Я сказал резко:

— Бобик, прекрати, а то укусит!.. Фу, плюнь!

Он оставил ее ногу и посмотрел на меня в недоумении, а сама Аскланделла, даже не изменившись в лице, проговорила надменно:

— У вас есть что-то сообщить... принц?

Судя по тому, что Бобик с нею играет, а она ничуть не испугалась, не исключен вариант, что тайком от меня скормливает ему лакомства, но я сделал вид,

что ничего не заметил, поклонился и сказал так же холодно, как и она мне:

— Ваше высочество, спешу порадовать! Мы каждый день захватываем по дороге как минимум с десяток разбойничающих шаек. И всякий раз одного-двух, благодаря вам, оставляем в живых...

Она в удивлении вскинула красивые дуги густых черных бровей.

— Благодаря мне?

— Именно, — подтвердил я с удовольствием. — Мы им сообщаем, что у нас находится принцесса Аскленделла и что я жажду передать вас законному и, главное, заслуженному жениху.

Она спросила холодно:

— А при чем тут разбойничьи шайки?

— Все они, — сказал я с торжеством, — являются частью великого воинства вашего жениха. Потому отпущеные на свободу тут же мчатся со всех ног к главному разбойнику... простите, вашему жениху в надежде на щедрое вознаграждение. Вы не представляете, сколько разбойников вы спасли от суповой и, главное, заслуженной кары!

Принц Сандорин смотрел на меня с негодованием, но не видел, где прицепиться, я все делаю в интересах принцессы, а она, задрав нос, произнесла с высокомерным апломбом:

— Сэр Ричард... вы... весьма!

Я поклонился.

— Спасибо за высокую оценку, принцесса!

Послышался конский топот, наши герцоги: Клемент, Мидль и Сулливан уже в полном блеске, доспехи из Вестготии, как и мечи, плащи и вся одежда из Сен-Мари, сапоги армландские, а кони из Брабанта.

Судя по их виду, принц Сандорин и принцесса Аскленделла впечатлены, а я ощущал некоторое зло-

радство, ничего, голубчики, вы еще убедитесь в преимуществах интеграции дружественных королевств под пацифистской дланью гуманного автократа и тоталитариста!

Мы двигались в сторону замка крупной рысью, рядом со мной единственный граф, я покосился в его сторону и подумал внезапно, что пора и его в герцоги, все-таки он верен мне с начала боев в Армландии и никогда не подводил...

Впереди появился и начал приближаться замок герцога Пэтриджа, рыцари заговорили, оценивая эту твердыню, я подумал, что замок только называется замком. Он изначально и был замком, даже просто одним-единственным каменным домом, но затем его укрепляли, расстраивали, наращивали, пристраивали еще башни, корпуса, наконец обнесли высокой стеной, и вот уже настоящая крепость..

С ворот нас заметили издали, створки распахнули настежь. Бобик, естественно, понесся вперед, ладно уж, а мы въехали торжественно и чинно. Особенно значительно выглядят два наших гиганта, Клемент и Сулливан, настоящие горы из железа, теперь уже из добротной стали, как и кони, которые в броне и цветных попонах, да еще со стальными налобниками с огромными рогами кажутся настоящими чудовищами.

Пока мы покидали седла, а слуги разбирали и уводили коней, в донjonе распахнулись двери, вышли двое, мужчина и женщина, за ними домочадцы.

Я понял, что это герцог и герцогиня, уже по тому, что и они словно бы вырублены из того же камня, что и весь замок.

Герцог высок, силен и свиреп, судя по лицу, волосы почти белые, но лицо моложавое, хотя несколько резких морщин говорят о возрасте, но прям, взгляд

строг, двигается с легкостью человека, все еще готового ухватиться за рукоять меча.

Я пошел навстречу, он сошел по ступенькам и остановился, всматриваясь в меня с благожелательным интересом. Я принц, а он герцог, однако он старше и хозяин, потому я учтиво поклонился, а он сказал приветливо:

— Ваше высочество, мы счастливы предоставить вам места для отдыха в нашем замке.

— Спасибо, ваша светлость, — сказал я. — Буду рад воспользоваться вашей любезностью на пару дней. А лучше — на три.

— Почему так мало?

— Мы шли ускоренным маршем, — сообщил я, — а то бы удовольствовались одной ночевкой. Жаль будет покидать ваш замок, мне здесь уже нравится, все так располагает, так располагает... однако труба зовет!

— Труба зовет, — повторил он мечтательно и вздохнул. — Это моя супруга, Киринда Кнайтлинская.

Я поклонился.

— Леди...

— Принц, — ответила она с достоинством.

Сильная и крупная, с широким выразительным лицом, явно все жены этой династии были такими, если рожали могучих и деятельных рыцарей, способных отстоять свои земли и прихватить чужие.

Я повернулся к своим спутникам.

— Дорогой герцог, позвольте представить принца Сандорина, наследника короля Буркхарта Третьего и будущего правителя королевства Вендовер, и принцессу Аскленделлу, дочь императора Вильгельма Ближайшего и... будущую жену императора Мунтвига!

Герцог всматривался с недоумением, любого бы ошарашило заявление, что везу жену своему закля-

тому врагу, а я сделал широкий жест в сторону трех герцогов и одного графа.

— А теперь позвольте представить моих ближайших соратников...

Покои для нас уже приготовили заранее, слуги помогли выбить пыль и почистить одежду, после чего нас под серебряные клики фанфар повели вниз, где на первом этаже в большом зале уже расставили столы.

Ввиду торжественного случая обед превратили в малый пир, пригласив кроме наших знатнейших рыцарей часть вельмож города, а еще я заметил несколько молодых леди в расцвете своей женской красоты, что и понятно: нужно почаше выводить в свет, чтобы их заметили неженатые мужчины.

Особенно мне понравилась леди Мишельла Ансель, она улыбается так, что все вокруг озаряется ее улыбкой: зубы настолько ослепительно-белые, крупные и подогнанные друг к другу, что, когда ее губы раздвигаются, там открывается слепящий блеск во весь рот.

Думаю, чтобы ей тяпнуть меня за палец, нужно открыть рот как можно шире, чтобы между полосками зубных пластин появилась щель.

Рядом с нею сэр Роберт Карсон, надменный и настороженный, чаще всего смотрит искоса, а когда я поворачивался к нему, постоянно отводит взгляд или делает вид, что рассматривает нечто в стороне. Сам крупный, с массивной головой человека, что рожден для драки, но что-то я никак не могу представить его в доспехах.

Он спросил у меня так осторожно, будто подозревает в намерении поджечь замок:

— Каковы планы вашего высочества? Это к тому, можем ли чем-то посодействовать?

— Можете, — ответил я. — У вас, смотрю, прекрасный собор...

Он сказал сдержанно:

— Его строили пять поколений.

— Чувствуется добротность, — похвалил я. — Я бы хотел провести церемонию коронации.

— Коронации?

— Или коронования, — сказал я, — мне все равно. Демократическая общественность моих лордов зело настаивает, чтобы я принял корону эрцпринца.

Он посмотрел в удивлении.

— Именно в нашем соборе? Обычно это делается в торжественной обстановке, в своей столице, объявив о коронации хотя бы за полгода...

Я покачал головой.

— Мы в походе, все на ходу, а то и на бегу! Вы бы знали, что приходится вот так, на ходу, делать, даже стыдно сказать при дамах, пусть даже и в условиях военного времени. Но, увы, необходимость...

Он спросил осторожно:

— Можно осведомиться...

— Можно, — ответил я.

— И... почему...

— В нашей ударной армии, — объяснил я, — уже три принца, что многовато. Подозреваю, что в моих оставшихся на мирных рубежах моих мирных владений армиях этих принцев еще больше...

— Ох, — сказал он, — проблемы с субординацией?

— Вы чрезвычайно понятливы, — сказал я.

— Хорошо, — сказал он деловито, — герцога тревожить не будем, он больше по делам... гм, действия, а я у него по церемониям. Когда вы хотите провести коронацию?

— Лучше бы сразу после обеда, — сказал я.

Он улыбнулся, принимая как шутку, некоторое время напряженно раздумывал, морща лоб и шевеля бровями, наконец произнес:

— Учитывая, что у вас всего трое суток до выступления в поход... можно ритуал провести в сокращенном варианте... если это вас не сильно оскорбит.

— Не сильно, — заверил я, — очень даже не сильно!

— Тогда завтра, — сказал он, — в полдень. Я подготовлю все со стороны города, а вы — своих людей.

— Прекрасно!

— Кого-то назначите отвечающими?

Я подумал, кивнул.

— Да. Паланта и Сулливана. Вон сидят оба...

Он проследил за моим взглядом.

— Гм, не выглядят вельможами...

— Сулливан у нас побудет обер-бургграфом, — объяснил я, — временно заменяя Растера, есть у нас один такой, прирожденный обер-бургграф, а Палант и так ландхофмейстер. Ему по чину надлежит стоять со мной рядом, когда я приму титул эрцпринца. Как стоял, когда мне вручали корону принца.

— А-а, — сказал он понимающее, — значит, у них опыт уже есть? Прекрасно, тогда ничего не испортят... видимо.

— Я уверен.

— Ваши лорды настаивают именно на титуле эрцпринца?

Я сказал чуточку хвастливо:

— Вообще-то могу претендовать на звание генералиссимуса, так как командую войсками союзных королевств! А еще у меня в подчинении особы королевской крови... и то, и другое дает право на чин генералиссимуса, но, гм, всякие звания и чины оставим

на будущее. Я скромный, достаточно и эрцпринца... А пока давайте пировать!

Он ответил озабоченно:

— Однако я немедленно пошлю людей в город, чтобы начали подготовку завтрашней церемонии.

— Очень буду признателен.

Он спросил шепотом:

— А его высочества... принц Сандрин и принцесса Аскланделла присутствовать будут?

— Я приглашаю всех, — ответил я дипломатично. — А там уж как получится.

Он кивнул и немедленно выбрался из-за стола, а я виновато улыбнулся Мишелле.

— Простите, но я не думал, что он настолько деловитый.

Она мило улыбнулась.

— Да, он такой. А вы?

Я увидел, что принцесса Аскланделла внимательно прислушивается к нашему разговору, и сказал подчеркнуто любезно:

— Для вас я готов оставить любую работу!

Мишелла раздвинула губы в улыбке, ослепив меня блеском костяных пластин во рту, Аскланделла же нахмурилась, подобное все мужчины должны говорить только ей, а как же еще, потому мои слова можно считать очередным оскорблением, за что, естественно, мне придется отвечать перед самим Мунтвигом...

Глава 6

На другой день в полдень по всему городу зазвонили колокола. Народ испуганно дернулся, но перезвон веселый, торжественный, радостный, и многие потянулись к собору, уже предупрежденные глашата-

ями, что великий и ужасный сэр Ричард Завоеватель изволит принять корону эрцпринца.

Я выехал в сопровождении принца Сандорина и принцессы Аскланделлы, следом Альбрехт, Палант, Сулливан и Мидль, только Клемента нет, он выстраивает конное рыцарство на пути от замка к собору.

Рыцари выстроились на конях в два ряда мордами друг к другу, между ними и двигались мы к собору. Зрелище, честно говоря, в самом деле красивое и праздничное: кони под тяжелыми расшитыми золотом попонами, всадники в блестящих доспехах и с цветными перьями на шлемах, украшенные драгоценностями тяжелые мечи в ножнах, радостные лица.

Едва мы выехали из ворот, рыцари по обе стороны вскинули мечи над головами, солнце празднично и страшно заблистало на длинных лезвиях.

Со стороны собора на огромном коне тяжело скачет, как Медный всадник, Клемент Фитцджеральд, тоже в парадном доспехе, улыбающийся во весь рот.

— Принцу Ричарду, — прокричал он, — ура!

С обеих сторон прозвучало громовое:

— Ура!

— Ура!

— Ура!!!

Я улыбался и помахивал рукой, а за моей спиной, как мне почудилось, что-то зло прошипела принцесса Аскланделла.

Клемент перевел коня на шаг, лицо озабоченное, явно твердит про себя заученное приветствие, с которым сейчас обратится. Я некстати вспомнил, как на коронации Георга IV герцог Веллингтон выехал навстречу для приветствия на специально обученной лошади, что умела двигаться задом, это было нужно для того, чтобы не поворачиваться к монарху спиной. И вот герцог въезжает в Вестминстер-Холл, но... хо-

рошо обученная лошадь повернулась и вошла в зал задним ходом.

Клемент покосился на меня с подозрением, чему это я улыбаюсь, вскинул меч и прокричал мощным голосом:

— Эрцпринцу... слава!

Рыцари по обе стороны снова грянули:

— Слава!

— Ура!

— Да здравствует!

Когда крики умолкли, Клемент сказал приподнято:

— Ваше высочество... не скажете ли своим верным рыцарям несколько слов в качестве... качестве будущего эрцпринца? Как бы обещание... на будущее?

Я остановил коня, Клемент явно перехитрил, перекинув на меня это бремя, но я должен быть всегда готов ко всему, потому подумал целое мгновение и сказал решительно и державно:

— Я, как гуманист и душитель ненужных народу свобод, выступаю за всеобщее и как бы справедливое! А также равную ответственность перед Господом и перед данным им сверху лордом, то есть моим высочеством! Мы за гуманизм, а кто против — того каленым железом так, чтобы!.. Мы строим Царство Небесное, потому понесем обагренное кровью наших свобод знамя вперед по эпохам, постоянно отсекая головы гидрам контрреволюции!.. Мы победим, чего бы это ни стоило нашим противникам! Мы освободим мир и наши души от химер, это я обещаю, как авторитарный демократ, во имя тоталитаризма и базовых либеральных ценностей!

Мне прокричали «ура» еще раз, лица радостные, а лозунги все равно не слушают, главное — говорить с подъемом и ликованием, плечи шире, а взор направлен в будущее.

Когда приблизились к собору, Палант и Сулливан покинули коней и первыми вошли, почти вбежали в гостеприимно распахнутые ворота.

Я медленно слезал и медленно оправлял одежду, давая время обер-бургграфу и ландхофмейстеру занять свои места и отдохнуться.

Альбрехт и Мидль тоже спешились, оба в самых парадных одеждах, Мидль впервые участвует в подобной церемонии, потому чувствует себя особенно торжественно, а улыбочку Альбрехта не понимает, то и дело осматривается в недоумении, что, дескать, граф усмотрел смешного в его одежде.

— Ваше высочество? — сказал Альбрехт. — Растягиваете наслаждение?

— Только не здесь, — ответил я. — Ну ладно... пойдемте, закончим эту нужную отечеству и такую важную для него процедуру поскорее.

— Главное, — пробормотал Альбрехт, — результат?

— А для вас?

— Иногда, — заметил он, — можно насладиться и самим процессом.

— Странные у вас вкусы, граф.

— Так я же всего лишь граф, — сказал он и, спохватившись, добавил торопливо: — Только не считайте это намеком!..

— Ну да, — ответил я злорадно, — как будто вы что-то скажете без долгого обдумывания ночью под одеялом!.. А теперь тихо, морду просветленно-торжественную...

Он приотстал, мы вступили под своды собора. Они с Мидлем пошли сзади, в зале народу битком, вся знать города и замка, для нас оставили узкий проход к возвышению у противоположной стены, где высится роскошный трон, а по обе стороны застыли в торжественных и полных величия позах Палант и Сулливан.

После коронации народу разбрасывали пригоршнями монеты, а мы галопом унеслись в замок герцога Пэтриджа. Уже и Мидль наконец-то понял, почему мои лорды веселятся, кто-то взялся подсчитывать мои титулы, постоянно сбивался, наконец общими усилиями кое-как собрали большую часть, но все равно никому не удалось на одном дыхании произнести их все, включая обязательное «...владетель земель таких-то» и «хозяин замка такого-то».

А ведь еще не знают о моем маркизате на той стороне океана, мелькнула мысль. С этого плацдарма и начнем осторожное завоевание Южного материка.

И хотя пир в мою честь, но герцог Пэтридж все так же во главе стола, довольный и величественный, но все равно не сановник, получивший повышение, а полководец, выигравший битву.

— Ваше высочество, — шепнул он, — лорды в моих землях заново собирают всех, кто готов с оружием в руках защищать Бриттию! Вы дали нам надежду.

— Польщен, — пробормотал я. Сидеть мне придется между хозяином и хозяйкой, потому приходится в одну сторону поворачиваться милитаристом, в другую — галантным донжуаном, им приятно быть, зная, что это безопасно, а женщинам жутко льстит. — Но не рискованно ли...

— Армия Мунтвига уже прошла, — напомнил он, — а с бандами нужно бороться. И с отрядами мунтвиговцев, что опоздали влиться в его войско и теперь спешат вдогонку.

— Да, — согласился я, — эти могут натворить бед.

— С вашим появлением, — сказал он, — многие воспрянули духом, снова берутся за оружие! Через несколько дней отряды будут сформированы.

— Это весьма, — сказал я с чувством. — Мы уходим завтра, но это неважно, бриттские герои в нашей опеке... да что там опеке!.. они не нуждаются даже в нашей помощи и смело могут начинать зачищать земли от разбойных банд. Вы правы, герцог, одна шайка может причинить вреда не меньше, чем все войско. Эти сволочи упиваются своей безнаказанностью!

Он поднял кубок.

— За ваши победы, принц!

— За наши общие победы, — ответил я.

Кубками чокнулись самыми краями, мы не простолюдины, что всегда с размаха и показной лихостью, благородные люди подчеркнуто сдержанны.

Лорды и менее знатные рыцари во всем зале поднялись во весь рост и прокричали здравицу:

— Слава Ричарду!

— Слава эрцпринцу!

— Слава вождю!

Ах, как лестно, мелькнуло в черепе, а ведь в самом деле лестно, как ни иронизирай, не с этого ли начинается коррозия сознания и некоторое искажение восприятия...

Я поднялся, держа кубок над головой. Все умолкли, глядя на меня в ожидании, я произнес с чувством:

— Как однажды сказал Господь, и сказал, помоему, правильно, чуть больше любви, чуть меньше сражений и — мир будет в порядке!.. Однако, чтобы дожить до этого счастливого времени, мы должны пройти через самые жестокие битвы и кровавые сражения! И на обломках древних империй напишем наши имена!.. А еще лучше — на стенах того Храма Небесного, что выстроим для себя и своих потомков, чтобы знали, кого чтить!

В зале радостно заорали примолкнувшие было в недоумении при словах насчет больше любви и меньше

сражений, пошел звон кубков, чаш и даже кружек, все с шумом садились, началось привычное хвастовство подвигами и мерянье титулами, а я наклонился к уху герцога и шепнул:

— Я отлучусь ненадолго.

Его супруга, Киринда Кнайтлинская, сказала с улыбкой с другой стороны:

— Обязательно возвращайтесь, дорогой принц!.. Наши женщины просто без ума от вас. И все хотят познакомиться поближе. Посмотрите вон на ту, в золотистом платье с пышными рукавами...

— Мишельлу Ансель? — спросил я.

Она довольно заулыбалась.

— Вижу, заметили... Красивая, настойчивая, из хорошей семьи. А вон Марго Генер, умная и блестательная, но и такая женственная, что даже я умиляюсь. Правда, она вроде бы замужем, но что-то я ее мужа ни разу не видела...

Я ответил изысканно:

— Ваша светлость, не до лядей пока что. Армия — еще та женщина, тоже требует внимания и ласки.

Ее супруг коротко усмехнулся, он и за обеденным столом сидит как за штабным, где расстелена карта.

— Дорогая, — сказал он с мягким укором, — успех у женщин имеет только тот, кто может без них обойтись.

Расточая улыбки и улыбочки, я выбрался из-за стола, что-то слишком много времени провожу за ним, а ведь в замке еще столько таких же никчемных дел, которыми тоже не стоит заниматься...

В соседнем зале смеха и громких голосов больше, здесь те, кто уже ушел из-за стола, там можно поговорить только с соседом справа или слева, а здесь

ходи по залу и выбирай для общения, флирта или ссоры.

Ко мне сразу стали поворачиваться, поздравлять, я улыбался и старался не вступать в разговоры, а сам пробирался к выходу.

Дальше холл и распахнутые в приятный вечерний полумрак двери. У выхода я заметил леди Гизеллу, одну из подруг хозяйки, хотя та ее и не назвала, — сейчас любуется небом, где начинают загораться первые звезды, сильная и решительная женщина с умным волевым лицом, твердым взглядом.

Да, все мужчины толпятся возле Марго Генер, что играет в восхитительную дурочку с широко распахнутыми глазами и приоткрытым в изумлении ртом, однако Богу Богову, а кесарю кесарево: леди Гизелла вполне довольна собой, а в мужском внимании, похоже, и не нуждается, что для меня самое то, когда можно показать себя всем как нормального самца, что не прочь, и в то же время не влезать в эти дурацкие игры.

Проходя мимо, я учтиво поклонился.

— Леди Гизелла... щас придумаю, какую бы банальность сморозить, которую вам говорят чаще всего... Ну-ка, ну-ка... ага, ах, как дивно смотрится на вас это платье!

Она иронически взглянула меня.

— Верно, это говорят чаще всего. Но вы сказали потому, что и сами ничего умнее придумать не могли?

— Умнее? — ужаснулся я. — Комplимент должен быть глуп и лжив, иначе какой он комплимент? Или скажем мягче, комплимент должен быть правдивее правды.

Она повторила в задумчивости:

— Правдивее правды... интересная формулировка.

— А как иначе? — спросил я. — Человек, который говорит то, что думает, — конченый человек; а человек, который думает то, что говорит, — законченный идиот.

В ее глазах появился слабый интерес.

— Вы странный человек... О вас идут самые разные слухи... А ну, дайте-ка мне свою руку...

— Что руку! — воскликнул я с готовностью. — Могу и сердце!.. Вот так, прям на ладони.

Голос ее стал отстраненным, она смотрела на меня, но мне казалось, что становлюсь прозрачным, а она рассматривает узоры на стене за моей спиной.

— Вы странный человек, — повторила она словно в забытьи, — да, странный... и у вас... Господи, что это?

Она попыталась отдернуть руку, но вместо этого вцепилась в мою кисть еще крепче. Глаза расширились в ужасе, а щеки начали быстро бледнеть.

— У вас... где у вас душа? — проговорила она с трудом. — Почему вместо нее... тьма?.. Что... как это вы... Нет-нет, это невозможно!.. У вас тьма, только тьма, ничего, кроме тьмы... Какая бездна тьмы... Туда падать вечность... Это Тьма!

Она пошатнулась, я с трудом сам высвободил свою ладонь, а ее подхватил, галантно обняв и отведя в сад к скамейке, увитой гирляндами цветов.

Там усадив, сам отодвинулся на целый ярд, чтобы не ужаснулась, увидев меня рядом. Она дико посмотрела в мою сторону, снова вздрогнула, на щеки начал возвращаться слабый румянец.

— Что... что было со мной?

— Солнечный удар, — сказал я с сочувствием. — Или звездный? Вы едва не потеряли сознание.

В ее глазах снова появился ужас.

— Нет, — прошептала она, — сознание я не теряла... Я видела настоящую Тьму, и теперь это видение будет преследовать меня всю жизнь. Кто вы, сэр Ричард? Вы не посланник Тьмы, вы сама Тьма!..

— Вы преувеличиваете, — ответил я негромко и косясь по сторонам, — какая там Тьма, до нее еще не дорос. Так, полумрак... приятный, знаете ли, полумрак, как бы начало сползания во тьму, но разве не все мы блуждаем в полумраке и вовсе не стремимся выйти на свет, даже когда нас к нему подталкивают?

— Нет, — прошептала она. — вы... Тьма. Вы забрали мою душу, я чувствую на ее месте щемящую пустоту... Верните мне ее! Зачем вам душа маленькой женщины?

— Леди Гизелла, — запротестовал я, — вы не правы, зачем мне ваша душа? Вот до ваших прелестей, которые угадываю под этими рюшечками и фижмочками, я бы не прочь добраться и хотя бы помять их в жадных ладонях...

Она покачала головой, услышав только «вы не правы», полузакрыла глаза, а я сказал тихонько:

— Отдыхайте... а я пойду, наверное, к священнику.

Она полузакрыла глаза, я тихо встал и пошел прочь, ну что за слон, куда ни влезу, там и сломаю, какого хрена вздумал говорить любезности? Мало ли что умею, мое ли это дело? Другое дело, какую-то пользу извлек бы, а то и не политик вроде...

Глава 7

За спиной послышались шаги, человек точно не крадется в ночи, а вот еще один, уже двое идут следом, затем я услышал строгий голос:

— Зигфрид, пароли менять трижды в сутки! С каждой сменой. Перед покоями будь осторожен в особенности.

Я остановился, развернулся к обоим.

— Норберт, ты совсем уж держимордишь. Зачем такие ненужные строгости?

Он взглянул на меня остро.

— Ненужные? Мы в чужом kraю, ваше высочество! А сейчас еще вы решили заночевать в чужом замке.

— Тут те же березы, — ответил я, — что и в Варт Генце, Армландии, и даже Сен-Мари. А про муравьев вообще молчу...

Из темноты неслышно вышел Альбрехт, он и обронил тихонько, словно бы размышлял вслух:

— А почему бы не объявить все земли, где живут муравьи, которым так покровительствует сэр Ричард, зоной наших интересов? С постепенным включением в гм... ну, не империю, а как бы вот мягше...

— Слюньте, — сказал я сердито. — Муравьи живут везде! А меня что-то не тянет во властелины мира.

— Вас и в принцы не тянуло, — заметил он.

Норберт сердито прервал:

— Граф, не отвлекайте! Вопросы о безопасности, а вы о всяком... Ваше высочество, есть косвенные сведения, что Мунтвигу служат и дебастры. Ну, служить не служат, а как-то помогают, а это совсем плохо.

— Что за дебастры? — спросил я.

Он тяжело вздохнул.

— Это то ли племя, то ли секта... О них почти ничего не известно, кроме того, что все живут в двух телах, а самые могучие — в трех.

— Ого, — сказал я ошаращенно. — Им хорошо в бою, верно? Двою дерутся, как один человек, прикрывая друг друга...

Он взглянул на меня искоса.

— Так вначале и было, а потом додумались использовать свои возможности иначе. Представляете, одно тело там, второе — здесь. И все, что видит у нас, одновременно видит и там, рядом с Мунтвигом. И рассказывает ему!

Я зябко поежился.

— Господи! Какие страсти рассказываешь...

— Такова жизнь, — сказал он серьезно. — Правда, их отличить довольно легко. Все у них как у людей, только зрачки вертикальной черточкой.

Я вздохнул с облегчением.

— Ну да, зрачки... Значит, за милю видно, так ведь? Точно, им близко не подойти. Норберт лютует!

Альбрехт сказал быстро:

— Да, я тоже слышал. У них еще одна особенность... когда одного убьешь, второй становится...

— Как все?

— Хуже, — сказал он с удовольствием. — Они так привыкают жить в двух телах, что когда остается одно, для них это такая потеря, что садись и волком вой! Они же тогда просто калеки. Многим вообще жизнь не мила. Говорят, даже со скал кидаются! Да еще вниз головой.

Норберт сказал сухо:

— Туда им и дорога. Я бы всех их туда побросал.

— Хорошая идея, — сказал я. — Назначаю тебя ответственным за чистку тех земель от... всего нехорошего. Разумеется, когда доберемся до того проклятого края.

Норберт вздохнул, перекрестился.

— Надеюсь, рука Господа приведет нас туда.

— А не приведет он, — уточнил Альбрехт, — то сэр Ричард приведет туда точно.

— Если не промахнется дверью в ад, — донесся голос.

Я огляделся, со мной только Норберт и Альбрехт, Зигфрид куда-то исчез, хотя чувствуя его присутствие.

Норберт произнес тихонько:

— Ваше высочество, я тут узнал совершенно случайно, что Зигфрид может... ну, без всяких амулетов... потому я попросил его сторожить вас почаще... в незримности, можно сказать, хоть это и не та незримость, но все-таки незримость... полезная для государства...

— Для государства?

Он напомнил:

— Вы как-то говорили, что государство — это вы!

— С ума сойти, — сказал я с досадой. — Кстати, умники мои, знатоки, вы всегда все про всех знаете, скажите-ка, что вам известно про леди Гизеллу?

Они в недоумении переглянулись. Норберт промолчал, Альбрехт переспросил:

— Леди Гизелла? При чем тут леди Гизелла?

— Да вот заинтересовала, — ответил я. — Может же меня заинтересовать женщина?

Он сказал с сомнением:

— Вообще-то может...

Я посмотрел на него зверем:

— На что намекаете?..

— Да я ничего, — ответил Альбрехт подчеркнуто испуганно, — ни на что... а вы на что подумали?

— Вы мне растерзм не присобачивайте, — сказал я с угрозой, — сюзерен должен быть безупречен и чист, аки вымытый голубь мира! Если не знаете, так и не увиливайте...

Альбрехт возразил:

— Она весьма приятная леди, что нас и удивило!..

С чего бы вы заинтересовались просто приятной жен-

щиной? Вы же герой, вам подавай необычное! Я, конечно, молчу, но я слышал, что в войске троллей, которое возглавляет Раster, у вас есть кровная родня...

— В духовном смысле! — перебил я, грозно повысив голос. — Сэр Дарабос, вы тоже знаете только то, что леди Гизелла приятная женщина?

Он кивнул.

— Да очень приятная, граф прав. Добавлю только, что она обычно держится замкнуто. И вовсе не потому, что у нее зеленые ногти на ногах, однако поговаривают, она удивительно хорошо разбирается в людях, что, как вы понимаете, никому не нравится. Но так это или нет, не знаю. Некоторые поговаривают, что связана с какой-то чертовщиной, но я не верю, она из очень приличной семьи. Хотя...

— Что «хотя»?

Он проговорил в задумчивости:

— По слухам, ее мать, а до нее и бабка умели видеть в человеке дурное и доброе. Но вы же знаете, чего только народ не наговорит, если только хоть чуть будете отличаться от них!

— Это верно, — сказал я, — спасибо, сэр Дарабос! Как обычно, вы знаете весьма, даже зело весьма. Черных крыльев у нее нет?

— Нет, — ответил он, — но на спине в районе лопаток, откуда росли бы крылья, по родинке. Очень похожие одна на другую...

— Спасибо, — повторил я горько. — Вот что значит репутация! И про родинки знаете... про другие места и спрашивать не решаюсь, но про вас никаких порочащих слухов! То ли их пресекаете, то ли носителей удушиваете, а вот про меня чего только не плетут, если это не козни нашего графа Альбрехта!.. Ладно, граф, я еще как-нибудь проведу с вами воспитательную беседу...

— Только не в пыточном подвале, — взмолился Альбрехт. — А пока, ваше высочество, не стойте так в ночи под факелом, очень уж хорошая мишень, а то и не доживете до счастливого момента, когда начнете с меня шкуру сдирать на свой личный барабан.

Мы вернулись в здание, они и на входе прикрывали меня телами, а я все думал, что Гизелла, скорее всего, как раз ничего и не увидела, как и другие не видели, это ее и ужаснуло. А тьма; ад и скрежетание зубов... это женские фантазии, хотя, конечно, каждый из нас носит ад и рай в себе. Хотя, может быть, она увидела Терроса?

В нижнем зале продолжается общий пир, но за столами народу все меньше, хотя многие возвращаются, но теперь больше ходят вдоль стен и между столами, весело переговариваясь, чем сидят.

Я заглянул внутрь, но входить не стал, не мое это дело — пить и говорить о подвигах.

У входа в зал стоит Зигфрид, рядом с ним двое из отряда Дарабоса, Норберт временно прислал их в помощь Зигфриду. Все трое весело чешут языками, довольные, сытые и уже чуточку пьяные, рассматривают всех бесцеремонно, довольно громко отпускают шуточки.

Сейчас они провожали хмельными взглядами одного из слуг, что с неловкостью несет поднос с блюдами через зал. Я видел, как они переглянулись, а Зигфрид сказал громко:

— Эй, Джон!..

Слуга оглянулся, Зигфрид сказал благожелательно:

— А почему не Клайнен?.. Тот носит половчее!
А тебе больше подходит быкам шеи ломать.

Слуга польщенно улыбнулся.

— Клайнен на кухне. Там много работы.

Зигфрид сказал с сочувствием:

— Это в зал лордам? Давай я отнесу сам. А то ты обязательно в дверях запнешься.

Слуга явно заколебался, но Зигфрид уже требовательно протянул руки, и он с неохотой передал ему поднос. Зигфрид принял, отступил на шаг, а один из стражей моментально ухватил ошеломленного слугу за руки.

Зигфрид приставил ему к горлу острие меча.

— Замри, как муха в янтаре!

Слуга застыл, на лице сперва недоумение, затем страх, но следом проявилось и нечто иное, из-за чего у меня по спине пробежала дрожь.

Зигфрид ударил его в затылок рукоятью меча. Тот охнул и обвис в руках стражей.

Его быстро поволокли в ближайшую комнату и захлопнули за собой двери.

— Что с ним? — спросил я.

— Это не Джон, — пояснил Зигфрид. Он кивком подозвал одного из пробегавших слуг, сунул в руки нагруженный поднос и взглядом отправил в зал. — Совсем не Джон.

— А кто?

— Попробуем выяснить, — ответил он сумрачно. — Гад, как близко подошел!.. А наши маги никак не научатся распознавать их издали. А священники так вообще...

Я спросил в недоумении:

— Но как распознали этого? Я ничего не заметил!

— Вы и не должны замечать слуг, — отпарировал он. — Это наше дело — наблюдать и замечать все странности. Джон носит поднос ловко, на одной ладони, красиво даже, а сейчас держал двумя руками. Когда я спросил, где Клейнен, он ответил, что тот

на кухне, но на самом деле никакого Клайнена здесь нет...

— Ловко, — сказал я. — Ты что, всех здесь знаешь?

— Работа такая, — ответил он.

Я вздохнул, в изумлении покачал головой.

— А кто был этот? Оборотень?.. Тогда его задержал бы священник у входа!

Он покачал головой.

— Нет, это человек, но продавший свою душу. Даже не душу, а позволивший кому-то, находящемуся очень далеко, овладеть на время своим телом и глазами.

— Значит, — сказал я, — это он сейчас только телом, но в нем сейчас кто-то другой?

— Был точно, — ответил он, — сейчас, возможно, уже оставил его тело. Говорят, колдуны хоть и не умирают, когда таких вот убивают, но им все равно больно.

Глава 8

В пыточный подвал Норберт просил не заходить, чтобы тот колдун, что в теле этого слуги, меня не слишком рассматривал, а то еще порчу наведет, кто их знает. Но через час примчался от него один из его людей и сказал, что теперь можно, уже проверили, колдун покинул его тело.

Я прошел в подвал, дивясь, как мои ребята все проделали так чисто, что герцог до сих пор не знает, что мы делаем в его замке. Едва открыл дверь, в лицо пахнуло запахом горелого мяса. Слуга висит в подвале, распятый на каменной стене, пальцы босых

ног сожжены на раскаленных углях, лицо перекошено страданием, из глаз катятся слезы.

В подвале Норберт и Зигфрид, а граф и остальные мои соратники сейчас, как я понимаю, отвлекают герцога и его людей от суровых бытовых проблем.

В моем сердце закопошилась жалость, я приблизился и всмотрелся в простое крестьянское лицо распятого.

— За какие блага, — спросил я с сочувствием, — ты позволил чужаку занять твое тело и распоряжаться им?

Он простонал слабо:

— Всего за десять золотых... Он поклялся, что займет всего на несколько часов... и ничего со мной не случится...

Норберт сказал хмуро:

— Сделка с противником — предательство...

Слуга прошептал:

— Он сказал, что хочет только рассмотреть, в такой ли роскоши живет Ричард, как его господин...

— Кто его господин?

— Он не говорил...

Зигфрид прорычал:

— Теперь давай подробно. Кто предложил такое? Когда?.. Сам ли он нашел такого или ты предложил?.. Сколько раз он уже входил в твое тело?

Слуга приняллся рассказывать, перемежая признание плачем и стонами. Я слушал, сам иногда задавал вопросы, картина вырисовывалась, с одной стороны, почти утешительная: заклятие это редкое, доступное только очень сильным магам, к тому же на этой стороне человек должен быть «подходящим», как я понимаю, восприимчивым; кроме того, против воли нельзя ни в кого вот так вломиться, человек должен сам желать этого и позволить чужому войти в себя

и завладеть всеми органами... С другой стороны, вот по этому дурню видно, что если он согласился отдать свое тело на время в аренду за десять золотых, то такие еще найдутся.

Он испустил дух тут же, в подвале. Слугам объявили, что оказался подкупленным людьми Мунтвига, но все уже решено, праздник продолжается.

Гордые своей бдительностью стражи с удвоенной подозрительностью всматривались в каждого допущенного в замок, а в зале продолжался пир, готовый растянуться до утра.

Я вернулся на свое место, небрежным тоном рассказал герцогу о пустячном инциденте, пусть лучше от меня узнает, чем кто-то переверт, предложил ему выпить за прекрасных дам в зале, и он постепенно успокоился, тем более что я весь из себя довольная безмятежность.

Его милая Киринда тут же снова начала показывать мне женщин в зале, называть имена и шепотом рассказывать, какая чем хороша: кто знатностью, кто богатством, а кто и очень важными связями.

Я сделал вид, что очень заинтересовался одной особой, Джейн Гилфорд, улыбнулся довольной герцогине и выбрался из-за стола.

У леди Джейн Гилфорд вид сонно-соблазняющий, она делает глазки несколько механически, улыбается как бы через силу, ужимки по соблазнению самца несколько упрощенные, без той отточенности и ложности, какими могут блистать женщины, когда делают это с воодушевлением.

Я подошел тихонько, она перевела взгляд на меня и в очередной раз поощряюще улыбнулась, но точно так, как улыбнулась до этого простенькому прыщавому рыцаренку, даже не верится, что тот уже не оруженосец.

— Леди Джейн, — сказал я понимающе, — как же вам все это осточертело...

— Ваше высочество?

— В самом деле, — пояснил я, — одно и то же, одно и то же... Все так примитивно.

Она взглянула несколько удивленно, но на моем лице сочувствие и полное понимание, она поколебалась и спросила:

— Вы о чем, ваше высочество?

— Да эта вот игра, — пояснил я и широко зевнул, — простите.

Она переспросила:

— За что?

Я взял ее под локоть и, чувствуя на спине взгляд герцогини, повел леди Джейн из зала.

— За зевок, — пояснил я и добавил: — У нас это считается непристойным, особенно если при даме. Но что делать, мне тоже скучно. Если очень хотите, то можем отойти в сад, заросли хоть и чисто символические, но...

Она сказала поспешно:

— Нет-нет, я не очень хочу. А если честно, то совсем не хочу. Но мы при дворе герцога, а здесь если не вести эти игры, то вроде бы и не женщина.

Мы вышли на широкое крыльце, воздух уже свежий, ночной, без примесей жареного мяса, пота, женских притираний, аромата воска...

— А мы, — сказал я с пониманием, — если не отвечаем моментально, то вроде и не мужчины. Хотя на самом деле это игры самцов и самок... вон, взгляните, как вон тот голубь пыжится и крутится перед той голубихой...

Какой-то прибитый голубь крутится недалеко от входа, совсем перепутал день и ночь, затем, явно уболтав, вскочил на самку и придавил ее к земле, рас-

пустив крылья и упираясь ими в землю для равновесия.

— Если есть желание... — сказал я.

Она покачала головой.

— Как-нибудь в другой раз. Вы, похоже, умный человек, ваше высочество?

— Умный? — оскорбился я. — Да я вообще самое то, чего и не отыскать больше! Я когда говорю, даже сам себя слушаю просто с наслаждением!

— Тогда я с вами пообщаюсь, — ответила она, — как-нибудь. А пока... если я правильно понимаю ваши нужды, то я советовала бы вам весьма настойчиво... да-да, в ваших интересах!.. обратить внимание на баронессу Марго Генер.

— Это кто? — спросил я.

Она мило улыбнулась.

— Не притворяйтесь, что не заметили ее. Ее все замечают, а ваши рыцари, изголодавшиеся по женской ласке в ваших жутких лагерях, просто пожирают ее глазами. Вот подойдите сюда... нет-нет, не надо меня лапать, смотрите вот в эту щель... Видите вон ту цветущую особу в голубом платье чистейшей невинности?

Она дала мне заглянуть в приоткрытую дверь, я пробормотал:

— Да, ее трудно не заметить. Но среди ее колец на пальцах самое крупное — обручальное...

— Пусть это вас не останавливает, — посоветовала она практически. — Ее супруг здесь отсутствует, вернется не раньше чем через неделю, а вы к тому времени будете уже далеко. Во-вторых, он не слишком ревнив, ибо и сам не раз бывал замечен... А в-третьих, сэр Ричард...

Она замолчала, глядя на меня спокойным взглядом настолько умной женщины, что ей, наверное, уже и жить не очень хочется.

— Ну-ну, — поторопил я.

Она произнесла негромко:

— Вы не замечаете, что женщины уже готовы ложиться не под вас, а под принца?

— Это и печалит, — ответил я честно. — Леди Джейн... у меня много друзей, все прекрасные люди: благородные, честные, отважные, преданные... но умных так мало! И я так страстно жалею, что вы здесь, а не в моей столице!

Она полюбопытствовала:

— А где у вас столица?

Я чуть не брякнул, что это Геннегау в Сен-Мари, но поперхнулся и остановился с вытаращенными глазами. А в самом деле, где теперь моя столица?

Она ждала некоторое время, я беспомощно развел руками, однако она произнесла с уважением:

— Все еще нет?.. Тогда у вас будет что-то необыкновенное!

— Ваши бы слова Богу в уши, — пробормотал я.

Баронесса Марго Генер, по словам леди Джейн, прибыла в гости к герцогу на вторые сутки, что означает моментально, едва услышала о приближении наших войск.

Я ее заметил еще в первые же часы, изысканно-аристократичную, молодую, но в расцвете женской красоты и обаяния, в платье с кружевным воротником стоймя, собранным в гармошку, что делает его похожим на огромную раковину, и потому все внимание сосредотачивается на том, что же в этой распахнутой раковине...

Я тоже посмотрел с великим удовольствием, не мог не посмотреть, там нежнейшая белоснежная кожа и два пышных и лакомых, как сдобные булочки, холмика, ухитрившихся наивно высунуться до половины так, что на обоих вырезах, как из-за края земли, уже видны алые округлости утреннего солнышка.

А юная баронесса делает вид, что не замечает, куда устремлены жадные мужские взгляды, воротник платья высокий, до затылка, и она вся из этой раковины, как драгоценная жемчужина...

Она тогда словно ощутила мой взгляд и повернулась, я едва успел отпрянуть за угол, хотя с чего бы, но ощущение такое, что подсматриваю, нехорошо, пусть она всего лишь мило щебетала с женщинами, а не ковырялась в носу, вытирая потом палец о платье подруги.

Но утром другого дня мое чувство опасности подвело или решило сделать подлянку: я шел, глубоко задумавшись, как после победы всех разом осчастливлю так, что запоют и запляшут, и вдруг едва не сшиб с ног молодую женщину, неизвестно как возникшую у меня прямо на пути.

Она испуганно вскрикнула, но так красиво и мелодично, что я, подозрительная скотина, которую из человека делает политика, сразу заподозрил, что все было подстроено.

— Ах, ваше высочество, — прощебетала она, упираясь обеими лапками мне в грудь, — как вы меня напугали!.. Я вся дрожу...

Я галантно придержал ее под спину, вроде бы поверили, что сейчас грохнется в обморок, а мне, чтобы облегчить ей дыхание, нужно будет расшнуровать корсет и сделать этот вот вырез платья, где так и тонет мой взгляд, еще... свободнее.

Свободу заключенным, пискнул во мне демократ, но я рыкнул державно, что пусть там сидят обе, а вслух произнес слышаво:

— Ох, леди, вы такая нежная и трепетная...

— Да-да, — подтвердила она охотно, — я все еще дрожу?

Я пощупал ее для правдивости ответа и подтвердил:

— Да, но это вас ничуть не портит!

И в доказательство, что она уже крепко стоит на своих ногах или что там у нее, у нынешних женщин с их волочащимися по полу платьями хрен поймешь, я придержал ее вытянутыми руками и отпустил.

На ее хорошеньком личике очень быстро отразилось и тут же исчезло разочарование моим неумением воспользоваться подвернувшимся случаем, но она тут же заулыбалась чисто и светленько, такая вся сдобная и милая.

— Ах, ваше высочество! Как все здорово!

— Чё? — спросил я и быстро бросил взгляд по сторонам, нет ли кого, кому я крайне срочно нужен. — Ага?

— Что вы здесь, — прощебетала она радостно, — что я здесь!.. И что я смотрю на вас с таким восторгом... и мне нравится на вас смотреть!... А вам?

— Ах, леди Марго, — сказал я так искренне, что почти сам себе поверил, — мне вот не только смотреть на вас нравится!

— Ой, — сказала она игриво, — а что еще?

— Да так вот, — сказал я, — хотелось бы вас помять в тяжелых нежных наших лапах...

— Ой, — сказала она снова вроде бы испуганно, однако придвигнулась ближе и взглянула снизу вверх блестящими от ожидания глазами. — Ой-ой...

Я тяжело вздохнул и сказал с тоской:

— Но как этот чертов герцог Мидль мне всю малину портит!..

Она непонимающе скосила глаза на свой вырез платья, что послушно приспустился еще ниже, открывая две спелые ягоды малины.

— Ваше высочество?

— Да-да, — сказал я с тоской, — он, все он, всюду он... Леди, умоляю, вы должны его соблазнить, и тогда я позволю себе наконец-то увлечь вас в свою постель, о чем мечтаю с детства, и утолить свою дикую страсть, накопившуюся с тех времен!.. Да-да, вы помните его, такой высокий, красивый, интеллигентный...

Она сделала большие глаза.

— А... он... при чем?

— У нас одна жена на двоих, — объяснил я с горечью. — Ну, знаете ли, у короля Найтингейла только одна дочь, а претендентов много, ясно?

Она спросила с недоверием:

— Выдал ее сразу за двоих?..

— Не сразу, — уточнил я, — а по очереди. Может быть, еще за кого выдаст, это же король, для него важнее всего политические связи, стабильность в королевстве и на международном уровне! Прежде всего, с соседями.

Она воскликнула в восторге:

— Ой, как же ей повезло! И я так хочу. Очень хочу!

— Баронесса, — сказал я задумчиво, — гм... не знаю, пока ничего не обещаю, но при случае могу намекнуть кому-нибудь из заинтересованных... или кто может заинтересоваться. А пока вы сами должны заинтересовать меня... Нет-нет, пока не раздевайтесь! А то подумаю, что вы просто женщина.

Она сказала в испуге:

— Нет-нет, я умненькая. Правда! Значит, сэр Мидль придает устойчивости внутри королевства, а вы обеспечиваете стабильность за его пределами?

— Умница, — сказал я, — нет-нет, не раздевайтесь.. Сперва изнасилуйте Мидля. Потом можете сразу ко мне.

Она спросила таинственно:

— Вы так... и с общей женой?

— Я ж говорю, вы умница.

— А вы хитренъкий, — обвинила она, — хотите пользоваться уже разогретенькой!

— Конечно, — признался я, — хитрость необходима. Я не могу допустить, что я изменю Франке и тем самым стану хуже Мидля. А так мы снова будем на равных.

Она возвела очи к потолку.

— Ох уж эта мужская логика! А еще смеетесь над женской. Хорошо, сэр Ричард, я все сделаю.

Глава 9

Народ отдыхает и запасается провизией, я провел короткий брифинг, и, едва военачальники покинули комнату, вошел Хреймдар, поклонился подчеркнуто уважительно.

— Хреймдар, — сказал я. — Какими судьбами? Так давно тебя не видел, что уже решил... гм..

— Вы еще помните мое имя? — спросил он вежливо. — И что вы решили?

— Что ты уже дома, — сообщил я. — В смысле далеко отсюда.

— Нет уж, — ответил он, — я пришел напомнить вам о вашем обещании.

— Обещаний? — спросил я. — Вообще-то я никаких обещаний не давал! И не даю. Я человек осторожный. А какое?

— Вы проедете прямо, — напомнил он, — или рядом с Зачарованным Плато. Помните, я только ради него и пошел с вами.

— И что? — спросил я. — Мы уже на нем?

— Нет, — ответил он, — но совсем рядом. Отсюда можно видеть зарево. Это прямо над ним.

— Не пойду, — сказал я, — и вообще ничего не помню. Тут великая и священная война идет, причем — с обеих сторон благородная и священная, а это значит — кровавая и бескомпромиссная, а ты о какой-то науке, что пока еще одно мракобесие и отрыжка рабовладельческого строя! Ну, пусть раннефеодального.

Он тяжело вздохнул, развел руками.

— Что ж, схожу сам. Тогда я прощаюсь, ваше высочество!

Он направился к двери, я крикнул вдогонку:

— Молодец! И сам справишься. А что тебе так восхотелось именно туда? Этих Зачарованных мест по всем королевствам больше, чем болот, а то и лягушек в тех болотах. Мы же наверняка прошли мимо всяких и разных!

Он огляделся, понизил голос:

— Теперь у меня есть ключ... Именно от сокровищницы, что спрятана именно там.

— Ого, — сказал я невольно. — Здорово... Впрочем, пойти и мне, что ли... А то тут одни бабы, а там деньги... Добычу разделим поровну или по-братски?

Он сказал испуганно:

— Нет-нет, лучше поровну!

— Эх, — сказал я с неудовольствием, — чувствуется, что не христианин! А мы вот всегда по-братски.

— Лучше поровну, — повторил он просительно, — ваше высочество.

Норберт и Зигфрид протестовали и требовали, чтобы я взял с собой охрану, я возразил, что в замке я в большей опасности, а вне его ищи ветра в поле.

— Я ненадолго, — заверил я. — Хреймдар! Покажи, как твой конь скачет!

— Если ваше высочество изволит...

— Изволю, — сказал я.

Он наклонился к уху своего коня и что-то шепнул. Тот тряхнул головой, как Бобик, оглянулся в мою сторону и посмотрел до жути осмысленным взглядом.

Хреймдар оскалил зубы в веселой усмешке, а как только ворота распахнулись перед нами, его конь рванулся с такой скоростью, что я охнул и крикнул Зайчику:

— Только не отставай!

Арбогастр набрал скорость, я поравнялся с Хеймдаром и увидел, что он поглядывает на меня с таким же удивлением, как и я смотрел на него.

— Хороший конь! — крикнул я навстречу ветру.

— У вас не хуже, — ответил он громко. — Даже лучше!

— Где берут таких коней? — крикнул я. — Мне нужны для гонцов!

— Это непросто, — ответил он и начал придерживать коня, впереди выжженная земля, ручьи мне показались наполненными кровью, но это всего лишь расплавленная лава.

Бобик помчался было вперед, но оглянулся и замер, на этот раз предпочтя, чтобы вперед пошли

мы. Конь Хреймдара довольно бодро идет рядом с арбогастром, а когда я послал Зайчика в карьер, не отставал, хотя я видел, что старается держаться рядом изо всех сил. Есть такие гордые кони, настолько уверены в своей лучшести, обычно — оправданной, что лучше умрут, чем позволят себя обогнать.

Бобик держится сзади, уже понял, что гусей тут не наловишь. Воздух становился все жарче, ветер то и дело приносит серый пепел, тут же рассыпавшийся в мелкую пыль. Небо затянули черные тучи, но не грозовые, хотя там время от времени и вспыхивает мрачное зарево, я не сразу сообразил, что это отблески адского огня на том самом Зачарованном Плато.

Вскоре жар стал ощутимее, а земля под нами со всем черная, обугленная, временами отчетливо опаленная, будто близко к поверхности текут огненные ручьи.

— Как твой конь? — спросил я.

Хреймдар понял, ответил с затаенной гордостью:

— Защищен. Даже подковы из особого металла. Адамантит! Его добывают из падающих с неба камней. Не расплавляется, даже когда пойдем по горячим углям.

— Твоего коня не жалко, — ответил я, — а как мы?

— Потерпим, — ответил он, но голос прозвучал не очень уверенно. — Но как собачка?

— Вернется, — заверил я, — если припечет слишком уж сильно. Но она какая-то не слишком чувствительная.

— В хозяина, — согласился он, но я что-то не услышал в его ироническом голосе заслуженной похвалы.

Сухой воздух становился все отчетливее, каменное плато впереди резко пошло под уклон, я охнул, даль-

ше земля иссиня-черная, а по ней бегут оранжевые ручьи раскаленной лавы, а кое-где и небольшие реки. Поверхность неровная, много неопрятных скал, все с заостренными вершинками, похожими на исполинские зубы.

Из трещин поднимается черный дым, но чаще не поднимается, а выстреливается узкими струями, вздымаясь довольно высоко, а уже там рассеиваясь в неопрятный туман.

Из озера расплавленной лавы, где мы осторожно проезжаем по берегу, поднялась темная и почти человеческая рука, только ослепительно-красная. Скрюченные пальцы стискивают крупный огненный шар размером с большое яблоко, а когда я начал присматриваться, чуть-чуть приглашающе разжались.

Хреймдар покосился на это чудо с неудовольствием

— Ну вот, снова..

— Что это? — спросил я.

— Не знаю, — ответил он угрюмо. — Говорят, нечто магическое и очень мощное.

— Готов поверить, — пробормотал я.

— По слухам, — сказал он нехотя, — тот, кто возьмет, станет... даже не знаю. Одни говорят, что лучшим в мире бойцом, другие — что обретет неслыханное богатство, третьи — что женится на самой красивой принцессе...

— Ага, — сказал я, — Понятно. Поехали, что-то твой конь совсем заснул?

Он спросил с надеждой:

— А вы не хотите попробовать?

— А что, — спросил я, — никто не рискнул?

Он вытаращил глаза.

— Как это? Да каждый пытался!. Это ж задаром такое счастье получить, такое могущество!..

— И что?

Он тяжело вздохнул.

— Говорят, рука отдаст этот шар только достойному. Многие пытались, но так и не смогли разжать эти пальцы. А кому-то сама вот так возьмет и даст!

— А потом догонит и еще раз даст?

Он посмотрел с укором.

— Ваше высочество! Ну как она может догнать?

— В самом деле, — согласился я. — Ладно, поехали. Я не чувствую себя достойным, скажем так. Скромный я до неприличия.

Он посмотрел с укором.

— А вам откуда знать? А вдруг...

— Вот именно, — сказал я раздраженно, — а вдруг? Вдруг отдаст? А-а-а, не понимаешь. За все надо платить — это первое. Получу этот шар, а мне за это надо будет отныне сморкаться только правой ноздрей, к примеру. Да и вообще... понимаешь, ничем мне такая штука не поможет. Мне нужно флот строить, а при чем тут лучший боец? Или принцесса, что моет мне ноги?..

— А богатство? — спросил он.

— Любое богатство, — сказал я снисходительно, — капля в сравнении с тем, что уже получаю в виде налогов. Это настолько много, что я уже и забыл, что всякие там закопанные клады и так могу видеть в земле... В общем, это приманки для того Ричарда, каким я был здесь в самом начале. А сейчас перерос давно. Сам не знаю даже, чем себе, такой свинье привередливой, угодить!

Хреймдар некоторое время ехал молча, затем резко остановил коня. Лицо побледнело, вытянулось.

— Не люблю, — проговорил он стиснутым голосом, — когда что-то не совпадает с описанием... Ваше

высочество, вот отсюда вы должны ехать только за мной! И собачке велите держаться сзади меня.

— А как же мое достоинство прынца? — осведомился я.

Он отмахнулся.

— Это вы все шутить изволите?

— Ну, как бы положено...

— Это как бы мужественно, — согласился он, — презрение к опасности, но еще с десяток шагов прямо... и превратитесь в живой студень.

— Хорошо-хорошо, — сказал я, — веди, Моисей... Или Сусанин? Ладно, это я тоже шую, на самом деле ты больше похож на Вергилия, когда тот вел Данте-са... или уже графа Монте-Кристо?

Бобик выслушал и мирно пошел рядом с арбогастром. Мы прошли шагом, а потом рысью с четверть мили, затем Хреймдар резко свернул под углом градусов в сорок пять и послал коня в резвый галоп.

Я догнал, крикнул:

— А сейчас?

— Стали бы горгульями, — прокричал он через плечо. — Это проклятая земля!.. Все, кто вступает на нее, превращаются в живой студень, в оборотней, горгулий, гигантских волков и вообще во всякую нечисть.

— А как идем мы?

— Наугад, — ответил он злорадно.

— Сплюньте!

— Я добыл секретную карту, — сообщил он, — с тайной тропой.

— Смотри, — предостерег я, — не обманули бы продавцы. Теперь столько всякого жулья...

Он остановил коня, оглянулся, лицо сразу посерело, а глаза стали отчаянными.

— Ваше высочество?

— Да это я так, — ответил я с неловкостью, — пошутил как бы.

Он сказал дрожащим голосом:

— Да я теперь и с места не сдвинусь!

— Двум смертям не бывать, — сказал я лихо, — а одной все равно не миновать! Поехали!

Ободренным таким каннибальским способом, он тронул коня, мы снова двинулись осторожной рысью.

В стороне из обугленной земли показалась огромная голова, торчащая жутко и страшно с двумя огромными сяжками, растопыренными вверх и в стороны.

Я напрягся, лук Арианта уже в руках, но Бобик и Хреймдар ничуть не обеспокоились, хотя тоже узрели. Я всмотрелся и понял, что там всего лишь огромный, гладкий, как исполинское яйцо, валун, а в него сверху воткнуты под небольшим углом два меча.

— Что-то новенькое, — пробормотал я.

— Ваше высочество? — спросил он.

— Да, — сказал я. — Обычно я встречал по одному. Все ждут своих Артуров. А здесь впервые два.

— Наверное, вас ждут, — ответил он. — Не хотите попытаться? В пророчестве сказано, что выташивший из камня оба станет властелином мира.

Мечи всажены в камень безжалостной рукой до середины лезвия; те отливают благородной голубизной, рукояти отделаны золотом, в навершии одинаковые рубины. Вообще оба меча как близнецы и братья.

Я покачал головой.

— Предпочитаю в другой руке держать щит.

Он посмотрел на меня внимательно.

— Мне чудится, вы умеете сражаться и двумя мечами.

— Я много чего могу, — огрызнулся я, — надо ли ловить человека на постыдном?

— Так не рискнете?

Я покачал головой.

— Попадутся хорошие доспехи, еще подумаю, брать ли. А оружием у меня все стены завешаны. Простым, героическим, эпиком, легендарным, мифическим...

Он посмотрел с удивлением.

— Но... почему не взять?

— Слишком просто, — буркнул я. — Сатана, стремясь нагадить человеку, везде раскладывает эти... отравленные приманки. Когда мы, благодаря таким мечам, с радостью развязываем новые кровопролитные войны, думаете, он не радуется и не тычет Господу в глаза такой нашей дурью, жестокостью и кровожадностью? И Господу стыдно за нас.

Он подумал, кивнул несколько замедленно.

— Значит, доспехи?

— Это всего лишь защита, — сказал я, оправдываясь.

— Попадутся, — пробормотал он, — если... доберемся до нужного места. И конечно, если я прочел все верно.

Я сказал с подозрением:

— Наверное, прочел верно, если раньше меня понял, что это мечи, а не рога пьяного дьявола... Взгляни, это оно?

Он посмотрел в ту сторону, протер глаза, снова взглянул, помотал головой, наконец сказал с досадой:

— У вас глаза лучше. Я ничего не вижу, но там в самом деле должен быть вход в сокровищницу.

— Сокровищницу, — повторил я. — Это хорошо, люблю сокровища. Хотя я сам вообще-то еще то сокровище...

Там, куда я указывал, среди нагромождения скал мрачно высится небольшая квадратная крепость, что

кажется сплошным монолитом, а над ней вздымается высокая башня, похожая на устремленный к небу каменный меч.

Явно башня мага, сильного мага, и вовсе не потому, что в основании полыхает адское пламя, а в центре каменного меча отверстие, похожее на гигантский огненный глаз, там тоже дикий жар, даже края каменной башни побагровели, раскалившись. Башня мага потому, что на сотни миль ни одной живой души, только черные, выжженные диким жаром камни, а только маг может сам создавать себе еду и питье там, в этом жутком жилище...

Вскоре и Хреймдар ее увидел, мы еще немного попетляли, чем ближе к башне — тем сворачивать приходилось чаще, наконец выехали на втоптанную в горящую землю дорожку из темных плит.

— Там у входа каменный монстр, — предупредил Хреймдар вздрагивающим голосом. — Надо успеть...

— Что?

— Зачаровать, — объяснил он. — Зато потом он может ответить на любые вопросы.

— Ага, — сказал яsarкастически, — на любые, ну да.

Крепость на самом деле мелковата, это на расстоянии кажется в этом аду большой, а на самом деле просто приземистое строение из массивных глыб. Вместо двери или ворот черный вход, словно в древний мавзолей, а по бокам два каменных чудовища, похожи на львов, только на спине крылья, а из хребтов торчат невысокие гребни, как у кистеперых рыб.

Хреймдар сказал напряженным голосом:

— Коней придется оставить здесь...

— Да ну? — изумился я.

Он первым соскочил на землю и пошел в сторону входа, таща за собой в поводу упирающегося коня.

Бобик остался рядом с арбогастром, но шерсть на нем поднялась, а зубы оскалил.

Одно из каменных чудовищ шевельнулось. Я инстинктивно ждал, что рассыплется, но нет, под каменной шкурой прокатились шары мышц, он достаточно легко повернулся в нашу сторону.

Глава 10

Я с содроганием смотрел на страшную пасть. Если сама голова из гранита, то зубы наверняка из адаманта. Выпуклые глаза зажглись багровым, он начал подбирать лапы под себя, готовясь к прыжку.

— Именем Аварина Вопрошающего, — произнес Хреймдар строго. — Слушай и повинуйся, вот знак, который ты признаешь.

Он выставил перед собой амулет. Мне показалось, что каменный зверь пытается отвернуть голову, но взглянул против воли, и сразу яркий пурпур в глазах сменился багровостью, а затем глаза стали агатово-черными.

— Слушаю и повинуюсь, — разочарованно прорычал он тяжелым и раскатистым, как далекий гром, голосом.

— Нам нужно войти внутрь, — сказал Хреймдар, — какие там ловушки?

— Не знаю, — прорычал монстр.

— Не знаешь? — изумился Хреймдар. — Ты должен знать здесь все!

— Я знаю все важное, — рыкнул зверь. — А что и как делают каменщики... эти мелочи не для меня.

Я приблизился, Зайчик спокойно идет сзади, я взял повод из вздрагивающей руки Хреймдара и привязал его к седлу арбогастра.

— Эстет, — пробормотал я. — Хреймдар, спрашивай свои важные. Я вообще-то умею видеть ловушки, как магические, так и простые... Я же сам человек простой, у меня и способности такие же.

Он посмотрел на меня косо.

— А вы сами спросить ничего не хотите?

Я фыркнул:

— А что оно может? Эй, силиконовый мудрец, где сейчас солнце?

Зверь посмотрел на меня с удивлением, мол, чего спрашивать такие пустяки, которые знает каждый ребенок.

— Во внутреннем крае пояса Ориона, — ответил он с пренебрежением, — между рукавом Персея и рукавом Стрельца в местном межзвездном облаке, там чуть повышенена плотность. А то облако находится в местном пузыре, зоне рассеянного высокотемпературного межзвездного газа...

Хреймдар застыл с раскрытым ртом, не понимая ни слова, а я сказал покровительно:

— Ух ты, еще помнишь, чудовище... Да, все так, я там бывал, как щас помню... Хреймдар, не спи!

Хреймдар очнулся, спросил слабым голосом:

— Как открыть двери в сокровищницу?

— Я не отвечаю на вопросы, — сообщил зверь, — которые касаются внутренних помещений.

Хреймдар понурился, а я сказал одобрительно:

— Еще бы! Кто же такого осведомителя выставит на улицу и позволит всем задавать вопросы?

Хреймдар сказал слабым голосом:

— Это не улица. Здесь был огромный храм, куда могли входить только особо посвященные. А то, что мы с вами называем храмом, это только одно уцелевшее крохотное помещение под землей...

— Я ничего так не называю, — буркнул я. — И ради одного крохотного помещения, да еще и под землей, ты осмелился потревожить самого как бы прынца?

Он поморщился.

— Да какой вы принц, ваше высочество? Вы и королем таким же будете.

Я повернулся к Бобику и нашим коням.

— Оставайся, морда, здесь. Думаю, мы недолго. Береги Зайчика, а то он что-то печальный. И не дразни его, он обидчивый.

Бобик повилял задом, уверяя, что да, дождутся, только чтоб мы поторопились, одна нога здесь, другая там.

Я не понял, комплимент это или что-то еще неизвестно вычурное, прошел мимо каменного монстра к черному входу. Вроде бы ничего, с первых шагов никаких ловушек, да и странно ждать, что существа, знающие, где находится Солнце, будут предусматривать сложные механизмы, приводящие в действие сдвигающиеся стены, проваливающийся пол или подобную примитивную дурь.

Подошвы мои медленно ступают на матово-темные плиты, чуточку шероховатые, понятно, чтоб не скользило, сопливых везде хватает. Стены тоже темные. Хреймдар за спиной начал натыкаться на стены, я вспомнил, что у него глаза как глаза, а не гляделки, как у меня, сотворил шарик света и послал впереди нас.

Ход недолго шел по прямой, вскоре сменился ступеньками, на удивление новенькими, то ли по ним никто не ходил, то ли, что многое вероятнее, самовосстанавливаются, только не стоит говорить Хреймдару, что это обычное дело, никакой магии.

Очень скоро ход уперся в массивную дверь, от косяка и до косяка, а также сверху и донизу расчерченную замысловатыми геометрическими фигурами, в основном из прямых линий разной длины и углубленности в странный материал двери, что не дерево и не металл, но и на камень тоже походит мало.

Хреймдар вытащил из-за пазухи листок бумаги, развернул и начал, посапывая, водить там пальцем, а я с тоской всмотрелся в непонятный рисунок. Из всех геометрий помню только пифагоровы штаны, что во все стороны равны, но здесь такое нагромождение, что покрутил головой.

— Кто рисовал?.. Какие существа?

Хреймдар оглянулся с удивлением.

— Человек, конечно.

— Почему конечно?

Он ответил, уже не поворачивая головы:

— А для вас новость, что человек — единственное существо, способное рисовать прямые линии?

— Что, — спросил я с недоверием, — даже эльфы не могут?

— Даже эльфы, — подтвердил он. — Надеюсь, про троллей спрашивать не станете?

— Нет, — ответил я. — Теперь уже и сам сомневаюсь, что смогу эту самую прямую...

— Возможно, — произнес он отстраненно, — вы в некотором смысле тролль... Ура, получилось!

Надсадно заскрипело, дверь пошла в сторону, нещадно перетирая в пыль крупнозернистый песок, занесенный ветром.

Открылся темный и низкий проход, настолько узкий, что двигаться можно только по одному. Воздух пошел навстречу холодный, а бы даже сказал, могильный.

Хреймдар зябко повел плечами.

— Ты не против, — сказал я бодро, — пойти первым?

Он испуганно дернулся.

— Конечно, против!

Я подбадривающе похлопал его по плечу.

— Тогда будешь совсем героем!

Он вздохнул и с обреченным видом шагнул в проем. Я пошел следом, там впереди новая дверь, словно здесь шлюзовая система, и снова множество значков, где никакой системы: математические и астрологические символы вперемежку, а еще вообще непонятное, что больше всего похоже на иероглифы, но слишком стилизованные, словно абстрактные рисунки.

Я всматривался, старался найти взаимосвязь, Хреймдар что-то спросил тихонько, я пробормотал:

— В человеке больше двухсот костей, а мышц около пятисот, зато у кузнечика девятьсот, а у гусениц, подумать только, больше четырех тысяч!.. Таракан живет без еды девять дней, а потом умирает от голода...

Он спросил в недоумении:

— Чего-чего?

Я оторвался от созерцания головоломки, взглянул затуманнымыми глазами.

— Что?.. Ах да, это... Зачем я вам рассказываю?.. Как вспомню, так скажу.

Он сказал в благоговейном экстазе:

— Вы знаете такие сложности!.. У кузнечика девятьсот мышц? С ума сойти... Это же такие сокровенные знания!

— А что толку, — сказал я тоскливо, — я такой хрени знаю на сто томов!

— Это не хренъ, — сказал он твердо, — это великие знания. Нужно только правильно ими распорядиться. И ваша мощь будет неизмерима!

— Дарю, — сказал я щедро. — А вот тебе еще: кальция и фосфора в каждом человеке по четыре фунта, калия, серы, натрия, хлора — считаные щепотки, железа... и на ложку не хватит, но есть, есть... бабочки пробуют еду ногами...

Он прошептал:

— Ваше высочество, это остатки величайших знаний, которые можно использовать в магических формулках!

— Дарю, — повторил я. — Знаешь, мне кажется, нас заманили в ловушку.

— Кто?

— Не знаю. Наверное, этот кто-то попытается нас убить. А мы вывернемся и сделаем все наоборот.

— А шансы есть?

— Нет, конечно! — ответил я с удивлением. — Откуда им взяться?

Он буркнул:

— Ну спасибо...

— Шансы нужно создавать самим, — пояснил я.

Дверь дрогнула и отъехала в сторону. Хреймдар вытаращил на меня глаза.

— Как вы это сделали?

— Я думал, это ты...

Он покачал головой.

— Н-нет, я даже не представляю..

— Значит, — сказал я, — это кто-то снизу. Например, огнедышащий дракон, что ждет нас, чтобы поджарить себе на обед.

Хреймдар взглянул в темный проход за дверью, сам потемнел, словно вступил в густую тень.

— Что-то у меня снова падает настроение.

Я принюхался, пахнет горелым, хотя чему там гореть, неужели угольные пласти тлеют, повернулся к Хреймдару.

— Ладно, теперь топай сзади.
— Ну, сзади я еще кое-как смогу.

Некоторое время двигались молча и сосредоточенно, потом за спиной испуганно охнуло, и сразу же вся пещера, через которую пробираемся, озарилась зловеще-красным огнем.

Я торопливо оглянулся — в сотне шагов позади из стены выдвинулась багрово-оранжевая фигура обнаженной и горящей пурпурным огнем женщины. Лица в подробностях не рассмотреть, только оранжевые глаза на багровом лице, правильный нос и полные губы, волосы собраны пучком кверху, от них поднимается рой искр, очень красиво очерчены линии геометрически округлых грудей, широкие спортивные плечи и узкая в поясе, хорошие бедра и длинные изящные ноги...

Хреймдар прошептал в испуге:

— Фея Огня!.. Но почему она здесь...
— Что, — спросил я, — пожар устроит?
Он потряс головой.

— Нет... Да перестаньте пялиться на нее так откровенно! Она благородная фея, плохих манер не терпит!

— Если мужчина смотрит с восторгом, — пробормотал я, — всякая женщина такое стерпит, и еще как стерпит... А что, если не пожар?

Фея медленно плыла через пещеру наискось, совершенно не обращая внимания на двух человечков, хотя однажды я встретил взгляд ее огненных глаз и постарался смотреть особенно восторженно и ошеломленно ее дивной и огненной красотой.

Хреймдар прошептал:

— Она появляется в пожарах, но не она их вызывает! Просто ей нравится огонь, она получает от

него силу. Бывает, когда голодна или устала, вбирает в себя лесной пожар целыми милями!

— Ого, — сказал я с уважением. — Значит, даже тушит?

— В некоторых случаях, — уточнил он.

— С паршивой козы хоть шерсти клок, — сказал я. — Ее как зовут?

— Ваше высочество, — воскликнул он шокированно, — мы идем к великим тайнам, а вы все о женщинах!

— Я бы предпочел идти к великим разгадкам, — пробормотал я, — и к великим свершениям, а с феей... гм, это так, на будущее. Кто знает, где мы можем оказаться полезными друг другу?

Фея задела на своем прямом пути стену, легко вошла в нее и некоторое время двигалась так, постепенно исчезая в ней. В последний момент еще раз посмотрела на меня, я увидел на ее губах улыбку.

Хреймдар охнулся:

— Ваше высочество! Даже не знаю, поздравить вас или принести соболезнования.

— В чем дело?

— Это же Фея Огня!

— Да, — признал я, — это весьма горячая женщина...

— Это не женщина! — воскликнул он. — Это... это элементаль!

— А-а, — сказал я разочарованно, — ну, элементали меня интересовать не должны, я христианин и рыцарь. Хотя... когда этот элементаль в таком виде, можно сделать себе некоторую поблажку. Совсем небольшую, я же понимаю, что это нарушение, но если небольшое, то...

Воздух, как ни странно, все еще холодный, хотя иногда чувствую в нем легкий запах не только гари,

но и чего-то тревожного, опасного, громадного. На ходу перешел на запаховое, голова сразу закружилась, все чувства как сошли с ума, ошелев от неожиданности, когда вместо привычных визуальных образов приходится получать, обрабатывать и перекодировать в нечто хотя бы слабо понимаемое.

Прежний мир исчез, только под ногами твердь, которой не вижу, а только чувствую, да еще ладонь упирается в нечто солидное...

Издали донесся встревоженный голос:

— Ваше высочество... с вами все в порядке?

— Голова закружилась, — пробормотал я. — Видно, съел что-то. Сейчас пройдет, погоди...

Запаховое зрение упиралось и не хотело перекодироваться в примитивное визуальное, наконец я увидел в дико ярком цветном мире огненные полосы, поднимающиеся снизу из прохода, куда, как понимаю, идем, там эти полосы еще отчетливее, уже различаю оттенки, можно бы уловить и побольше, но этот неистовый жар гасит, подавляет все остальное.

Я тряхнул головой, закрыл и открыл глаза, заставив себя усилием воли вернуться к обычному зрению. Красочный мир запахов исчез, оставив тягостное чувство утраты, зато я различил встревоженное лицо Хреймдара.

— Все прошло, — сказал я хрипло. — Но... там внизу опасность. Нам точно туда?

Он покачал головой.

— Нет, нам сейчас налево. Но если там опасность, нас найдут! Кто там?

— Не понял, — ответил я честно. — Сказал бы даже, что огнедышащий дракон, но откуда ему взяться в подземелье?.. Другое дело, в небе...

Он спросил настороженно:

— А почему нельзя в подземелье?

— Ну, — сказал я, — сперва же крылья отрастают, а только через семь лет после этого развивается огненное нутро. А как он там с крыльями? У него же крылья в растопырке чуть ли не на милю!

— Могли отвалиться, — предположил он. — Или крысы отгрызли. Или вообще... ну, порода такая!

Я прислушался, сказал трезво:

— Стой здесь. Я пойду вниз, посмотрю, что это за. Если что, кричи «караул» погромче.

— О, — заверил он бодро, — это я умею!

Я не стал запускать шарик света, мне и так видно, а яркие краски ни к чему, не художник, и слава Богу, а то бы уже серьгами в ушах и кольцами в носу звенел, как эти, которые.

Дорога вниз то вела ухоженными ступеньками, то они оказывались заваленными глыбами камней, упавшими сверху и вывалившимися из стен, но дальше, к счастью, пошли крепкие стойки, упертые в темный свод, а проход расширился так, что могла маршировать армия.

Стены сохранили следы кирок, в одном месте нашел молот со сломанной ручкой и затупившееся зубило. Подпорки удерживают кровлю до сих пор, но, судя по заброшенности, здесь выбрали всю ценную руду и удалились, также не видно никаких следов поспешной эвакуации или бегства.

Глава 11

Я опускался из пещеры в пещеру, запах гари все отчетливее и сильнее. Однажды я остановился и снова перешел на запаховое. На этот раз переключение произошло в считанные мгновения, в разноцветном мире

увидел струи огня и смутный образ чего-то громадного, раскаленного, опасного...

— Да чтобы ты сдох, — пробормотал я, — как нет украденной принцессы, так и драконоборцев нет?

В холодном воздухе горячие струйки стали заметнее, я услышал тяжелое и такое мощное дыхание, словно дышит сама гора, осторожно выдвинулся и выглянул за край выступа.

На том конце пещеры лежит на брюхе громадная ящерица, массой в стадо слонов, но вытянутая, как крокодил, только морда короче, зато зубы такие, что торчат из закрытой пасти, как длинные кинжалы.

Он открыл один глаз и, я не успел отодвинуться, увидел меня, рывком поднял голову. Я охнулся, сердце заколотилось, начал отступать раньше, чем пришла идея вступить в переговоры о взаимоненападении, торговом сотрудничестве и культурном обмене базовыми ценностями.

Донесся тяжелый вздох, накатилась волна нечистого воздуха, — я понял, что дракон поднялся на лапы. Пол дрогнул — ага, чудовище пошло проверить, кто там нагло выглядывал из-за угла в его суверенной пещере.

Я поспешил карабкаться обратно, из пещеры в пещеру бежать легко, но наверх взбираться трудно. Внезапно все озарилось багровым, а в спину толкнула тугая волна горячего воздуха.

Гад, мелькнула мысль, он здесь бегает быстрее, сволочь хвостатая.

Он быстро сокращал расстояние. Я вбежал в пещеру, где древние рудокопы что-то добывали, и понесся через нее, на ходу с силой ударяя кулаками в подпорки.

Некоторые устояли, но большинство падало, я услышал, как начинает трещать каменная кровля. В спи-

ну ударила вторая волна, воздух уже не горячий, а палящий, в следующий раз точно подпалит мои штаны...

Я выбежал в следующую пещеру по ступенькам, а за спиной раздался тяжелый грохот, затем раздраженный рев, когда падающие камни били по голове и лапам. Затем рев превратился в рык разъяренного зверя, но грохот усиливался, и наконец рев перешел в хрип умирающего чудовища.

Поднявшись еще на пролет, я увидел бледного Хреймдара. Он бросился навстречу.

— Ваше высочество! Что стряслось?

Я отмахнулся, тяжело дыша.

— Пустяки... Фух... Все в порядке...

— Но там... ревело!

— Да, — ответил я. — Ревел, пришлось. Что, было слышно?..

— Нет, — сказал он торопливо, — еще кто-то ревел!

— А-а-а, — протянул я, отсапываясь, — это дракон. В самом деле без крыльев, что удивительно. Он так кинулся ко мне, что... пришлось задавить.

Он вскрикнул в ужасе:

— Ваше высочество!

— А что было делать? — возразил я. — А если бы укусил? Нет уж...

— Что, голыми руками?

— Не люблю проливать кровь, — объяснил я. — Особенно животных... Ну, теперь куда?

Он сказал трепещущим, как бабочка в окне, голосом:

— Как я и говорил, налево. Вот в эту щель.

Я смерил ее взглядом.

— И зачем я редкое животное душил... Он все равно не пролез бы.

— Кто знает, — ответил он трезво. — Дальше шире, а здесь мог проломить стенку.

Хреймдар шел почти уверенно, с картой не сверяется, явно выучил назубок раньше. Я двигался с настороженностью, хотя вроде бы ничего необычного, не первый раз опускаюсь под землю, где что-то да уцелевало если не после Войн Магов, то хотя бы после прибытия багровой звезды Маркус...

Воздух снова неприятно могильный, что значит холодный и влажный, иногда по стенам бежит вода. Дважды дорогу перегородили мелкие ручьи, а один раз пришлось идти к противоположному берегу почти по пояс.

Впереди появился тревожащий багровый отсвет, постепенно он становился ярче по мере того, как мы опускаемся. Хреймдар заметно замедлил шаг, наконец я обогнал его и пошел впереди, задействовав почти все чувства, вдруг да в самом деле какие-то ловушки, а я должен их чувствовать, призрачные предки Валленштайннов обещали...

Впереди оставался один поворот, за ним багровый свет с силой бьет в стены. Хреймдар бормочет заклятия, я собрался с духом и вышел в пещеру, готовый к встрече хоть с Феей Огня, хоть с огненной саламандрой.

Округлая пещера залита багровым светом, на чисто отесанной стене горят желтым огнем два скрещенных меча с короной над ними, а под мечами такая же огненная лента с почти белыми буквами.

Я перевел дыхание, мечи не настоящие, нарисованные, как и остальное, однако это не краски горят, это само изображение испускает зловеще-пурпурный

свет, что говорит о моем таланте, кто это начертал на стене.

Хреймдар приблизился, даже я чувствую, как стучит его сердце, глаза смотрят неотрывно, а руки подрагивают, готовы ли перекреститься, ли закрыть лицо ладонями.

— Что за росписи? — поинтересовался я.

— Знаки...

— Что означают?

— За ними темница, — сказал он торжественно. —

Она закрыта всеми заклятиями мира. Слой за слоем их накладывали в течение веков! И ничто не в состоянии выбраться изнутри.

— Наконец-то, — сказал я с облегчением.

— Однако, — продолжил он, — теперь нечего уничтожать точно так же слой за слоем, как их и накладывали.

Я посмотрел с укором, как на предателя.

— Ну вот, как всегда... а я уж обрадовался!

— Увы, ваше высочество.

— Изнутри снимают кожуру? — спросил я.

Он покачал головой.

— Ваше высочество, как можно изнутри? Снаружи, естественно.

— Тогда нужно подстеречь этих орлов, — предложил я, — что пакостят, и оборвать им уши. С головами, естественно.

— Ваш план, ваше высочество, — произнес он смириенно, — не страдает излишней продуманностью.

Я посмотрел на него свысока.

— Это не план! План — это всего лишь план, все могут планировать, пусть и с разным успехом, а у меня... это... озарение! Яркое и вдохновляющее, я же художник в натуре. Жаль, я не понял. Или не так истолковал.

— Судя по вашему озарению, — ответил он мрачно, — здесь нужно держать на постоянной основе целое войско. Никто не знает, когда некие колдуны или маги накопят достаточно моши, чтобы явиться и снять очередной слой.

— Да, — признал я, — озарение эти житейские пустяки не учитывает. И что, нам ломиться туды?

Он даже отшатнулся, услышав такое святотатство.

— Ни за что!.. Это верная гибель. Нет, но мы уже пришли. Если нам удастся вскрыть вон ту дверь, левее, то мы получим то, за чем пришли.

Я спросил с недоверием:

— А я зачем пришел?

Он взглянул удивленно.

— Это должен знать я?

— А кто еще? — изумился я. — Хреймдар, ты вообще пошел в поход с нами, чтобы пройти через Зачарованное Плато и попасть в эти катакомбы. А меня уговорил поехать сюда, чтобы тебе было перед кем пофанфаронить. Значит, добычу первым выбираю я!

— Хорошо, — произнес он подозрительно кротко. — Я сейчас открою дверь, а вы... идите и берите.

Я спросил на всякий случай:

— А дадут?

— Еще как дадут, — заверил он.

— Спасибо, — сказал я. — Ладно, раз уж все равно пришли... Открывай.

Он пробормотал:

— Не все так просто...

Я отошел в сторону и наблюдал, как он вытаскивает из многочисленных карманов мешочки, коробочки, даже две склянки. Маги и колдуны изобрели такую вещь, как карманы, а вот вся знать по старинке все нужное из мелочи носит в мешочках, привязанных к поясу, чем постоянно пользуются мелкие воришки.

- Не рванет? — спросил я.
- Ваше высочество?
- Я отмахнулся.
- Проехали. Давай читай заклятия.
- До заклятий еще рано...

Я на всякий случай встал в сторонке, а то вдруг что-то выскочит, надо успеть как-то реагировать. Это Хреймдар уверен, что вот откроет двери сокровищницы и будет грести обеими лапами, но я-то знаю, что гораздо больше шансов получить по рогам или хотя бы между ушей...

Он произносил заклинания, одно за другим, одно за другим, долго ничего не происходило, затем вдруг коротко и страшно блеснул красный свет, прямо из стен начали выходить странные каменные существа, но не бросились сразу на нас, а только оскалили пасти.

Я смотрел, как там в глотках медленно разгорается огонь, в груди стало холодно, а потом и вовсе заледенело.

— Пора отважно уносить ноги, — проговорил я сипло.

— Уже не унести, — прошептал он. — Ваше высочество, не шевелитесь... Даже пальцем не шевелите.

— Что, реагируют на движение?

— Не знаю, но лучше не двигаться. Или у вас что-то... есть?

В его голосе звучала отчаянная надежда, но я ответил, стараясь не двигать даже губами:

— Я вообще-то гений по части великолепных и великолепнейших идей!.. Хотя, правда, сейчас пятница.

Некоторое время мы тупо смотрели на застывших монстров. Я решился потихоньку двинуть левую руку к груди, и мгновенно все монстры дружно сделали шаг вперед.

Я застыл, сердце колотится, начал двигать ее совсем медленно, даже не по миллиметру, а не знаю, что там еще мельче, однако и они точно так же подались к нам со всех сторон очень неспешно, но все так же угрожающе, а огонь в пастях за это время разгорелся еще жарче.

Хреймдар прошептал:

- Я долго так не выстою.
- Чего так?
- Встал неудобно...
- Я чуть скосил глаза.
- Ну, смотря для чего.
- Ваше высочество! Что-то придумали?
- Нет...
- Так чего же?..
- Придумываю...
- Сколько вам понадобится лет?
- Тихо...

Я все еще двигал руку к пазухе, а монстры, отслеживая меня горящими глазами, приближались так же медленно и неотвратимо.

Хреймдар прошептал:

- Вы нас погубите...
- Да к красавая смерть, — шепнул я.
- Ничего себе красавая, — сказал он едва слышно.

Его невольно передернуло, явно представил, как его рвут и жрут живого. Монстры немедленно рванулись к нам.

Я метнул руку за пазуху, выхватил серебряный крестик и, высоко воздев над головой, заорал:

— Именем Господа!

Демоны уже протянули к нам хищные каменные лапы с алмазно блестящими когтями. Я застыл, как и Хреймдар, а крестик в моих пальцах начал накаляться.

Ужасные пасти застыли прямо перед моим лицом, мог бы рассмотреть каждый волосок, если бы они были, а на оскаленные пасти, где плавится камень, смотреть страшно.

Мы простояли так с минуту, я чувствовал, что происходит некая незримая схватка: демоны ударились о выставленный в моей руке крест, словно волна о скалу в море, все мироздание в этой пещере на бесконечно долгий миг зависло в страшном равновесии...

Хреймдар вдруг дико выкрикнул:

— Да чтоб вы сдохли!

Он вскинул над головой жезл, с размаху треснул ближайшего по голове. Набалдашник не успел коснуться головы ближайшей твари, как всех их отшвырнуло от нас с такой неистовой силой, что отлетели, словно их бросили руки великанов.

Со всех сторон прозвучал треск и грохот, я ошалело оглядывался, под стены падают на пол обломки разбитого в щебень камня, где почти не отыскать целого даже пальца.

— Вот это удар! — сказал я хрипло. — Что у вас за жезл?

Он тяжело дышал, ответил сорванным голосом:

— А разве это не ваш амулет? Или это талисман?

— Все вместе, — ответил я, — но, думаю, это ваш жезл все натворил.

Он сказал с недоверием:

— Что-то я в нем не замечал такой силы раньше...

— Растете, — сообщил я. — Со мной всерастут!

Он оперся обеими руками на жезл, удлинив его до посоха, осматривался все еще растерянно, хотя, думаю, у меня вид не лучше.

— Так мы спаслись? — проговорил он все еще с недоверием. — Прекрасно. Обожаю, когда я так делаю.

— Прекрасно, — согласился я.

Иисус творил чудеса, тем самым он отвергал и самого Господа, так как тот сотворил мир и успокоился, никогда больше никаких чудес. Да что там чудеса, сама суть христианства не приемлет чудес, потому что это уже не чудеса, а магия, объявленная проделками дьявола.

Хотя христианам приходилось прибегать и к магии, особенно в ранний период, защищая свои жизни. Так что да, чудес нет, но магия есть, есть даже особый тип магии, что открыли и вырастили христиане, а затем монахи сумели усилить и выкристаллизовать эту особую мощь, черпающую силу не в заклятиях, а в самом человеке.

Все эти животворные монши, щепки с креста распятого, зуб святого Петра, мизинец подвижника Варфоломея, доспехи Георгия Победоносца, лук Арианта, даже многочисленные нательные крестики — все это магия христианства, ее называют даже белой магией, как бы «хорошой», хотя на самом деле любая противоречит христианству и должна быть изгнана... потом, когда окончательно разберемся с противниками.

Глава 12

Хреймдар уже читает заклинания перед Хранилищем, ходит взад-вперед, отсчитывая шаги, а я все раздумывал о базовых понятиях христианства и магии, пока мощный треск лопающейся скалы не заставил присесть к полу, зажимая ладонями уши.

Стена отодвинулась, я ожидал увидеть большой роскошный зал, но открылась просторная комната с пугающе низким потолком, захламленная до безобразия, все укрыто толстым слоем пыли.

Хреймдар шагнул и остановился с глазами полными восторга.

— Свершилось...

— Пошепчи, — посоветовал я. — Сдуй пыль... нет, уничтожь. Иначе хрен что увидишь.

Он прошептал:

— Нельзя...

— Почему?

— Здесь собрана такая мощь... Вдруг что-то ощущит...

— Понятно, — прервал я, — но если нельзя, но очень хочется, то можно? Так ведь?

Он покачал головой.

— Все равно нельзя...

— Да ты вообще не человек, — сказал я обвиняюще. — Мы же задохнемся здесь, когда начнем рыться!

Он долго думал, наконец губы задвигались, заклинивание звучит так, словно произносит одно-единственное бесконечное слово. Пыль осталась на месте, но потемнела, начала опускаться вниз, превращаясь в некую вязкую массу, сползла с поверхности столов по их ножкам, на полу некоторое время горбилась волнами, но отыскала щель и медленно втянулась туда, как густая жидкая грязь.

На столах засверкали старинного облика тигли, реторты, котлы, вдоль стен старинные сундуки грубой работы, а на стенах полки с обломками вещей непонятного назначения, черепками битой посуды из глины и, конечно же, черепами. Я ощутил разочарование — обычный набор рядового алхимика, мага-недачника...

Хреймдар осторожно двинулся между столами, всматривался он не в оборудование, а в сундуки и скрыни, возле одного остановился и ткнул пальцем.

— Ваше высочество... Если надпись не врет... гм... там доспехи.

— Где ты увидел надпись? — спросил я с подозрением.

— Да вон же, — проговорил он и указал пальцем. — Не видите? Ну хоть чем-то обделены, а то я уж подумал, что вы прирожденный маг...

— Прирожденными бывают только ломброзы всякие, — возразил я, — а человек — обучаемое гомо. А ты прирожденный?

— Обижаете, ваше высочество... Так рискнете?

— А там точно доспехи? — спросил я с сомнением.

— Они самые, — подтвердил он неуверенно. — Ну, так написано...

— А прочел верно? — спросил я подозрительно.

— Язык слишком древний, — виновато сказал он. — Не сам язык, правда, а усложненные иносказания и запрятанный смысл. Сказано, что доспехи. Но только для того, кто сумеет...

— Что?

— Дальше неразборчиво, — сказал он так виновато, что ясно, неразборчивость текста ни при чем, просто не сумел, но мужчинам признаваться в неумехости трудно даже перед другими мужчинами. — Слишком...

— Затерто?

— Да, — сказал он с сомнением, — затерто.

— Всегда затерто самое главное, — сказал я с раздражением. — Что сумеет? Почесать левой ногой правое ухо? Или укусить себя за локоть?..

Он ответил уныло:

— Не знаю. Но на вашем месте не стал бы и пытаться...

— Понятно, — прервал я. — Значит, подталкивашь, чтобы я все-таки рискнул?

Он воскликнул патетически:

— Что вы, ваше высочество! Ни в коем разе! Это опасно.

— Значит, — определил я, — прям настаиваешь?

— Да я...

— Ну да, — сказал я, — конечно. Говори-говори...

Я взялся за крышку, надеясь, что заперто, однако она легко подалась, только противно заскрипела, даже прокричала на своем сундучьем языке что-то вроде: «Беги, убьет!»

На всякий случай я, понятно, отпрянул чуть, но оттуда ничего не выскоцило, и я вытянул шею, готовый в любой момент отшатнуться и отпрыгнуть.

Сундук пуст, если не считать, что от сырости на самом дне сконденсировалась роса или здешний тяжелый влажный воздух. Воды немного, выглядит темной, как в болоте, но это и понятно, в сундуке темно...

— Здесь пусто, — сказал я. — Раньше нас кто-то побывал.

Хреймдар с трех шагов наблюдает за мной с живейшим интересом.

— Ваше высочество?

— Подойди и загляни, — предложил я.

Он покачал головой.

— Нет уж, я не настолько... Проверьте лучше. Доспехи могут быть незримыми.

— Что за хрень, — сказал я. — Кому нужны незримые доспехи?

— Зато их не украдут.

— Да, но сам не вспомнишь, куда положил.

Я наклонился и осторожно сунул руку в сундук, но в самом деле пуст, я даже поводил везде от стенки к стенке, наконец осторожно коснулся кончиками пальцев жидкости на дне. Ощущение такое, словно

тромгаю налитую туда ртуть, называемую в народе «живым серебром».

Хреймдар следил затаив дыхание, но на лице только интерес, что же со мной случится, ученый, мать его, эксперименты ставит, Менгеле чертов, чистые знания добывает...

Я тупо щупал прогибающуюся под рукой поверхность. Это точно не вода, а если и вода, то непростая, хотя не могу себе представить, как вот эта вода, если это вода, сможет стать стальной кирасой, наручнями и поножами, а также всем, что составляет рыцарский доспех... хотя вообще-то представляю, о таком уже в моем срединном говорили и писали, с восторгом расписывая сказочное будущее, когда атомы можно будет передвигать по своему усмотрению и легко преобразовывать любую вещь во что угодно.

Хреймдар охнул, первым заметив, что жидкость начинает меняться. Я не успел отдернуть руку, липкие струи потекли вверх, даже не потекли, а побежали, помчались, я ощущил, как поверх рубашки плотно легли пластины стальной кирасы, а руки охватили наручни...

— Плечи, — сказал Хреймдар восторженно, — плечи!

— Что плечи? — спросил я непонимающе.

— Подумайте о плечах, — сказал он.

Я скосил глаза, плечи в самом деле голые, но как только представил там выпуклую поверхность литой стали, туда сразу же переползла часть этой странной воды.

Хреймдар прошептал восторженно:

— У вас получилось, ваше высочество!.. То ли доспехи признали вас, то ли вы сумели внушить, что вы и есть хозяин... Никогда бы не подумал, что такое возможно!

Я старательно представлял красивый рыцарский доспех, вроде бы все на месте, только ощущение такое, что на мне картон, больно все легкое, такое пальцем проткнуть можно...

— Возьму, — сказал я, — по крайней мере красивое. Насчет прочности потом проверим. Ну а ты, конечно, свинья.

— Ваше высочество?

— Значит, — напомнил я обвиняюще, — никогда бы не подумал, что такое возможно? А меня сюда привел именно за этим доспехом?

Он сказал торопливо:

— Ваше высочество, у меня было предчувствие, что вы как-то вывернетесь и окажетесь сверху! Ну, в смысле не вас раскусят, а вы раскусите.

— Спасибо за доверие, — процедил я. — А если бы меня?

Он вздохнул.

— Как рыцари говорят: для чего же рождаются мужчины, как не для битв и славной гибели?

— Дикари, — сказал я с достоинством. — Пусть враги мои гибнут, можно даже очень славно!.. А ты что-то нашел?

— Да вот пока ишу...

Он открывал шкатулки и торопливо заглядывал вовнутрь, лицо сосредоточенное, а губы двигаются, проговаривая заклинания. Один неприметный ящичек под его пальцами звонко отщелкнул крышку.

Хреймдар радостно вскрикнул, из шкатулки хлынул ясный солнечный свет, а лицо мага, подсвещенное снизу, показалось неприятным и чужим.

Я видел, с какой осторожностью он вытащил большой кусок кварца, в середине плещется нечто зловеще-зеленое, переламываясь на гранях кристалла изумрудными бликами.

- Вот оно, — прошептал он счастливо.
- Оно самое? — уточнил я.
- Точно, — подтвердил он, не отрывая зачарованного взгляда от своего сокровища.
- А что это хоть? — спросил я уязвленно; на мой взгляд, жидкие доспехи намного круче. — Что это дает?
- Девять жизней, — сообщил он. — Если по максимуму.

— А здесь?

Он поднял на уровень глаз, измерил взглядом.

- Не меньше трех. Да, не меньше. Три, а то и четыре.

Я спросил медленно:

— Это значит, можешь умереть трижды... да?

- Да, — ответил он. — Немногим удалось добыть этот древнейший эликсир магов!

— Мунтвиг добыл, — сказал я мрачно. — Или ему добыли. Вот в чем беда бессмертия — сволочи тоже будут бессмертными!

— Это не бессмертие, — сказал он, защищаясь. — Всего лишь более долгая и защищенная жизнь. Маги всегда в опасности! Не только от героев, что всегда почему-то стремятся убить всех колдунов на свете, но и от своих же... опытов с неведомыми растворами, заклинаниями, древними находками!

— Ну тогда пей, — предложил я. — Разбей эту штуку, если нельзя открыть иначе, и выпей!

Он вздохнул.

— По древним записям, если я понял верно, погибший... будет снова появляться в том месте, где выпил вот это. Думаю, мне лучше такое проделать в своей комнате у себя дома.

— Разумно, — согласился я. — Ну что, потопали обратно?

— Да, — ответил он с облегчением. — Каждый взял то, что нужно ему. Остальное пусть ждет своего часа.

На обратной дороге я то и дело возвращался мыслью к странному доспеху, ощупывал, чувствуя безумно гладкую поверхность, ни одна муха не сможет удержаться, непривычная легкость и еще странное ощущение, когда поножи или наручни охватывают руки-ноги то плотнее, то словно бы вовсе исчезают. Если в самом деле выполняют мысленные указания хозяина, то, возможно, могу превращать и в кольчу... хотя вряд ли это понадобится, если эти картонные по весу латы окажутся достаточно прочными.

Хреймдар так спешил выбраться из подземелья, что почти бежал впереди меня. Он выскочил из храма первым, я приотстал, и когда услышал его испуганный вскрик, наддал и выбежал сломя голову.

Бобик ринулся мне навстречу, я перехватил его морду, не давая лизаться, что-то он весь горячий, так и пышет жаром, словно только что выскочил из кузнецкого горна, вздрагивает всем телом, а Зайчик не-привычно для него суетливо переступает с ноги на ногу.

А дальше в лужах зеленой крови распростерты трупы гигантских зверей. Я с содроганием приблизился, продолжая обнимать и ласкать Бобика. Чудовища в плотных хитиновых доспехах, сейчас безжалостно проломленных, узнаю копыта арбогастра, из щелей все еще течет прозрачная кровь, пасти как у кайманов, клыки подобно кинжалам, глаза прячутся в узкие щели. У одного открыты широко, один глаз вытек от жестокого удара копытом, второй смотрит вертикальным зрачком, как у змеи.

Хреймдар простонал:

— Мой конь... они моего коня...

Я бросил устрашенный взгляд в ту сторону. Его коня попросту жестоко перервали пополам, как червяка, а еще шея срезана чисто, словно бритвой, голову же будто просто откусили одним взмахом челюстей.

— Мой, — сказал я с сочувствием, — донесет нас обоих.

— Это был самый быстрый в королевстве!.. — сказал он с тоской. — Да что там в королевстве...

— Мы получили больше, — напомнил я, — чем потеряли.

Он бросил почти со злостью:

— Вы ничего не потеряли! А он был для меня как ребенок. Тихий, ласковый, все понимал, только не разговаривал.

— Возьмите жеребенка из его потомства, — посоветовал я. — Будет как бы снова он.

Зайчик время от времени вздрогивал, встревоженно фыркал. Хреймдар сказал с упреком:

— Посмотрите на его левую заднюю!.. Тоже мне, хозяин...

Я взглянул и охнул. Там самая настоящая рана, ну пусть не совсем рана, однако я настолько привык к неуязвимости аргогастра, что даже после жарких схваток перестал его осматривать, уверенный, что его тугое тело с непробиваемой кожей ничем не повредить, а сейчас там содрана кожа размером с ладонь...

— У меня есть мазь, — сказал Хреймдар, — приедем, я помогу. Коней я люблю.

Он присел, чтобы осмотреть рану, Бобик напрыгнул на него и повалил на спину.

— И собак люблю, — сказал Хреймдар, — это людей не очень... Да, ваше высочество, моя мазь поможет нарастить новую кожу. А сейчас нам здесь лучше не задерживаться. Как бы новые не появились...

Глава 13

Как только прибыли в замок, Хреймдар принес в конюшню мазь, сам наложил под моим бдительным присмотром на широкую рану с содранной кожей. Зайчик посматривал на него с недоверием, иногда подергивал ногой, Хреймдар и я уговаривали потерпеть, это хорошо, что жжет, быстрее заживет...

В дверях конюшни мелькнул ярко одетый паж, очень красивый мальчик, увидел нас и прибежал со всех ног.

— Ваше высочество, — выпалил он, — я от баронессы Мишеллы Ансель!.. Она велела передать вам...

Я буркнул, не отрывая взгляда от ладони Хреймдара, что осторожно наносит мазь на края раны и размазывает ее круговыми движениями:

— Что?

— Вот, — сказал он с торжественной почтительностью и вытащил из-за пазухи длинный и очень изящный шарф. — Это от нее подарок...

Я кивнул.

— Прекрасно. Давай.

Он даже опустился на одно колено, передавая шарф, очень воспитанный паж, умница. Я взял шарф и сказал благожелательно:

— Молодец. А теперь беги, а то лошади покусают.

Он умчался, а я подал шарф Хреймдару.

— Примотай поплотнее, чтобы грязь в рану не попадала.

— А вы в медицине тоже смыслите? — спросил он со странной интонацией.

— Я же правитель, — напомнил я. — Должен смыслить!

— Ха, — сказал он, — должен. Правитель многоного чего должен. Вот бы рай наступил, если бы еще и делали то, что должны.

— Ты на коня смотри, — посоветовал я. — Это же благородное животное, а не что-то непонятное, вылепленное из глины.

— Да, — согласился он, — Коней сотворили первыми, я знаю. Человека в самом конце, из того, что осталось... Уже завтра ваш конь будет в порядке. Повязка пусть побудет дня два, потом можно снять.

Женщины, создания бесчувственные и вообще нечуткие, совершенно не заметили, что мои доспехи стали несколько иными, зато мужчины со всей деликатностью сразу поинтересовались, где купил и сколько отдал, больно хорошо подогнаны, чувствуется рука настолько опытного бронника, что прям ювелир, а не бронник.

Я сказал таинственно, что это боевая добыча. Во время прогулки увидели скачущих навстречу группу мунтвиговцев. Хреймдар, защищая сюзерена, сразил всех, а мне пришлось, чтобы его не обидеть, взять хотя бы доспехи в качестве трофея.

— Представляю, — проворчал недовольно Сулливан и завидующе вздохнул, — что он хапанул себе! Маги, они такие...

— Везет же вам, ваше высочество, — сказал Палант. — Хорошо быть принцем.

— Еще бы, — добавил Сулливан, — вон и Мишельла сюда идет, издали глазки строит... Пойдемте, сэр Палант, прочь, пока в шею не погнали. Это точно не к нам.

Палант вздохнул, уходя:

— Ему во всем везет...

— Готовьте армию к выступлению! — крикнул я вдогонку.

Мишелла, издали расцветая благосклонной улыбкой, идет, обворожительная и благоуханная, плечи чуть отвела назад, я сделал вид, что стараюсь не смотреть на ее грудь, но не могу, зачарованный весь и уже забалдевший, бери меня голыми ногами...

Хреймдар вывел арбогастра под уздцы, гордый и улыбающийся до ушей.

— Ваше высочество, смотрите, даже не хромает!

Я взглянул на герцогиню, сказал величественно:

— Спасибо, грум. Можешь иттить.

Мишелла перевела взгляд на великолепного коня, на его блестящую, как драгоценный черный обсидиан или даже агат, кожу... и конечно же как-то все-таки увидела, не понимаю как, снежно-белый шарф с ее крупными инициалами, обернутый вокруг ноги от копыта и до колена.

Лицо ее окаменело, Хреймдар что-то понял и попятился, мы оба ощущали, как в воздухе запахло грозой с громом и молниями.

Я заулыбался счастливо и воскликнул, вдохновенно протягивая ей навстречу руки:

— Милая Мишельла, вы заметили? У вас зоркий глаз! Ни одна мелочь не ускользнет! Я просто безумно счастлив, что оценили это священнодействие с вашим шарфом и конем, что равно божественному откровению и проникновению!.. Таким образом, мой конь благодаря магическому обряду с вашим шарфом становится сферическим конем в вакууме, что дает ему особую выносливость и скорость даже при беге!.. А наши души, что интересно тоже, соединяет!

Она спросила язвительно:

— Вашу с конской?

Я небрежно отмахнулся.

— Наши души соединены давно, но теперь и ваша с нами!.. Я чувствую вас... Ох, как я чувствую... А вы?

Она опасливо отступила на шаг.

— Ничего я не чувствую, — сообщила она с достоинством. — Я приличная женщина!

— Ах, леди Мишелла, — произнес я проникновенно, — как нам с конем повезло!.. Это же не Буцефал какой или ацефал, а наш родной, настоящий, а теперь уже и непростой, благодаря священному обряду с вашим шарфом!.. Перед ним склонят головы Янарадаг и Боливар, не говоря уже о доблестнейшем Россинанте! Только Инцитат и Маренго могли бы соперничать... чуточку, но Инцитат — светло-серой масти, а Маренго и вовсе белый арабский скакун, но даже самый простой народ знает сокровенную истину, что самые быстрые кони на свете — вороные. Даже песню помню, что «...вороных никому не догнать»!

— Да, — проговорила она, утопая в информационном море, — вороные... да... но белый конь... красивее!

— Принц на белом коне, — сказал я понимающе, — да-да, это правильно. А я вот принц на черном, потому пошел, пошел, пошел... Зайчик, уходим! Нас отсюда послали.

Она воскликнула непонимающе:

— Нет-нет, никуда я вас не посыпала!

— Шарфа стало жалко? — спросил я понимающе. — Все равно не отдам. Теперь это символ.

— Ах, сэр Ричард, — воскликнула она обиженно, — как вы не понимаете наши возвышенные женские натуры!

— Значит, — сказал я с надеждой, — не в шарфе дело?

— Ах, сэр Ричард!

— Мне, право, стыдно, — сообщил я. — Хоть и не понял, за что, но у меня такая чувствительная натура,

что вот прямо на животе пошли вот такие красные пятна! Хотите, покажу?

Она отшатнулась, замахала руками.

— Нет-нет, мужской живот — это так неприлично!

Да еще здесь...

— Что в нем неприличного, — ответил я обиженно, — я еще и обволосяться не успел как следует. Ладно, как хотите. У нас в Сен-Мари это жест особого доверия! Не хотите вы сближения и взаимопроникновения чуждых культур...

Она сделала большие глаза.

— Сэр Ричард, как не стыдно? Что вы мне предлагаете? Сближение — это еще так-сяк, но вот так сразу и проникновение, извините, культур? Я порядочная женщина!.. Как такое можно, когда мой жених почти рядом?

— Вообще-то да, — признался я, — рискованно. С другой стороны, романтика...

Она слегка заколебалась, быстро зыркнула по сторонам.

— Да, о вас говорят, что вы человек рискованных решений... Но не безрассудных, надеюсь?

Я посмотрел, как шевелится у нее за краем выреза платья, понял, что соглашаться рискованно, может она согласиться, сделал вид, что подкрутил несуществующий ус, и сказал гордо:

— А что за жизнь, если без риска? Ну убьют, ну лишат титулов и отнимут имения... Но ведь зато!

Она отступила еще на шагок, покачала головой.

— Сэр Ричард, это вы, мужчины, такие рисковые существа, все можете поставить на карту, но мы, женщины, должны быть осторожными и благоразумными.

— Эх, — сказал я подчеркнуто горько, вот щас пойду и убьюсь о крепостную стену. — Что ж, я не отступлюсь! И что-то придумаю.

Она поощрительно улыбнулась, а я поклонился и, схватив недоумевающего Зайчика под уздцы, потащил его обратно в конюшню, устроил его получше, потом трусливо выглянул из двери, ушла или не ушла.

Фух, ушла, хорошо, но надо сматываться. Мишелла, как сказала герцогиня, — женщина настойчивая, а мне только ерунды в постели недостает. Один часок вот такой расхлябанности может стоить проигранного сражения.

Зигфрид бдит у двери моих покоев, я кивнул дружески и прошел к себе, где остановился посреди комнаты и осмотрелся, есть ли здесь мои вещи, которые стоит взять, или же я выше вещизма...

Далеко из лагеря донесся требовательный зов трубы, повелевающей начинать движение дальше на север.

Бобик внезапно остановился, шерсть поднялась дыбом, он воззрился в пустое пространство, глаза налились кровью.

Я быстро перешел на тепловое зрение. В голове зашумело, но я подавил короткий приступ головокружения, ибо в сером с красноватыми пятнами мире угрожающе быстро приближается отчетливый красный силуэт человека с оранжевой головой

— Стой, — сказал я. — Я знаю, кто ты.

Фигура остановилась, через мгновение незнакомец вышел из незримности, и я тоже поспешил вернуться к обычному зрению.

Чужак остановился, на нем плащ с накинутым на глаза капюшоном, но когда поднял голову, я увидел страшные красные глаза, неподвижные и нечеловеческие.

Он прохрипел сдавленным голосом:

— Ты и близко не подошел к пониманию, раб.
— Да ну?

— Взгляни, — сказал он приглашающе. — Взгляни и... умри.

Он вскинул над головой руки, между ладонями блеснула и затрепетала, усиливаясь, зловеще-синяя молния.

Однако я медлил, выжидая. Синяя молния разом померкла, а в его растопыренных руках мрачно залистал синими искрами длинный меч.

Он раскрыл левую ладонь, отпуская лезвие меча, правая крепче перехватила рукоять и красиво подняла меч над головой вертикально, как мерцающую полосу синего света.

— Впечатляет, — произнес я, — только этот пустячок можно и без дешевых эффектов.

Он холодно прищурился.

— Как именно?

— Вот так, — ответил я. И вытянул руку, изголовив пальцы. Рукоять тяжелого меча возникла, как всегда, неожиданно, я едва удержал его на весу, но удержал, а острие замерло в дюйме от его груди. — Теперь поняло?

Он очень медленно опустил руку с мечом, но я требовательно коснулся самым кончиком впадины между ключицами, и он разжал пальцы.

Меч вывалился из ослабевших пальцев и звякнул о пол. Я повел бровью, он понял и послушно пнул ногой его в сторону.

— Теперь хрюкай, — велел я, — кто ты и почему здесь?

Он по-прежнему не двигался, глядя на меня устремленными глазами, а я старался держаться с величавой небрежностью могучего мага, который прямо вот создает из воздуха волшебные мечи, а не просто переносит из одной комнаты в другую.

— Я всего лишь на побегушках, — произнес он совсем другим голосом. — Таких у чародея Саймона много.

— Это у Мунтвига главный? — спросил я.

— Нет, — ответил он. — Главный — Мирандель.

— Понятно, — сказал я. — Саймон один из помощников?

— Да...

— Сколько таких у Миранделя?

— Двенадцать.

— Почему не тринадцать? — пробормотал я. — Все-таки сатанисты... Ах да, для вас сатанисты — мы... Добро бьется с добром, и какое победит, то и добрее, а которое проиграет... станет в памяти потомков таким черным Злом, что сам дьявол рядом покажется белоснежным голубком. Ты должен был провести теракт? Или диверсию?

Судя по взгляду, он не понял, что это такое, лишь уловил суть вопроса и торопливо замотал головой.

— Нет-нет, я всего лишь наблюдатель!

— За чем? Или, наверное, за кем?

Он вздрогнул и опустил голову под моим взглядом.

— За вами, — пробормотал он. — Ведь это вы, ваше высочество?

— Оно, — подтвердил я. — Что надо было узнать?

Он ответил с некоторым недоумением:

— Прежде всего, живы вы или... почему-то нет.

Простите, но я мелкая сошка, мне никто не объясняет, что и как. Велели узнать, и я отбыл.

— Как? — спросил я в упор.

Он вздрогнул, съежился, но я смотрю в упор, он совсем зачерепашился, даже заулитился и проговорил виновато:

— Не знаю...

— Как это?

— Мне дали выпить что-то гадкое, — проговорил он дрожащим голосом, — а потом я слушал, как во сне, какие-то слова... Вот и все. Очнулся уже на дороге, а по ней идет навстречу ваше войско. Ничего узнать не успел, передать — тем более.

Я крикнул громко:

— Зигфрид!.. Не спиши?

Дверь распахнулась, Зигфрид вбежал с обнаженным мечом в руке и решительным видом.

— Обыщи, — велел я, — сними с него все амулеты, кольца, браслеты, пояс.

Чужак побледнел, явно что-то при обыске потеряя ценное, но я снова поднял меч и упер ему в горло, и он застыл, пока Зигфрид снимал с него все, что я велел, а по своей инициативе хотел снять еще и штаны, но я отмахнулся.

— Достаточно, что лишил пояса. Теперь он штаны из рук все равно не выпустит... Передай его Норберту.

Он его уволок, пойманный даже не противился, ощущив в Зигфриде нечто такое, чему не посопротивляешься, а я подумал, что защита наша ни к черту не годится, если чужаки могут вот так легко проходить через нее, как нож через лист лопуха.

Надо озадачить священников, если не сумеет Хреймдар...

Уже собранный в дорогу, я вышел в коридор и начал спускаться по лестнице, где догнал леди Марго. Она обернулась, женским чувством охотницы ощущив альфа-самца, ее лицо на мгновение вспыхнуло радостью, но тут же потускнело.

— Ваше высочество, — произнесла она грустно, — вы дали мне просто невыполнимое задание.

— Что? — спросил я с подчеркнутым недоверием, в то же время тщательно скрывая облегчение. — Не-

ужели вам... не удалось? Ушам свои не верю, дайте мне другие!

Она горестно вздохнула.

— Представьте себе. Уж поверьте, я пустила в ход все наши женские штучки, даже запрещенные, но он, увы, оказался до неприличия тверд и безупречен.

— Мерзавец, — сказал я грозно. — Так хотелось вами полакомиться! Как он мог... А вы в самом деле старались?

Он воскликнула:

— Еще бы! Это дело чести! Да-да, у женщин тоже она есть, только своя, вам непонятная. И у нас тоже рейтинг, как и у вас, только у нас свои турнирные поединки и свои победы.

— Мерзавец, — повторил я, — да как он посмел быть лучше меня? Нет, я этого так не оставлю!

— А что вы с ним сделаете? — спросила она с надеждой.

— Не с ним, — ответил я гордо, — а с собой! Даю обет не касаться женщины... ну не буквально, а в постели, пока его кто-то не совратит с пути верности нашей милой Франке!

Она заломила руки.

— Ой, как я хочу таких мужей! Можно даже троих...

Глава 14

Я оставил ее на лестнице, внизу в зале меня ждет Джеффери Дрейко. Этот красавчик из благодарности, что я взял его в поход, то и дело старается оказывать мне разные услуги, заприметив, что обхожусь без пажа и даже оруженосца.

Он бросил короткий взгляд на Марго, в глазах отразилась непривычная для него печаль, а когда посмотрел на меня, я увидел тень даже не грусти, а вечной тоски на его гладком и без единой морщинки челе.

— Как они так живут, — сказал он задумчиво, — как они не убили друг друга... Барон знает, что она развлекается на стороне, однако она и его любит и охотно делит с ним постель. Она знает, что барон не упускает случая поволочиться за ее подругами, и те нередко уступают его ухаживаниям... И — ничего!

Я поинтересовался деликатно:

— У тебя не так?

— Нет, — ответил он со вздохом. — У меня есть красивая девушка, к которой вернусь, однако я схожу с ума от ревности, когда она улыбается — еще только улыбается мужчинам! — и я готов запереть ее в высокой башне, чтобы даже еду ей носила только старая служанка!.. Понимаю, так нельзя, поступаю по-свински, но едва выезжаем ко двору... как на нее смотрят, как раздевают взглядами!

— А что, — спросил я, — она точно неверна?

— Не знаю, — ответил он убито, — я стараюсь не давать ей возможности. Ох, как я мечтаю о верной супружке!

— Верная супруга, — повторил я медленно. — Да, это большое достоинство. В этом случае даже не важно, если она и мужа не любит... Как там сказала одна дама: я другому отдана и буду век ему верна... Верность важнее любви, это и козе понятно. Верность — это гарантия, что воспитываешь своего сына или свою дочь, а не соседское дитя...

Он вздохнул, что-то в моем голосе недостает уверенности и законченности, проговорил тихо:

— Да-да, иначе меня ревность сведет с ума!

Я невольно вспомнил трепетную и стыдливую Франку, она верна нам с сэром Мидлем, другим мужчинам не позволит даже отпустить в свой адрес фриольный комплимент... и я верю, что она и любит нас обоих, странно как будто, но с другой стороны — почему нет? Что мешает любить двоих?

Он снова вздохнул, провел рукой по лицу, смахивая тяжелые мысли, спросил уже другим голосом:

- Вы слышали, у Норберта пополнение?
- Что, — спросил я, — уговорили?
- Уломали...

Норберта вчера целый день уговаривали взять одного из малость диковатых, но крепких и верных, как псы, сыновей одного из крохотного горного племени Горящих. Когда они стреляют из лука, тот накаляется так, что начинает светиться, а потом вспыхивает и горит.

Норберт не поверил, велел показать, я сам наблюдал и видел, как этот Дилвар Круглохолм, так зовут этого юношу, стонет от боли, но стреляет и стреляет, потому что из горящего лука стрелы летят втрое дальше и бьют точнее.

Нам объяснили, что когда враг уже близко, они отбрасывают лук и хватаются за меч, но тот вскоре раскаляется точно так же в ходе боя. Дилвар, как рассказали, дерется бешено, пока сам не падает замертво. Его спешат оттащить в задние ряды, где лекари приводят его в чувство.

Я тоже заколебался, хоть такой воин стоит десятка, но каждое сражение для него заканчивается ожогами и мучениями, однако епископ перекрестил его и сказал строго:

— Господь ничего не дает даром. Неси этот крест! Таково твое испытание. Ваше высочество, если уж Господь дал ему этот дар, то с какой-то целью!

Слушавшие его рыцари перекрестились и дружно сказали «аминь», а Дилвар, сияющий и довольный, побежал седлать коня.

— Нам тоже нужно готовиться, — сказал я. — Из лагеря пешие части уже выступили. Конница Клемента, если не ошибаюсь, тоже выходит на дорогу...

Он сказал поспешно:

— Побегу поднимать своих!

— Торопись, — велел я. — Я только попрощаюсь с хозяевами, а потом догоню всех.

Он выбежал, и почти сразу за окном звонко пропела труба. Я шагнул в сторону выхода, но дверь распахнулась, в зал вбежала Гизелла, раскрасневшаяся и с блестящими глазами.

Я не успел вскрикнуть, как она вскинула обе руки и разом выдернула длинные заколки из башни волос. Те освобожденно и очень эротично хлынули темными потоками на плечи, спину и грудь, а женщина с распущенными волосами — это почти голая, и я, застыдившись, вскрикнул торопливо:

— Леди Гизелла?

Она прокричала непривычно хриплым голосом:

— Сэр Ричард... вы победили!.. Я боролась долго, но внезапно ощутила всю глубинную сладость Тьмы и порока. Вы забрали мою душу... берите и мое тело в свой ад, властелин Тьмы!

— Э-э, — проблеял я, — леди Гизелла...

— Берите, — сказала она страстно, — берите меня всю!.. Хватайте, насилийте, втопчите в грязь, я хочу увидеть всю низость порока и ощутить его невыразимую сладость и счастье оказаться на самом дне...

Во дворе протрубыли снова, уже требовательнее.

— Э, леди Гизелла, — сказал я быстро, — не надо сбрасывать все, в одежде грешить намного противнее, что значит — интереснее. Вы правы, я возьму

vas в свой ад, но сделаем это еще ужаснее... Слышите зов трубы?

— Да... Это в ад?

— Почти, — сказал я, — любая война — дорога в ад. Но мы сделаем иначе. Я сейчас на коня и смотрюсь в этот ад, а вы сперва отправляйтесь к местному священнику... поняли?

Она простонала:

— Что угодно!.. Любые муки!.. Это должно быть невыносимо сладостно...

— Еще как, — заверил я. — Сам я, к счастью, не пробовал, но вы ощутите, ощутите...

Я обогнул ее, уворачиваясь от ищащих рук, и торопливо выскочил из зала, а там пронесся через холл, почти кубарем скатился со ступеней и выскочил во двор.

Конюх уже стоит наготове, держа под уздцы арбогастра, а Бобик в нетерпении нарезает круги, угрожая любого, кто попадется на месте, сбить с ног и зализать до смерти.

— Да? — спросил я. — Ну ладно, дуй бегом к отряду. Мы уже выступили.

Дорога ввиду военного времени забита повозками, телегами, беженцами и отрядами то конницы, то пеших войск. У меня в глазах рябит от пестроты и ярких красок, ну не дожили еще до понимания полутонов и оттенков, все одеваются в ярко-красное, желтое, оранжевое, реже — зеленое и синее, почти никого нет в коричневом, хотя белый цвет и черный пользуются популярностью.

Доспехи, если у кого есть, все разные, от простой кожи и кожаных лат до вполне достойных рыцарских доспехов, закрывающих с головы до ног, здесь воору-

жены еще более пестро, и конечно же все едут под разными знаменами и баннерами.

За такими полурыцарскими отрядами ведут добрых коней, попоны накинуты сверху для сохранения расписных седел от дождей и грязи, обычно следом тянутся еще и подводы с нужными в походе инструментами для мелкого ремонта, там же провизия и запасные вещи.

Это войска бриттских лордов, что собрали всех, способных держать в руках оружие, и повели их следом за нашей армией, чтобы сражаться плечом к плечу и говорить потом с гордостью, что не отсиживались в норах, а дрались за короля и королевство.

Герцог Пэтридж беседует с герцогами Клементом и Мидлем, лицо помолодело при виде нашей огромной армии, несокрушимость ее чувствуется как в ровных рядах, так и в доспехах и оружии.

Обернувшись ко мне, сказал с восторгом:

— У нас такие доспехи привозят с вашего Юга только королям и принцам, а у вас в них простые рыцари?

— И даже неблагородные, — подтвердил я. — Все лучшее — армии! Кто плохо снабжает свою, будет снабжать чужую.

— Золотые слова!

— Дорогой герцог, — сказал я, — с вашей прелестной Кириндой Кнайтлинской попрощаться не успел, как и с прочими дамами, но передайте им мои наилучшие!

— Обязательно передам, — пообещал он.

Он ревниво посмотрел на мои доспехи.

— Вы прибыли в других... Эти здесь приобрели?

— Нет, — ответил я. — Они в обозе пребывали.

— Я бы такие и за столом не снимал, — сказал он со вздохом. — Как женщины обожают платья, так

и мы без ума от добротных доспехов... Счастливой дороги, ваше высочество!

Я вскинул руку в прощании, арбогастр развернулся в сторону дороги, и мы понеслись ровным галопом, догоняя армию.

Клемент, принц Сандорин и Аскланделла едут впереди, если не считать Норберта, но он не в счет, со своими летучими отрядами легкой конницы если и оказывается впереди, то за мили, а чаще всего его вообще не видно.

Не видно и Макса, он никогда не стремится гордо проехаться во главе, он всегда со своими пешими частями. Альбрехт время от времени надолго пропадает в обозе, гордые герцоги им обычно гнушаются, но половина победы куется здесь, от состояния обоза зависит слишком многое.

Суллиган, Палант и Мидль обычно едут вместе, хотя каждый из них время от времени наведывается к своей дружине.

За это время наша армия увеличилась почти вдвое за счет бриттских ополчений, они идут следом за обозом, я промчался вдоль колонны, и вдруг нахлынуло странное чувство, словно я отделился от тела и вознесся под облака, откуда наша армия смотрится колонной переселяющихся муравьев.

А ведь мы и есть муравьи для тех, кто на Маркусе. А вместо того чтобы хотя бы подумать над тем, есть ли способы дать отпор, готовимся зарываться в норы поглубже, где надеемся уцелеть лишь для того, чтобы выйти на поверхность и обреченно начинать все сначала...

Принц Сандорин цветет, расточая комплименты Аскланделле, а она грациозно покачивается в седле, красиво и высокомерно глядя вдаль. За время нашего рейда бледное лицо покрылось нежным загаром, из-за

чего удивительно светлые глаза в обрамлении длинных черных ресниц и густых черных бровей кажутся просто неправдоподобно прекрасными.

Черные волосы свободно ниспадают на спину изящными волнами, две голубые ленты, изображающие платки, почти незаметны, и волосы под ними выглядят по-дикарски распущенными, что так будоражит мужское воображение, сразу рисуя их разбросанными в беспорядке на подушке.

Я было проехал мимо, кивнув им равнодушно-приветственно, но Аскланделла окликнула ядовито:

— Ваше высочество!

Я придержал арбогастра, растянул за ранее губы в улыбке и повернулся к ней.

Она содрогнулась всем телом.

— Что это у вас... Укусить собираетесь?

Принц Сандорин коротко усмехнулся и придержал коня, давая нам возможность ехать бок о бок. Мне показалось, что посматривает победно мне в спину, но я даже не шевельнул лопатками, смотри сколько возжелаешь, мне как-то по фигу мнение всяких там и тут принцев, которых хоть пруд пруди.

Аскланделла повела в мою сторону своими айсбергами, я даже ощутил холод, произнесла несколько жеманно:

— Ваше высочество, я слышала, вы ведете себе с женщинами не совсем... пристойно, но только сегодня поняла, что люди имеют в виду.

— Ваше высочество, — ответил я мирно, — о великих гениях всегда чё-нить говорят. Обычно непристойное, потому что пристойное слушать неинтересно, а дуракам нужны слушатели!

— Ну да, — сказала она саркастически, — а так вы вообще ангел?

— Еще какой, — сказал я хвастливо. — И умный, и красивый, и скромный... я вам уже нравлюсь?

Она поморщилась.

— Да, говорить гадости умеете... Только еще не поняла, зачем это вам.

— Что?

Она сказала чуть тише:

— Я за эти три дня много общалась с женщинами в замке герцога. Очень милая Киринда Кнайтлинская, леди Гизелла, Марго Генер... Они кое-что и рассказали о вас.

— Я был хорош?

Она смерила меня холодным взглядом.

— Марго, я уверена, сказала правду. Это редкость, немногие женщины признаются, что их отвергли.

Я изумился:

— Разве я отверг? Напротив, только дождался подходящего момента.

— И потому, — произнесла она насмешливо, — спешно уехали из замка?

— Ладно, — сказал я, — вы меня поймали. Так и быть, признаюсь...

— Ну-ну, — поощрила она.

Я тяжело вздохнул и сказал с видом человека, бросяющегося вниз головой в холодную воду:

— Это все потому, что я берег свою невинность для вас, принцесса! Надеялся, что наконец-то заметите меня, такого целомудренного, и, распалившись моей чистотой и нетронутостью, восхотите меня... да восхотите меня лишить этой невинности!

Она сказалаsarкастически:

— Слезу пускать не пробовали?

— А поможет? — спросил я с надеждой и нагло раздел ее взглядом. — А то я могу.

— Не сомневаюсь, — отрезала она. — Господи, какой же вы отвратительный человек! И насколько прав Мунтвиг, что намерен стереть вообще с лица земли вас и вашу прогнившую цивилизацию Юга с его цинизмом, бездуховностью и развращенностью!

— Добро не пройдет, — провозгласил я с пафосом. — Пронесем Черное знамя Зла и всяческой Тьмы по странам и континентам, погасим последние остатки культуры и будем развивать науку и безнравственность!.. Вот так, милая принцесса!

Она отрезала:

— Я вам не милая!.. Сандорин, вы чего там отстали? Я скучаю без вашего общества!

За спиной послышался приближающийся стук копыт, я сделал несчастное лицо и пустил арбогастра вперед, где уже показался скачущий навстречу Норберт.

— Ваше высочество, — прокричал он, — в нашу сторону движется большой рыцарский отряд под знаменами Мунтвига!

— Прекрасно, — сказал я бодро, — давно не дрались!.. Для пробы можно первыми пустить войско бриттских лордов. Пусть покажут свою доблесть... Сколько там человек?

— Примерно тысяча, — сказал он.

Я нахмурился.

— И прут прямо к нам?.. То есть знают, что мы идем здесь?

Он сказал с укоризной:

— Ваше высочество, такое огромное войско тайком не провести. Да, за полсотни миль о нем никто и не узнает, но если ближе...

— Все равно, — сказал я, — что-то не так. С тысячу переть против армии? То ли у них там защита особая, то ли еще что... Ненавижу магию!

— Остановиться и приготовиться к обороне?

Я с самым надменным видом вскинул брови:

— Против тысячи?.. Просто уберите легкую конницу с дороги. Если бриттские лорды не успеют выдвинуться вперед, то Клемент вобьет эту тысячу в землю и не замедлит хода.

Он сказал осторожно:

— Можно еще Максу поупражняться...

— Можно, — согласился я.

Глава 15

Полчаса прошли в напряженном ожидании, я сам выехал вперед и всматривался в поблескивающие на горизонте грозные искры на металле доспехов.

Легкие конники, что отслеживают каждый шаг противника, забеспокоились, один ринулся в мою сторону, крича еще издали:

— Ваше высочество!.. Тот отряд остановился, от него в нашу сторону скачут двое рыцарей с белыми флагами!..

Я узнал одного из лучших сотников Норберта, сказал ему настороженно:

— Позови Хреймдара и епископа. Пусть молча посмотрят, нет ли... ну, сам понимаешь.

— Понимаю, — ответил он быстро. — Я приму все меры. А Клемент уже выслал герцога Сулливана навстречу их войску. На случай, если надо будет перекрыть дорогу.

— Думаю, не понадобится, — сказал я, — но... посмотрим.

Вскоре показались двое всадников, оба на рослых конях, оба в неплохих доспехах, что по меркам Севера

просто великолепные, у одного в руке трепещет по ветру флаг с белым полотнищем.

Альбрехт вскочил на коня и выехал навстречу. Они остановились, некоторое время говорили втроем, затем все повернули коней и направились в мою сторону.

Я упер руку в бок и ждал, спокойный и надменный, лишь чуть откинувшись назад. Оба рыцаря скочили на землю, Альбрехт остался в седле, а мунтивоговцы спешились и коротко поклонились, но со всей учтивостью.

— Лорды? — произнес я.

Один сказал четко:

— Барон Гевер Глассберг свидетельствует свое уважение, ваше высочество! А это мой боевой друг виконт Ховард Слимпельд.

Я произнес так же ровно и почти приветливо:

— Что привело вас, лорды?

Барон Гевер сказал приподнято:

— Его императорское Величество Мунтвиг Грозный получил от вас сообщение, что его невеста принцессы Аскланделла Франкхаузнер по досадному недоразумению попала в... ваши руки. И что вы готовы передать ее в любое удобное для императора время.

Я кивнул.

— Да, именно так я и писал.

— Благодарю вас, ваше высочество, — сказал барон. — Мы присланы за принцессой.

Я оглядел их, поморщился.

— Простите, барон, но, как вы понимаете, для принцессы будет ущемлением ее достоинства, если я передам ее вам. Она весьма чувствительна к вопросам чести... понимаете? Не обижайтесь, но вы... гм... всего лишь барон.

Он нахмурился, взглянул на товарища, тот промчал, и барон произнес с неохотой:

— Мы понимаем. Мы и не надеялись, что передадите именно нам. Но если за ней явится герцог Вильямс Огилви-Брауншильд, командир этого почетного конвоя...

— Сразу же, — заверил я. — Это всего лишь вопросы этикета, лорды.

Они откланялись, вернулись к коням. Я проследил за ними взглядом, возле меня стоит наготове Мидль с обнаженным мечом, подъехал и спешился Альбрехт.

— Ну, — сказал я, — кто помчится сказать принцессе радостную весть? Надеюсь, у нее не разорвется от счастья сердце. Не хотелось бы передавать еще теплый труп, потом не оправдаешься.

Альбрехт кивнул на молчаливого герцога.

— Наш дорогой Мидль сообщит эту новость лучше всех. Он настолько серьезен и нравственно чист, что никому нельзя доверить эту привилегию.

Мидль поклонился.

— Ваше высочество...

— Доверяю, — сказал я. — Пospешите!

Через четверть часа от головного отряда мунтвиговцев отделились трое всадников. Двух я узнал издали, барон Гевер Глассберг и его боевой друг виконт Ховард Слимпельд, а третий... судя по тому, что едет на полкорпуса впереди и двое спутников не смеют даже поравняться, это и есть герцог Вильямс Огилви-Брауншильд, командир почетного конвоя.

За ними, поотстав, четверка лошадей тащит богато разукрашенную повозку. Одетый в жупан с золотым шитьем возница слегка натягивает вожжи, кнут лежит рядом, таких коней приходится сдерживать, а не подгонять.

Я встретил герцога, все так же не покидая седла. Бобик смотрит на приближающихся с интересом и даже слегка помахивает хвостом, но ждет, был приказ. Мои лорды тоже не двигаются в ожидании, как там повернется дальше.

Герцог Огилви-Брауншильд показался похожим на герцога Аудрина Пэтриджа, с такими же короткими седыми волосами, кожа лица дубленая, но молодая, глаза суровые, как и весь облик, потом я подумал, что пара десятков лет жизни в воинском лагере всех нас делает похожими друг на друга.

Он остановил коня, взгляд уперся в мое лицо с понятным вопросом.

— Герцог, — произнес я.

— Принц, — ответил он без поклона.

— Слушаю вас, герцог, — сказал я.

— По приказу Его Императорского Величества, — проговорил он ровным голосом, — я послан встретить принцессу Аскланделлу Франкхаузнер, дочь императора Вильгельма Блистательного...

— Она сейчас будет, — пообещал я. — За ней уже послали. Я еще раз выражаю соболезнование о случившемся, так как мы не знали, что в том отряде перевозят принцессу, а ее охрана была слишком полна спеси, чтобы предупредить нас о перевозимой... клади.

Его лицо не изменилось, хотя в глазах что-то мелькнуло, дескать, все равно бы разграбили, чего еще ждать от безнравственных и забывших Господа развратников Юга.

Со стороны лагеря простучали копыта, из-за ближайших шатров выметнулась группа всадников, во главе принцесса и принц Сандорин. Глаза герцога расширились при виде того, что принцесса приближается верхом, пусть и в дамском седле.

Сандорин остановил коня, спрыгнул и подбежал к лошади принцессы, где галантно преклонил колено.

Аскланделла покинула седло легко и грациозно, не роняя достоинства, улыбнулась герцогу.

— Рада вас видеть, Вильямс.

Он торопливо спрыгнул на землю и преклонил колено. Она величественно приблизилась, он ухватил протянутую руку и припал в почтительном поцелуе.

— Ваше высочество...

— Все кончилось, — заверила она, хотя, на мой взгляд, эти слова должен был сказать ей он, — мы возвращаемся.

Герцог поднялся, взглянул на меня с вопросом в глазах.

— Принц?

— Желаю благополучного путешествия, — сказал я. — Надеюсь, принцессу никто больше не потревожит.

Не покидая седла, я наблюдал, как ее отвели к повозке, герцог подал руку и помог подняться на высокую ступеньку.

Рядом со мной Альбрехт сказал тихо:

— Даже не поблагодарила... Где ее учтивость?

— У нас особые отношения, — ответил я туманно. — Поблагодарить... это совсем не то.

— Даже так? — спросил он удивленно. — Умеете же вы с женщинами все усложнять!

Норберт сказал суховато:

— Зато его высочество умеет упрощать все, связанное с войной. И потому добивается успеха, что гораздо важнее, чем успех... у всего лишь женщин.

Возница, убедившись, что дверца закрыта на щеколду, это чтобы пассажиры не выпали, быстро развернул коней, гикнул по-разбойничьи, и повозка понеслась, подпрыгивая на кочках.

Норберт сказал с сочувствием:

— Сколько бы перин туда ни положили, но в седле ей было удобнее.

— Теперь это не наша забота, — ответил я. — Принц Сандорин... с вами все в порядке?

Принц вздрогнул, взглянул на меня виновато.

— Простите, ваше высочество. Что-то шемит... Мне так жаль ее!

Я изумился:

— Жаль? Дочь императора?

Он кивнул.

— Как раз потому. Ваше высочество, вы из простых рыцарей, об этом ваши солдаты говорят с гордостью, потому вы не понимаете, какой тяжкий груз несут дети королей... а уж про императорских боюсь и подумать!

— Ого, — сказал я, — а мне казалось, вы все катаетесь как сыры в масле.

Он покачал головой.

— Нам с пеленок внушают, что мы во всем должны быть безукоризненными. И когда дети плотников просто играют, детей королей с утра до ночи учат управлять государством, общаться с людьми, разговаривать с народом, брать налоги, что говорить послам... И все время нам напоминают, что от малейшей нашей ошибки может случиться катастрофа.

— Несладкое детство, — посочувствовал я. — Но принцесса... гм... думаете, она тоже такая?

— Она очень даже такая, — воскликнул он с жаром.

Сегодня шли по достаточно протоптанным дорогам, разведенным мною и проверенным конниками Норберта, ночь на диво ясная, луна огромная, звезды

усыпали весь небосклон, потому мы двигались без помех с обычной скоростью.

Иногда доносился далекий волчий вой, Норберт сухо заметил, что это из деревень, там для них хватает мертвчины из числа тех, кто не успел убежать в лес.

Не раз возникал соблазн взлететь драконом и хотя бы нагнать страху на вражеское войско, при удаче можно и поджечь штаны убегающим огнем, однако помню про существование Небесных игл, Костяных решеток и прочей дряни, что как раз и предназначена для стрельбы по плывущим в небе целям.

Возможно, так был поврежден и тот корабль, обломки которого я увидел высоко на скалах, а уж тупых драконов сбивать и того проще, помню по себе эту дикую боль, страх и чувство полнейшей беспомощности, когда падаешь, парализованный, на стремительно вырастающую внизу землю...

На пятый день ускоренного марша я объявил отдох на два дня, вечером снова вытащил и расстелил на коленке карту, всматриваясь в каждую черточку. Все-таки войны, даже самые широкомасштабные, ведутся, можно сказать... даже и не могу вот так с ходу подобрать сравнение, я родился в эпоху сплошных линий фронта, а здесь еще очень далеко до такого понятия.

Чужая армия может вторгнуться в королевство и пройти его насквозь, а в столице, как и в других городах, даже не будут знать, что было вторжение и что какая-то армия прошла через суверенные земли, как раскаленная спица через ком масла, и теперь где-то уже у соседей.

Потому разгрому и разграблению подвергаются только попадающиеся по пути города и села, а ря-

дом остаются земли, не только нетронутые войной, но даже не подозревающие о ней.

Впрочем, на этом и построен мой расчет, не пришлось даже прорывать фронт, а просто Мунтвиг идет на юг, а я иду... на север. И прошли, как два кабана в огромном лесу, не видя друг друга.

Скоро вот так подойдем и к границам Бриттии, а дальше Ирам, западнее которого королевства Пекленд и Эбберт, с которым у меня старые счеты...

На западе небо красиво багровеет, облака застыли и стали пурпурными, солнце еще только приближается к земле, вот-вот коснется и подожжет...

Пламя костра становилось все заметнее, из бледного превратилось в багровое, насыщенное, а тем временем на небе таяли последние краски, выступили звезды, из-за дальнего леса начала подниматься серебристая луна.

Клемент ушел к Ричэль, никак не приучит ее перестать бояться остальных людей, постепенно начали расходиться и остальные.

Глава 16

Наконец-то появился Макс, этот вообще не ляжет, пока не устроит всех своих солдат, я с сочувствием посмотрел на его и без того удлиненное лицо, что за время марша похудело и вытянулось еще больше.

— Макс, — сказал я с угрозой, — мне загнанных коней не нужно. Если будешь и дальше себя так каторжанить, я тебя переведу в рядовые, а твою пехоту сделаю генералами, чтобы это они о тебе заботились и соломку подкладывали!

Он виновато улыбнулся.

— Лучше отдохнут — лучше будут сражаться.

— Если сейчас не ляжешь спать, — пригрозил я, — и не выспишься как следует, я велю тебя приковать к постели!

Когда он ушел, я некоторое время смотрел ему в спину, Макс вдруг застыл с поднятой для шага ногой, а перед ним неподвижно повис в воздухе взметнувшийся под порывом ветра лист.

Я зыркнул в сторону, ага, дело не в Максе, весь мир застыл, даже стая птиц в воздухе, словно впаянные в прозрачное стекло, а из пылающего костра вышел элегантный господин весьма интеллигентного вида, камзол возмутительно скромного покроя, хотя пошит явно мастером, брюки из тонкой материи, а сапоги из тонко выделанной кожи с темными шнурками.

— Сэр Ричард, — сказал он участливо, — что вас беспокоит?

Я в удивлении воззрился на него так, словно впервые увидел.

— Что, я к вам возвзвал?

— Не напрямую, — ответил он, — но все-таки ко мне. Вы же помните, я ни к кому не могу прийти без приглашения. И никого не могу соблазнить, хотя это неверное слово, если призывающий не желает быть соблазненным.

Он повел рукой, между нами возник изящный стул с изящно выгнутой спинкой и резными ножками. Я наблюдал настороженно, как Сатана с элегантностью сел, поправил фалды сюртука, что удлинились, как полы фрака.

— Это подсознательное, — объяснил я. — Претензии не ко мне, а к Фрейду. Это он выпустил грязную обезьяну, та творит что хочет, а общество ее оправдывает и поощряет, чтоб они подохли!..

— Так плохо? — спросил он участливо. — У вас злое лицо. Из-за чего?

— А вы как думаете? — спросил я в раздражении. — Я рожден и создан для работы, как сейчас понимаю, хотя одно время был уверен, что рожден для развлечений... сейчас даже вспомнить стыдно то время. Но вместо работы веду огромную армию здоровых сильных мужчин, которые могли бы горы свернуть... ну, горы не надо, а вот флот построить, железную дорогу, воздухоплавание развить, науку из зародыша вывести...

Он хмыкнул.

— Не нравится, что сшибетесь с такой же армией и все погибнут?

— Не нравится, — подтвердил я. — Ведь погибнут и с той стороны такие же лбы!.. Как избежать? Как заставить работать, строить, создавать, а не ломать и жечь?..

Он произнес с глубоким сочувствием:

— Все верно, но ломать и жечь... этого как раз и нет в том идеально правильном пути, который для человека начертал я. И которому не дают осуществиться.

Я поморщился, ответил с досадой:

— Да, вы начертали для человечества идеально правильный путь, построенный по всем законам разума и логики. Однако оно время от времени отклоняется от правильности... Потому еще существует.

Он дернулся.

— Сэр Ричард?

Я развел руками.

— Примеров масса. Вот, скажем, по всем законам логики мы не должны людей убивать вот так массово в дурацких сражениях, а потом закапывать убитых в землю. Лучше забивать их, как бьем на бойне скот, и употреблять в пищу. А сколько молодых и сильных гибнет в войнах! Почему зарываем в землю, если

много было бы пожарить это молодое свежее мясо на костре и полакомиться? Ведь известно, что человечина — самое вкусное мясо!

Он посмотрел на меня несколько странным взглядом.

— Вообще-то, сэр Ричард, мне такое даже в голову не приходило.

— Дарю идею, — сказал я щедро, — безвозмездно.

Он задумался, на лбу собирались морщины, впервые вижу таким, неужели мне удалось чем-то озадачить самого Сатану, это же невероятно, наверняка прикидывается...

— Все верно, — проговорил он с сожалением, — вы правы, так правильнее. Трудность в том, что мы находимся в созданном Им мире, где изначально заложены фундаментальные законы... еще до сотворения мира!.. которые не переступить.

Я охнул.

— Даже вам?

Он сказал с досадой:

— Даже Ему. Он создал сперва некие фундаментальные законы, а потом в них вписал этот мир. В нем можно изменять все, но только не эти установки. Они называются моральными, но на самом деле они вписаны в самую плоть этого мира. Честно скажу, весьма противоречивого, непродуманного и во многом просто неразумного.

— Как в случае с каннибализмом, — согласился я. — Теперь понимаю, почему этот милый обычай возник и... пропал, не прижившись в этом мире. Ладно, простите, что побеспокоил... Кофе?

— Покрепче, — ответил он. — И чашку побольше.

Когда он исчез, утащив по рассеянности и чашку, я продолжал гонять тяжелые мысли по кругу, стараясь вырваться на некий новый уровень.

Почему это или-или, пусть даже такое подается как свобода выбора, неотъемлемое завоевание человека, но больно скучен выбор...

Нет уж, если уж начало зудеть, я буду нащупывать Третий Путь, нечто пока неясное между Богом и Сатаной, ибо и тот и другой говорят хоть и правильно, но не совсем то, чему я готов отдаваться душой и телом.

Хотя, возможно, это выбор не между Богом и Сатаной, а между церковью и Сатаной, потому что замысла Всевышнего не знаю, а сужу о нем только по тому, что прочел в Библии, а еще в разных толкованиях, откровениях и письмах апостолов и видных богословов, однако нет гарантии, что и они поняли правильно.

Да и что могли понять, как будто Всевышний хоть с кем-то говорил на понятном для них языке? Случайно ли он избрал глашатаем новых законов Моисея, человека, который был настолько косноязычен, что ни один человек на свете не мог его понять?.. И когда Моисей изо всех сил отказывался от такой чести, Всевышний сказал сурово: у тебя есть брат Аарон, он и будет переводить твои слова с твоего мычания на человеческий...

Ага, это круто, сам Моисей половины, если не больше, не понял, а остальное Аарон изложил так, как понял из косноязычного пересказа Моисея...

Это еще один довод за то, чтобы постараться самому понять, чего ждет от человека Всевышний. И начать не как Лютер, что отбросил все последующие наслоения и вернулся к Библии, как единственному верному источнику, а решиться копнуть еще глубже...

Насколько глубже? А насколько нужно. Человек ничего не делает просто так, а только то, что ему действительно нужно. Даже камешки в воду бросает для удовольствия, а уж мозги напрягать...

Возможно, сперва стоит пойти по простейшему пути: не искать то, что надо, а избавляться от того, что не надо. К примеру, сам Иисус Христос и дева Мария — отчетливая уступка язычеству. У Всевышнего, единого и всеобъемлющего, не может быть ни родни, ни друзей, ни соратников.

Потому, к примеру, строить храмы Христу — это чистейшей воды язычество. Дескать, тупой человечек не может осознать Всевышнего, как Дух, потому для него нужно что-то привычное и доступное, потому давайте-ка Всевышнего назовем отцом, можно даже с прописной, затем присобачим Сына и родственников. Ну как в привычном язычестве: славянском, германском или эллинском, где боги пили, жрали и совокуплялись, как друг с другом, так и с людьми. Вот и Бог поимел деву Марию, родил от нее Сына, а еще у них откуда-то взялся некий Святой Дух...

И вот уже делают иконы, рисуют на стенах Бога Отца с молниями в руках, хотя первая же заповедь гласит: «Не имей других богов», а затем вторая заповедь — «Не делай изображения богов», что в конце концов справедливо соединили в одну заповедь.

Земли, где мы проходим, разорены до невозможности, села сожжены, а города лежат в развалинах. Уцелевшие люди прячутся по лесам, терпеливо ждут, когда либо война закончится, либо голод и холод выгонят из чащи и заставят восстанавливать сожженные дома.

Нередко попадались обглоданные волками трупы. Припасы медленно, но верно истощаются, но люди Норберта отыскивают в сожженных селах упрятанные в подвалы запасы зерна. Часть сохранилась в амба-

рах, даже сожженных, зерно горит плохо, обугливается только сверху, а остальные слои остаются целыми.

Однажды мы наткнулись на старую дорогу, очень древнюю, что, однако, выглядит как новенькая. Я пожалел, что не высмотрел ее раньше, поход протекал бы легче, но то ли сверху ее почему-то не видно, то ли она именно здесь и обрывается.

Дорога ведет на запад, что очень кстати, я уже и так намеревался свернуть. На западе за Имамом лежит королевство Пекланд, о котором ничего не знаю, и королевство Эбберт, которое знаю слишком хорошо...

По этой дороге мы прошли почти сотню миль, оставив справа и слева четыре крупных города, а также кучу мелких. Край достаточно населен, потому постоянно попадаются то отряды добровольцев, спешившие догнать нас и влиться в бриттскую армию, то многотысячные стада волов, под тяжелой поступью которых дрожит земля, всем им уготована участь вскоре раствориться в желудках солдат.

Конники Норберта небольшие отряды истребляют без труда, а когда встречают закованных в сталь рыцарей, да еще в сопровождении тяжелой панцирной конницы, обычно сообщают нам. Хотя, если попадаются небольшие отряды, то их тоже уничтожают сами, после чего с удовольствием снимают с трупов золотые кольца с драгоценными камнями, богато украшенные мечи и кинжалы, только доспехи оставляют, хоть и с сожалением, но, во-первых, легкая конница железо на себе не таскает, во-вторых, норбертовцы уже повидали мир и заметили, что чем севернее, тем доспехи хуже, словно их куют не оружейники, а простые деревенские кузнецы.

Чаще всего приходится иметь дело с ватагами озлобленных и полудиких пастухов и охотников, что

и перекреститься толком не умеют, но вот пошли за веру. Все-таки в каждой даже самой мохнатой душе есть нечто, из-за чего человек может бросить дом, жену и детей и пойти сражаться за абстрактные идеи.

Сегодня после десятичасового ускоренного марша расположились на отдых в стандартные четырнадцать часов. На зелени луга выросли три палатки и один шатер, вспыхнули первые костры, а я сел на большой валун, что прикатили для меня, и только собирался углубиться в карту, как вздрогнул от стремительно приближающегося конского топота.

Дрожь пробежала по телу, а всадник так резко остановил коня в трех шагах, что тот завизжал, как придушенный поросенок, и встал на дыбы, молотя копытами воздух.

— Ваше высочество! — прокричал всадник сорваным голосом. — Колонна мунтвиговцев, за которой мы следим уже двое суток, внезапно свернула и быстрым маршем идет в нашу сторону!

Я вскочил, закричал:

— Тревога!.. К оружию!

Из палатки выскочил, чуть не сорвав натянутые веревки, Клемент. Огляделся, взглянул на меня обеспокоенно.

— Ваше высочество... мы все успеваем!

Я сказал с досадой:

— Да понял... Это я в мыслях Царство Небесное строил, а тут этот врывается с разгону... головой прямо в стену! И все рассыпалось.

— Собирайте камни, — посоветовал он серьезно, — пока не исчезли, а мы тут сами выстроим в боевые порядки. Если это то войско, что должно пройти

слева, то даже галопом они подойдут не раньше чем через пять-шесть часов. Так что стройте, ваше высочество, Храм Небесный, он же для всех нас, а мы пока...

— Я тоже пока, — возразил я. — Спасибо за понимание, дорогой друг, но надо делать и то, чего от меня ждет большинство. Так что в бой пойдем рядом.

Зигфрид появился так тихо, как раньше появлялся только Логирд.

— Ваше высочество?

— Приведи Зайчика, — сказал я.

— В отряд сопровождения сколько человек?

— Ни одного, пусть отдыхают, — велел я. — Просто взгляну на места впереди, где лучше дать бой.

Вскоре вчетвером, еще взяли двоих у Норберта, у них самые быстрые кони, выдвинулись вперед на несколько миль, а там, укрывшись за крутым косогором, рассматривали, как в нашу сторону двигается колонна всадников, за которыми едва тащится вконец измученная пехота.

Зигфрид напомнил, что по приказу Норберта на их пути засыпали все родники и колодцы, а скот собрали и заблаговременно увезли.

Сейчас муントвиговцы едва тащатся по выжженной зноем земле, военачальникам пора бы спохватиться и остановиться в ожидании сильно отставших обозов, но почему-то заставляют воинов двигаться вперед, хотя те не только опустили наконечники копий, но даже щиты тащат по земле.

Один из наших разведчиков молча указал на одного из воинов, что пошатнулся, начал оседать на землю. Его подхватили, но слабые руки не смогли удержать, и он свалился не то без сознания, не то вовсе замертво.

— Это уже третий, — шепнул он.

— Прекрасно, — сказал я мрачно. — Они стараются дойти до города Сэттлин, он и на берегу реки, и богат...

Он прошептал злорадно:

— Туда только что вошла основная часть нашей легкой конницы!

— Прекрасно, — повторил я. — Как только подойдут к городу, мы ударим в спину. А как только они сумеют развернуться в нашу сторону, Норберт нанесет удар со своей стороны.

— Тоже в спину? — хмыкнул он. — У мунтвиговцев не хватит сил развернуться еще раз.

Измученные слишком долгим переходом, всадники раскачиваются в седлах, едва-едва не падая под копыта коней.

— Вообще-то они поступили верно, — сказал я. — Только не учили, я не те ленивые короли, что правили этими землями в старину! Победы одерживает тот, кто быстрее передвигается. Скоро им это придется узнать. Возвращаемся!

Солнце выглянуло из-за тучки, рыцарские доспехи вспыхнули золотом, а длинные острия пик заискрились, словно каждое несет на себе звезду.

Я послал приказ по армии начать перестроение для битвы, план раздал заранее, велел придерживаться его до тех пор, пока не примчится гонец с новым заданием.

Впереди горизонт почернел от массы людей, все конные, двигаются шагом, сберегая силы лошадей для стремительного и тяжелого удара.

Я рассмотрел передние отряды, эти явно постараются прорвать нашу оборону, за ними всадники более легкие, впереди же прямо скалы на слонах, северные

люди вроде бы покрупнее южных. Наше счастье, доспехи у них похуже, нет развитой металлургии, а за нашими латами охотятся, как за сокровищами.

С изумлением увидел, как вперед выехали на мулах священники и начали раздавать причастие рыцарям, осеняя крестным знамением целые отряды.

Клемент сказал изумленно:

— Что за? Это же антихристы!

— То же самое они говорят о нас, — ответил я хмуро. — Значит, сеча будет кровавая и беспощадная.

— Пленных не брать?

— Только если бросят оружие и падут лицом на землю, — ответил я. — Ибо, если отвернетесь, вас же ударят в спину. Нечестивцев можно бить в спину даже благородным рыцарям.

— Ага, — сказал он, — значит, будем, ибо нечестивцы — они! Господь с нами! Так кто же против нас?

Я сказал с тоской:

— Бог нас всех видит, только не различает.

Конница Клемента впереди, впечатление такое, что сейчас будет страшная сеча грудь в грудь, яростная и беспощадная. На стороне громко и властно труба пропела сигнал к атаке.

Мунтвиговцы, заслышиав медный зов, не пошли в атаку, а ринулись с такой яростью, что лучше бы им оказаться победителями в поединках, сейчас же словно все войско возжелало немедленно стереть нас с лица земли, ринулось галопом, размахивая над головами мечами, топорами, булавами, молотами и даже моргенштернами.

Я уже открыл рот, чтобы прокричать приказ, но звонко и страшно пропела и с нашей стороны труба. Конница поспешно, но очень слаженно отступи-

ла, а вперед вышли ровными рядами пехотные части копейщиков.

Двигаясь четко и слаженно, они присели и, втоптав тупой конец длиннущего копья в землю и придерживая его ногой, нацелили острия в сторону бешено скачущей конницы.

За ними выходили еще и еще, повторяя движение, и вскоре вся линия ощетинилась копьями в несколько рядов так густо, что между ними не проскользнул бы и заяц.

Наша конница продолжала отступать, и теперь стало видно, что они идут через ровные ряды лучников и арбалетчиков, что уже подняли свое оружие и ждут в полной боевой готовности.

Конница Мунтвига уже набрала разгон, скачут в беспорядке, явно новый император не верит в военное искусство, предпочитая боевую ярость берсерков, молодецкий удар и рыцарскую отвагу. Да если бы и захотели остановиться, вряд ли сумели бы, сзади напирают такие же. Тяжеловооруженной панцирной конницы столько, что просто обязана задавить и растоптать числом...

Донесся громкий вопль:

— Лучники-и-и... Пли!

Воздух прочертили тяжелые стрелы, а когда обрушились на скачущих, там сразу многие закачались в седлах, кто-то свалился под копыта, кто-то упал на конскую гриву. Раненые кони не слушаются поводьев, бросаются из стороны в сторону, внося сумятицу, а за первой тучей стрел пошла вторая, третья, четвертая...

И все-таки лавина достигла страшной щетины из копий. Ударила со всей мощью и пала, пригибая их к земле, однако копейщики торопливо выдергивают свои страшные жала и, отступив на шаг, снова направляют их в сторону противника.

Кони поднимаются на дыбы, отказываются идти на преграду, всадники пришпоривают, а в это время сверху бьют тяжелые стрелы, а копейщики с силой ударяют в грудь острыми копьями.

В первые же минуты перед ощетинившимся строем вырос целый вал из тел. Прозвучала команда, и первый ряд копейщиков отступил на два шага, а за ними и второй, и снова они застыли в настороженной готовности отражать удары.

Сердце мое бухает яростно, а кровь стучит в висках. В каждом из нас живет зверь, монстр, чудовище, доставшийся от того Змея, что соблазнил Еву и заделал ей Каина и Авеля. Этот зверь невероятно силен, и победить его невозможно.

Нет, вообще-то возможно, но для этого надо превратиться в аскета, вроде Симеона-столпника или святого Антония, ежесекундно сражающихся со своими бесами, но, на мой взгляд, это уже победа зверя, ибо он отвлек все внимание на себя и не дает строить Царство Небесное, в смысле — учиться, работать, развиваться, творить, изобретать, завести семью и рожать детей, что тоже входит в понятие Царства Небесного.

Нельзя зверя в себе обмануть или попытаться как-то манипулировать им, но можно исхитриться использовать его звериную мощь в своих интересах.

В конце концов, все мы любим поесть, а это уступка зверю, все мы бросаемся с оружием в руках защищать свое жизненное пространство, своих самок и детенышей. Мы почти с наслаждением убиваем врагов, а это не то, что сдаемся зверю или даем ему взять над собой верх, это просто временная и точно рассчитанная уступка, ибо человек абсолютно чистый и светлый в нашем зверином мире просто не выживет. Потому и победили те, кто носит в себе свет, но вре-

мя от времени выпускает из себя это чудовище, потому что оно лучше может постоять за себя, а светлый да благочестивый всем все уступит и уйдет, посыпая голову пеплом.

Мунтвиговцы продолжали накатываться вал за валом, но копейщики держатся, Макс через каждые четверть часа командует отступить на три шага, чтобы освободить место для новых трупов, а лучники уже начали жаловаться, что им не успевают подвозить связки стрел.

Солнце за это время успело подняться к зениту, задержалось там ненадолго и перешло на западную половину неба.

Я несколько раз садился на Зайчика и набрасывался на хитрецов, что пытались обойти копейщиков справа или слева, хотя те и сами могут перестроиться моментально и дать отпор, но я не мог стоять на холме и смотреть...

Бледный и трепещущий от возбуждения Макс сидит на коне рядом со мной, в какой-то момент он насторожился, вскрикнул счастливо:

— Вот оно!.. Трубач, давай атаку!

Труба на этот раз прокричала особенно звонко и страшно. Вся масса копейщиков поднялась и двинулась вперед. Командующий мунтвиговской кавалерией снова послал конницу в атаку, копейщики привычно уперли копья в землю и встретили так же стойко, а когда волна отхлынула, сами пошли вперед и вперед.

Их атаковали еще дважды, но слабее и слабее, и всякий раз копейщики поднимались и шли даже не в контратаку, а наступали ровно и уверенно. Конница стягивалась в тугой узел, однако мы вздохнули с облегчением: два столба черного дыма вдали показывают, что Клемент и Мидль замкнули кольцо,

даже перегородили дороги поваленными деревьями, и теперь вся армия окружена целиком и полностью.

Макс звонко прокричал команду. Трубач повторил ее новым, еще не знакомым мне сигналом, копейщики растянулись широким фронтом, следом идут лучники и осыпают противника градом убийственных стрел, собирают на земле выпущенные ранее и снова стреляют и стреляют.

Солнце медленно склонилось к горизонту. Армия противника, отступив, пробовала выйти из окружения, но потеряла лучших рыцарей, пытавшихся пробиться через завалы. Конница Мунтвига лишилась лучших воинов, когда те спешились и пробовали растащить деревья, — с Суллиганом туда ушли еще и арбалетчики, Макс отдал их на время с легкостью, абсолютно уверенный в несокрушимости своей пехоты.

В самом деле, подумал я, даже лучшая в мире конница не проломится через глубоко эшелонированную оборону. Ее можно потрепать и расстроить боевые порядки только тучей стрел, однако и здесь у нас преимущество: стрелы из композитных луков летят на расстояние вдвое большее, а убойная сила этих тяжелых стрел с острыми стальными наконечниками усиlena вчетверо.

Глава 17

Суллиган подъехал чуточку запыхавшийся, бок и левое бедро забрызганы кровью, хотя я строго велел в бой не вступать, сказал четко:

— Ваше высочество, противник деморализован. Эту ночь они проведут, каждую минуту ожидая нападения, и к утру будут совсем усталыми.

Принц Сандорин, усталый, но довольный, со сбитыми с гребня шлема перьями, сказал бодро:

— Зачем ждать утра? Мы можем ударить ночью, пока преимущество у нас!

Все обратили взгляды на меня, я подумал и ответил напыщенно:

— Я не краду победу.

И пусть не хочу нападать совсем по другой причине, но для нашего рыцарского сознания именно этот гордый и полный достоинства ответ самый понятный и приемлемый, он запомнится и пойдет в рыцарской среде, обеспечивая мне определенную репутацию благороднейшего человека. Ну, надеюсь.

Сулливан сказал с мрачным восторгом:

— Слова настоящего рыцаря!

— Мы не станем нападать ночью, — повторил я, — хотя этого ждут не только мунтвиговцы, но и мои военачальники.

Альбрехт, тоже в помятых доспехах, сказал непрекаемым голосом:

— Хотя мы, как и мунтвиговцы, устали, но они, ежеминутно ожидая нападения, к утру устанут еще больше. А наши отдохнут. Я расставил караулы вокруг их лагеря. Если там начнется малейшее шевеление, нам сразу дадут знать.

— Тогда пусть армия отдыхает, — велел я. — Пополните гонцов к Клементу и Мидлю с благодарностью за четкое выполнение приказа. Это важнее, чем безумная отвага или победа в схватке. Когда все беспокоятся, это уже страшновато.

Принц, похоже, не понял, переспросил озадаченно:

— Ваше высочество?

— Герои нужны в минуту опасности, — объяснил я, — а в остальное время опасны.

Мне показалось, что и Сулливан нахмурился, даже Альбрехт посмотрел с укором, только что создал себе благородный образ, нельзя же тут же его рушить, и я сказал напыщенно:

— Опасность — это часть моей работы, как и вашей. Там, где нет опасности, какая радость от победы?.. Но наша отвага столь велика, что идем через опасности, не замечая их и не обращая на них внимания, потому что чем меньше страха, тем меньше опасности!

Они повеселились, расправили плечи, они такие, любые опасности для них не опасности, а так, ерунда всякая, привычная, и что других ужасает, для нас так, шуточки.

Мидль сказал осторожно:

— Бриттские войска просят позволения вступить в битву. Они готовы напасть и ночью.

Сулливан пробормотал:

— Бритты обладают изумительным даром сохранять хладнокровие, когда нет никакой опасности.

Я сказал быстро:

— Ни в коем случае!.. Передайте, недоброжелатели над их победой будут изгаляться, дескать, добили полумертвых. Зато, я обещаю, следующее войско противника отдаем им на растерзание!

Мидль наклонил голову.

— Думаю, они это выслушают с радостью.

В лагере мунтвиговцев, как передавали разведчики, воины первую половину ночи провели на ногах. А когда где-то пытались в полном изнеможении лечь прямо на землю, люди Норберта поднимали шум, имитируя нападение, и там все вскакивали и в напряжении ждали атаки из темноты.

На востоке медленно разгоралось зарево, ко мне в шатер явились военачальники. Принц и Палант, как самые юные, вообще от возбуждения не могли заснуть, видно по их бледным лицам, даже вздрагивают от переполняющего их возбуждения. Другие выглядят лучше, явно поспать успели.

— Я послал гонца, — сообщил я. — Подождем...

За стеной шатра послышался приближающийся конский топот, Альбрехт заметил с ехидной усмешкой:

— Ответ не заставил себя ждать.

— Сбили спесь, — прорычал Сулливан.

Гонец вбежал, запыхавшись, прокричал:

— Командующий армией князь Даниел Сэндибридж сообщил, что он готов на переговоры и немедленно выезжает для встречи.

Все молчали, я пробормотал:

— Какой шустрой...

Альбрехт заметил с иронией:

— Еще бы.

Гонец уточнил:

— Но князь велел передать, что переговоры вести будет только с вами.

Я поморщился.

— Эту битву выиграл граф Максимилиан... как, впрочем, и герцог Клемент и герцог Мидль, а мы с принцем и герцогом Сулливаном только помогали..

Гонец ответил виновато:

— Он говорит, что главный должен разговаривать с главным.

— Тогда я должен говорить с Мунтвигом?

— Но Мунтвиг в другом месте, а здесь главный он.

Я махнул рукой.

— Да ладно, мне все равно. Лишь бы мои рыцари не сочли это умалением моего достоинства.

Сулливан проворчал:

— Какое умаление? Он же ползет к вам на коленях!

Мы выдвинулись из шатра гурьбой, уже никакого деления на принцев и непринцев, Зайчик подбежал на свист, бодрый и веселый.

Я поднялся в седло, в центре поля битвы между нашими лагерями высится на крупном коне человек в блестящих дорогих доспехах явно южной работы.

Арбогастр шел неспешно, мы с князем рассматривали друг друга с настороженностью и любопытством.

Когда мы приблизились, князь первым поклонился, но это, как я понимаю, долг чести и субординация, все-таки принц чуточку повыше князя.

Я ответил на поклон, вид у князя не просто усталый, а измученный. Доспехи, которые явно не удалось поправить за ночь, хранят следы вмятин, что значит их хозяин не прятался от схваток.

— Ваше высочество...

— Князь, — сказал я, — что вы хотите ответить на мое предложение сдаться?

Он взглянул мне прямо в глаза..

— Я бы хотел обсудить условия.

— Условия? — переспросил я изумленно.

— Да, — ответил он. — Мы уходим с развернутыми знаменами и не отдавая честь вашему знамени.

Я широко раскрыл глаза.

— Князь, князь... Такое еще можно предлагать, когда сдаете важную крепость или город с крепкими стенами... но что оставляете вы?

Он ответил ровно:

— Поле битвы. Оно остается за вами. Это значит вы — победитель. А мы, оставляя вам это место, признаем тем самым вас победителем. А себя, увы, проигравшей стороной.

Я помедлил, князь не лукавит, в самом деле уверен, что это по-рыцарски, он признает поражение, а это самое главное в мире благородных людей. Что делать, он все-таки в первую очередь рыцарь, это я еще и политик, а то и в первую очередь политик, мне мало самой победы, мне нужны плоды победы. А если честно, то эти плоды все-таки важнее самой победы.

— Сожалею, князь, — ответил я, — это неприемлемо.

— Вам мало победы?

— Нет, — ответил я, — как раз победы мне достаточно. Только это не победа, если вы уйдете с развернутыми знаменами.

Он посмотрел исподлобья.

— И что хотите вы?

— Капитуляции, — ответил я. — Полной и безоговорочной.

Он выпрямился, лицо стало гордым и надменным, даже усталость отступила под приливом праведного негодования.

— Мы никогда на это не пойдем!

— Жаль, — ответил я. — Вы могли бы поторговаться насчет сохранения жизней... Даже чтобы офицерам оставили личное оружие...

Он ответил гневно:

— Торговаться? Мы не торговцы, ваше высочество! Вам противостоят рыцари, исполненные праведной веры!.. Да, вы сейчас сильнее... Но там, где больше всего опасностей, больше всего надежды!

— Какой надежды? — спросил я. — Вы окружены. Как говорится, превосходящими силами.

— Чем больше опасностей, — отрезал он, — тем больше славы!

Я поклонился и начал поворачивать Зайчика.

— До свидания, князь.

Он даже не ответил, я унесся обратно, а если что и сказал, я уж не слышал.

Сулливан, Мидль, Макс и другие ждут с нетерпением, но никто ничего не спрашивает, блoudут достоинство.

Я сказал мрачно:

— Сдаваться отказываются. Что ж, самое время...

— Атакуем? — спросил Клемент.

Я покачал головой.

— Нет. Не хочу терять людей. Пусть это будет не эффектная атака, когда рыцари, презирая смерть, бросаются в смертельный бой и красиво гибнут, пусть это будет простое истребление противника... но я это переживу. Макс, готовь свою армию и начинай медленное наступление, как я тебе объяснял в Савуази.

Он сказал с готовностью:

— Ваше высочество!.. Мне всегда хотелось это наконец-то опробовать!

В лагере раздался звонкий рев труб. Отдохнувшие за ночь люди зашевелились, поднимаясь, начали собираться в боевые порядки.

В лагере противника особого движения не наблюдалось, там и так всю ночь простояли с оружием в руках, ожидая внезапного нападения, побеждающая сторона всегда спешит добить отступающего и павшего духом.

Трубы пропели снова, огромное пешее войско двинулось мерным шагом в сторону вражеского лагеря. Думаю, для тех это небывалое зрелище, когда несколько тысяч пехотинцев идут в ногу, в одинаковой одежде и с одинаковыми копьями, что смотрят остриями в небо, и кажется, что двигается чудовищное животное с поднятой дыбом шерстью.

Двадцать рядов копейщиков, за ними идут лучники, им за ночь пополнили запасы стрел. Конница держится в сторонке, готовая прийти на помощь, заткнуть брешь или выручить еще чем, но в любом случае решающая роль сейчас принадлежит Максу.

Принц Сандорин сказал тревожно:

— Ваше высочество, еще не было такого, чтобы пешие войска шли в атаку, когда есть рыцарская конница!

— Теперь будет, — сказал я. — В войне всегда побеждает тот, кто первым применит удачные новинки.

— Считаете ее удачной?

Я покачал головой.

— Нет, конечно. Успешной — другое дело.

Он с сомнением покачал головой, а я косился на него и на лица военачальников и не понимал, как можно не видеть такую простую и ясную вещь, что этот плотный строй копейщиков ну никак не пробить коннице, если та не успеет ударить раньше, чем те займут позицию.

Правда, у копейщиков заняты обе руки, длинные и толстые копья надо еще удержать, потому они уязвимы для стрел, однако наши стрелки из дальнобойных луков не позволят чужим приблизиться на дистанцию выстрела.

Альбрехт, все понимающий и быстро схватывающий, тоже явно подумал о таком, сказал с облегчением:

— Как хорошо, что их лучники не таскают на себе доспехи!

— Наши тоже, — пробормотал я, — но до наших нужно еще добраться...

— Чего мы не позволим, — проговорил он медленно. — Это непривычно, однако... ваше высочество,

что-то в этом есть. Однако же это против всех законов войны!

— Законы пишут люди, — напомнил я.

Он зыркнул на меня с испугом и уважением.

— Хотите поменять? Никак не привыкну к вашим...

— Ни в коем случае! — ответил я, взглянув в его непонимающее лицо и пояснил: — Совсем наоборот!.. Чем дольше законы воинской тактики будут оставаться неизменными, тем дольше буду я одерживать победы.

В лагере противника пропела труба, навстречу копейщикам Макса выехала рыцарская конница и начала выстраиваться в клин для проламывающего обороноу удара.

— Красиво, — сказал Сулливан.

— Война — это прославляемое злодейство, — сказал я, но, посмотрев на вытянувшиеся лица рыцарей и недоумение в их глазах, добавил с воодушевлением: — А также дело чести, дело славы, дело доблести и геройства!

Сулливан сказал мрачно:

— Для них сейчас даже больше чести, чем для нас.

— Господь знает, — ответил я с достоинством, — куда он ведет нас, а мы узнаем в конце пути.

Они смотрели с недоумением, восторгом и замешательством, когда пешие части, выдержав страшный тяжелый удар бронированной конницы, тут же переходили в наступление.

Макс вел их быстрым шагом, иногда переводил на бег, но зорко следил за противником, и перед новой атакой его копейщики всегда успевали сомкнуть строй

и выставить длинные копья из балийского ясения, лезвиями длиной в локоть.

Лучники осыпали атакующих градом тяжелых стрел, я поглядывал на лица своих военачальников, иногда мне чудилось, что и симпатии уже на стороне этих блестящих и безумно отважных рыцарей, которых — подумать только! — теснят пешие простолюдины.

Для меня же все, что происходит на поле, лишь повторяет многократно пройденные баталии на столе и бумаге, когда мы с Максом обговаривали каждую деталь, каждую мелочь и все варианты этих мелочей.

Тяжелая кровавая битва длилась несколько часов. В конце, когда от армии князя остались отдельные отряды, некоторые не выдержали ужасов кровавой жатвы и пытались прорваться там, где обратную дорогу загородили завалами люди Клемента и Мидля.

Но Макс заблаговременно отправил туда всех арбалетчиков, мотивируя тем, что среди лучников они бесполезны, те бьют навесным огнем из-за спин копейщиков, арбалетчики же с их прямым боем бесполезны. А вот с той стороны завала они оказались как никогда кстати: стальные болты пронзали доспехи рыцарей, как листья деревьев, а те немногие, что сумели оставить коней и прорываться через гору деревьев и трупов товарищей пешими, сталкивались с рыцарями Клемента, Сулливана и Мидля.

Князь дрался с элитной группой, а когда их смяли и вбили в землю, Альбрехт с сочувствием сообщил, что главнокомандующий пал с мечом в руке, как простой воин, сражаясь до последнего мгновения.

Я ехал на арбогастре через место битвы, не чувствуя ни радости, ни упоения. Покрытое трупами поле тянется в бесконечность, синее небо стало черным от

налетевшего воронья, а от злобного карканья зазвенело в ушах и начала болеть голова.

На землю уже спустились целые стаи стервятников, торопливо рвут еще теплое мясо.

Я смотрел холодно и злобно, в груди настолько едкая горечь, что уже выжгла все и самоуничтожилась, не находя новой пищи. Это же столько сильных рабочих рук потеряно, столько крепких здоровых мужчин сейчас лежат, раскинув длани, а вороны выклевывают им глаза, а ночью волки и лисы придут выдирать внутренности?

Погибли сильнейшие, а слабые да больные остались дома. Что за поколения будут через сотни лет, если вот так будем взаимоистреблять самых сильных, молодых и здоровых?

Епископ Геллерий печально бродит по полю, выискивая раненых и давая отпущение грехов, с ним еще несколько священников, но, боюсь, им работы хватит надолго.

Увидев меня, тяжело вздохнул.

— Бог велит людям прощать...

— ...но обществу предписывает наказывать, — договорил я. — Заканчивайте, ваше преосвященство. На самом деле, как вы понимаете, здесь уже все закончено. А нам, после короткого отдыха, двигаться дальше.

— Наших тоже полегло немало, — сообщил он невесело.

Я окинул взглядом священников и алхимиков, что оказывают помощь раненым прямо на поле, торопливо покинул седло и присоединился к спасающим жизни.

Холод все сильнее проникал в тело, я чувствовал, как превращаюсь в ледышку, отдавая силу паладина, но, увы, могу с легкостью вернуть с порога смерти двух-трех человек, с полдюжины тяжелораненых или дюжину с легкими ранениями, но не больше.

Меня унесли в шатер и отпаивали обжигающими настоями с горькими травами, раз уж от вина я отказался.

Из города прибыл Норберт, сообщил, что остатки мунтвиговцев оттуда выбил полностью, теперь Сэттлин всецело наш, в него уже входят победителями бриттские войска.

— А вас, сэр Ричард, — сказал он торжественно, — поздравляю с победой над крупной армией противника!

— Я пришел, увидел, — ответил я, — а Бог победил. Так что все поздравления ему... а также все жалобы.

Он усмехнулся.

— В битве я не участвовал, так что пройдусь пока по окрестностям, погоняю расплодившихся разбойников.

Я впал в забытье, затем в глубокий сон, а когда очнулся, чувствовал себя свеженьkim, но только почему-то голодным. Хреймдар, он как раз дежурил возле меня, сообщил, что я проспал остаток вчерашнего дня и всю ночь, а теперь уже утро.

— Ничего себе, — сказал я ошалело, — давно я столько не...

— Мне кажется, — ответил он, — вы никогда и не истощали себя до такой степени. Это опасно. Хотя...

— Что хотя?

— Любые нагрузки, — сказал он с сомнением, — развиваются. Но только постарайтесь не надорваться.

— Знаю, — буркнул я. — Раньше я и одного лечил с трудом. Что насчет того замка на горе?

Он оглянулся, на губах проступила ухмылка.

— Красивый... И такой нарядный, словно и не замок, а дворец. Владения сэра Джордана Беверейджа, владетельного лорда Бармачшира и Тюрстера. Это,

кстати, последний крупный замок по эту сторону границы. А дальше уже Ирам!

— Ого, — удивился я, — откуда такие подробные сведения?

— Норберт, — ответил он лаконично.

— Ах да, — сказал я, — Норберт. Еще бы он не узнал, где мы и что вокруг. А что за сэр Беверейдж? Дочь у него есть?

— Нет, — ответил он со вкусом. — Сэр Беверейдж, когда узнал, что вы можете погостить у него, весьма обрадовался. А еще вскользь упомянул, как это хорошо, что у него нет дочери!

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	140
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	256

Литературно-художественное издание

БАЛЛАДЫ О РИЧАРДЕ ДЛИННЫЕ РУКИ

Орловский Гай Юлий

РИЧАРД ДЛИННЫЕ РУКИ – ЭРЦПРИНЦ

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Тагирова*

Художественный редактор *А. Стариakov*

Технический редактор *О. Куликова*

Компьютерная верстка *И. Кондратюк*

Корректор *И. Федорова*

В оформлении переплета

использован рисунок *В. Коробейникова*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksмо.ru E-mail: info@eksмо.ru

Подписано в печать 22.10.2012. Формат 84×108¹/32.

Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.

Тираж 65 000 экз. (1-й завод — 35 000 экз.) Заказ № 1112.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

www.oaompk.ru, www.oaompk.ru тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ISBN 978-5-699-60682-5

9 785699 606825 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksмо-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**
E-mail: international@eksмо-sale.ru

**International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.**
international@eksмо-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2299, 2205, 2239, 1251.
E-mail: vipzakaz@eksмо.ru**

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksмо-sale.ru, сайт: www.kanc-eksмо.ru

**Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.**

**В Нижнем Новгороде: Филиал ООО «Торговый Дом «Эксмо» в Нижнем Новгороде,
ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.**

**В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.
В Ростове-на-Дону: Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Ростове-на-Дону,
пр-т Ставки, 243 «А». Тел. +7 (863) 305-09-12/13/14.**

**В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литер «Е».
Тел. (846) 269-66-70.**

**В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.**

**В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksмо-nsk@yandex.ru**

**В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 6.
Тел./факс: (044) 498-15-70/71.**

В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (062) 381-81-05.

**В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.
Во Львове: ул. Бузкова, д. 2. Тел. +38 (032) 245-01-71.**

Интернет-магазин: www.knigka.ua. Тел. +38 (044) 228-78-24.

**В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. За.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. RDC-Almaty@eksмо.kz**

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.**

Звонок по России бесплатный.

**В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Парк культуры и чтения», Невский пр-т, д. 46. Тел. (812) 601-0-601
www.bookvoed.ru**

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

**Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»
www.fiction.eksмо.ru**

**Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksмо-sale.ru**

ISBN 978-5-699-60682-5

9 785699 606825 >

Фицори

Длинные Руки —
эфирины

